

FROM THE NEW YORK TIMES
BESTSELLING AUTHOR

DIABLO®

THE SIN WAR BOOK THREE

THE VEILED PROPHET
RICHARD A. KNAAK

Ричард Кнаак

Война Греха

Книга третья. Скрытый пророк

Только для ознакомительного чтения. Все права на книгу принадлежат её автору и компании Blizzard Entertainment.

Подготовил ExileLiNk, специально для сайта:

<http://indiablo.ru/>

Автор перевода: D@mmu

2012

Перевод книги осуществлён Гутковским Дмитрием (aka D@mmy) в 2011-2012 гг. специально для <http://indiablo.ru/> - фансайта по игре Diablo III. Изменение переведённого текста без уведомления переводчика не приветствуется. С другой стороны, сообщить о найденных ошибках, а также оставить свои пожелания и предложения вы можете, написав по адресу: dimchik2001@mail.ru.

Перевод любительский и предназначен для общего ознакомления с содержанием книги. Все права на книгу принадлежат её автору Ричарду Кнааку и компании Blizzard Entertainment.

Содержание

<u>ПРОЛОГ</u>	5
<u>ГЛАВА ПЕРВАЯ</u>	6
<u>ГЛАВА ВТОРАЯ</u>	13
<u>ГЛАВА ТРЕТЬЯ</u>	21
<u>ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ</u>	29
<u>ГЛАВА ПЯТАЯ</u>	36
<u>ГЛАВА ШЕСТАЯ</u>	43
<u>ГЛАВА СЕДЬМАЯ</u>	50
<u>ГЛАВА ВОСЬМАЯ</u>	59
<u>ГЛАВА ДЕВЯТАЯ</u>	67
<u>ГЛАВА ДЕСЯТАЯ</u>	74
<u>ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ</u>	82
<u>ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ</u>	90
<u>ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ</u>	98
<u>ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ</u>	106
<u>ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ</u>	113
<u>ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ</u>	120
<u>ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ</u>	128
<u>ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ</u>	137
<u>ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ</u>	144
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ</u>	152
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ</u>	159
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ</u>	166
<u>ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ</u>	176
<u>ОБ АВТОРЕ</u>	179

Для всех моих читателей, служащих в вооружённых силах, — для настоящих героев.

Пролог

...и с разрушением главного храма Триединого и исчезновением его хозяев Ульдиссиан, сын Диомеда, и его эдиремы распространились по землям, очищая их от последних заметных следов этой секты. Пламя правосудия и пламя мести пожирало почти всё, что осталось от Культа Трёх.

Но Собор Света всё ещё стоял, и миссионеры Пророка спешили занять места для проповедей, оказавшиеся вакантными после падения Триединого. Никогда они не выступали открыто против эдиремов, но всегда ступали по их следам, чтобы помочь жертвам заново отстроиться и дать утешение.

Занятый своими растущими силами и уверенный, что Собор не может противостоять правоте его намерений, Ульдиссиан закрывал глаза на эти попытки, кажущиеся ему жалкими. Сражаясь с фанатиками и демонами, он не замечал тонких деяний ангела Инария, который был известен массам как прекрасный молодой глава секты. Даже дракон Траг'Оул и нефалем Ратма, отказавшийся от своего отца, Инария, не ведали о помощи, которую оказывал им ангел в борьбе с Триединым.

Но если таков был их грех, то он ложился и на Инария, ибо тот не сумел осознать, что борьба за душу мира под названием Санктуарий стала заметна другим... тем, кто мог возжелать забрать добычу себе либо уничтожить всё сущее.

И никто из них, ни даже скрытый Пророк или сам Ульдиссиан, ещё не поняли, чем постепенно становился сын Диомеда...

Из Книги Калана

Двенадцатый том, первый лист

Глава первая

Мужчина по центру пентаграммы закричал, когда Зорун Тзин использовал магию, чтобы снять очередной участок кожи. Маленький лоскуток три дюйма на три методично и без промедлений свернулся трубочкой. На его прежнем месте осталась кровоточащая рана с открытыми взору мускулами и сухожилиями. Струйки крови вытекали из раны, стекали по голому телу мученика и прибавлялись к той крови, что уже украшала пол.

Сухопарый, бородатый маг совсем не беспокоился о каплях на камне. Они будут собраны позднее для других целей, никак не связанных с нынешним интересом темнокожего кеджани. Совет кланов умудрился прекратить вражду и уговорить его узнать как можно больше о фанатиках, заполонивших землю, фанатиках с силами невероятными.

Дело было не в том, что эти эдиремы, – как они себя называли, – разрушили могущественный Храм Триединого. Кланов магов были более чем счастливы избавиться от могучей секты, ведь в первую очередь она вырывала у них влияние. В самом деле, это была одна из главных причин начала вражды, поскольку кланы сражались за те немногие остатки власти, что остались в их распоряжении.

Нет, до такой степени, что они наконец пришли к какому-то соглашению, кланы раздражало то, что эдиремы в большинстве своём были никем иным, как неучёными деревенщинами. Это были фермеры, рабочие и им подобные, и при этом их лидер посулил им способности, которые маги изо дня в день старательно вырабатывали большую часть жизни. Кроме того, до нынешнего времени эти способности использовались с таким безрассудством, которое подвергало опасности очень многое. Было ясно, что эдиремы представляют угрозу и их нужно унять.

А кто лучше справится с этой задачей, чем кланы магов? Под их строгим руководством эти таинственные силы можно должным образом изучить и использовать.

-Я повторяю,- рявкнул Зорун.- Ты видел, как чужаки разрушили целый храм голыми руками! Какие слова они при этом произносили? Какие жесты совершали?

-Не-не знаю!- заорал узник.- Я... Я клянусь!- мужчина был лысым, но ещё в хорошей форме, несмотря на допрос, которому подверг его маг. Однажды он был храмовым стражником – одним из немногих, кому удалось избежать лап фанатиков. Зоруну понадобились недели скрупулёзных поисков, чтобы найти одного этого человека – так далеко забирались в своём бегстве выжившие служители Триединого.- Я клянусь, это та-так! Они... Они н-ничего такого не делали!

Взмахом руки кеджани закончил снимать кусочек кожи. Пленник издал новый крик боли. Маг с оранжевым поясом нетерпеливо ждал, пока стихнет крик, прежде чем снова заговорить:

-Ты же не думаешь, что я поверю, будто они пожелали что-то, и это случилось. Магия так не работает. Она требует концентрации, жестикуляции и длительной практики.

Он не получил от узника ничего, кроме мучительных вздохов. Хмурясь, Зорун Тзин медленно стал обходить пентаграмму кругом. Восьмиугольная комната, в которой он весь последний день допрашивал бывшего стражника, была тщательно вычищена и опрятна. Каждый пузырьёк, каждый свиток, каждый артефакт располагались на своём месте на своей полке. Зорун считал, что опрятность и порядок были важнейшими компонентами успеха в науках. В отличие от некоторых магов он не дал суматохе овладеть им; не давал он и пыли с паразитами превратить его святилище в свинарник.

Даже если говорить о внешнем виде, кеджани старался оставаться безупречно чистым. Его коричневая широкоплечая туника и свободные штаны были недавно очищены. Он поддерживал должную форму и длину бороды. Даже его редующие седые волосы были искусно зачёсаны назад.

То, какой образ жизни он вёл, возможно, указывало на то, почему Зорун так добивался секретов фанатиков. Они были подрывающим, хаотическим фактором, а их колдовство, по-видимому, основывалось на прихоти и эмоции. По правде сказать, в то время, когда совет обратился к нему с этим заданием, Зорун уже тайно работал над ситуацией. Разумеется, он им этого не сообщил: в противном случае они могли бы не согласиться на список требований, которые должны быть удовлетворены в случае успеха.

Нет, никакого «в случае» быть не могло. Зорун не допустил промаха.

-Ты видел лидера ассенианцев, этого Ульдиссиана уль-Диомеда. Это правда?

-Д-да! Да!- закричал стражник почти радостно оттого, что может ответить хоть на какой-то вопрос.- Видел его? Бледный! О-он... Был фермером, говорят!

-Землекоп,- презрительно процедил заклинатель.- Немногим лучше животного.

Фигура над пентаграммой издала булькающий звук – должно быть, в знак согласия.

-Говорят, что он сам разрушил храм. Ты видел это?

-Н-нет!

Ответ рассердил Зоруна:

-Значит, я зря теряю с тобой время.

Он сделал жест, и истекающая кровью фигура вдруг начала задыхаться. Израненный стражник захрипел от удушья. Он попытался дотянуться до горла, которое стало безобразно раздуваться вокруг кадыка. Однако даже если бы руки пленника кеджани и были свободны, – а это, конечно, было не так, – он ничего бы не смог сделать, чтобы остановить работу заклинания Зоруна.

Издав последний несвязный крик, стражник поник. Зорун Тзин наконец дал телу упасть на пол, где оно довольно неуклюже растянулось поверх узора.

-Терул!

На его зов приковылял неповоротливый кеджани со слишком маленькой головой. На нём ничего не было надето кроме простой туники. Лицо напоминало мордочки маленьких приматов, священных для многих жителей нижних земель, хотя Зорун видел в них не больше божественного, чем в своём слуге. Терул великолепно исполнял прямые приказы, не задавая вопросов, – потому заклинатель и подобрал его в труппах.

Терул хрюкнул, тем обычно и кончалась его речь. Его чересчур маленькая голова низко наклонилась к хозяину.

-Тело,- больше Зоруна ничего не нужно было говорить. Слуга понял в точности, чего желал хозяин. Терул подхватил мёртвого стражника, словно тот ничего не весил, не обращая ровным счётом никакого внимания на кровь, стекающую с его кожи. Хозяин обучил великана всегда наводить чистоту после.

Терул с трупом заковылял прочь. В канализации под городом Кеджаном текло множество протоков. Все они в конечном итоге вытекали в реку за пределами городских стен. А там уже дикие внешние земли, которые древние так же называют Кеджаном, покончат с отбросами.

Взглянув на лужицу крови и кровавую дорожку, которую Терул оставил за собой, Зорун пробормотал заклинание и начертал нужные символы. С огромным удовлетворением он наблюдал, как алая жидкость беспрепятственно и подчистую скатывается к пентаграмме, не оставляя позади ни следа. Сколь многие из совета способны совершить такую проделку? Зоруна понадобилось десять лет, чтобы отточить это заклинание...

Он скорчил рожу. Сомнений нет, Ульдиссиан уль-Диомед может выполнить то же одним только взглядом.

«Так не должно быть... А если и должно, то это я должен уметь делать это, а не какой-то там простофиля-крестьянин!».

Зорун схватил плащ и отбыл из святилища. Нужно было посетить кое-кого, чтобы собрать необходимые предметы для работы. Могло потребоваться пойти на сделки, о которых лучше не знать тем, кто его нанял. Секреты магов ценнее простых монет или драгоценностей. Они стоят жизнью.

И если планы Зоруна сработают, как надо, одной из этих жизней станет жизнь ассенианца Ульдиссиана.

-Ты должен поговорить со своим братом,- подстрекнул Ратма, в его обыкновенно невыразительном голосе чувствовался намёк на тревогу.- Он становится безрассудным по мере того, как его способности набирают силу.

-Что нового я скажу ему?- спросил Мендельн, пожимая плечами. Собеседники одновременно были похожи и составляли контраст друг другу. Ратма был выше, чем большинство людей, и его совершенные черты были словно высечены великим скульптором. Кожа его была бледнее, чем у любого другого живого человека, и это только подчёркивали чёрный плащ с капюшоном и мантия, которые он носил.

Мендельн уль-Диомед, в свою очередь, был среднего роста и сложен проще. Он был сыном фермера, хотя сам и не был таким уж хорошим фермером. Его широкий нос делал его безобразным по сравнению с собеседником. Его волосы казались светлее рядом с непроницаемой чернотой волос Ратмы.

И всё же по своему поведению, по речи и одежде они более походили на братьев, чем он и Ульдиссиан. Мендельн носил плащ и одежды, сходные с одеждой Ратмы, а его кожа, пусть и носила розоватый оттенок, всё же была гораздо бледнее обычной – особенно для ассенианца, который должен был бы, подобно брату и Серентии, загореть и стать почти таким же тёмным, как жители нижних земель.

Правда, не было ничего удивительного в том, что Мендельн так сильно походил на Ратму. Последний выбрал сына Диомеда своим учеником – первым смертным, который изучал путь сына ангела и демона.

-Он думает, что поступает целесообразно,- продолжал Мендельн.- Слухи о новых шевелениях Триединого заставили его принять решение покончить с ними раз и навсегда. Это имеет для него смысл, как и для многих других. Этот ход мысли понятен даже мне.

Плащ Ратмы закружился вокруг него, несмотря на отсутствие ветра. Мендельн часто гадал, уж не живой ли этот предмет одежды, но никогда не спрашивал об этом владельца.

-Но так он остаётся слеп к моему отцу,- напомнил ему высокий человек. Ратма был Древним, представителем первого поколения родившихся в этом мире, известном немногим избранным как Санктуарий. Он, как и все из этого поколения, был потомком беглецов с Высшего Неба и Пылающего Ада, которые отвергли извечный конфликт и собрались вместе в поисках новых способов существования.

И они нашли способ, и некоторое время существовали в месте, созданном их руками, скрытые от видения двух несметных сил. Однако, найдя общность, беглецы положили начало своему падению. Сходство взглядов привело к тому, что они породнились, и это дало начало поколению Ратмы – первым людям.

Поначалу новые дети казались довольно безобидными, но когда они начали проявлять силы – силы, несходные с силами родителей и обладающие неограниченным потенциалом, – ангел Инарий, лидер группы, провозгласил их надругательством над естеством. Только благодаря увещаниям нескольких товарищей он не стал действовать незамедлительно. В конце концов он и другие беженцы согласились отправиться в свои отдельные убежища, чтобы хорошенько там обдумать судьбу своих детей.

Но среди них нашлась та, что уже приняла решение. Возлюбленная самого Инария, демон по имени Лилит, тайком охотилась на остальных демонов и ангелов, убивая их одного за другим. В своём безумии и тщеславии она считала себя спасительницей детей и потому единственным существом, имеющим право уготовить им предназначение.

Предназначение, в котором она выступала госпожой над всем.

Однако она очень сильно недооценила Инария. Обнаружив её предательство, он изгнал её из Санктуария. Затем он использовал огромный кристалл под названием Камень Мира, – который был создан, чтобы скрывать Санктуарий от всех, – и изменил артефакт так, что он влиял на врождённые силы детей и уменьшал их, пока они не стали совсем незаметными.

Кое-кто из поколения Ратмы, представителей коего называли нефалемами, выразил протест... И был повержен. Остальные разбрелись кто куда, сам Ратма вынужден был скрываться за пределами мира смертных. За прошедшие столетия большая часть его рода исчезла, а последующие поколения рождались, не зная о своём праве по рождению, которое у них похитили.

Но так было до сих пор...

Мендельн отвернулся от Ратмы, обдумывая его слова. Они вдвоём стояли в чаще кеджанских джунглей, довольно далеко от места, где расположились лагерем многочисленные последователи Ульдиссиана. Доносимый ветром запах дыма шёл не от обширного лагеря, а от Урджани, города примерно в половине дневного перехода к югу. К местному малому храму Ульдиссиана привёл след жрецов, одних из последних, после чего храм был сожжён дотла.

-Мой брат ещё как знает об ангеле,- наконец ответил Мендельн.- Это знание всё время доставляет ему страдание, точно так же, как память о Лилит.

Вопреки уверенности Инария, демонесса ухитрилась вернуться из изгнания. Ангел, отвлечённый вторжением в его мир Пылающего Ада, не заметил её осторожной, незаметной работы над Камнем Мира. Эта работа привела к разрушению всех его планов и пробудила потенциал во многих людях, населяющих в настоящее время Санктуарий. Лилит избрала Ульдиссиана своей пешкой, при помощи насилия и похоти пробуждая дремлющие

в нём силы.

Правда, в конце ей не удалось подчинить его своим целям. Ульдиссиан одолел её в главном храме, и, хотя её тело так и не было извлечено из-под обломков, оставшихся от высокого строения, все, включая Ратму, были уверены, что она наконец мертва. К несчастью для Ульдиссиана, который любил её, когда она скрывалась под видом женщины Лилии, демонесса не могла по-настоящему уйти навсегда.

-В этом я могу ему только посочувствовать. Я знаком со злом моей матери, точно так же, как и ханжеством отца... На протяжении столетий я только тем и занимался, что таился в страхе.

Ратму едва ли можно было назвать таящимся в страхе, но Мендельн не стал переубеждать своего наставника. И всё-таки...

-Я снова напомню ему о проповедниках Собора. Ты говорил, что некоторые из них уже на пути в Урджани, а ведь мы оставили это место только на днях. Это означает, что, судя по всему, они вышли из Великого Собора ещё до того, как мы добрались до города.

-И это тоже не в первый раз, Мендельн. Мой отец узнаёт путь Ульдиссиана чуть ли не раньше его самого.

-Об этом я также упомяну, - но Мендельн всё не уходил. Вдруг он оглядел джунгли, словно ожидал, что вот-вот на них выпрыгнет некий зверь.

-Я не прячу его, - заявил Ратма, в кои-то веки выказывая раздражение. - Я не притворяюсь, когда говорю, что не знаю местоположения твоего друга Ахилия. И я, и Траг'Оул искали, но следов охотника нигде нет.

-Но ведь это ты поднял его из мёртвых!

-Я? Я только повлиял на ситуацию. Это ты вернул Ахилия назад, Мендельн. Твой дар и твоя связь с миром послесмертья - вот что позволило ему вернуться.

Вместо того чтобы снова начинать старый спор, Мендельн пошёл прочь от тёмной фигуры. Ратма не окликнул его, и человек, знакомый с повадками своего наставника, понял, что Древний уже растворился в тенях.

Ни один не упомянул о своих подозрениях касательно исчезновения Ахилия. В тот единственный раз, когда они обсуждали возможные варианты, у Мендельна чуть душа в пятки не ушла. Какой смысл пытаться изменить мир, если мира скоро больше не станет?

Для брата Ульдиссиана было слишком очевидно, что произошло с охотником. Ратма не обнаружил следов демонов в районе последнего известного местоположения Ахилия. Полное отсутствие таких следов могло означать только две вещи. Первый вариант таков, что Инарий взял Ахилия для осуществления какого-то задуманного плана против них - в самом деле, гнетущая мысль. И всё же, какой ужасной она ни была, - особенно для Серентии, - второй сценарий заставлял первый казаться предпочтительным по сравнению с ним.

Что, если другой ангел похитил охотника?

Они все знали, что это значит. Пылающему Аду уже не одно столетие известно о Санктуарии. Демоны позволили ему существовать, потому что заинтересованы в потенциале людей для осуществления перелома в бесконечной войне. Владыки Демонов - Первичное Зло - основали Храм Триединого, чтобы поработить человеческий род. Если бы Инарий, который считал Санктуарий и всё, что находится в нём, своими, не предпринял бы ответного действия, люди уже сейчас могли бы выступать войском против ангелов.

Но теперь, если Высшее Небо узнало о существовании мира, то оно наверняка станет воевать, чтобы заполучить его либо просто уничтожить его, чтобы демоны не смогли его использовать. И ни одну из сторон не волнует, что при этом погибнут тысячи душ.

«Для нас крайне важно найти Ахилия, - подытожил Мендельн, добравшись до края лагеря. - Ради всех нас, это крайне важно!»

Его мысли были жестоко прерваны невидимой силой, на которую он натолкнулся. Пока он потирал нос, появились два человека - у одного из них была смуглая кожа жителя нижних земель, другой был таким же бледным, как любой ассенианец на фоне местных. Мендельн узнал в последнем партанца, одного из первых обращённых Ульдиссиана, коих становилось всё меньше. Их осталась где-то сотня, тогда как изначально было во много раз больше. Как одним из наиболее ранних последователей Ульдиссиана, партанцам довелось, к несчастью, противостоять ужасным опасностям ещё до того, как они начали всерьёз проявлять свои силы.

-Ой! Прости нас, мастер Мендельн! - выпалил партанец. - Мы не знали, что это ты!

Другой эдирем нервно кивнул в подтверждение этих слов. Была ли родом из нижних джунглей или верхних лесов, почти вся паства Ульдиссиана обращалась с Мендельном со смешанным чувством почитания и страха. Страх происходил из призвания Мендельна, которое было во многом связано с мёртвыми. Почитание... Что ж, он был достаточно мудр, чтобы понимать, что обязан этому кровным узам с их лидером.

Как ни странно, небольшая группка людей стала приходить к нему для обучения, но Мендельн не придавал их интересу никакого значения. Он был обусловлен их нездоровым восхищением определёнными аспектами... Во всяком случае, так он себе говорил.

-Вам не нужно извиняться,- сказал он двоим.- Я ушёл, никого не предупредив. Вы делали, как вам приказано.

Они открыли Мендельну путь, с видимым облегчением наблюдая, как он проходит. Он сделал вид, что не заметил.

И, пройдя через стражей, младший сын Диомеда словно попал в новый мир: всё вокруг него преисполнилось магией. Разноцветные сферы энергии усеивали огромный лагерь, словно в ожидании какого-нибудь фестиваля. Однако ни одна из них не была прикреплена верёвкой, а все парили над головами тех, кто призвал их. В лагере всё ещё были разведены костры, но предназначены они были главным образом для готовки, а не для освещения.

Но сферами дело не ограничивалось. По мере того как Мендельн пробирался сквозь толпу, его взгляд ложился на всё новые и новые проявления магии. Один смуглый житель низин создал светящийся поток энергии, который извивался вокруг себя подобно змее. Другой эдирем поднял в воздух несколько небольших камней и заставил их кружиться, словно они находились в руках у невидимого жонглёра. Белокурая партанка создала из воздуха копье, которое с превосходной точностью запустила в далёкое дерево. Копье короткий миг оставалось воткнутым, а затем растворилась, когда она начала создавать новое.

Это было всего лишь несколько примеров. Многочисленные заклинания эдиремов различались по силе и качеству, но Мендельна изумляло и беспокоило то, что люди вокруг него, с виду совсем незначительные, овладели тем, что некогда было доступно лишь небольшому кругу избранных. Простой люд, к которому принадлежал и он, должен был жить, обрабатывая землю. Они не должны были становиться могущественными волшебниками.

Именно это и беспокоило его, даже когда он наблюдал, как один изобретательный малый создаёт для своих младших братьев и сестёр – да, в «армию» Ульдиссиана входили даже дети – ярких бабочек, которые после разлетелись во многих направлениях. Многие из тех, кто следовал за его братом, имели весьма наивный подход к потенциалу, которым владели. В лучшем случае они видели в нём инструмент, вроде тяпки, а не нечто, что может обернуться против них самих или поспособствовать жесткой расправе над ближним.

«Возможно, я слишком строг,- подумал Мендельн.- Они сражались то, во что верили, и были вынуждены убить тех, кто хотел сделать их рабами и марионетками».

Однако дурное предчувствие не покидало его. Несмотря ни на что, Мендельн чувствовал, что магию нужно изучать осторожно и использовать крайне обдуманно. Изучающий её должен дорасти до её применения и научиться уважать её опасности.

Затем впереди встало мягкое, успокаивающее синее сияние. Мендельн помедлил, но в конце концов пошёл к нему. У него не было причин опасаться источника. В конце концов, это был только Ульдиссиан.

Даже в окружении такого количества магии нетрудно было почувствовать присутствие его брата. Большая группа эдиремов сидела и стояла вокруг места, которое Ульдиссиан избрал своим ночлегом. Мендельн не мог увидеть брата, но он мог ощутить, где именно находится Ульдиссиан. Без колебаний младший брат прошёл к толпе, которая тут же заметила его и начала расступаться.

И не успел Мендельн пройти и половины пути, как увидел Ульдиссиана.

Мужчина с рыжеватыми волосами обладал крепким сложением и имел вид сельского жителя, фермера, которым, собственно, Ульдиссиан и являлся. И был хорош в своём деле. Широкий в плечах, с квадратными скулами, с короткой подстриженной бородой, старший брат обладал грубой красотой, и это помогало ему находить с остальными общий язык. Он никоим образом не походил на одного из заносчивых жрецов или несдержанных пророков, которые были знакомы большинству его последователей. Он был одним из них, простых людей. Видел он радости и горе, величайшим из которых была потеря всей семьи за исключением Мендельна несколько лет назад – они умерли от эпидемии. В то время Ульдиссиан метался от одного проповедника к другому в поисках спасения для своих любимых, но не получил ничего кроме пустых слов и просьб подношений. Эта трагедия наплатила его ненавистью к таким сектам, как Триединое и Собор, ещё до того, как та и другая стали охотиться на него.

Ульдиссиан сидел на бревне, охотно беседуя со всеми. Мендельну не требовалось слушать, чтобы понять, что

Ульдиссиан подбадривает свою паству, объясняя, куда и зачем они идут. Все его слова были толковыми, но слишком часто брат Мендельна сам не следовал им. В последнее время Ульдиссиан позволял своим невероятным способностям брать над ним верховенство, а не наоборот.

Урджани был тому последним примером. Ульдиссиан намеревался взять жрецов в плен, а не убивать их. Он хотел расспросить их об истинных хозяевах, о верховных демонах. Однако когда один из них атаковал эдиремов в отчаянной попытке предотвратить неизбежное – попытка была отражена с лёгкостью, – Ульдиссиан яростно ударил в ответ.

То, что осталось от жрецов, разбросало на многие ярды вокруг – каждый из них был взорван изнутри. Ульдиссиан не обратил на это никакого внимания, словно так изначально и было задумано.

-Они были сектантами Триединого,- вот каким аргументом пресёк он любые нападки со стороны Мендельна. Сказав это, Ульдиссиан приказал спалить дотла последний храм, чтобы о секте не осталось никаких воспоминаний.

Сейчас тот самый человек, который так запросто разорвал на части живых людей и сжёг их храм, распустил своих сторонников весёлым кивком. Свечение ослабло, но осталось заметным.

Только один человек остался – Серентия, дочь торговца Сайруса, который одним из первых погиб от сил Ульдиссиана. Само собой, в том была не его вина: Лилит владела ситуацией, что и привело к таким ужасным результатам. Серентия была красивой девушкой с длинными чёрными кудрями и ярко-голубыми глазами. Как и у Ульдиссиана, её некогда бледная кожа обрела бронзовый оттенок. В отличие от братьев она носила просторные ниспадающие одежды жителей нижних земель. Копьё в правой руке было её извечным спутником, и если что-то и портило её красоту, по крайней мере, по мнению Мендельна, то это было выражение непреклонной решимости на её лице.

-Мендельн,- Ульдиссиан поднялся и поприветствовал своего брата, словно того не было много дней.- Где ты был?

-По ту сторону.

-Ах вот как,- часть радости старшего брата испарилась.- И кто это был на этот раз? Дракон или её отпрыск?

Под «ней» он подразумевал Лилит.

-Ратма, да. Он предупредил о том, что его отец...

Аура вдруг ярко вспыхнула, заставив некоторых поблизости замереть в испуге. Однако все быстро снова отвернулись.

-Опять он за своё! Неужели он думает, что я не слежу за этим? От Ратмы было бы больше проку, если бы он оставался с нами, а не сбегал во тьму всякий раз, после того как прошепчет очередное пугающее предупреждение.

Сила свечения продолжала нарастать. Мендельн почувствовал, как его собственная ярость прорывается наружу, но сдержал её.

-Ульдиссиан, ты знаешь, что он рискует не меньше нашего... И тебе не нужно ненавидеть его за то, что он является чадом Лилит. Он скорбит об этом больше, чем ты можешь себе представить.

Синий свет снова унялся. Ульдиссиан выдохнул.

-Ты... Ты прав. Прости меня. Последние несколько дней были очень длинными, не так ли, Мендельн?

-По мне, так дни становятся всё длиннее и длиннее с каждым новым вздохом.

-Я скучаю по ферме.

-И я тоже Ульдиссиан. Даже я.

Серентия наконец прервала своё молчание. Устремив прищуренный взор на Мендельна, она пробормотала:

-Слышно что об Ахилии?

-Ты знаешь, я бы сказал, если бы была хоть малейшая зацепка.

Он вонзила нижний конец копья в землю. Короткое рассеяние красной энергии отметило место, куда ударило

копье. Из всех последователей Ульдисиана Серентия была самым сильным. К несчастью, какая-то часть этой силы подпитывалась её заботами об охотнике, и чем дольше он отсутствовал, тем большее безрассудство она проявляла. Среди эдиремов это становилось обычным делом, и Мендельн, как единственный сторонний наблюдатель, оказался и единственным, кто замечал это.

-Ахилий найдёт способ вернуться к тебе,- встрял Ульдисиан.- Будь уверена, Серри.

Но её это не убедило.

-Если бы он мог, он уже сейчас стоял бы рядом с нами!

-Подожди, вот увидишь,- Ульдисиан положил руку ей на плечо, что, случись это давным-давно, заставило бы дочь торговца покраснеть. Она обожала его большую часть детства и обнаружила свою любовь к Ахилию лишь незадолго до того, как демон Люцион убил их храброго друга.

Поворачиваясь снова к Мендельну, Ульдисиан добавил:

-И, как я и сказал, я продолжаю следить за ангелом, но что он может нам сделать, чего не сделало Триединое? Ратма прятался так долго, что ему трудно поверить, будто...

С края лагеря донеслись крики и гул голосов, которые не принадлежали эдиремам.

Ульдисиан посмотрел в небо. Он нахмурился, выглядя более раздражённым, нежели удивлённым.

-У нас гости,- сказал он Мендельну и Серентии.- Много непростых гостей...

-Триединое?- спросила она чуть ли не радостно. Серентия вскинула копье, словно готова была вот-вот его метнуть.

-Не знаю, но кто ещё это может быть?- Ульдисиан направился туда, откуда донёсся крик.- Что ж, кем бы они ни были, мы встретим их так же, как всегда встречаем Храм.

Дочь Сайруса улыбнулась, и её выражение отдалённо напомнило Мендельну то, которое часто оказывалось у неё на лице в пору, когда она была одержима Лилит. Она живо поспешила за Ульдисианом, и вскоре они вдвоём оставили Мендельна далеко позади.

Он не двигался, но это было не потому, что он избегал битвы. Нет, когда раздался шум борьбы, Мендельн задумался о том, чем вызвана эта отчаянная внезапная атака. Это было не похоже на Триединое, да и вряд ли к этому времени они могли собрать крупное войско. Но иным, что приходило ему на ум, был Инарий. У Мендельна, однако, не укладывалось в голове, что Инарий, которого Ратма всегда описывал как действующего за спинами у всех, манипулирующего событиями по своему усмотрению, мог предпринять что-то столь простое и очевидное...

Мендельн ругнулся и поспешил присоединиться к остальным. Чем бы ни казалось это нападение на первый взгляд, оно обладало другой, куда как более жуткой глубинной причиной – такой, которую уже могло быть поздно останавливать.

Глава вторая

Ульдисиан ничуть не волновался, когда бросился к краю лагеря. На него и его последователей уже нападали исподтишка прежде. Лилит ухитрилась скрывать надзирателей мира Триединого и даже ещё более мерзких морлу при помощи заклинания, пока враг не подобрался почти так же близко. Однако даже это не помогло ей одолеть эдиремов.

В самом деле, зная местность, Ульдисиан принял достаточно мер защиты, чтобы в случае повторения такой уловки лагерь оставался в безопасности. Теперь эта предосторожность окупала себя.

И вот, строй эдиремов встал лицом к джунглям, из которых ринулись не дисциплинированные инквизиторы собора в серебряных одеждах, но орава оборванцев, мало отличающихся от его собственной армии. Они были вооружены не только мечами, но и рабочими топорами, вилами и всевозможными другим инвентарём, обращённым в оружие. Они орали, кричали и надвигались на поджидающих эдиремов будто бы с сильной яростью.

-Это ни Триединое, ни Собор. Это простые люди,- объявила Серентия то, что и так было понятно. Она приготовила копьё.- Этого не может быть! Должно быть, это иллюзия, чтобы сбить нас с толку.

Её предположение походило на правду, потому как творить иллюзии для обеих могущественных сект было так же естественно, как дышать. Ульдисиан отбросил неуверенность и выбросил вперёд левую руку.

Область впереди взорвалась от волны звука; её сила сметала ряды нападавших так, словно они были пустым местом. Мужчины, — да и женщины, заметил Ульдисиан, — взлетали в воздух, сталкивались с деревьями или исчезали в черноте джунглей. Умирая, они кричали, от чего у Ульдисиана холодок пробежал по коже, но что, однако, не помешало ему ударить снова.

Серентия, которая стояла рядом с ним, прицелилась и бросила. Копьё пронзило насквозь одного человека и долетело до второго. Когда оба упали, окровавленное копье вернулось к ней.

Да и остальные эди́ремы не отставали. Вот вспыхнул очередной противник. Он натолкнулся на двух других и поджёг их. Втроём они создали сущий хаос в рядах своих товарищей, которые отчаянно пытались избежать хоть малейшего соприкосновения.

Повсюду сферы света поднимали людей в воздух и роняли их на их товарищей. Энергетические щупальца обвивали горла и затягивались, чтобы задушить.

Некоторые из методов обороны эдиремов казались простыми, например, луки, но и здесь применялся дар. Стрелы, направляемые волей лучника, ударяли мишени прямо в сердца.

У нападавших были свои лучники, хотя Ульдисиану и показалось странным, что они так долго не задействовали их. Но вот с вышины донёсся свист — первые стрелы наконец полетели в сторону эдиремов. Умение лучников противника было спорным, но защитников было так много, что они без сомнения не боялись промазать.

Не совершая даже жеста, Ульдисиан взял стрелы под свой контроль. Они круто развернулись в сторону джунглей.

Одна за другой стрелы поражали тех, кто окружил лагерь. Ряд из шести человек упал разом, горло каждой жертвы пронзила стрела.

Засада стремительно превращалась в разгром, поскольку вряд ли хоть один эдирем получил хоть одну царапину. Щиты, которые Ульдисиан научил создавать своих стражников, были непроницаемы для оружия смертных — его поразило то, что атакующие не учли этого. Они всё больше подтверждали видимость — то, что были простыми крестьянами, фермерами и т.п. Они относились к типу людей, которые должны были быть рады пополнить ряды эдиремов, а не вырезать их.

Однако они всё же пришли, их свирепость теперь граничила с отчаянием. В большинстве своём они были темнокожими, как тораджанцы и многие их собратья, но среди них было также несколько первых светлокожих жителей нижних земель, которых увидел Ульдисиан, да таких светлокожих, что они могли бы сойти за ассенианцев, каким был лидер эдиремов. По слухам, они были из области, которая включала северную часть столицы, но за исключением Лилии, ложной Лилит, Ульдисиану никогда не доводилось встречать подобных им в джунглях.

И всё же их похожесть на него не уберегла их от разделения участи своих более тёмных товарищей. Ульдиссиан отплатил им за засаду сотнями смертей. Тела уже стали складываться в безобразные и постыдные груды, а он всё ещё не имел понятия, как положить сражению конец. Нападавшие не собирались прекращать набег, а его люди, всецело уверенные в своей победе, не имели намерений останавливать то, что становилось настоящей бойней.

Позади него кто-то пробормотал слова на языке, который Ульдиссиан совсем не понимал. Сзади возникло тусклое свечение.

Один из мёртвых нападавших вскочил на ноги, словно марионетка, за верёвочки которой потянули. Поначалу страшная фигура как будто готова была атаковать эдиремов, но затем она развернулась к своим бывшим союзникам.

Второй труп, а затем и третий повторили действие. К ним присоединились ещё несколько.

Первый сделал шаг по направлению к врагу, и вида ходячего мертвеца оказалось по крайней мере достаточно, чтобы положить конец осаде лагеря. Сначала один, затем несколько, и, наконец, все атакующие развернулись и побежали в страхе. Они бежали без порядка и оглядки, их единственным намерением было избежать того, что, как они думали, было встающей армией упырей.

Некоторые из последователей Ульдиссиана послали шары пламени и стволы деревьев в отставших, но масштабы происшествия стали выявляться только сейчас. Область вокруг лагеря была усеяна телами, и ни одно из них не принадлежало эдиремам. Ликующие возгласы раздались в рядах защитников.

Ульдиссиан повернулся к Мендельну – это он бормотал на странном языке. Его брат выглядел так же мертво, как восставшие трупы, а в руках сжимал необычный кинжал, который выглядел так, словно был выточен из белого камня... Или кости. Мендельн держал кинжал наконечником вниз. Это клинок был источником зловещего свечения.

Младший брат перевернул клинок и произнёс единственное слово.

Со стороны джунглей донёсся глухой стук. Ульдиссиан оглянулся и увидел, что ожившие мертвецы падают жуткими кучами среди других тел. Некоторые эдиры инстинктивно осеняли себя символами Триединого либо Собора – старые привычки с трудом забываются даже пред лицом ужасной правды, касающейся обеих сект.

-Я должен был что-нибудь предпринять,- сказал Мендельн напрямик.- Это начало превращаться в трагедию и недостойное дело.

-Они напали на нас. Устроили засаду, если помнишь,- и всё же Ульдиссиан не мог винить своего брата в том, что тот остановил резню, пусть даже жертвой был враг.- Они получили то, что заслуживали.

-Возможно...

Ульдиссиан узнал этот тон и обнаружил, что раздражается всё больше и больше.

-Они могут выглядеть, как мы, но не поддавайся обману, Мендельн. Если это и не Триединое, значит, приспешники Инария.

-Жаль, что мы не можем допросить хотя бы одного из них,- заметила Серентия, толкая тело.- А эдиры стали хороши, Ульдиссиан. Ни одного живого не осталось.

-И не должно было остаться,- теперь Ульдиссиан сам испугался своего тона, хотя бы его холодности.- Но да было бы хорошо, если бы кто-то мог нам рассказать, как дошло до этого. У них была сила, которая помогла им укрыться; значит, либо демоны, либо ангелы. Но сражались они как фермеры и ремесленники... - он вдруг понял позицию Мендельна.- Это бессмысленно. Они должны были знать, что мы порвём их в клочья. Уже распространился слух о том, что мы сделали в Торадже и других городах с Триединым...

-Может быть, я?..

Это его брат, похоже, был готов внести предложение касательно правды, стоящей за нападением, которое встревожило Ульдиссиана больше, чем он показал.

-Что?

Мендельн говорил низким голосом, потому что другие эдиры всё ещё стояли в ожидании приказов.

-Позволь мне минутку побыть... С побеждёнными... чтобы отобрать. Потом прикажи другим начинать уборку

тел для сожжения или погребения.

-Отобрать?- лицо Серентии побелело.- Что ты имеешь в виду под «отобрать»? Отобрать для чего?

-Ну конечно, для допроса.

Лицо Ульдиссиана оставалось непроницаемым, пока он быстро отдавал своим последователям приказ начинать разбираться с мёртвыми. Затем он шёпотом добавил, обращаясь к брату:

-Иди прямо сейчас. Подбери двоих... Только двоих. Я помогу тебе перенести их туда, где нам не помешают.

-Могут попасться те, которые ничего не знают. Было бы лучше, если бы я мог взять чуть больше...

-Двоих, Мендельн! Двоих. Просто скажи остальным, чтобы не трогали пару. И не более того.

Человек в чёрном коротко вздохнул.

-Как скажешь. Тогда мне лучше идти сейчас, пока большая часть мертвецов ещё на поле.

Серентия подождала, пока Мендельн отойдёт на достаточное расстояние, чтобы не было слышно, и наконец сказала:

-Ульдиссиан, я люблю его как друга, почти как брата, но я волнуюсь за него. Это неправильно – всё это увлечение заклинаниями, касающимися мёртвых.

-Я и сам этому не рад, но он никогда ничего не сделал во зло. Он спас многих из нас, в том числе меня.

-И он вернул мне Ахилия, пусть на несколько мгновений,- её глаза увлажнились.

-Я продолжаю приглядывать за Мендельном, не сомневайся. Если он – или этот проклятый Ратма – сделают что-то, что покажется мне перебором, я этого так не оставлю, Серри. Не оставлю. Даже из-за родного брата.

Он имел это в виду даже больше, чем она предполагала. Если учения Мендельна доведут его до чего-то омерзительного – в настоящий момент Ульдиссиан не осмеливался подумать, что это может быть, – то старший сын Диомеда проследит за тем, чтобы младший остановился.

Если понадобится, навсегда. У Ульдиссиана не будет выбора.

Намерения Мендельна никак нельзя было полностью скрыть, но Ульдиссиан и Серентия сделали всё возможное, чтобы занять внимание эдиремов, пока брат выберет два трупа. Когда Мендельн сделал это, Ульдиссиан помог ему скрыть тела с глаз остальных. Серентия осталась проследить за тем, чтобы никто не задавался вопросом, где находятся братья.

-Вот здесь точно дело пойдёт,- наконец решил младший брат. Сначала они оттащили тела от лагеря, а затем по одному перенесли их в место, где, по мнению Мендельна, он мог лучше справиться с работой. Они стояли на небольшом открытом участке где-то в десяти минутах ходьбы от лагеря – на взгляд Ульдиссиана, всё ещё слишком близко. Неподалёку тек ручей, и широкие раскидистые деревья опоясывали место. Густые джунгли хорошо укрывали их от глаз эдиремов, хотя некоторые из наиболее восприимчивых, быть может, и уловили тревожащую энергию, которая окружала Мендельна. С этим, к несчастью, ничего нельзя было поделать, поскольку брат уже предупредил его, что любая попытка окружить щитом их работу мешает допросу.

Мендельн торжественно разместил тела друг рядом с другом. Правые руки были положены на сердца, а левые – на лбы.

-Это ещё зачем?- невольно вырвалось у Ульдиссиана.

-Ратма и Траг'Оул научили меня, что душа соприкасается одновременно с разумом и сердцем. Я хочу призвать души эти двоих, а это усиливает зов. Это необязательно делать, но это должно упростить задачу... Ведь я знаю, что ты хочешь, чтобы я закончил как можно быстрее.

-Да, желательно.

Кивнув, Мендельн снова выставил костяной клинок. Ульдиссиан мог чувствовать его необычность, словно он не совсем был из этого мира. Это претило Ульдиссиану, однако он знал, что клинок принёс благо ему и его людям. Мендельн заставил умереть – вновь – сотни морлу во время последней великой битвы против воинов Триединого. Столько жизней было спасено благодаря ему...

И всё же Ульдисиан ничего не мог поделать – он испытывал отвращение в присутствии кинжала. Кинжал имел дело со смертью и тем, что лежало за пределами смерти, а в это ни один человек не должен был никогда вникать.

С клинком наконечником вниз Мендельн навис над грудью первого тела. При жизни это был мужчина средних лет, по всей вероятности, фермер, прямо как Ульдисиан. Лысеющий, с брюшком, но сильными плечами и руками, он, казалось, просто прилёг поспать.

Мендельн установил наконечник клинка прямо над сердцем. У Ульдисиана спёрло дыхание, но его брат начал лишь чертить руны на груди, руны, которые оживали во вспышке белого света, перед тем как, успокаиваясь, покрыться тусклым серебром. Всего Мендельн начертил пять рун.

После этого человек в чёрных одеждах повторил то же действие на лбу, только руны были другими. Тогда Мендельн перешёл ко второму телу, которое принадлежало девушке каких-нибудь двадцати лет от роду. Она была худая, со строгим лицом, но, по мнению Ульдисиана, всё ещё слишком молодая, чтобы участвовать во всём этом. Является ли она на самом деле тем, кем кажется, подумалось ему. Если да, то необходимо срочно узнать, кто ещё причастен к этому.

-Ульдисиан, сделай, пожалуйста, шаг назад,- когда старший брат послушался, Мендельн встал в ногах у трупов. Теперь он держал клинок наконечником вверх. Раздались слова на таинственном языке, которому при помощи магии обучил его Ратма и от которых у Ульдисиана волосы поднялись на затылке.

Над двумя телами произошли небольшие всполохи магической энергии. Не прерывая чтения, Мендельн встал на колени. Затем он дотянулся наконечником клинка до кисти руки, приложенной к сердцу мужчины.

Ульдисиан испугался, увидев, что кинжал начертил тонкую линию крови. Крови он больше не ожидал. Правда, прежде чем он успел что-нибудь вставить, Мендельн повторил действие с рукой девушки. Странное дело, но светящийся кинжал был незапятнанным, когда Мендельн отнял его.

Брат Ульдисиана произнёс что-то ещё и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Над телами внезапно образовался туман, который отнюдь не мог быть естественным. Из него вышли завитки, часть из них потянулась к окровавленным рукам.

Кровь как раз начала собираться над ладонями, сокращаясь в объеме, словно стремительно высыхала – или поглощалась чем-то.

-Мендельн...

Снова бормоча, его брат махнул ему рукой в знак того, что нужно замолчать. Всё больше крови растворялось, пока не осталось ничего кроме открытых порезов.

И когда последние капли крови исчезли, туман начал принимать форму – нет, две формы.

Одна принадлежала мужчине, вторая, вероятно, девушке.

Братья стояли молча, Ульдисиан полагался на указания Мендельна. Неясные формы слились чуть сильнее, что, судя по всему, раздражало младшего брата.

-Должно было выйти лучше,- корил Мендельн сам себя.- Они должны были стать более различимы, больше похожи на себя живых!

-Они же могут отвечать нам?- вмешался Ульдисиан, желая положить этому конец.- Разве не это нам нужно?

-В первую очередь это,- признав это, Мендельн покачал головой при виде такого «успеха», а затем указал наконечником кинжала на тень мужчины.- Под каким именем тебя знают?

Сначала было только шипение ветра, но затем шипение превратилось в слова:

-Хадин...Хадин...

Довольный этим результатом, Мендельн продолжил:

-Откуда ты родом?

-Т-Тораджа...Тораджа...

-Тораджа?- Ульдисиан нахмурился.- Так далеко отсюда?

-Да, согласен, расстояние немалое,- у духа младший брат спросил.- Каково было твоё призвание? Был ли ты приверженцем Триединого?

Последовало некоторое колебание, словно вопрос Мендельна показался тени сложным. Затем был ответ:

-Я обрабатывал землю и выращивал на ней пшеницу... До меня так делал мой отец, до него мой дед, до него...

-Хватит! Ответь теперь про Триединое! Был ли ты его приверженцем?

-Нет...

-Мендельн, он, должно быть, врёт; зачем иначе ему идти в такую даль с такими тёмными намерениями?

Пожав плечами, Мендельн спросил у духа:

-Зачем ты с другими напал на нас, если не служишь Триединому?

Снова момент колебания... Затем ответ:

-Чтобы спасти землю... Чтобы спасти весь Кеджан...

Этот ответ показался Ульдиссиану абсурдным.

-Он хотел спасти весь Кеджан... От нас? Это мы пытаемся спасти всех!

-Погоди, погоди,- несмотря на такой ответ брату, Мендельн, очевидно, тоже не понял ответа тени. Мендельн потёр подбородок, затем повернулся к женской фигуре.

-Ты. Какое имя носила ты?

-Видриси...

-И что, ты тоже пришла, чтобы спасти Кеджан от тех, кто в лагере?

Ответ был столь же незамедлительным, сколь и диким:

-Да...

Прежде, чем Ульдиссиан успел снова встрять, Мендельн спросил у духа Видриси:

-Что навело тебя на такую мысль? Что заставило тебя присоединиться к остальным?

-Мы знали... Мы знали, что должны были сделать...

-Да нет, не то! Я спросил... Я спрашиваю... Кто первым предложил это?

Тень не ответила. Вообще-то, оба духа потеряли большую часть той немногой различимости, которую имели. Мендельн быстро начал бормотать новые неразборчивые слова.

-Что такое?- спросил Ульдиссиан.- Что не так?

-Не сейчас!- его брат прочертил в воздухе несколько символов, целясь в основном на женскую тень. Её фигура снова определилась, и на этот раз она была чётче.

Но дух Хадиана снова стал простым туманом, который вскоре рассеялся.

-Одного потерял,- сердито признал Мендельн.- Но она всё ещё привязана к заклинанию,- на духа он рявкнул.- Кто подстегнул вас на битву? Кто первым выбрал этот путь?

Поначалу не было ответа, но тень Видриси и не исчезла. Мендельн начертил больше рун и произнёс больше слов.

Наконец:

-Я помню... Я помню миссионера... Он сказал, такая трагедия... То, что натворили фанатики... Скольких невинных они убили...

-Невинных?- выпалил Ульдиссиан.- Это Триединое что ли?

-Сколько невинных... Оказавшихся между злыми фанатиками и вероломным Триединым... Я помню, как скорбел миссионер... И чаял, чтобы что-нибудь можно было сделать...

-Хватит,- приказал Мендельн духу. Тень затихла, но не ушла.

Братья переглянулись – ответ теперь был известен обоим.

-Ратма предупреждал, что его отец будет ходить по пятам и направлять события в удобное ему русло,- напомнил младший брат.

Ульдиссиан бросил на Мендельна острый взгляд, хотя он отнюдь не был сердит на брата за то, что тот снова поднял этот вопрос. Скорее, он гневался на себя за то, что недооценил, насколько хитроумным и дотошным может быть Инарий.

-Ангел обращает всех против нас, не так ли, Мендельн? Где бы мы ни воевали, его «миссионеры» прибывают после, заботятся о раненных, кормят голодных и вбивают им в головы, какое мы зло!

-Как мы ни пытались, а всё же наши руки не совсем чисты. Инарий, без сомнения, преувеличил эти печальные факты, пока они не затмили для выживших всё остальное.

Ульдиссиан не мог сдержать ругательства. Не в знак отрицания того, что сказал Мендельн. Ульдиссиан-то думал, что хотя бы оставил Тораджу и другие места понимающими то, чем на самом деле являются Триединое и Собор. Они не ожидал, что те, кто остался позади, будут вспоминать с любовью его и его последователей, но хотя бы с некоторым уважением.

Но природа человека, осознал он, всегда оставляет почву для подозрений, и слуги Пророка удобрили эту почву хорошо.

Сильное жжение поднялось в нём. Оно возникло так быстро и так яростно, что превозмогло здравый смысл Ульдиссиана. Он увидел, каким дураком он был, что подумал, будто Инарий позволит ему управлять событиями. С чего бы ангел стал награждать этим смертного врага? Одним хитрым ходом Инарий уже почти выиграл битву. Способность пробудить в простых жителях такую целенаправленную ярость, что они будут готовы преодолеть суровые джунгли, чтобы воевать с тем, кого считают могучими врагами, была силой, которая вызвала смятение в Ульдиссиане.

Жжение усиливалось. Ульдиссиан боле не мог сдержать его.

Он уставился на трупы.

Мендельн как раз вовремя отскочил в сторону. Вокруг тел поднялось пламя, в считанные секунды обратившее их в пепел. Пламя поднялось высоко, пожирая ближайшие деревья. Округу быстро охватил пожар, который питался от раздражения Ульдиссиана.

Со скорбным стоном тень девушки рассеялась. Кто-то схватил Ульдиссиана за рукав, но ему понадобилось время, чтобы понять, что это его брат и что он кричит ему на ухо:

-Ульдиссиан, ты должен остановиться! Остановись, пока все джунгли не спалил!

Но он не хотел останавливаться, ибо, чем большую область охватывало пламя, тем лучше он себя чувствовал. С некоторым презрением он оттолкнул Мендельна.

Затем что-то твёрдое ударило ему в грудь, и новая боль охватила его. Ульдиссиан взглянул вниз и увидел, что в грудь глубоко зарылась стрела. Его разум мимоходом отметил, что это не простая стрела, а стрела знакомая.

Это была стрела, покрытая грязью.

Ульдиссиан повалился.

Убийца нырнул в густую листву джунглей с изяществом, достойным быстрейшего из хищников. Он был в движении ещё до того, как выстрелил. Не то чтобы он хотел остаться неузнанным. Они узнают его и так, хотя бы по одной стреле и по грязи на ней.

Ахилий бежал. Не потому, что хотел, но потому, что это он него требовалось. Он выстрелил, как ему было

приказано, но этим дело не кончалось. Ничуть.

Ещё ведь была Серентия...

Он со своими плавными ястребиными чертами считался красивым мужчиной в дни, когда это имело значение. Светловолосый и выносливый, как и пристало хорошему охотнику, и не менее стремительный Ахилий был предметом вожделений многих девиц вокруг деревни Серама. Его глаза, однако, были устремлены к одной. В те дни ему приносило такую печаль то, что вместо него Серентия выбрала Ульдисиана.

Смерть всерьёз изменила его точку зрения.

Он остановился, чтобы прислушаться, опершись белой, как полотно, рукой на ближайшее дерево. Убедившись, что не слышно звуков погони, Ахилий по старой привычке потёр в задумчивости подбородок. Это обратило его взгляд, который не замечал разницы между днём и ночью, на частички грязи, которые покрывали его кожу на тыльной стороне ладони.

Внезапно охваченный гневом, он выронил лук и стал тереть грязь. Хотя он чувствовал, как она отходит, рука не становилась чище, ровным счётом как и та, которой он тёр. Ахилию не нужно было видеть своё лицо, чтобы знать, что с ним ситуация та же. Всё его тело и даже его зелёно-коричневый наряд охотника были запачканы, почти как если бы он недавно выкопал себя из могилы. Сколько он себя ни чистил, всегда находилось больше частичек, больше кусочков земли.

Теперь положение его было ещё хуже: нужно было отчистить не только плоть, но и разум.

Он только что прострелил своего лучшего друга, и хотя сам он не хотел этого, это ничуть не умаляло его грех. Приказ отдал другой, но у Ахилия кишка оказалась тонка отказаться. Он подобрал время, прицелился и, как ни кричал его разум о том, что нужно не стрелять либо промахнуться, Ахилий повиновался своему господину.

Подняв свой лук, лучник снова оглянулся. Он увидел освещение то ли от огня, который создал Ульдисиан в своём гневе, то ли просто от лагеря – это было неважно. Нужно было бежать дальше.

«Но куда я бегу? Куда?».

На это у него был только один вариант, но о нём было страшно даже думать. Ахилий будет бежать, пока не исчезнет всякая возможность, что его найдут. Не дальше. Было приказано оставаться неподалёку, но не слишком. В конце концов, Серентия была следующей. Следующей...

Подавленный этой жуткой мыслью, охотник попытался закричать, но ни звука не вырвалось из него. Разумеется, это было никак не связано с зияющей давнишней дырой на месте горла. Магия, которая оживила его, наделила его и голосом тоже, но голос этот украл, во всяком случае, на данный миг, тот, кто захватил над ним полную власть.

Так что Ахилию ничего не оставалось, кроме как возобновить бег. Его темп до смерти изнурил бы самого сильного оленя и коня, но без необходимости дышать ему было нетрудно продолжать суровый путь.

Ахилий обегал деревья, проскальзывал в узкие лазейки и перепрыгивал через стволы с лёгкостью, какую не демонстрировал даже при жизни.

И всё же он не мог почувствовать ни малейшего дуновения. Даже этой малой отдушины он был лишён.

Затем ни с того ни с сего охотник остановился. Это произошло не по его воле, и внезапность действия чуть не заставила его упасть. Однако он знал, что означает чрезвычайная остановка. Он достиг своего незримого предела. Чтобы убедиться в этом, Ахилию достаточно было оглянуться и увидеть, что свечение пропало из виду.

Чего смерть не возбраняла ему, так это крепких и сочных высказываний. Теперь, когда он был достаточно далеко и потому снова мог говорить, Ахилий от души выругался. Звук не донесётся ни до кого рядом с Ульдисианом, и его вообще вряд ли кто-то услышал за исключением нескольких животных, но это была одна из немногих вещей, которая помогала ему почувствовать себя почти живым.

Но едва он успел закончить, как перед ним появился яркий неестественно-синий свет. Ахилий ругнулся ещё раз. Он попытался подготовить выстрел, хотя и знал, что от стрелы не будет никакого проку.

Посреди света появилась фигура в серебристо-голубом нагруднике и с крыльями, которые были завитками энергии. Остальное оставалось неразличимо.

-Я выполнил... Твой... Вонючий приказ...- прокричал охотник.- Теперь дай мне умереть...

ПОДОЙДИ... - приказала бесплотная фигура, подманивая одной ладонью в печатке.

-Я выполнил твою проклятую работу!- стоял на своём Ахилий. Он поднял лук и наострѣнную стрелу.- Этим я убил своего лучшего друга – моего брата во всѣм, кроме крови,- лучник резко рассмеялся.- Кровь... Теперь он в крови...

Но крылатая фигура не выказала и тени сочувствия. Отчаяние Ахилия наконец побудило его прицелиться и выстрелить. Стрела пролетела как раз там, где он хотел, прямо над нагрудником, где должно было находиться горло.

Но как случилось и в прошлый раз, когда он пытался убить своего притеснителя, древко пролетело целиком насквозь, не останавливаясь. Ахилий издал ещё одно проклятье; а ведь этот самый злодей некогда заколдовал его стрелы так, чтобы они могли убить огромного демона с щупальцами по имени Тонос. Они также остались заколдованными, так что могли пробить любое защитное заклинание, каким бы ни был окружѣн Ульдисиан.

И вот Ахилий понадеялся, что, быть может, они сработают так же и против крылатой фигуры.

Словно ничего не произошло, дух в броне повторил свой приказ:

ПОДОЙДИ... МЫ ЕЩѢ ОТНЮДЬ НЕ ЗАКОНЧИЛИ.

Для Ахилия это могло означать только одно.

-Нет, только не её! Не Серентию...

Супротив его воли его рот внезапно плотно закрылся. Ноги повели охотника вперѣд сами по себе. Таким же образом опустились его руки. Лук повис в одной руке, совершенно никчѣмный.

Не в силах сделать ничего, кроме как подчиниться, восставший из мѣртвых лучник последовал за ангелом в чащу джунглей.

Глава третья

-Ульдиссиан!

Мендельн еле успел подхватить брата, прежде чем тот свалился на землю. Брата Ульдиссиана охватила паника, которой он не испытывал со времени смерти родителей. Он смотрел, как кровь сочится из раны, которая, если и не находилась над самым сердцем, то проходила совсем близко от него.

Тело Ульдиссиана неистово тряслось, он в изумлении взирал на тёмный саван джунглей. Казалось, он что-то хотел сказать, но Мендельн понятия не имел, что именно.

Младший брат перебирал в уме всё, чему Ратма научил его, но ничто не казалось подходящим для этого случая. Было заклинание, с помощью которого Мендельн сумел снова прикрепить руку, которую отрезал один из служителей Триединого, но оно явно не подходило. Ульдиссиан и остальные думали, что Мендельн излечил сам себя после того, как приложил конечность к прежнему месту. Но никто не знал, что рука была не живая, а оживлённая. Она была так же мертва, как Ахилий,двигающийся благодаря магии.

Он не смог бы сделать даже этого, не присоедини он назад руку в течение часа после её потери. Если бы прошло больше времени, Мендельн ничего не смог бы сделать. Нет, даже это заклинание, которое с виду походило на лечение, не могло его выручить в данную минуту.

А воскрешать Ульдиссиана, как он сделал это с Ахилием, он не хотел.

Его мысли метнулись к Серентии, чьё умение было почти так же велико, как ульдиссианово. Она могла спасти его брата.

«Где она?»- внезапно задумался Мендельн. Ну конечно же, уж кто-кто, а она должна была ощутить, что произошло? Так почему их двоих ещё не окружала толпа эдиремов?

Ульдиссиан откашлянул кровь, и его тело затряслось ещё неистовей.

Стрела вспыхнула пламенем, пепел посыпался на забрызганную кровью рубаху Ульдиссиана. Из раны вытекла специфическая густая жидкость, в которой Мендельн в итоге узнал то, что осталось от головки стрелы.

И когда остатки её вытекли, рана стала зарастать... И в конце концов затянулась.

Ульдиссиан кашлянул ещё раз, но на этот раз он как будто просто прочищал себе горло. Глаза его открылись.

Мендельн смотрел на него во все глаза.

-Ульдиссиан! Этого не может быть! Ты был... Ты был...

-Где...- старший сын Диомеда попытался снова.- Где... Он?

-Кто?

-Ахил... Ахилий...

Только тогда Мендельн осознал, откуда стрела. Всё ещё крепко держа Ульдиссиана, он посмотрел на джунгли. Конечно, он ничего не увидел, но в нынешнее время это ещё ничего не значило.

Вдруг до него дошёл смысл ужасного обвинения, которое Ульдиссиан только что сделал.

-Да быть того не может! Это была хитрость, проделка Инария или, возможно, Триединого. Ахилий никогда бы не...

Не без усилий Ульдиссиан встал сам. Мендельн восхитился его силе восстановления.

-Мендельн, это стрела Ахилия. Я это знаю. Это ясно мне и должно быть ясно тебе. Он стрелял. Он намеревался убить меня быстро.

Всё ещё надеясь опровергнуть, что их друг хоть как-то замешан, пусть даже невольно, в покушении на Ульдиссиана, Мендельн заметил:

-Если бы это был он, ты бы точно был мёртв. С расстояния в сто шагов в густейшем лесу Ахилий мог убить любого зверя точным выстрелом в сердце. Эта стрела прошла близко, да, но...

-Ахилий собирался убить меня,- стоял на своём его брат. Однако выражение Ульдиссиана смягчилось.- Но тут ты прав. Он ни за что бы не промахнулся, если бы не молился об этом.

Пожар, который учинил Ульдиссиан, разгорелся не на шутку. То, что и это не привлекло внимания эдиремов, поставило Мендельна в тупик, но потом он увидел, как его брат простым взмахом руки унял всё пламя. О пожаре напоминало только несколько обуглившихся деревьев.

-Так значит, это был ты,- прошептал он, обращаясь к Ульдиссиану.- Это из-за тебя никто, даже Серентия, не пришёл к нам на помощь!

Ульдиссиан угрюмо ощупал место на груди, куда ударила стрела. Его правая рука озарялась слабым золотистым светом, когда проходила не только над самой областью раны, но и вообще везде, где текла кровь. Наблюдая, Мендельн качал головой в изумлении.

Пятна крови исчезли в считанные секунды, и даже изорванная туника тут же починилась.

-Сначала я следил за тем, чтобы никто не составил нам компанию, пока ты призываешь мертвецов. Я не хотел, чтобы ещё кто-нибудь это видел, Мендельн. Они и без того насмотрелись достаточно, чтобы бояться тебя.

Мендельн не был до конца убеждён, что единственным мотивом Ульдиссиана было защитить брата, но он смолчал.

-А когда тебя прострелило?

-Я думал, щит исчезнет... Разве что тот, кто превратил Ахилия в убийцу, пожелал, чтобы этого не случилось.

-Инарий?

С резким невесёлым смешком Ульдиссиан повернулся к лагерю.

-Ты веришь в это не больше, чем я, не так ли, Мендельн? Совсем не похоже на него. Кто-то, столь же могущественный, как он, – возможно...

Его слова отнюдь не успокоили Мендельна.

-Ты знаешь, что если это так, нам конец.

Но его брат, уже начавший идти, ответ за просто:

-Один ангел, два ангела, да хоть сотня. Я отделаю их всех. Всех до единого.

И, глядя вслед удаляющемуся брату, Мендельн понимал, что Ульдиссиан не шутит.

Серентия ждала их в лагере, стоя рядом с партанец Йонасом, бывшим разбойником. Когда Ульдиссиан подошёл к ним, Сарон – суровый тораджанец, который, как и Йонас, был негласным офицером Ульдиссиана – присоединился к ним.

-У вас там что-то произошло?- тут же допросила Серентия.- Было такое чувство, будто...

-Мы закончили с работой Мендельна, вот и всё. Просто потребовалось больше, чем мы ожидали.

-И ответы были?- нажала она.

Взглянув на троицу, Ульдиссиан ответил:

-Собор шёл у нас по пятам. Инарий успокаивает людей и разносит грязные слухи о том, что мы делаем. Он пытается настроить Санктуарий против нас.

Йонас нахмурился. Сарон остался суров – его настроение никогда по-настоящему не поднималось со времени смерти его двоюродного брата от рук Триединого. Они были ближе, чем братья, – быть может, даже ближе, чем Ульдиссиан и Мендельн.

-Мы должны выступить войском на сам великий Собор, мастер,- заметил он.

Кивнув, Серентия добавила:

-А ведь в этом что-то есть. Ударить в самое сердце, пока не стало хуже. Мы не можем поступать, как с Триединым, подтачивая силы постепенно. Инарий не даёт нам такой возможности.

Непроизвольно потирая грудь там, куда угодила стрела, Ульдисиан обдумывал их мнение. Мендельн, который в конце концов присоединился к ним, издал неопределённый звук.

-Нет,- наконец решил Ульдисиан.- Пока рано. Есть ещё одно место, куда нам нужно пойти до того, как мы выступим на Инария. Только одно.

-И что же это за место, мастер Ульдисиан?- спросил Йонас.

-Столица... Мы отправляемся в город Кеджан, чтобы встретиться с лидерами магических кланов.

Весть о принятом решении быстро разносилась среди эдиремов, и чувство восторга охватило лагерь. Многие из паствы Ульдисиана никогда не были в столице. Повсюду только и было разговоров, что о том, каков город Кеджан. Те немногие, кто бывал там, как могли, старались описать его, но судя по тому, что услышал Ульдисиан, их воспоминания сильно расходились.

Он дал волю их восторгу, несмотря на некоторые опасения со стороны как Мендельна, так и Серентии. Они были правы, что тревожились по поводу встречи с кланами магов, которые, согласно слухам, избегали вмешательства в борьбу.

Ульдисиан тоже тревожился, но в то же время чувствовал уверенность. Ему пришло в голову, что маги, явно не являющиеся марионетками Собора Света, будут заинтересованы в возможном союзе. Даже если и не так, они определённо приложат все силы, чтобы снизить влияние секты на народные массы.

По мнению Ульдисиана, игра стоила свеч, и раз столица всё равно находилась на пути к святыне Инария, большим отклонением от курса это нельзя было назвать.

Его импровизированная армия выступила с рассветом, без труда пробираясь сквозь густую растительность. Когда нужно было пересечь реку, что могло быть проще, чем при помощи магии соединить вместе три ствола для моста или, как делали некоторые более продвинутые, просто оттолкнуться от берега и приземлиться на другой стороне? Когда местность становилась ненадёжной, разве трудно было разделить эдиремов на маленькие группы, которые буквально прокладывали себе дорогу?

Ульдисиан никогда не препятствовал таким проявлениям силы среди его людей. Чем более уверены они были в своих силах, чем более комфортно себя чувствовали с ними, тем больше был шанс, что они переживут битву, не говоря уже о победе.

Мендельн, само собой, был отнюдь этому не рад, но держал язык за зубами, чем его брат был доволен. За первый и следующий дни эдиремы покрыли огромное расстояние. Ещё оставалось пройти немало, но Ульдисиан прикинул, что их темп не даст даже проповедникам Инария много времени, чтобы настроить против них больше людей.

И всё же он подгонял эдиремов самую малость... А потом ещё немного... И ещё немного...

На четвёртый день, как раз незадолго до темноты, они добрались до другой реки. Эдиремы начали переходить. Ульдисиан был предельно осторожен и расставил нескольких часовых.

Однако оказалось, что опасения его излишни. На них не напали, и никого не поймали у реки. Когда последний человек перебрался, Ульдисиан отдал приказ идти дальше, тогда как сам стоял и осматривал область реки не только своими глазами.

И по-прежнему ничего не было.

Было бессмысленно тратить последние немногие минуты тусклого света, чтобы отдалиться от такого очевидного источника воды. С неохотой Ульдисиан объявил привал. Он обозначил обычный периметр и затем, припоминая недавнее нападение, разместил дополнительных часовых чуть глубже в джунглях. Все его стражи поддерживали друг с другом связь.

Даже сделав это, он подозвал Сарона для ещё одной меры предосторожности:

-Я хочу, чтобы ты нашёл себе четыре помощника и вместе с ними организовал непрерывный дозор самого лагеря. Ищите при помощи своего разума. Нужно докладывать о любом ощущении, которое покажется необычным.

-Да, мастер Ульдисиан. Я прекрасно понимаю,- тораджанец поклонился и немедленно пошёл за остальными. Ульдисиан поклялся, что сменит их Йонасом и новой группой спустя пару часов. Он хотел, чтобы у всех его часовых была свежая голова.

Но по ходу ночи Ульдисиан думал о том, уж не расшатаны ли его нервы. Чем ближе они подбирались к столице, тем тяжелейшим грузом ложилось на него его задание. Было очень даже возможно, что столкновение с магическими кланами побудит последние, по крайней мере, временно, примкнуть к Инарию. Лучше уж враг, которого они думают, что понимают, чем неизведанные и непредсказуемые силы Ульдисиана.

Он должен будет донести до них, что, если эдиремы будут разбиты, они окажутся в куда худшем положении.

Но всё это подождёт, пока они доберутся до места назначения. Ульдисиан наконец отдался своей усталости, последние его мысли касались предпринятых чрезмерных мер предосторожности. Это были всего лишь его нервы...

Яркий белый свет внезапно хлынул ему в лицо, ослепляя его. Ульдисиан вскрикнул, но его голос был так приглушён, что он едва мог слышать его. Он потянулся мыслями к Серентии и остальным... Но не мог их найти.

Существовал только свет... Только свет, из которого постепенно стала проступать дивная фигура, и стало ясно, что свет исходит от неё. Ростом гораздо выше человека, он уверенно направился к Ульдисиану, его нагрудник сверкал, а завитки силы в чистом виде, которые служили ему крыльями, горели радужой ярчайших оттенков.

Приблизившись к сыну Диомеда, он превратился в лидера Собора Света, в Пророка.

-Ульдисиан уль-Диомед,- раздался музыкальный голос. Юноша стоял примерно на одном уровне с фермером, но это не мешало ему взирать на него свысока. Светящиеся серебристо-голубые глаза проникали в самую душу Ульдисиана, заставляя человека чувствовать, что он ничего не может скрыть. - Моё заблудшее дитя...

Ульдисиан запоздало вскочил на ноги. Он заглянул в красивое, совершенное лицо Пророка, – нетронутые шрамами, бородавками или даже малейшей бородкой, – которое было окаймлено блестящими золотыми локонами, доходившими гораздо ниже плеч.

-Я не твой прислужник, Инарий, и уж точно не твой сын!

-Нет,- согласилась прекрасная фигура с обворожительной улыбкой, демонстрирующей идеальные зубы. - Но ты далёкий потомок моего даже ещё более заблудшего сына, который теперь называет себя Ратмой.

Ульдисиану рассказывали о его кровном родстве с ангелом, но если таковое и было, то оно было таким же далёким для него, как родство между ним и скотом, которого он растил на ферме. Если Инарий хотел затронуть струну родственной связи, то ангел сильно промахнулся.

-Я не радею за воссоединение семьи,- отметил Пророк с поразительной проницательностью,- но я пришёл предложить тебе руку, которая дарует тебе прощение даже теперь. Тебе не нужно продолжать этот путь бесконечного греха, сын мой. Я всё ещё могу простить тебя.

Ульдисиан мог счесть его заявление простой дерзостью, если бы не раздражающий факт, что не только нельзя было дотянуться до остальных, но даже самого лагеря нигде нельзя было найти. Ульдисиан был целиком окружён светом, исходящим от его противника. Даже когда он сделал шаг назад, ничего не произошло. Сама земля была окутана божественным светом.

-Видишь ли,- продолжал Инарий, покровительственно разводя руки,- больше нет причин продолжать кровопролитие. Исход един. К тому же, это не целиком твоя ошибка. Это она сбила тебя с пути истинного, та, которую не стоит называть, и твои ошибки обусловлены всего лишь твоей врождённой неполноценностью. Ты смертный – ты слабый. Это не оскорбление: все люди слабы. Вот почему к свету их нужно вести.

Не столько слова, сколько что-то в тоне Пророка, в его манере поведения, в самой его сущности заставило Ульдисиана возжелать поверить ему. Он чувствовал примерно то же самое, когда сошёлся с демоном Люционом, скрывающимся под маской лидера Триединого. Только Инарий был в тысячу раз мощнее. Ульдисиана обуяло желание упасть на колени и молить о прощении...

«За что?- вдруг пришла ему мысль, и его ярость мигом сожгла всё благоговение перед ангельской фигурой. - Ни о чём этом я не просил!»

-Ярость – это любовница демона, мой славный Ульдисиан. Отдаться ей – значит позабыть разум и сердце.

-Прибереги свои наставления! Что ты сделал с ними? Где остальные?

Пророк одобрительно кивнул.

-Забота... Что ж, это положительная черта. Ты упорно заботишься о тех, кто по ошибке пошёл за тобой, ведь твоё решение может пасть проклятием и на них тоже.

«Серри! Мендельн! Йонас! Сарон!» - Ульдисиан не улавливал следов никого из них.

Он бросился на Инария, одновременно призывая свои силы. Однако Пророк больше не находился там, где Ульдисиан ожидал его найти. Ангел оказался чуть сбоку. Он равнодушно наблюдал выпад человека.

-Ярость ведёт только к большему бесчестью и беде, Ульдисиан уль-Диомед. Она не просто оставляет тебя лежать в грязи, но покрывает ей тебя навсегда.

Снова вскакивая, Ульдисиан пристально взглянул на благообразную фигуру. Он ждал, что пламя вспыхнет вокруг ангела и, если не причинит ему вреда, то хотя бы сожжёт самодовольную ухмылку с безукоризненного лица.

Но ничего не произошло.

-Теперь ты видишь, каковы твои шансы, дитя моё. Тебя и твоих ближних ждут только смерть и проклятье, если только ты не станешь искать прощения. Продолжай идти путём греха, и ты осудишь их всех. Ты этого хочешь? Хватит ли тебе на это самомнения?

Ульдисиан плюнул.

-Если у меня и есть самомнение, то оно несравнимо с твоим, Инарий. Мы принадлежим тебе не больше, чем Люциону или Лилит. Это не твой мир – он наш! Наш!

Улыбка исчезла с лица Пророка.

-Я выковал этот мир из первозданных сил, взятых в сердце Созидания! Я вылепил земли и наполнил моря. Всё существует благодаря мне; всё продолжает существовать по моей прихоти... Даже ты, моё дитя.

Прежде чем Ульдисиан успел ответить, вокруг него вдруг поднялись голоса. Поначалу он принял их за голоса Серентии и некоторых эдиремов, но затем они всколыхнули давно забытые воспоминания.

«Мой бедненький Ульдисиан! Такой смущённый, такой сердитый! Позволь мне утешить тебя...»

Он подавил нахлынувшие слёзы. Глаза инстинктивно заметались в поисках того, кто говорил.

С противоположного направления донёсся детский смехок. Ульдисиан развернулся.

Его мать... Его маленькая сестрёнка...

На краю видимого им пространства прошла тень. Он только успел разглядеть, что это был плотный человек примерно его комплекции. На короткий миг показалась вторая тень, тоже мужчины, но этот был ниже и моложе.

-Ты столь многим пожертвовал, чтобы спасти их, дитя моё, и пусть их тела погибли, они обрели спасение. Но они боятся за тебя, ведь ты не сможешь присоединиться к ним, если откажешься принять мой свет. Вы навсегда останетесь разделены...

Слёзы залили лицо Ульдисиана. В его голове живо встала картина медленного, болезненного умирания его семьи. Хотя он отверг различных проповедников с их пустыми словами, в глубине души Ульдисиан всё ещё надеялся, что его мать, его отец, его братья и сёстры хотя бы обрели покой в том мире, какой бы ни существовал для них после смерти.

И это заставило его задуматься, что Инарий показал ему. Если ангел обладал такими силами, почему он не предложил Ульдисиану возвращение к жизни его родных? Чтобы это было не подобие жизни, какое Мендельн даровал Ахилию, но настоящее оживление?

Не потому ли, что он был не в силах это сделать? Если так, то ангел был не таким всемогущим, каким старался себя показать.

Что делало эти призванные тени – вероятно, тени ложные – ещё более отвратительными для человека. Инарий

поднял с глубины чувства, которые Ульдисиан надеялся никогда больше не испытывать. Пустота, отчаяние, горечь...

Ульдисиан заревел на Пророка, используя эти ужасные чувства, чтобы укрепить свои силы. Он дал боли от потери семьи охватить его и тем самым откинул любое сомнение, чтобы направить всю свою мощь на Инария.

Слепящий свет слегка потускнел... Но это было всё. Самодовольное лицо по-прежнему взирало на него свысока. Несмотря на отсутствие видимых признаков хоть какого-то результата, Ульдисиан чувствовал себя таким истощённым, что ничего не мог, кроме как упасть на колени.

-Ты выбрал путь греха,- прокомментировал Пророк медленно и равнодушно.- Я не могу помочь тебе иначе, кроме как положив конец твоему неверному существованию, дитя моё.

С этими словами Инарий просто исчез.

Свет померк так резко, что Ульдисиану показалось, будто он погрузился в кромешную тьму. Однако думал он не о себе, а о своих любимых, которые, как он считал недолгое время, снова оказались рядом с ним.

-Мать...- прохрипел он.- Отец...

Вдруг он заворочал головой. Ульдисиан обнаружил, что снова лежит посреди лагеря, окружённый спящими эдиремами. Лёгкий ветерок обдувал лагерь, вдалеке ночные обитатели джунглей переговаривались друг с другом.

Ульдисиан затряс головой. «Невозможно, чтобы это был сон! Невозможно, чтобы это был...»

Вцепившись в землю пальцами, он сумел сесть. Каждый мускул его тела ныл так, словно он действительно сражался с ангелом. Однако если бы это было так, точно не было бы так тихо. Лагерь охватил бы хаос.

«Это был только кошмар,- убеждал себя Ульдисиан.- Только кошмар... Нечего бояться...»

Но затем он взглянул за землю, где лежала его рука... И где земля лежала выжженной более чем на ярд под ним.

«Как удобно» - подумал Зорун Тзин, закончив обряд. Семисторонний узор, который он начертил на земле, всё ещё слабо мерцал от остаточной энергии. Продолжая держать кристалл на золотой цепочке, который он использовал для церемонии, над центром рисунка, маг посмотрел вперёд на джунгли.

«Как удобно, что он идёт мне навстречу, этот Ульдисиан уль-Диомед».

Выпрямившись, кеджани попрали рисунок ногой, отправляя магические остатки в воздух вместе с летящей грязью. Он оглянулся на тех, кто сопровождал его. Помимо Тербула, который держал топор и факел, с ним было полдюжины стражников в свободных красных одеждах и золочёных нагрудниках верховного совета магических кланов. Стражники были навязаны ему его «работодателями» и скорее должны были присматривать за самим заклинателем, чем помогать ему в его задании. Так поступал совет даже теперь. Он не доверял даже тому, кому сам поручал вести дело.

Зорун едва слышно усмехнулся. Не зря они так волнуются.

Подлесок над головой зашевелился, словно подбиралось что-то крупное. Маг закинул кристалл в мешочек на поясе и приготовил заклинание. Терул закричал и двинулся вперёд, чтобы защитить своего хозяина. Стражники приготовили оружие, но остались на местах.

Из темноты показалась фигура человека, который, быть может, достиг исхода третьего десятка лет. По-видимому, он когда-то был сильным и гибким, а ещё от него исходила энергия, присущая высшим сословиям. Однако чёрные отметины – вроде ожогов – покрывали всю видимую плоть, в том числе лицо, и он выглядел так, словно несколько дней не видел ни еды, ни воды. В лице всё ещё угадывалась красота, а взгляд был пронизательным, но Зоруну показалось, что пронизательность эта граничит с безумием.

Безумием... Или признаками какого-то рода заразы.

-Стой, где стоишь,- повелел он и взмахнул рукой.- Ближе не подходи.

Глаза пришельца метнулись за спину мага. Болезненная ухмылка растянулась по лицу незнакомца. Только тогда

Зорун и остальные увидели почерневшие дёсны и крошащиеся зубы.

-Ты... Больше подойдёшь...- прохрипел он.

Зорун начал колдовать, и человек упал.

Кто-то из стражников ринулся вперёд, но заклинатель взмахом руки остановил их. Он волновался не за них, а за себя. Если это и правда была какая-то зараза, он не хотел, чтобы его сопровождение подхватило её.

Был быстрый и безопасный способ узнать правду. Покопавшись в другом мешочке, Зорун достал маленькую коробочку, которую он носил с собой с тех самых пор, как последняя эпидемия затронула столицу. Из неё он достал порошок – толчёную кость жертвы такой напасти. Сначала тело было безопасно сожжено, чтобы убрать заражение, но кость всё ещё будет помнить болезнь. Если в этом теле содержится что-то похожее, порошок перелетит с ладони и покроет незнакомца.

Бормоча заклинание, маг взял необходимого количества порошка в руку. Пожелтевшая пыль задрожала, словно готовая улететь... А потом затихла.

Заразы не было. Зорун собирался оставить тело, как не представляющее важности, как вдруг его глаз наконец коснулось тряпье, в которое оно было облачено.

-Терул! Поднеси-ка факел поближе к нему!

Звероподобный слуга подчинился. Зорун на всякий случай оставил Терула стоять впереди.

Это и в самом деле была мантия Триединого, и, судя по тому, что было известно магу, принадлежала она не последнему жрецу.

Решив, что можно рискнуть, Зорун приказал:

-Переверни его.

Положив топор, слуга одной громадной лапой толкнул плечо мертвеца.

Жрец внезапно схватил Терула за запястье. Глаза открылись...

С несвойственным ему вскриком страха Терул отнял ладонь. Хозяин и слуга вместе наблюдали, как жрец снова затихает.

Убедившись, что тело остаётся неподвижным, Зорун знаком приказал Терулу закончить начатое. Несмотря на предшествующее восклицание, великан в этот раз не колебался. Он перевернул жреца.

Более тесный осмотр дал понять, что мантия принадлежала последователю Диалона. Зорун в своё время провёл тщательное изучение Триединого – врага нужно знать в лицо – и заметил по некоторым ещё оставшимся признакам, что мужчина служил в самом главном храме.

-Жаль, что ты мёртв,- прошептал он телу.- Интересно, что бы ты мог рассказать нам об этом ассенианце?

На шее висела цепочка, которую было не видно раньше. Ставив её при помощи палочки, Зорун увидел, что на ней висел медальон, указывающий на должность.

-Похоже, я должен знать твоё имя... Поглядим-ка,- кеджани из разных источников выяснил личности старших жрецов и продолжал следить за изменениями в структуре и политике секты. Больше всего его заинтриговал высший жрец Мефиса, Малик, но его до него дошли слухи об его исчезновении и предполагаемой смерти. Зорун не был дураком; в Триедином должно было крыться больше, чем оно проповедовало, некая тёмная сторона, которую Малик, он чувствовал, отождествлял лучше всех.

Но этот несчастный глупец был не Малик. Зорун перебрал в уме наиболее значительные сведения и наконец вспомнил желанное имя.

-Тебя звали... Звали Дюррамом. Да, точно. Ты – Дюррам,- Терул рядом с ним хмыкнул. Не обращая внимания на звук, Зорун поднялся.- Да, ты оказался бы для меня кладёзем знаний... Если бы сумел прожить чуть дольше.

Ногой в сандалиии маг спихнул тело в гущу кустов. Появление жреца всё ещё интересовало его, ведь Дюррам оказался далеко от главного храма и, что ещё более занятно, неподалёку от нынешнего местоположения Ульдисиана уль-Диомеда. Зорун думал, что за столько времени даже Терул мог догадаться о несомненной связи. Похоже, Дюррам, вопреки здравому смыслу, выслеживал ассенианца пешком, несмотря на явно истощённое

состояние.

-Глупо, но достойно восхищения,- объявил маг самому себе.- Лучше бы подумал сперва о себе. Пошли, Терул! Здесь мы закончили.

Великан, который по-прежнему взирал на тело, запоздало подчинился. Одной рукой он подобрал топор и перекинул его через плечо. Они и стражники оседлали коней и направились дальше в джунгли.

Но не раньше, чем Терул в последний раз оглянулся на тело несчастного Дюррама.

Оглянулся... И так неприметно улыбнулся.

Глава четвёртая

На следующий день Ульдисиан, упорно подгоняющий эдиремов вперёд, был более хмурым, чем обычно. Он никому не объяснил свою перемену настроения, и никто не отважился спросить у него, даже Мендельн. Неважно, что его брат должно быть, заподозрит что-то жуткое. Теперь ещё важнее, чем раньше, добраться до столицы и встретиться с магическими кланами.

Но теперь Ульдисиан задумался о том, хватит ли помощи кланов против всех сил, которые ополчились на него. По мнению Ульдисиана, Инарий вполне наглядно показал, как мало значил человек по сравнению с ним. Рядом с ангелом даже сила Лилит казалась незначительной. Но у Ульдисиана не было выбора: рано или поздно он должен столкнуться со своим неземным врагом, столкнуться с ним и, вероятно, умереть быстро и позорно.

Сами эдиремы не столкнулись в этот день ни с чем кроме мелкого дождика. Поначалу ему были рады, потому что он немного охладил джунгли, но как только дождик прекратился, влажность подскочила вверх. После этого партизанам уже было трудно поддерживать надлежащий темп, и даже местные стали уставать раньше, чем хотелось бы Ульдисиану.

Однако разбивали они лагерь, зная, что на следующий день смогут увидеть – по крайней мере, с верхушек деревьев – далёкие, но различные шпили большого города Кеджана. Даже это помогло Ульдисиану немного взбодриться.

Он ложился спать с уверенностью, что повторится ужас предыдущей ночи, но его преследовали только смутные сновидения. Проснулся Ульдисиан в лучшем расположении духа – человеческая природа такова, что чем больше времени проходит и чем большее расстояние покрывается, тем слабее неприятное воспоминание. Но он по-прежнему намеревался сделать предложение магам и другим городским правителям как можно скорее.

Ближе к окончанию утра их путь был прерван видом, приятным для многих эдиремов. Джунгли пересекала изъезженная дорога, которая, по словам Сарона и некоторых других эдиремов, вела непосредственно к главным воротам Кеджана.

Ульдисиан не видел причин, почему бы ему и его последователям не пойти по этой дороге. Эдиремы разбились на колонны, которые возглавили он, Серентия и Мендельн.

-Мы теперь похожи на армию завоевателей,- сказал младший брат с некоторой неприязнью.

-Нам не оставили выбора.

-Да, но хотелось бы, чтоб оставили.

Ульдисиан пожал плечами, как вдруг заметил, что что-то движется им навстречу. Небольшой обоз. Он состоял из трёх повозок с округлыми деревянными крышами. На стенках каждой из них имелись эмблемы, которые Сарон быстро узнал.

-Торговец Фахин, мастер Ульдисиан. Во всяком случае, повозки его. Он – один из богатейших торговцев в нижних землях.

-Мне знакомо это имя,- вмешалась Серентия.- Его люди вели дела с моим отцом. Я даже видела Фахина однажды, когда была маленькой.

Товары торговца сопровождали добрых два десятка конных стражей. Их капитан, заметив надвигающуюся на них огромную толпу, быстро отдал сигнал бойцам выехать вперёд. Тем временем повозки начали разворачиваться.

-Он и в самом деле должен быть очень богат,- заметил Мендельн,- раз сумел найти столько человек, готовых пожертвовать жизнью ради его вещей.

Всадники не нападали, но растянулись по всей ширине дороги. Ясно было, что они выстроили стену: попытка добраться до повозок отнимет много жизней тех, кого они считали разбойниками.

-Разворачивайтесь!- выкрикнул капитан, востроносый молодой человек со шрамом на подбородке.- Разворачивайтесь, или встретитесь с нашими клинками!

-Мы не грабители,- ответил Ульдисиан, показывая пустые ладони в знак дружелюбных намерений.

-Это нам известно, ассенианец! Весть о твоих преступлениях в Торадже и других местах разнеслась широко. Тебе не взять нашего хозяина, даже если ради этого нам придётся умереть!

-Фахин внутри?- Серентия положила ладонь на руку Ульдисиана.- Если бы я смогла поговорить с ним, мы могли бы заключить союз, ещё не добравшись до ворот. В Парте получилось...

Её предложение было разумным, но для того, чтобы поговорить с торговцем, нужно было сперва разобраться с усердным капитаном и его людьми. Встретив осуждающий взгляд начальника, Ульдисиан тихо сказал:

-Мы не хотим крови.

Сказав это, он развёл руки в стороны. Лошади бойцов, в первую очередь тех, что стояли по центру, начали гарцевать к краям дороги. Зрелище походило на жуткий танец. Некоторые стражи ругались и кричали, тщетно пытаясь вернуть на место своих животных.

Капитан первым понял, что сделал Ульдисиан. Во всю мощь своего голоса он закричал:

-В атаку! Атакуйте вот этого!

Но как ни пытались ближайшие к нему подстегнуть своих лошадей вперёд, те просто продолжали двигаться вбок. Несмотря на все усилия рассерженного офицера, на дороге открылся широкий проход.

-Мендельн, ты и остальные ждёте здесь. Серентия, пойдём, встретим этого мастера Фахина.

Они миновали стражей, которые не могли ничего поделать, чтобы добраться до них. Невидимые барьеры, которые создал Ульдисиан, удерживали воинов-всадников по краям дороги. Передняя повозка уже развернулась, но две другие не успели. Добравшись до первой, Ульдисиан знаком привлёк внимание возницы.

-В какой повозке мастер Фахин?

-Э-э-э... В средней!

Кивнув в знак благодарности, Ульдисиан повёл Серентию к средней повозке.

Страж, который сидел рядом с возницей второй повозки, попытался метнуть в пару копьё, но слишком поздно обнаружил, что оно временно прилипло к его ладони. Он повалился на возницу. Оба мужчины ударились бы о землю, но Ульдисиан спас их. Будет невозможно заручиться помощью торговца, если кто-то из его людей окажется ранен или убит.

Они подошли к задней части повозки, где имелась единственная дверь. Она распахнулась по велению Ульдисиана.

На пару налетел орущий страж.

Он не успел продвинуться из повозки дальше, чем на фут, как снова влетел в неё. Ульдисиан отправил его к противоположной стенке. Страж приземлился мягко, но оказался прикреплён к стенке повозки.

Из левой части интерьера показалась крупная фигура человека с кольцом, украшенным драгоценным камнем, в носу. Его волосы когда-то были чёрными, как уголь, но теперь в них имелись проседи. Кожа у него была светлее, чем у Сарона, но всё же темнее кожи Ульдисиана или Серентии.

-Нухорошо, вы взяли меня,- объявил он с достоинством. Несмотря на свои необъятную талию и экстравагантные одежды – на него было навешано столько золотых украшений, что на них деревня Ульдисиана могла бы кормиться целый год, – сыну Диомеда Фахин не показался самолюбивым человеком, который не думает о других. Однако это ещё не означало, что он узрит истину. Правда, его последующие слова давали некоторую надежду.- Не причиняйте больше вреда тем, кто служит мне. Отпустите их, и я ваш.

-Никто не пострадал,- ответил Ульдисиан.- Я – Ульдисиан уль-Диомед, и за их безопасность отвечаю своей честью. Мы пришли поговорить, и только.

Когда бровь торговца поднялась в очевидном недоверии, Серентия выступила вперёд. Прислонившись к повозке, она сказала:

-Мастер Фахин, вы помните моего отца, Сайруса из Серама? Он много дел вёл с вами в прошлом.

-Серам... Серам... Я знаю эту деревню, и имя Сайруса мне знакомо,- кеджани закрыл глаза и задумался.- Помню, что он был добропорядочным человеком. У него было много детей – надеюсь, во благо.- Открыв глаза, Фахин

живнул. - Да, я знаю Сайруса из Серама... А ты что, его дочь?

-Мы встречались, когда я была маленькой, мастер Фахин,- Серентия застеснялась.- Помню... Помню, у вас с собой была самая красивая девочка-пони. У неё была шелковистая, густая грива, и единственным небелым местом на всём её теле была небольшая полоска прямо над глазом, из-за которой казалось, что она всё время о чём-то думает...

-Шера,- прошептал Фахин, и его лицо растянулось в ребяческой улыбке.- Ах! Я не вспоминал о малышке долгие годы!- он хлопнул в ладоши от радостных воспоминаний о пони.- И хотя вы могли узнать о ней у кого-нибудь ещё, думаю, я поверю, что ты та, за кого себя выдаешь,- он растерял некоторую долю радости.- Но я не знаю, значит ли это что-нибудь теперь. Я вдоволь наслушался историй об ассенианце, ведущем через земли страшную армию...

-Нас нечего бояться,- встрял Ульдисиан, осторожно отодвинув Серентию.- Если не служишь злу Триединого или Собора.

-В самом деле? Я готов поверить твоим словам о Триедином, ибо слухи о тайных ритуалах недавно достигли высших кругов столицы, но о Пророке говорят только хорошее; он проповедует мир даже с вами, несмотря на ваши деяния в Торадже и повсюду.

-Проповедует и в то же время настраивает всех убить нас. Я не могу ничего привести в подтверждение своих слов, мастер Фахин, но я надеюсь, что вы дадите мне возможность высказаться в свою защиту... Ради всеобщего блага.

Дородный торговец развёл руками:

-Ты же видишь, что я пленник здесь. Мне ничего не остаётся, кроме как слушать.

Ульдисиан нахмурился.

-Не этого я хочу от вас,- идея, которую он ни с кем не обсудил, вдруг вселила лучшую надежду.- Послушайте, мастер Фахин. Вы выслушаете меня, если я предстану один перед вами и правителями Кеджана? Согласятся ли они на такую договорённость? Я свободно пройду в Кеджан один,- он прервал Серентию, которая хотела возразить,- и буду там перемещаться под вашим руководством. Только я один. Позволят ли... Позволят ли вы... Дадите вы мне шанс рассказать правду?

Торговец отклонился назад. Ульдисиан не замечал увёртки в глазах человека, хотя он и напомнил себе, что этот человек зарабатывает на жизнь сделками.

Твои... Люди... Они должны будут оставаться в двух днях пути от ворот,- объявил Фахин.- Если столь многие подойдут ближе, город станет ждать неминуемого нападения,- он указал на дочь Сайруса.- Она может пойти с тобой, если хочешь. Это приемлемо.

-Я буду один.

-Я не позволю тебе пойти в столицу одному!- выпалила Серентия.- Я пойду...

Он покачал головой.

-Ты нужна, чтобы держать в узде остальных, Серри. Никто кроме тебя не справится. Они точно не будут чувствовать себя спокойно рядом с Мендельном.

-Тогда возьми с собой его! Ты же знаешь, он пойдёт с радостью!

Ульдисиан уже обдумал это.

-Маги могут посчитать его чересчур пугающим. Я не буду рисковать им или кем-либо ещё. Всё со мной будет в порядке,- Ульдисиан посмотрел на торговца.- Раз мастер Фахин так говорит.

-Если ты отправишься в Кеджан со мной, так и будет, Ульдисиан.- Фахин поднялся, двигаясь очень резво для человека его сложения.- Позвольте мне сказать моим людям, что мы возвращаемся домой. Капитана Азтула тоже надо успокоить.

Из благодарности Ульдисиан низко поклонился.

-Спасибо вам. Приношу свои извинения за то, что прервал ваше путешествие.

-Поездка была личного характера, а не делового. Вы что, меня таким нищим считаете – всего три повозки. Я был бы куда больше расстроен, если бы пришлось разворачивать двадцать штук.- Фахин отмахнулся от предложенной руки, сходя с повозки. Оказавшись на земле, торговец заглянул внутрь.- Ох! А что с моим бедным телохранилем?

Ульдисиан отпустил человека. С громких вздохом страж съехал вниз. Он уставился на Ульдисиана, словно у того было две головы. Такое выражение будет превалировать на лицах кеджани, подумал сын Диомеда... Смешанное с ненавистью – спасибо Инарию.

Капитан Азтул, хоть и был своевольным человеком, в конце концов подчинился приказам своего нанимателя. В свою очередь Ульдисиан встретил много протестов со стороны своих последователей. Никому не нравилось, что он отправляется в столицу один, но, как и торговец, он не допускал возражений.

Было решено, что Фахин возглавит дорогу в Кеджан, а Ульдисиан будет скакать позади повозки. Во время обратного путешествия торговец решил сидеть рядом с возницей. Он не хотел показаться трусом перед своими людьми, что Ульдисиан мог понять. Однако капитан Азтул тоже оставался поблизости, всегда наготове на случай, если ассенианец предпримет что-то подозрительное.

Мастер Фахин сам указал, когда они наконец оказались примерно в двух днях от пункта назначения. Сарон и другие нехотя подтвердили это, хотя Ульдисиан их не спрашивал. За то короткое время, какое он был знаком с торговцем, он успел немало его зауважать. Сыну Диомеда в кои-то веки улыбнулась удача: если Фахин представит его правящим кругам, то есть надежда, что они послушают, а не перейдут сразу к делу.

-Учитывая капризную природу совета магических кланов, есть смысл встретиться с принцем Эхмадом – молодому принцу удалось укрепить свою позицию. Он заручился поддержкой многих гильдий, и даже маги прислушаются к его словам,- объяснил Фахин ранее.

-Как насчёт этой распри между кланами? Насколько смертоносной она была?

-Было время, сынок, когда ни один день не проходил без того, чтобы не находили тело в каком-нибудь ужасном состоянии. До нынешнего дня случаются смерти, причину которых не может определить никто за пределами кланов – настолько обезображены останки. Сейчас этого поменьше, но дикая стая гиен всё ещё дерётся за лакомый кусочек. Они прицениваются друг к другу, ждут возможности воспользоваться слабостью, и когда это случится, полётится новая кровь.

Ульдисиан подумал, будет ли от заклинателей вообще какой-то толк, раз они так заняты междоусобицей.

-Есть ли тогда смысл вообще говорить с ними?

-Да, если это необходимо для осуществления твоих желаний. Хотя отдельные члены совета и рады всадить друг другу нож в спину, совет в целом непременно позаботится о том, чтобы ничто не угрожало его планам. Они должны сохранять верность принцу, потому что его родословная выходит далеко за пределы их правления, но если что-то угрожает магии, которой они так поклоняются, то даже худшие из соперников заключат на время союз.

-Но они позволили Собору и Триединому подняться и ослабить их влияние.

Фахин признал это, но добавил:

-Обе секты набрали силу с такой стремительностью, что даже я задаюсь вопросом, как им это удалось. Маги оказались застигнуты врасплох, а ко времени, когда они поняли, что происходит, уже ничего нельзя было поделать,- на этом торговец вытянулся через повозку и чуть не ткнул Ульдисиана в грудь.- С тобой они не допустят такой ошибки.

-Я с ними дела не имел.

-Им того и нужно. Будь начеку, даже если предложишь им перемирие или союз, Ульдисиан. Твоя спина всегда будет оставаться открытой.

Хотя большую часть советов мастера Фахина Ульдисиан принял с благодарностью, на счёт этого он подумал, что торговец недооценивает его. После сражения с демонами и высшими жрецами маги являлись опасностью, которую он всегда учитывал, и потому был к ней готов. Только Инарий по-настоящему волновал его.

Перед расставанием с эдиремами Ульдисиан произнёс напутственную речь, которая, он чувствовал, была необходима, чтобы умерить их опасения. Он сделал это также ради местных, потому как его последователи теперь стояли лагерем недалеко от двух небольших деревень, а дорога впереди была даже ещё больше густонаселённой.

За последний день они встретили много других повозок и путников; некоторые нервно проходили мимо, другие и вовсе побежали назад в город. Фахин весело беседовал со всеми, с кем удавалось, изо всех сил стараясь заверить знакомых, что это не войско... Пусть это и было войско.

Мендельн пожелал ему удачи, когда остальные отошли; брат Ульдиссиана прошептал:

-Ты знаешь, что даже Серентия не сможет удержать этих людей, если они почувствуют, что что-то идёт не так. Они умрут и уже умирали за тебя. То же могу сказать и за себя.

-Ты говорил с Ратмой? Он сказал что-нибудь по этому поводу?

Мендельн нахмурился.

-Я не говорил с ним с тех пор, как мы в последний раз говорили об этом... И потому я ещё больше волнуюсь за тебя. Ратма не молчал и не отсутствовал бы, не будь у него на то весомой причины.

Не имея такой веры в Древнего, как его брат, Ульдиссиан пробормотал:

-Я не могу стоять на месте только потому, что он не показывается. Мы постоянно должны двигаться, Мендельн. Это противостояние наше; его дни давно прошли.

Мендельн только кивнул, после чего легонько хлопнул брата по плечу.

Обоз Ульдиссиана и Фахина вскоре был далеко от эдиремов. Сам Ульдиссиан проявлял меньший интерес к тем, кого они встречали по пути, чем при предыдущих обстоятельствах. Причина этого стала ясна, когда выяснилось, что две повозки, следующие из столицы, принадлежат не кому иному как торговцу из Тулисама, городка, расположенного неподалёку от его ненаглядного Серама. Ульдиссиан не выдал себя, потому что владелец повозки – тучный лысый мужчина по имени Ларий – проезжая мимо, отпустил несколько замечаний об убийце пары жрецов, у которого всё ещё развязаны руки. Однако в остальном было приятно увидеть и услышать кого-то из его мест.

-В городе будет больше таких, как ты,- напомнил ему Фахин.- Кеджан отличается от большинства других мест, которые ты посетил в нижних землях. Все люди, даже те, кто приплыл с противоположного берега моря, в конце концов приходят в столицу. Возможно даже, что там найдётся кто-нибудь, кто знает тебя...

Это на короткое время заняло мысли Ульдиссиана, который представил себе, как его узнают братья Серентии. В отличие от неё они могли и не простить так легко смерть отца. Ульдиссиан и сам до сих пор оплакивал человека и желал, чтобы как-нибудь обстоятельства – и Лилит – не принесли тот ужасный день.

Они миновали не один, а целых два вооружённых патруля, и тот и другой мастер Фахин незамедлительно подзывал к себе. Фахин объяснял, что эдиремы – паломники, а Ульдиссиан – их глава, и его влияние, по крайней мере, пока, удерживало капитанов от того, чтобы скакать навстречу толпам.

-После того как мы поговорим с принцем Эхмадом,- сказал торговец после первого патруля,- я уверен, что он пришлёт того, кто будет поддерживать порядок и не допустит недопонимания.

Фахин предпочитал свою повозку местным постоялым дворам, объясняя это нежеланием спать в постелях, в которых предыдущие жильцы могли оставить свою грязь. Это устраивало Ульдиссиана, который не доверял постоялым дворам по другой причине.

Посвятив себя в это предприятие, торговец полностью увлёкся им. Борьба Ульдиссиана с Триединым немало повлияла на него, потому как у Фахина было открыто своё дело в каждом крупном поселении и даже в нескольких малых.

-Не буду лгать тебе, что вся эта история с Храмом не сказала на мне,- признался он Ульдиссиану.- Ещё и поэтому я хочу, чтобы ты переговорил с городом. Это бы поспособствовало миру и процветанию, которых желает любой хороший человек.

-И любой хороший торговец тоже, так ведь?

Глаза Фахина блеснули.

-Именно так.

Была тёплая безветренная ночь. Хозяин предложил Ульдиссиану свою собственную повозку, но тот вежливо отказался – не любил спать в коробке. Вместо этого он выбрал местечко неподалёку от лошадей, полагаясь на их обострённые чувства, как и на свои силы, чтобы они предупреждали его о приближении кого-либо. Фахин

посмотрел на такое размещение несколько неодобрительно, но Ульдисиан, который вырос с животными, находил их близость и запахи успокаивающими и знакомыми.

Несмотря на это, сон не шёл, потому что Ульдисиану было странно находиться в отдалении от Мендельна, Серентии и других эдиремов. Раньше их разделяли только всякие личности наподобие Лилит. Расстояние делало связь между ним и остальными более тонкой, но с этим ничего нельзя было поделать.

Подошёл капитан Азтул, офицер смотрел на него с прежним недоверием:

-Было бы лучше, если бы ты оставался рядом с повозками, ассенианец.

-Мне и тут неплохо.

-Ну, как хочешь,- капитан наградил его последним проницательным взглядом и зашагал прочь.

Ульдисиан не обращал внимания не недостаток манер у капитана. В столице, должно быть, будет ещё хлеще, но он переживёт.

Но сон всё не шёл. Ульдисиан начал уже разглядывать верхушки деревьев в надежде, что это его убаюкает. У многих деревьев имелись лозы и длинные змееподобные ветви. Он уже знал, что в листве не кроются хищники, а даже если бы и крылись, он не очень бы волновался.

Деревья почти смыкались куполом над этой частью дороги. Некоторые ветви висели так низко, что чуть не задевали крыш повозок.

Постепенно он стал успокаиваться. Остальные члены группы мастера Фахина улеглись, только часовые остались на своих постах. Два небольших костерка горели в целях безопасности. Ветви над повозками зашуршали. Наконец Ульдисиан закрыл глаза...

Потом ему пришла мысль, отчего двигаются ветви, если нет ветра.

Ульдисиан вскочил на ноги.

-Капитан...

Ветви со всех ближайших деревьев ринулись вниз, хватая повозки, лошадей, людей. Один из стражей закричал, когда его потянуло в тёмные джунгли. Ветка бросила лошадь на ещё не перевёрнутую повозку, лошадь проломила крышу.

Капитан Азтул высвободился из веток и схватил полено из костра. Он отразил первых нескольких атакующих, но всё больше нападало на него.

Пристально глядя на деревья, которые напали на капитана, Ульдисиан использовал свои силы, чтобы оборвать ветви. Деревья, к которым они были прикреплены, затряслись и затихли. На Азтула посыпался дождь из сломанных веток, но они только действовали на нервы.

Ульдисиан посмотрел на ближайшую повозку, в которой, как он знал, находился Фахин. Сын Диомеда показал кулак веткам, которые были там, и потянул его вниз.

Деревья затряслись с явным усилием побороть его власть над ними. Кто бы ни обрушил этот хаос на их группу, он владел несметной магией. Однако почему-то Ульдисиану не думалось, что это дело рук Инария. Это было на него не похоже. Несмотря на задействованное умение, имелась также некоторая неуклюжесть.

Но была атака неуклюжей или нет, она уже оказалась смертоносной. Кто-то явно наблюдал и выжидал, и этому кому-то удалось избежать обнаружения.

Наконец повозка Фахина вновь затихла. Ульдисиан нахмурился, и ветви стали отпадать от повозки. Они чернели, словно сожжённые, после чего ссыхались, пока не оставалось ничего кроме обрубка.

Но даже когда он уничтожил так много ветвей, их оставалось ещё слишком много. Ульдисиан услышал, как ещё один страж закричал. Третьей повозки нигде не было видно. Лошади всё метались в панике.

-Берегись!- капитан Азтул выпрыгнул из ниоткуда, столкнувшись с отвлёкшимся Ульдисианом.

Недостающая повозка обрушилась на землю неподалёку от них двоих. Освобождаясь от капитана, Ульдисиан пришёл к выводу, что повозка промахнулась бы мимо него, даже если бы Азтул не пришёл к нему на помощь. И всё же он был благодарен человеку за его заботу. Это было действительно близко.

-Ты должен помочь мне вытащить отца из повозки!- прохрипел Азтул.- Пожалуйста!

-Отца?- осталась только повозка мастера Фахина.- Ты хочешь сказать...

-Я незаконнорожденный,- поспешно объяснил капитан.- Но он взял меня к себе после смерти жены и признал своим.

Больше ему ничего не нужно было говорить. Ульдисиан и Азтул побежали к повозке, где уже кто-то пытался выбить ногой повреждённую дверь. Когда дверь отлетела, показалась круглая фигура торговца.

-Отец!- крикнул капитан.- Посмотри...

Не закончив предупреждения, Азтул стал давиться. Ульдисиан быстро повернулся, но капитан, держась за лозы, опутанные вокруг горла, уже исчезал в листве.

-Азтул!- скорбно крикнул Фахин.

Но даже Ульдисиан ничего не мог сделать. Он устремил внимание туда, где в последний раз видел мужчину, но, хотя пара десятков ветвей свалились по его приказанию, ни одна из них не держала Азтула.

Ульдисиан схватил торговца.

-Ему уже ничем не поможешь! Мне жаль!

-Это... Это...- больше заплаканный торговец ничего не мог выговорить.

Пока Ульдисиан пытался увести Фахина от атакующих деревьев, до него наконец дошло, что он сосредоточился не на том. Он реагировал на заклинание, тогда как нужно было искать заклинателя. Возможно, раньше у Ульдисиана просто не было возможности подумать о чём-то за исключением текущего момента, но теперь всё пойдёт по-другому.

С Фахином под руку Ульдисиан быстро обзрел своим разумом местность. На первый взгляд, ничего не было, но он привык к уловкам, к которым прибегали его враги, чтобы скрыть себя. Ульдисиан стал искать в местах, где отсутствие невидимого противника было слишком явным.

Вот оно! Место было таким спокойным, что только там и мог прятаться заклинатель. Ульдисиан сосредоточил на точке свою волю, желая смахнуть защиту оппонента и затем ударить его.

-Ульдисиан! Здесь...

Что-то тяжёлое ударило сына Диомеда по затылку. Мысли Ульдисиана перемешались. Он повалился за Фахина, не в силах поверить, что кому-то удалась такая простая затея, как подобраться сзади.

-Ах ты, грязный негодяй!- у Ульдисиана перед глазами проплыла картина торговца, достающего из-за пояса украшенный драгоценностями, но вполне рабочий кинжал. Боясь за своего друга, он попытался схватить Фахина, но промахнулся, что в его состоянии было немудрено. Фахин скрылся позади него.

Ульдисиан попытался повернуться в этом направлении, но его рефлексy были странно замедлены. Он понял, что его не просто ударили, — на него наложили какое-то заклятье.

В отчаянии он попытался поджечь то, что завладело контролем над ним. В голове немного прояснилось. Ульдисиан услышал шум борьбы.

Мастер Фахин издал вопль. Последовал смешок, после чего тяжёлое тело упало рядом с Ульдисианом.

Сильные руки схватили сына Диомеда за воротник. Ульдисиан скосил глаза, пытаясь ударить, но что-то надавило ему на грудь, так что стало невозможно сконцентрироваться. Всё его тело занемело.

Его взору предстало абсурдное зрелище. Голова была слишком маленькой для тела, но в глазах Ульдисиан прочитал ум если не больший, то равный его.

-Чуть ближе,- прокряхтело чудище со злорадной ухмылкой. Слова как бы прожёвывались в этом огромном рте.- Чуть ближе...

Он приложил ладонь ко лбу Ульдисиана.

Глава пятая

Зорун Тзин радовался успеху, как ребёнок. Это конкретное заклинание – Тзин отработывал его на протяжении нескольких месяцев для другого случая – он рассчитывал использовать, чтобы создать суматоху и тем самым отвлечь ассенианца, но о таком успехе маг даже не мечтал. Воистину, его силы были мощнее, даже чем он думал сам.

Убийства Зоруна ничуть не беспокоили. Он прекрасно знал, кто находился в повозках, и понимал, что без последствий не обойдётся, но никто обвинит в убийстве мастера Фахина его. Скорее, они возложат вину на Ульдиссиана уль-Диомеда, что Зорун только поддержит. Слухи о силе и насилии ассенианца были, в конце концов, широко известны.

И от этого поимка магом бунтаря произведёт ещё большее впечатление... Если он вообще расскажет совету. В его голове вертелись мысли, часть из которых была посвящена обретению огромной-преогромной силы.

Силы, из-за которой все остальные маги склонятся перед ним.

Насколько Зорун мог ощутить, ни одного свидетеля не выжило. Всё прошло, как по маслу. Несколько дней он издалека следил за Ульдиссианом, а встреча с торговцем обернулась исполнением желаний заклинателя. Ассенианец по доброй воле отделился от своей паствы и устроил всё именно так, как требовалось Зоруну.

И всё-таки на всякий случай маг приказал стражникам:

-Разойдитесь и проверьте, нет ли выживших. Ну-ка, шевелитесь.

Они подчинились с некоторой неохотой – очевидно, им было не по себе от всего, что он сделал. Зорун наблюдал, как они спешат к разрушенным повозкам. Снова неожиданно-негаданно пришла мысль, что бы он мог сделать, обладай он силой, которой владел ассенианец. Конечно, вопрос со стражниками тогда пришлось бы уладить.

Подлесок слева зашуршал: тучная фигура тащила к нему свою ношу. Зорун без труда узнал слишком маленькую голову Терула.

-О! Ты взял его! Роскошно, Терул!

Слуга хрюкнул и поднёс тело ближе. Осмелившись наконец наколдовать свет, Зорун изучил ассенианца поближе.

-Не на что, в общем-то, смотреть. Фермер, как они и сказали. Хм! И при этом дороже золота, а, Терул?

Но великан смотрел мимо хозяина. Насупленность отразилась на безобразном лице Терула, густые брови наморщились – он явно о чём-то думал.

-Может, не хорошо, они возвратиться, - внезапно произнёс он одно из самых связных предложений, какие Зорун когда-либо от него слышал.

Тупой комментарий Терула усилил собственные былые опасения мага. Он посмотрел на стражников вдалеке, которые искали живых среди обломков. Маг принял решение.

-Да. Интересно, а что, если я продолжу заклинание...

Он склонился к узору, который ранее начертил на мягкой земле. Частично он притоптал его, но Зорун быстро исправил это. Предыдущее усилие истощило его, но он как-то чувствовал, что всё ещё имеет достаточно сил для этой последней работы.

Подняв посох над узором, Зорун Тзин жестикулировал. Он разработал заклинание таким образом, чтобы чтения вслух не требовалось, ведь шум мог привлечь внимание цели или, в данном случае, целей.

Руны слегка засветились на его посохе. В следующий миг освещение стало исходить и от узора.

Со стороны повозок донёсся шелест листьев и веток. Фигуры стражников в тених ничем не показали, что они заметили что-нибудь необычное.

Зорун прошептал одно-единственное слово: «Ята».

Как и в прошлый раз, ветви и лозы опустились с деревьев. Со смертоносной точностью они потянулись к шести солдатам.

У первого не было возможности закричать. Лозы оплели его рот и горло, и ветви утащили его в листву. Его соседний товарищ повернулся...

Ветви схватили его. Он успел издать крик помощи, который предупредил остальных. Один стражник прыгнул к нему, но второго мужчину уже поднимало над землёй.

Их лидер указал в направлении Зоруна. Четыре оставшихся бойца ринулись к нему, намерения их были ясны. Однако двое смогли сделать только шаг, прежде чем их подхватило, третьему удалось продвинуться чуть дальше. Они рубили коварные растения, но даже со своим острым оружием они не могли вырваться.

Начальник исчез последним. Он назвал Зоруна так, что даже у мага покраснели уши. Потом лозы, которые оплели шею командира, затянулись так туго, что он задохнулся.

Деревья утянули останки вверх и прочь из глаз. Они будут перемещены на некоторое расстояние от места происшествия, где дикие звери уничтожат их следы. Само собой, в их смертях и исчезновениях Зорун так же обвинит Ульдисиана. Ассенианец и тут не сможет опровергнуть обвинение.

Довольный собой, маг опустил посох и пнул землю ногой, так что грязь полетела на узор. Вдруг он закачался – даже по его меркам ему довелось испытать слишком большое напряжение.

К счастью, Терул был рядом и подхватил его. С помощью великана Зорун оседлал свою лошадь. Затем слуга принёс неподвижное тело Ульдисиана уль-Диомеда.

Отхлебнув вина из меха, Зорун Тзин кивнул. Ночная работа и в самом деле прошла хорошо. Он изловил свою добычу с куда большей лёгкостью, чем представлял. Маг поклялся, что в будущем не будет так скромно оценивать свою мощь.

Ещё Зорун в конце концов поклялся, что не расскажет совету магов о своём успехе. Он только сообщит им, что Ульдисиан поджидал его, что ассенианец в своём безумии перебил как всех в обозе торговца, так и доблестных стражников совета. В глазах совета это предстанет неудачей – и члены совета окажутся довольны этим, – но Зорун будет знать правду, и только это имеет значение. В конце концов, почему он должен отдавать им такой приз, из-за которого они только перессорятся? Пусть лучше Ульдисиан уль-Диомед остаётся в руках того, что лучше знает, как обойтись с его предполагаемыми способностями.

Зорун развернул свою лошадь.

-Вперёд, Терул,- командовал он, поручив слуге вести лошадь ассенианца. Нетрудно будет въехать в Кеджан незамеченным, не замеченным даже советом. В конце концов, он – Зорун Тзин.

Лошади солдат, внезапно проурчал Терул.

-Хм?- магу снова довелось восхититься сообразительностью своего слуги. Да, как ни странно, но Терул снова оказался прав: нужно было что-то сделать с лишними лошадьми. Совету может показаться странным, как эти шесть животных выжили и оказались нетронутыми, тогда как все всадники погибли или пропали.

Конечно, решить этот вопрос было легче, чем все предыдущие. Зорун достал из мешочка маленькую трубку. Один её конец он приложил к губам и дунул.

Лошадь перед ним подскочила и рухнула. Две другие пали с такой же лёгкостью. К тому времени, как на них кто-нибудь наткнётся, зелье в их крови разложит значительную часть их тел. Выглядеть это будет так, словно Ульдисиан уль-Диомед жестоко перебил их вместе с остальными. Эта деталь только подкрепит слова Зоруна, который уже формулировал рассказ для дураков в совете.

-По-моему, очень неплохо, а, Терул? Совет магов оценит, что я спас хоть то небольшое, что мог, как думаешь?

Терул буркнул в знак согласия.

Уставший, но вполне довольный собой, Зорун поскакал. Позади него Терул потянул за поводья лошадь Ульдисиана и, наградив неподвижную фигуру напоследок ухмылкой, последовал за магом.

В месте, которое не было местом, то, что казалось сверкающими звёздами, закружилось в необъятной чёрной пустоте. Если бы был кто-нибудь, кто мог увидеть эти звёзды, он разглядел бы в каждой из них блестящую зеркальную чешуйку.

И в каждой из этих сверкающих чешуек он увидел бы сцены из своей жизни. С самого начала до взрослой жизни... И, возможно, даже до самого конца. В самом деле, в этих чешуйках можно было найти любого, кто когда-либо родился в Санктуарии.

Чешуйки составляли того, кого иной мог бы назвать, – если бы увидел их составленными в нужном порядке, – драконом, но кто на самом деле был гораздо большим.

Его звали Траг'Оулом, и он существовал с тех самых пор, как беглые ангелы и демоны отлили этот мир. Эссенция созидания, которую они украли, чтобы выковать Санктуарий, включала в себя его. Он рос вместе с миром, и его судьба была связана с Санктуарием так же, как судьба людей, которые ныне населяли его.

Из-за этого, а также из-за того, что он знал об угрозе для Санктуария со стороны Высшего Неба и Пылающего Ада, он, после некоторого колебания, взял ученика, сына самого Инария. Он назвал его Ратмой после того, как Древний отказался от имени, данного ему при рождении, – Линариан. Траг'Оул обнаружил, что это довольно усердный ученик, и поделился с ним знаниями, недоступными даже ангелам и демонам. И на протяжении всего обучения Ратмы они вместе с учителем не давали Санктуарию склониться на ту или другую сторону того, что Траг'Оул назвал Балансом. Баланс представлял собой равновесие мира. Падение в полнейшее зло означало страшное разрушение; отклонение к полному отсутствию зла означало стагнацию и упадок. Середина, в которой добро и зло сосуществовали, но где ни то, ни другое не обретало большого преимущества, была, по их мнению, самым лучшим и единственно правильным вариантом.

Но прежде всего поддержание Баланса подразумевало не давать Высшему Небу обнаружить существование мира, поскольку Пылающий Ад уже узнал о нём. Демонов удавалось сдерживать благодаря стараниям не только Инария, но и дракона. Но если бы ангелы вступили в перепалку...

Ратма, я хочу с тобой поговорить, – сказал Траг'Оул в темноту.

Фигура в плаще внезапно появилась под перемещающимися звёздами:

– Я здесь.

Мы должны подготовиться к немыслимому.

– Должны ли? Я пока в этом не уверен.

Нечасто за время существования дракона его удавалось застать врасплох, но это был как раз тот случай.

И почему ты так думаешь?

Плащ Ратмы затрепетал вокруг него, словно он был продолжением его мыслей.

– Если Высшее Небо узнало о Санктуарии, почему они ещё не здесь всей ратью? Им нет смысла откладывать это.

Они изучают Инария и Пылающий Ад, взвешивают их положение.

– Разумно... Но это если не учитывать охотника, Ахилия. Он попытался убить Ульдиссиана, знаешь ли.

Что ещё больше повышает вероятность, что это твой отец управляет им. Я не вижу, к чему ты клонишь, – звёзды перестроились, став созвездием, напоминающим длинное змееподобное существо из мифов.

– Это был не мой отец. Теперь я в этом уверен. Я знаю, где он находится и чем занимается. Это был не он.

Тогда мы возвращаемся к теории, что Высшее Небо знает о Санктуарии.

Брови Ратмы поднялись.

– Или лишь один из благородного воинства.

Лишь один? – звёзды перегруппировались – Траг'Оул переваривал услышанное. – Лишь один? И кто бы проник тайно вместо того, чтобы тут же раскрыть предательство Инария перед Советом Ангирис? Таких нет.

– Есть один. Он был близок с моим отцом, близок так, словно они были родными по крови, хотя крови у них и нет. Да, я мог бы назвать его дядей, Траг, ведь ангелы считают их братьями.

Ты же не о Тираэле говоришь.

Наступило минутное молчание, словно оба ожидали, что при упоминании ангела он тут же предстанет перед ними. Однако спустя некоторое время Ратма наконец заговорил голосом едва слышным, во всяком случае, для людей:

-Да. О Тираэле. Я думаю, что Ангел Правосудия явился сам, чтобы судить о преступлениях брата... А заодно и Санктуария.

Ульдиссиан проснулся. Во всяком случае, так бы он сам описал перемену своего состояния. На самом же деле по ощущениям он пребывал где-то посередине между явью и бессознательностью. Голова кружилась, не давая сосредоточиться.

Но, несмотря на дезориентацию, Ульдиссиан был уверен в одном.

Инарий точно взял его.

Ему не могло прийти в голову, кто бы ещё мог поймать его так легко... И оттого фигура, которая показалась перед ним, выглядела ещё страннее. У человека были тёмная кожа и ухоженная длинная борода. Однако прежде всего внимание приковывали глаза, ибо в первую очередь они пронизывали туман в голове Ульдиссиана.

-Слышишь меня, Ульдиссиан уль-Диомед? Слышишь меня? Я продержал тебя без сознания весь обратный путь, так что ты должен сейчас быть в состоянии связать два слова, чтобы ответить.

Ульдиссиан попытался ответить, но язык казался чересчур неповоротливым, а челюсти не работали. Он сумел кивнуть, что удовлетворило человека в мантии.

-Хорошо! Знай тогда, что я – твой похититель. Я, великий Зорун Тзин!

Он сказал это так, словно Ульдиссиан должен был знать его, и, похоже, слегка опешил, когда его пленник не выказал узнавания. Зорун Тзин презрительно фыркнул, после чего продолжил:

-Они все боялись тебя, но, признаться, взять тебя оказалось нетрудно. Иногда мне даже думается, стоит ли это того, что я сделал, что я предал...

Ульдиссиан снова попытался заговорить, но результат был прежним.

-Довольно скоро ты заговоришь, мой друг, – отдых тебе обеспечен! Мне предстоит много узнать о тебе, прежде чем решить, что с тобой делать.

Огромная фигура неуклюже прошла и встала за спиной у заклинателя. По какой-то причине звероподобный лик привлёк внимание Ульдиссиана больше, чем его пленитель.

Зорун оглянулея.

-Терул! Принеси мне тот маленький чёрный ящик с третьей полки. Живо!

Слуга Зоруна пошёл выполнять приказ, но не раньше, чем встретился взглядом с Ульдиссианом. Пленник почувствовал побуждение сказать что-нибудь, но знал, что пытаться бесполезно.

-Терул расстроил тебя своим видом? – спросил маг, неправильно понимая реакцию Ульдиссиана. – В мире есть гораздо худшие вещи. О нём тебе стоит беспокоиться в последнюю очередь, ассенианец... А вот обо мне – в первую.

Он поднял посох, который Ульдиссиан увидел только теперь, и пробормотал что-то. Многочисленные руны посоха вспыхнули.

В ушах Ульдиссиана раздался крик, но ему потребовалось время, чтобы осознать, что это его собственный. Боль внезапно обуяла его тело, словно у него медленно снимали кожу дюйм за дюймом.

-Пока это только ощущение, – объяснил человек в мантии, – но скоро оно станет реальностью. Я демонстрирую тебе это для того, чтобы ты не тянул с ответами на вопросы, которые я хочу тебе задать. Это понятно?

-Д-да! – но то, что он мог говорить, ни в коей мере не порадовало Ульдиссиана. Значение имела только боль.

Голова всё ещё кружилась, не давая сосредоточиться ни на чём, кроме Зоруна Тзина. Он всё ещё не знал ничего об окружающей обстановке, за исключением того, что под ногами заклинателя, обутыми в сандалии, находился каменный пол.

Одним взмахом посоха Зорун заставил боль стихнуть. Слева подошёл Терул – он вернулся с ящичком, который просил принести хозяин. Слуга не отдал ящичек, но вытянул его перед Зоруном.

Маг открыл ящичек крышкой к Ульдисиану. Зорун радостно заглянул внутрь и достал что-то. Сжав миниатюрный предмет в свободной ладони, бородастый кеджани указал Терулу, что тот должен закрыть ящичек.

-Верни на нужную полку,- приказал он великану. Когда Терул ушёл, Зорун поднял ладонь, чтобы Ульдисиан смог разглядеть, что в ней.

Ульдисиан хотел издать резкий вздох, но, похоже, его пленитель снова наложил печать ему на рот. Он знал, что лежит в ладони заклинателя, – вероятно, знал гораздо лучше, чем сам Зорун.

Это был маленький кусочек кристалла, из которого состоял Камень Мира.

Ульдисиан не представлял себе, была ли это частичка самого гигантского артефакта. Он знал только, что нигде больше не видел такого кристалла. Если это действительно был кусок камня, можно было только догадываться, что Лилит, один из Древних или какой-нибудь демон или ангел похитил его из пещер. Возможно, это была частица одного из парящих кристаллов, постоянно сталкивающихся вокруг главного камня, или, быть может, она была похищена во время создания Камня Мира. Ульдисиан не знал.

В самом деле, важно было только то, что он здесь, в руках Зоруна Тзина.

-Ты чувствуешь его силу? Интересно. Возможно, совет всё-таки не наврал о тебе. Нравится камешек? За него погибла дюжина людей, а за десятилетие перед тем, как я узнал о нём, уж точно вдвое больше! Все верховные маги или их агенты. Он невероятно древний, насколько мне известно... И очень полезный для моих заклинаний, сам увидишь.

Он присел на корточки. Взгляд Ульдисиана последовал за ним, и впервые он увидел края какого-то рисунка, начерченного мелом. Вероятно, это был тот самый рисунок, который удерживал его на месте. Зорун положил алый камешек на один конкретный символ, который вспыхнул, когда кристалл коснулся его.

-Я бы на твоём месте сотрудничал изо всех сил,- сказал Зорун, поднявшись. - Камень усилит все эффекты, в том числе твою боль.

Маг поднял посох. Руны снова засветились.

Ульдисиан закричал. Теперь ощущение было такое, словно его выворачивало наизнанку. Изменений в себе он не заметил, но его попытки отрицать боль не увенчались успехом.

Боль исчезла так же внезапно, как и появилась. Ульдисиан дал бы своей голове повиснуть, если бы ему была предоставлена такая возможность.

Кеджани усмехнулся.

-То, что ты испытал, ассенианец, может действительно с тобой произойти. Я могу превратить твои внутренности в наружности. Камень достаточно силен для этого. Я знаю наверняка, потому что уже опробовал его в этом деле,- он дал этому факту проникнуть глубоко в затуманенное сознание Ульдисиана. - Вообще-то, сделать это будет совсем не трудно...

В этот миг Терул показался в пределах видимости. Зорун был отнюдь не доволен этим прерыванием, но он стал выслушивать великана, который пытался донести какие-то срочные новости.

-Наверху...- прокряхтел слуга. - Мантии...

Судя по выражению мага, он понял.

-Члены совета? Ты о них говоришь?

Маленькая голова Терула закачалась взад-вперёд.

Зорун погладил свою безупречную бороду.

-Они не могут быть здесь по поводу стражников, потому что они приняли объяснение их смерти. Они хоть что-

«...нибуть сказали тебе касательно причины своего визита?»

В ответ Терул только пожал плечами.

-Кретин! Дубина! Теперь мне нужно срочно с этим разбираться!- с раздражённым фырканьем Зорун взмахом руки приказал тучному слуге дать ему дорогу. Однако перед уходом заклинатель остановился, чтобы сказать Ульдиссиану:

-Это даёт тебе время привести в порядок все сведения, которые ты сообщишь мне, ассенианец. Советую к моему приходу быть готовым. Допрос начнётся незамедлительно.

Маг скрылся из виду. Терул остался; слуга смотрел хозяину вслед.

Затем с Терулом произошли странные изменения. Выражение гиганта стало более осознанным. Его глаза снова выдавали большой ум, который Ульдиссиану показалось, что он заметил раньше.

Терул наклонился и поднял алый камешек. По его безобразным чертам расплылось выражение жадности. При внимательном рассмотрении Ульдиссиан заметил кое-что ещё – пару странных рубцов, как бы ожогов, возле левого уха. Они казались очень недавними.

-Мефисто улыбается мне,- произнёс слуга, взглянув на пленника. Его речь стала более плавной и больше не соответствовала уму, который могла вместить такая маленькая голова.

Видно, раздался звук, который Ульдиссиан не мог слышать, поскольку Терул замер и взглянул в сторону. Затем, видимо, поняв, что звук не представляет важности, великан вернул внимание к Ульдиссиану. Он пристально заглянул пленнику в глаза, и более чем когда бы то ни было Ульдиссиан убедился в том, что Терул был гораздо большим, чем предполагал Зорун Тзин.

И, возможно, представлял большую угрозу для жизни сына Диомеда, чем маг.

-Даже это тело, с его-то животной силой, исчерпается чересчур скоро,- сообщил ему Терул.- Я думал, оно протянет гораздо дольше, но, быть может, всему виной недовоспитанность хороших мозгов. Будет интересно выяснить это. Позднее, конечно же.

Ульдиссиан понятия не имел, о чём говорит великан, но ему ничуть не нравилось, куда всё шло. Он попытался сосредоточиться на своих силах, но узор Зоруна сохранял его мозг затуманенным в этом отношении. Заклинание позволяло ему слушать того, кто находится перед ним, но не более того.

-Бедный Дюррам,- продолжал Терул.- Он даровал мне больше, чем я отважился надеяться, но я знал, что не доберусь до тебя, как бы быстро я ни бежал по джунглям. Я думал подловить тебя возле столицы – я знал, что ты захочешь пойти в столицу, – но, так сильно перетруждая тело жреца, я лишь быстрее его износил.

Лицо Терула продолжало кривиться, пока он говорил пугающим, много знающим тоном, и Ульдиссиану показалось, что меж этих искривлений он заметил что-то знакомое. К сожалению, заклинание, наложенное на его мысли, делало это воспоминание смутным.

Должно быть, великан что-то неверно прочёл на лице Ульдиссиана.

-Не бойся, что этот глупец неизбежно вернётся. Его надменность, которую я насытил, когда усилил все его заклинания, подтолкнула его к бо льшим нарушениям, чем он представляет,- Терул склонил голову на бок.- И если ты думаешь, что я тут впустую болтаю, то взгляни на рисунок, и увидишь, что он постепенно подгоняется под мои нужды.

Как только он это сказал, Ульдиссиан почувствовал мощные силы, кружащиеся вокруг него. Они даже ещё сильнее связали его волю и усилили эффекты на его сознании до такой степени, что, промаршируй сейчас в комнату армия, Ульдиссиан вряд ли бы даже заметил.

В самом деле, сейчас для него существовал только Терул. Лишь злобещий слуга... Который говорил с узником так, словно они были знакомы гораздо дольше, чем несколько мгновений.

И почему-то Ульдиссиан был уверен, что это действительно так. Он снова стал бороться с заклинаниями узора, пытаясь физическими, магическими и умственными средствами сделать хоть что-нибудь.

Одна из слишком косматых бровей Терула поднялась. Его тёмные глаза завистливо блеснули.

-Какая сила... Сука сделала правильный выбор, уж это я признаю.

Его слова подняли напряжение Ульдиссиана до новых высот. Терул мог говорить только о Лилит. Но откуда он мог знать о демонессе?

Ульдиссиан сумел припомнить, что великан сказал прежде: что он использовал жреца по имени Дюррам, чтобы добраться досюда... Использовал его тело. Это значило, что на самом деле это не Терул, даже вообще не живое существо, а какой-то злой дух, вселившийся в великана.

Нет, не вселившийся. Одержимость означала бы, что слуга остаётся где-то глубоко внутри. Судя по тому, что Ульдиссиан мог видеть, это существо поглотило дух Терула. От великана не осталось ничего, совсем ничего.

И теперь злобная тень намеревалось то же самое проделать с сыном Диомеда.

В этот миг глаза великана расширились от удовольствия.

-Ах! Всё готово!- он одарил Ульдиссиана жуткой ухмылкой.- С камнем и обновлённым узором я могу не волноваться, что истощу тебя. Наконец-то я буду целым! И с твоим телом я подниму новую секту, где я, и только я, буду главным примасом! Мефисто хорошо вознаградит меня, возможно, сделает меня господином над всеми людьми.

Его тон снова напомнил Ульдиссиану кого-то. Личность вертелась у него в голове, но всё никак не вспоминалась...

-И носить твоё тело будет гораздо удобнее, чем просто чью-то кожу – скажем, мастера Этона из Парты.

Узник смотрел во все глаза. Это всё приобретало ужасный смысл.

Когда узник наконец узнал его, Терул рассмеялся.

-Да, я хотел, чтобы ты хорошенько вспомнил меня, прежде чем я поглочу тебя, Ульдиссиан уль-Диомед.

Если бы это было возможно, Ульдиссиан затряс бы головой от ужаса и нежелания верить. В его глазах воскрешение Лилит или её брата было бы не намного страшнее.

Терул бы одержим духом высшего жреца Мефиса... Духом Малика.

Глава шестая

Чувство беспокойства поразило Серентию с внезапностью молнии. Что-то в плане Ульдисиана пошло не так. Она была в этом уверена.

Однако то, что она изначально была не очень довольна его идеей, заставило её промедлить. Она не имела права менять его приказы, основываясь только на своих подозрениях, – никакого права. Это было всего лишь чувство, не более того...

Но, опять же, она была эдиремом, а у эдирина такое ощущение знаменует настоящую опасность.

Она пошла искать Мендельна, уверенная в том, что он лучше всех сможет проанализировать её опасения. Он был на своём привычном месте – в отдалённой части лагеря, и разговаривал с тремя эдирами (паранцем-мужчиной и двумя жителями низинных земель, среди них одна женщина) о чём-то под названием Баланс и о том, что смерть – это всего лишь ступень на новый уровень бытия. С одной стороны, Серентии нравилось думать, что её отец и мать всё ещё существуют и даже, возможно, наблюдают за ней. Ещё она была рада силе Мендельна, которая позволила вернуть к ней Ахилия, пусть и не совсем в том виде.

Но некоторые другие аспекты его нового пути раздражали её, особенно увлечение трупами и могилами. Да ещё эти проскакивающие комментарии Мендельна о том, что он никогда не бывает один. Насколько поняла Серентия, духи тех, кто недавно умер, посещали его – отнюдь не привлекательный аспект, на её взгляд.

Он поднял глаза на Серентию ещё до того, как она успела его окликнуть. Он мрачно распустил своих не менее мрачных учеников. Они бесшумно прошли мимо неё, и тогда она обратила внимание на то, что они, как и брат Ульдисиана, стали носить чёрную одежду.

-Они приходят ко мне с вопросами,- сказал ей Мендельн.- Я всего лишь пытаюсь ответить на них... Но я знаю, что ты пришла не из-за этого.

-Ульдисиан...

Он оборвал её, лицо его потемнело.

-Ульдисиана взяли.

Дочь Сайруса опешила.

-Ты тоже что-то почувствовал? Откуда ты знаешь? О чём ты конкретно?

-Успокойся. Вот что мне известно. На обоз напали с помощью нечистой магии. Все, кроме него, были убиты. Заклинателю был нужен он.

Новости были даже ужаснее, чем она представляла.

-Когда ты всё это узнал?- повторила Серентия.- Я почувствовала опасность только сейчас!

Пожав плечами, Мендельн ответил:

-Мастер Фахин рассказал мне.

Вернулся холод, который она иногда испытывала рядом с младшим братом Ульдисиана.

-Мастер... Мастера Фахина тоже?

-Всех... Всех за исключением Ульдисиана.

-А он? Это кланы магов взяли его?

Он вытянулся – это говорило о том, что ему неприятно то, что он знает.

-Как минимум один. Ещё умерли люди, которые служили заклинателю.

Это несколько порадовало Серентию.

-Так значит, не все негодяи избежали возмездия.

-Они тоже убиты пленителем Ульдисиана.

-Но в этом нет смысла!

Мендельн покачал головой.

-К сожалению, есть, и именно поэтому я всё равно бы сейчас распустил своих и пошёл бы искать тебя.

Она попыталась соображать. Что-то нужно было сделать, и сделать быстро.

-Ты знаешь, где теперь Ульдисиан?

-Он в большом городе. Маг – искушённый тип, который называет себя Зоруном Тзином. Это всё, что я сумел выяснить. Духи больше ничего не узнали, потому что сразу же потянулись ко мне.

-Почему?

-Что – почему?

-Почему они тянутся к тебе? – спросила Серентия с растущим раздражением.

-Потому что, – ответил Мендельн, в очередной раз пожимая плечами.

Серентия махнула рукой. Сейчас было важно только спасти Ульдисиана... Если ещё не было слишком поздно.

-Так ты говоришь, увезли в столицу.

-Да, должно быть – в жилище Зоруна Тзина, местоположения которого не знают даже тени стражей.

Она того и ожидала. Серентия знала также, что они не могут просто прийти и попросить кланы магов вернуть им их лидера. Что-то подсказывало дочери торговца, что Ульдисиан «исчезнет» куда-нибудь, где его будет ещё немыслимее отыскать.

-Мы должно пойти в город, – определилась Серентия. – Это всё, что я знаю.

-Да, но стоит ли упоминать, что, если мы пойдём, остальные тут же потянутся за нами? – Мендельн жестом руки указал на весь лагерь. – Я подозреваю, что уже сейчас некоторые из них, такие как Сарон, начинают чувствовать то же беспокойство, которое почувствовала ты.

-Хорошо! Мы расскажем им то, что ты мне рассказал, а потом мы все пойдём на Кеджан. Заставим кланы магов или кого-нибудь, кто у них там за главного, отыскать Ульдисиана – а не то... Ульдисиан хотел всего лишь поговорить с ними, и вот как они с ним обошлись!

-Они расценят такое число людей как угрозу для столицы, Серентия. Они решат, что это нападение.

Её это не разубедило.

-И очень даже может быть, что они окажутся правы, если не вернут нам его целым и невредимым! А что не так? Ты бы не сделал этого ради него?

Брат Ульдисиана глубоко вздохнул.

-Сделал бы, конечно, просто хотелось бы, чтобы у нас были другие варианты. Сделаем, как ты говоришь.

-Хорошо! – Серентия отвернулась от него. – Тогда нам лучше не тратить время и предупредить остальных.

Она пошла от Мендельна, уже выкрикивая имена Сарона и Йонаса. Мендельн немного посмотрел ей вслед, после чего, качая головой, неохотно пошёл за ней.

-Это до добра не доведёт, – пробормотал он себе под нос. – Это до добра не доведёт...

Это был Малик... Тот самый Малик, который совершил жесточайший и ужаснейший поступок: содрал кожу

с правителя Парты и его сына, чтобы надеть её на себя и таким образом заманить Ульдиссиана в ловушку. Малик, который служил ордену Мефиса, а на самом деле – демону Мефисто. Малик, который был правой рукой Люциона, жуткого главы Триединого.

И хотя Малик немного получил по заслугам, когда непреднамеренно атаковал Лилит в образе Лилии, – и потому умер, как умерли Этон и его сын, – высший жрец вернулся в виде духа, привязанного к кости, раздобытой Мендельном. Мендельн тогда использовал её, чтобы помочь справиться с Лилит, ведь она была единственным существом, которого Малик ненавидел больше Ульдиссиана. Дух справился со своим заданием, как ему и было велено, проведя Ульдиссиана через опасности главного храма.

Однако в одном месте коридора дух Малика приказал Ульдиссиану бросить фрагмент кости. Считая, что на то есть веская причина, тот подчинился. В следующий миг кусок ударил в лоб жреца – его звали Дюррамом.

Обстоятельства и Лилит заставили Ульдиссиана позабыть о кости и её возвращении, и он посчитал, что она и страшная тень Малика исчезли под обломками храма. Теперь Ульдиссиан ясно видел, что он, к несчастью, сильно ошибался на этот счёт.

И за эту ошибку он заплатит забвением, а также тем, что его тело и силы перейдут к человеку, который является злом в чистом виде.

-Мы – или, вернее, я – уже давно отсюда исчезнем ко времени, когда глупец Зорун осмелится вернуться. Было легко проделать дыры в истории, которая и без того полна дыр. Я руководил его мыслями с того самого момента, как попал в это тело великана, играя на его собственном тщеславии. Как бы ему ещё в голову пришло, что он так легко сумел поймать тебя благодаря своей никчёмной силе! Ему удалось это только потому, что я, кто успел узнать тебя так хорошо, мой старый друг, обеспечил настоящую попытку. Я знаю прорехи в твоей броне, и я воспользовался ими, – лицо Терула радостно осветилось. – И всё прошло так гладко, что я сам был поражён!

Ульдиссиан слушал. Это было единственным, что он мог делать, и его единственным оружием. Малик утверждал, что время на его стороне, но чем больше узник делал вид, что внимательно слушает, тем больше высший жрец становился, как Зорун Тзин, горд собой.

Ульдиссиан знал, как опасно владеть такими сильными навыками. Он и сам не раз становился жертвой самомнения – быть может, трагическое путешествие с несчастным мастером Фахином было тому страшным напоминанием. Ведь Ульдиссиан считал себя неодолимым, недостижимым. Он всё спланировал идеально. ... Или так он думал. Сейчас это казалось таким опрометчивым, таким нелепым – предполагать, что можно просто войти в столицу восточной части света и потребовать права говорить с лидерами, не страшась предательства или последствий.

-Да, я смогу найти твоему телу куда лучшее применение, – Терул – нет, Малик – сделал шаг к Ульдиссиану, крепко сжимая осколок. Ухмылка великана становилась чрезвычайно злобной. – А теперь, сын мой, желаешь ли ты признаться в чём-либо перед тем, как обретёшь полнейшее забвенье?

Ульдиссиан попытался очистить голову, но боялся, что уже слишком поздно. Изменение Маликом заклинания мага пока никоим образом не ослабило хватки на нём. Да, в лучшем случае это была отчаянная надежда, но в то же время это была единственная надежда Ульдиссиана.

-Не желаешь? Что ж, тогда мы начнём, – Малик приложил частицу кристалла к груди Ульдиссиана. Высший жрец начал тихо нащёптывать...

В этот момент тепло стало передаваться от камня Ульдиссиану. Поначалу он подумал, что это часть заклинания жреца, но затем туман, который мешал ему сосредоточиться, начал рассеиваться. Его сила вернулась...

Но изменение в нём не осталось незамеченным. Малик нахмурил брови:

-Что за?..

Дух не продолжил. Точно так же, как в джунглях с Мендельном, Ульдиссиан дал волю эмоциям. Не было времени поступать иначе.

В месте прикосновения осколка возникло яростное оранжевое свечение.

Великан издал вопль, когда свирепая сила выжгла его кожу, его мышцы и всё под ними. Лицо стало ещё безобразнее, когда бушующая энергия вырвала губы и веки Малика. Затем глаза расплавились, так что остались одни глазницы, а челюсть безвольно отпала.

Мучитель Ульдиссиана рухнул грудой костей.

В то же время заклинание, удерживавшее сына Диомеда, наконец рассеялось. К несчастью, это привело к тому, что Ульдисиан, изнурённый не только приложенными усилиями, но и пытками Зоруна Тзина, больно упал на пол. Он был не готов защититься, и простое падение оставило его разбитым и, что ещё важнее, оглушённым.

Привели его в чувство как будто бы голоса, а может быть, один голос, много раз отдавшийся эхом в его голове. Ульдисиан перекатился на бок, и его взору предстало тошнотворное зрелище сожжённого тела. Рассыпающиеся пальцы одной руки задёргались, и Ульдисиан уж было подумал, что Малик выжил, но затем тело снова затихло.

Не уверенный в том, что сможет проделать то же самое с Зоруном Тзином или кем бы то ни было другим, кто придёт за ним, Ульдисиан теперь желал только одного: быть как можно дальше от убежища мага. Дальше...

И вот он исчез.

Зорун не мог понять не только того, почему три самых старших мага, служащих принудительной длани совета, соизволили лично явиться в его жилище, но и того, почему они расспрашивали абсолютно обо всём, что он рассказал, так, словно они уже знали, что он солгал. Он не ощущал заклинания правды и знал, что, какими бы способными они ни были, эти трое – даже высокий, худосочный Нурзани – не обладали достаточной силой, чтобы наложить такое заклинание, какое бы он, Зорун Тзин, не смог бы уловить.

Трое стояли перед ним подобно жнецам, на каждом из них был надет оранжево-коричневый объёмистый плащ с узким остроконечным капюшоном принудительного ордена. Кетуя едва можно было разглядеть под его капюшоном – кожа его была чёрной, почти как тень. Только его лукавые глаза были по-настоящему видны. Амолия, чьи корни восходили к поселенцу-ассенианцу, потомки которого заплотонили теперь северную часть столицы, была по сравнению с ним, как привидение. Её кожа была бледной, как слононая кость, и Зорун знал, что после дня, проведённого на солнце, она останется такой.

-Гильдия торговцев настояла на полном расследовании смерти мастера Фахина,- спокойно говорила Амолия.- И мы, конечно же, согласились.

Зорун ожидал этого: некоторые из его коллег активно пользовались связями и маршрутами торговца, чтобы добывать предметы, необходимые им для частных нужд. Смерть Фахина, хотя и не сказала на Зоруне, наверняка воспрепятствовала заклинательной деятельности нескольких членов совета.

И всё же, когда он впервые сообщил работодателям о своём «провале» и «кровожадности» Ульдисиана, он дал ответы, которые должны были удовлетворить каждого. Как он сказал после Терулу, придумывать на ходу было довольно легко.

Так почему теперь даже у Зоруна возникли проблемы с его историей?

-Я буду счастлив снова представить факты, когда состоится слушание,- ответил он, зная, что не может сказать ничего иного. Ко времени, когда соберётся слушание, нити, вылезшие из его истории, затянутся, словно по волшебству.

-Считай, что оно состоится прямо сейчас, Зорун Тзин,- пробормотал Кетуй.

Худосочный Нурзани, – силы которого не без причин Зорун уважал больше всех, – поднял бледную ладонь. Переднюю дверь жилища Зоруна заволокла жёлтая аура. Глубоким и устрашающим баритоном костлявый маг прогудел:

-Решением совета магические кланы дают нам право начать формальный допрос о твоих действиях, второй сын Лиова Тзина.

То, что один из них приплёл имя его знаменитого отца, было недобрый предзнаменованием. Это означало, что Нурзани не боится задеть Зоруна, указав, что он не является ни его господином, ни первым сыном его господина.

Застигнутый врасплох, Зорун лихорадочно соображал, что ответить дальше, в то же время желая, чтобы кто-то отвлёк троицу от выполнения их миссии.

И как раз в этот момент здание задрожало. Редкие пузырьки и другие сокровенные предметы, занимавшие почётное место в общей комнате, – как кеджани называли пышные комнаты, в которые первым делом проходили гости, – полетели вниз. Зоруну не нужно было смотреть на лица других, чтобы узнать, что они почувствовали прилив несдерживаемой и могучей энергии, проникающий сквозь пол и стены. Даже совершенно бездарный уличный торговец ощутил бы их.

Но, в отличие от Зоруна, он как можно дальше убежал бы от источника... А не повернулся и не побежал бы ему навстречу.

Но у Зоруна не было выбора. Внизу происходило что-то невообразимое, и единственной надеждой спасти хоть что-нибудь было узнать правду прежде остальных.

-З-зорун Тзин!- крикнула Амолия, пытаясь сохранить равновесие.- Тебе не... Не давали позволения уйти!

Игнорируя её, бородатый маг прыгнул во внутренний дверной проём, после чего запечатал за собой дверь. Это в лучшем случае подарит ему несколько минут, но в нескольких минутах была вся разница. Пока Зорун спускался по каменным ступеням, ведущим в его настоящее убежище, он впустую пытался дать логичное толкование неизвестной угрозе. Терул бы ничего не тронул. Терул был достаточно бит, чтобы знать, что без разрешения хозяина ничего трогать нельзя. Однако заклинатель был вынужден предположить, что что-то страшно неправильное произошло с рисунком, который удерживал ассенианца на месте, и что его слуга хотя бы частично в этом замешан. Иначе получалось, что ассенианец уничтожил все сдерживающие заклинания сам.

Быть может, истории, которые он слышал, на самом деле недооценивали мощь Ульдиссиана уль-Диомеда? Зорун не мог в это поверить. И всё-таки, какой ещё мог быть ответ?

Он ворвался в деревянную дверь у основания ступеней с посохом наготове на случай необходимости наложить защитное заклинание. Однако внутри его встретила не непосредственная угроза, а полнейшее разрушение.

Стены комнаты почернели, словно по ней пронёсся страшный пожар. Все сокровища, инструменты и другие сокровенные предметы, которые Зорун собирал на протяжении своей долгой жизни, превратились в пепел или расплавились.

Но что ещё важнее, рисунок был испорчен, а его пленника нигде не было видно.

Зорун ругнулся. Без Ульдиссиана он не сможет торговаться с остальными. На кону была его голова – такого развития событий он никак не мог предвидеть. В конце концов, он был Зоруном Тзином! Один на один ему было мало равных.

Но вот против трёх, представляющих силовое ведомство магического совета...

Он уже мог ощутить их приближение. Они прорвались через первую дверь, но наткнулись на невидимый барьер на полпути по ступеням. Это дало Зоруна ещё несколько мгновений... Но на что ему их потратить?

Он подумал о частице кристалла, но, посмотрев на рисунок, он её там не увидел. Ясное дело, Ульдиссиан видел её ценность и забрал её.

Затем его горестный взгляд упал на печальный вид его слуги. Зорун чуть не плюнул на труп, снова виня Терула за то, что тот наверняка сыграл какую-то роль в падении мага... Но затем он заметил, что тот пытается разжать пальцы.

Великан всё ещё был жив, хоть и на последнем дыхании, а в руке он с трудом удерживал кристалл.

Впечатлённый как своей удачей, так и жадой жизни Терула, Зорун Тзин приблизился к злополучной фигуре. Кристалл выправит положение. Как именно, заклинатель ещё не придумал, но это была соломинка, за которую он был рад ухватиться.

Совсем не боясь дотронуться до сожжённого человека, Зорун высвободил частицу.

Когда его пальцы сомкнулись на частице... Рассыпающиеся пальцы Терула сжались на них. Тесно.

Зорун Тзин застонал. Мир вокруг него был словно в огне. Что-то прорвалось сквозь этот огонь, чудовищная чёрная тень, которая жила на одной ненависти, – ненависти к одному человеку, запоздало ощутил заклинатель.

К ассенианцу, к Ульдиссиану.

А затем великий Зорун Тзин был поглощён.

Три мага ворвались в нижнюю комнату, готовые подвергнуть наказанию явно виновного собрата... Чтобы не найти там ничего кроме разрушения. Вся подземная комната была разнесена страшной магической энергией –

об её силе живописно говорил труп того, кто, как они знали, был недоразвитым слугой Зоруна.

Но преступника, самого Зоруна Тзина, нигде не было.

Амолия буквально пронеслась по комнате, натренированным глазом изучая полки и углы. Нурзани наклонился, чтобы изучить остатки недавно начерченного рисунка. Кетуй пошёл исследовать тело и предмет, который лежал рядом, – усиленный рунами посох пропавшего мага.

-На полках не осталось ничего ценного, и они сами не скрывают секретного выхода отсюда, - объявила Амолия, сделав круг. - Углы и тени тоже не таят пути к отступлению, который может различить моё умение.

Со стороны рисунка Нурзани прогудел:

-Изначально он был предназначен не только сдерживать кого-то мощного, но также мешать ему сосредоточиться. Но кто-то изменил чертёж так, как не велит учение ни одного из магических кланов.

-Так значит, Зорун пробовал что-то необычное?

-Эти линии вот здесь – это не по-нашему. Они напоминают мне... О Триедином.

Амолия проскользнула ближе. Она взглянула на то, на что указывал Нурзани.

-Мы подозревали, что Зорун взял одного или двух выживших для допроса... - магические кланы мало волновало, что стало с членами Триединого, до тех пор, пока их судьба не отражалась на заклинателях. - Возможно, один них бежал.

-Зорун Тзин, что бы мы о нём ни думали, точно мог справиться с жрецом храма, - фыркнул сухопарый маг.

-Это верно. Кетуй, ты какой-то молчаливый.

Тёмный человек продолжал склоняться над трупом.

-Это, конечно, Терул, но в нём есть кое-что странное. Есть ощущение, что его убили несколько дней назад, а не несколько мгновений.

-Дурачок встретил нас, когда мы пришли; он отнюдь не походил на мёртвого.

Кетуй безрадостно осклабился:

-Возможно, его маленький мозг не успел зафиксировать этот факт.

Его коллеги подошли к нему. Амолия пихнула тело ногой. Часть грудной клетки Терула обвалилась.

-Он пострадал гораздо сильнее, чем всё остальное. Он был фокусом атаки.

-Гигант был бы наименьшей проблемой любого узника, - ответил тёмный маг. Потом, пожимая плечами, он добавил. - Но я согласен, что мишенью был он.

Нурзани издал неразборчивый звук, который привлёк внимание остальных.

-И что, никто не видит ещё более значимой улики перед нашим носом?

Амолия сощурилась:

-И что же это?

Он указал на область рядом с трупом:

-Зорун Тзин оставил свой посох. Посох – подарок для любого мага, при этом Зорун Тзин оставил его. Почему?

Ни один из коллег не смог ответить... И это очень сильно встревожило всех троих.

Орис тревожилась, как любящая мать, в сотый раз за день проходя к изящно вырезанным двойным дверям. Они оставались запечатаны даже для самих стражей, снаружи охраняющих их. Пророк не выходил из своих личных покоев на протяжении нескольких дней – примеров такого сеговладея жрица не нашла ни в одном из журналов.

которые вели она и её предшественники. Он никогда не прибегал к такому заключению, и это пугало её больше всего.

-Ты не делаешь лучше ни себе, ни ему, волнуясь так, дорогая Орис, - слышался голос Гамюэля. Второй старший жрец шагнул по сверкающему мраморному коридору подобно воину, которым он и был до того, как Пророк показал ему свет. Гамюэль был немного моложе Орис и не находился так долго на своём посту, но он так же всецело посвятил себя делу. - У него наверняка есть весома́я причина, чтобы вести себя так, и если он посчитает нужным поделиться с нами своими знаниями, когда появится, - а уж он появится, Орис, - тогда ты увидишь, насколько глупой была твоя тревога.

-Тебе следовало бы подумать, что он мог бы захотеть, чтобы мы справились о его состоянии и развеяли все опасения паствы, - ответила она. Орис не пыталась скрывать свою любовь - свою плотскую любовь, - какую она питала к своему господину. Когда она впервые вошла в Собор, она была красивой женщиной, следы былой красоты оставались на её овальном лице даже теперь. Тем не менее, Пророк видел в ней лишь то же, что и во всех остальных: одного из своих детей.

При этом Орис никогда не делилась с Гамюэлем подозрением, которым терзалась сама: что сердце их лидера некогда принадлежало другой женщине, недостойной его. Орис была уверена, что это была одна из причин, почему он не выбрал её, когда она была молода. Теперь, когда на вид она годилась ему в бабушки, была ещё тысяча других горестных причин.

Но она по-прежнему любила его, и, как жена, мать и бабушка, вместе взятые, пыталась принимать все его проблемы как свою ношу.

Гамюэль вежливо взял её за руку, так, чтобы не поставить её в неловкое положение перед стражами.

-К слову о пастве: стали известны некоторые сведения, которые стоит обсудить немедленно.

Отвлечение сработало. Орис стала собой - опытным бойцом.

-Армия сельских жителей? Она перегруппировалась?

-Отчасти, но, как ты знаешь, это была необходимая жертва, чтобы раскрыть людям глаза на истинную природу фанатиков.

Оба остановились, чтобы немного помолиться за тех, кто погиб в тщетной атаке последователей Ульдисиана уль-Диомеда. Пророк разъяснил, что мёртвым будет уделено почётное место в учениях Собора.

Закончив молитву, Орис спросила:

-Так в чём дело?

-Мы знаем, что ассенианец намеревался переговорить с магическими кланами, гильдиями, а может, и с самим принцем, но что-то произошло, он исчез, оставив за собой много мёртвых.

Жрица серьёзно кивнула.

-Я думала, это Пророк...

-Может, и так. Он расскажет нам, когда сочтёт нужным. Сейчас это не важно. Важно то, что люди ассенианца теперь знают, что он пропал, и уже сейчас его люди в двух днях пути от столицы!

Орис остановилась на полушаге. Она заглянула в лицо широкоплечего мужчины и убедилась, что он не преувеличивает.

Это заставило её тут же оглянуться на вылепленные двери.

-Он должен об этом знать! Он не дал бы им спокойно подойти к городу, он сделал бы что-нибудь. Он должен выйти сейчас и сказать нам, что делать дальше!

Они стояли там, и даже Гамюэль, воодушевлённый её заявлением, ожидал, что Пророк распахнёт двери и выйдет, чтобы обнадёжить их встревоженные умы каким-нибудь великолепным планом.

Но вход оставался закрытым.

Глава седьмая

Ульдисиан не имел представления, обо что он споткнулся, да и вообще как дошёл досюда. Он знал только, что нельзя останавливаться. Взрыв, направленный им на Малика, после всего того, что он претерпел в руках Зоруна Тзина, оставил его не бодрее ходячих мертвецов Мендельна.

Теперь он даже не был уверен, где находится. Он смутно различил других прохожих на улицах, через которые пробирался. В основном они были темнокожими, не как дома. Тораджа? Хашир? Нет... Всё это осталось в прошлом. Где он был? Кеджан? Да, это была она. Столица.

Столица. Кого это ему нужно было повидать здесь? Не магов. Ульдисиан не решился бы отдать себя в руки магов. Сейчас они были для него не меньшими злодеями, чем Триединое и Собор.

Так кого же тогда? Был кто-то ещё. Мастер Фахин. Он поминал кого-то. Ко...

Принца. Ульдисиан вспомнил о принце. Амрин? Нет. Эмрад? Эхмад.

-Эхмад,- выдохнул он.- Мне нужен Эхмад. Принц...

Он брёл мимо магазинчиков и мест, где торговали сырыми продуктами, то и дело насккивая на кого-нибудь. Большинство кеджани пытались притворяться, что его не существует, хотя пара пробормотала что-то злобным голосом, когда Ульдисиан прошёл, слегка задев их.

Тому, кто бы взглянул сейчас на фигуру в лохмотьях, бредшую по узким улочкам столицы с высокими стенами, показалось бы, что Ульдисиан слоняется бесцельно. Он набредал то на одно, то на другое место. Однако пусть он сам и не осознавал этого, он направлялся именно туда, куда ему было нужно.

Две белые лошади попятись, когда незнакомец выступил из теней перед ними. Обученные не только тянуть колесницу, но и защищать того, кто едет в ней, они вздыбили передние копыта и приготовились обрушить их на Ульдисиана.

Но удара почему-то не последовало. Когда сын Диомеда заметил лошадей, они странным образом утихомирились. Они отступили назад и стали ждать.

Возничий, который прикрикнул на зверей, хмыкнул в знак одобрения самого себя, ошибочно полагая, что это ему удалось приструнить лошадей. За солдатом, положив одну руку на обод золотой колесницы, высокий, молодой человек в равно блистательных нагруднике и металлическом килте стоял и взирал на виновника опасной ситуации. Яркие тёмно-карие глаза остановились на ассенианце.

Возничий, который проявлял куда меньше интереса, поднял плетё, чтобы отогнать того, кого он принял за бедняка или сумасшедшего. Однако господин схватил его за запястье.

-Принц... Принц Эхмад...- произнёс Ульдисиан, качаясь взад-вперёд.

-Да, это я,- голос был сильный и полный непоколебимости, свойственной молодым.

-Мастер Фахин... Он сказал мне найти вас...- психически Ульдисиан начал больше чувствовать себя собой, но физически он был изнурён.

-Мастер Фахин,- на лице принца отобразилось раздумье.- Сехкар, помоги ему взобраться в колесницу.

-Мой господин,- хрипло возразил возничий.- Поехать без сопровождения и без того было опасно, но дать этому - кто бы он ни был - приблизиться к вам...

-Делай, как говорю, Сехкар.

Немало ворча, возничий передал поводья своему господину и спрыгнул, чтобы помочь Ульдисиану. Сын Диомеда оглядел человека с беспокойством, но затем снова взглянул на принца. Эхмад вежливо кивнул ему, что почему-то дало почувствовать себя легче.

-Эй ты, иди-ка сюда!- приказал Сехкар, хватая Ульдисиана за руку. Вокруг них начала собираться толпа.

Высокомерное отношение солдата внезапно пробудило гнев в Ульдисиане. Он взглянул на человека,

инстинктивно призывая свою силу.

В этот момент раздался голос принца Эхмада:

-Обходись с ним с уважением, Сехкар!

Возничий ослабил хватку. Ульдиссиан переборол свою ярость, а вместе с ней и возможные взрывные последствия.

Под руководством Сехкара пара очутилась рядом с Эхмадом. Принц сам помог Ульдиссиану подняться.

-Спасибо,- сумел произнести Ульдиссиан устало.

Эхмад изучил его.

-Ты не бедняк. Над твоими синяками, похоже, кто-то изрядно потрудился. Ты упомянул мастера Фахина. Ты знал его?

Внезапно возникло чувство, будто целый мир лёг на плечи Ульдиссиана.

-Я был с ним, когда он... Когда он умер.

-Ты...- знатный человек улыбнулся с плотно сжатыми губами.- Похоже, мне сегодня улыбается удача, раз я случайно наткнулся на тебя.

-Это не была удача. Я хотел найти вас.

Принц Эхмад огляделся вокруг.

-В самом деле! Думаю, стоит продолжить разговор в моём дворце. Вези нас туда, Сехкар.

-Слушаюсь и повинуюсь,- пробормотал возничий. Он щёлкнул плетью и, когда лошади поскакали, сильно потянул за поводья, чтобы заставить их повернуть.

Толпа расступилась перед колесницей принца. Принц Эхмад махал людям, которые радостно приветствовали его. Ульдиссиан видел, что их энтузиазм не притворен. Они вправду любили молодого человека.

Ульдиссиану подумалось, что бы они почувствовали, если бы узнали, кто едет в колеснице вместе с принцем.

Сехкар ещё раз щёлкнул плетью и прикрикнул. Лошади ускорили бег. Колесница и её пассажиры стремительно миновали толпу.

Но не раньше, чем Ульдиссиан мельком увидел в ней знакомое лицо – лицо, которое он не ожидал увидеть.

Задумчивое лицо Зоруна Тзина.

ОН...

Инарий сидел в полной темноте в покоях, которые он использовал как Пророк, сидел на обтянутом шёлком стуле и смотрел за пределы стен. Смотрел на место, которое перестал звать домом много столетий назад.

ОН... ЭТОТ ПАРАЗИТ, КОТОРОГО ОНА СОБЛАЗНИЛА...

Сейчас он сбросил личину Пророка и более-менее напоминал свою истинную форму. Инарий не боялся, что его обнаружат: вся армия его прислужников не смогла бы пробить двери, и, даже обладая слухом летучей мыши, невозможно было подслушать ни звука внутри.

УЛЬДИССИАН... ОТПРЫСК ДУРАКА ПО ИМЕНИ ДИОМЕД... ОН ОСМЕЛИЛСЯ СДЕЛАТЬ ЭТО...

Инарий не сделал ни единого движения с тех пор, как вернулся с проникновения в сон смертного, но теперь он вскочил, в сияющей ярости расправив крылья и вытянув руки в праведном гневе на последний грех.

ОН... УЛЬДИССИАН... ОН ПОСМЕЛ ПРИЧИНИТЬ МНЕ БОЛЬ!

Это не должно было быть возможно, но это случилось. Во время вторжения в сон смертного Инарий легко управлял его сознанием и заставил его поверить, что его сил больше нет. Он сделал это, чтобы дать Ульдиссиану

шанс молить о прощении, вымаливать возможность снова стать членом паствы ангела.

Но вместо того чтобы прислушаться, грешник ударил его! В самом деле, хотя Ульдиссиан думал, что его атака с треском провалилась, она обожгла Инария, на кратчайший миг прервав самый его резонанс.

На этот короткий миг ангел был, по меркам смертных, мёртв.

И хотя Инарий не был смертным, он испытал, что значит пустота вселенной без него, и это потрясло его до глубины его сути. Даже во время сражений с Пылающим Адом он не доходил до такой стадии. О, он испытывал боль раньше, особенно во время битв с демонами, но это было нечто глубоко отличное – и при этом дело рук простого человека!

Ульдиссиан уль-Диомед должен быть наказан за свой тяжкий грех. Его жизнь должна быть раздавлена, самое его существо должно быть проклято всеми, а затем все знания о его способностях стёрты из памяти остальных смертных. Это меньшее, что он должен претерпеть за свои деяния.

И с ним должны пойти эдиремы. Инарий перебирал возможные методы возвращения их в паству, когда Ульдиссиан будет усмирён, но они были запятнаны теми же мерзкими чертами, что и Линариан, даже в большей степени. Какое изменение Лилит ни внесла в Камень Мира, оно создало грязнейших существ, чем их сын.

В самом деле, сам Ульдиссиан тоже изменил Камень Мира, причём невероятным образом. Вспомнив об этом, Инарий засомневался. Одной из причин, по которым он хотел направить смертного на свой путь, было желание, чтобы Ульдиссиан повернул вспять все изменения в кристаллической структуре артефакта. Для этого ему нужен был глупец, поскольку ни одна попытка ангела, который не только был привязан к артефакту, но и черпал из него свои несметные силы, не увенчалась успехом.

НЕТ... ОН ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ... ДОЛЖЕН БЫТЬ ДРУГОЙ СПОСОБ ВЫЛЕЧИТЬ КАМЕНЬ... ДАЖЕ ЕСЛИ МНЕ ПРИДЁТСЯ НАЧАТЬ ТОЛЬКО С НЕГО И БЕЗ ВСЕГО ОСТАЛЬНОГО САНКТУАРИЯ...

Тысячи способов должным образом наказать человека за его проступки мелькали в сознании Инария, но в каждом из них имелся изъян. Все они требовали, чтобы ангел напрямую противостоял Ульдиссиану. Он не считал это необходимым. Ульдиссиан был ниже его, он был менее ценен, даже чем червь, что ползает в земле. Нечего Инарию унижаться снова до тесного контакта, нет нужды. Неожданная боль тут ни при чём – просто это недостойно ангела.

Но... Если это было дело, недостойное его...

Инарий посмотрел на запечатанные двери и вдруг взмахнул рукой.

Двери распахнулись.

ГАМЮЭЛЬ, Я ХОТЕЛ БЫ ПОГОВОРИТЬ С ТОБОЙ, МОЙ ЗАВЕТНЫЙ СЛУГА...

Крепко сложенный жрец выронил свиток, который читал, и быстро покинул свои личные покои. Со времени беседы с Орис он изо всех сил старался отслеживать ситуацию со столицей, чувствуя, что Пророк ожидал бы от него этого.

К его дальнейшему изумлению, когда он прибыл, то увидел, что двери широко раскрыты. Стражники живо приветствовали его, когда он приблизился, – «пробуждение» хозяина воодушевило их.

-Гамюэль!- Орис выскочила из другого коридора.- Стража только что рассказала мне. Когда...

-Я сейчас не могу говорить. Пророк вызвал меня!

Она казалась обескураженной.

-Вызвал тебя? А как же я? Я ничего не слышала от него!

-Я знаю только, что он вызвал меня, и это срочно,- ответил Гамюэль с терпением, на какое только был способен.- Правда, Орис, я должен идти к нему!

С этим женщина не спорила, но она и не остановилась. Она примет участие в аудиенции, и Гамюэль не остановит её. Пусть Пророк сам прогонит её, если не хочет, чтобы она присутствовала.

Гамюэль достиг входа. Орис шла за ним по пятам и вдруг остановилась, словно налетела на невидимую стену. Он попыталась сделать шаг вперёд, но вместо этого пошла назад.

Жрец сочувственно посмотрел на неё, продолжая идти. Пророк изъявил свою волю. Аудиенция была только для Гамюэля.

Двери захлопнулись перед изумлённым лицом Орис. Гамюэль изгнал из головы мысли о ней. Он сомневался, что она чем-то обидела Пророка, – просто у хозяина были мысли, которыми он захотел поделиться с Гамюэлем наедине.

Что именно это было, жрец не представлял.

Златовласый юноша ожидал его не на длинном изящном диване, где он часто отдыхал, но в самом центре комнаты. Вид у Пророка был отнюдь не сонный; будь это кто-нибудь другой, Гамюэль сказал бы: печальный.

Руки у Пророка были сведены за спиной, он с нетерпением следил за быстрыми шагами жреца.

Гамюэль встал на одно колено перед ним. Низко опустив голову, он пробормотал:

-Прости мне мою медлительность, великий Пророк! Я хотел быть быстрым, как ветер, но мне не удалось...

-Всех нас постигают неудачи, сын мой,- провозгласил прославленный Пророк.- И как только это происходит, мы стараемся исправиться, не так ли?

-Я сделаю для этого всё, что в моих силах! Клянусь!

Пророк мягко тронул Гамюэля за плечо, из-за чего тот посмотрел вверх.

-Ты – человек многих призваний, Гамюэль. Как ни коротка человеческая жизнь, ты уже успел перевидать самые разные её стороны.

-Я прошёл... Несколькими путями,- согласился жрец. Ему не нравилось говорить о своих прошлых стремлениях, особенно относящихся к поре бытности его солдатом и, от случая к случаю, наёмником.

-И если некоторые пути и увели тебя от света, они также научили тебя многому, что помогает тебе и по сей день.

Слова хозяина задели Гамюэля, который всё ещё чувствовал вину за былое. Каждый день он старался жить, как проповедовал пророк, используя жизнь самого Пророка в качестве примера.

-Встань, дитя моё.

Жрец подчинился.

Пророк гордо оглядел его.

-Славный Гамюэль, если быть точным, некогда ты был умел в военном искусстве.

-Постыдное время для меня. Я стараюсь забыть...

Его ответ вызвал осуждающий взгляд его господина. Когда Гамюэль опустил голову, Пророк тихо заметил:

-Ложь не к лицу тебе. Ты всё ещё практикуешь движения в своей комнате, а потом молишь меня о прощении. Ты всё тот же воин, каким был, когда я только нашёл тебя.

-Я... Прошу... Прощения!

-Почему? У Собора есть свои инквизиторы. Велика ли разница?

С напускным чувством собственного достоинства широкоплечий жрец ответил:

-Хозяин, ты знаешь, что я совершал как... Боец. Мои грехи велики, как стражей инквизиторов и офицеров вместе взятые!

-И при этом ты на моей стороне, не так ли?

-Чудо, которого я чувствую, что не достоин.

Пророк наградил его великолепной улыбкой.

-Хочешь стать более достойным? Хочешь показать себя передо мной так, как не может никто другой?

Теперь Гамюэль понял, почему вызвали его одного. У Пророка было для него особое задание! Глаза жреца воссияли. Ему была оказана невиданная честь.

-Готов пожертвовать жизнью и душой!

-Как и должен, дитя моё, как и можешь. Дело это непростое. Я должен уверовать, что ничто не собьёт тебя с пути.

-Клянусь, ничто не собьёт! Ничто! Только скажи, что я должен сделать!

Соединяя кончики пальцев, Пророк спокойно сказал:

-Я дарю тебе честь лично отнять жизнь грешника Ульдисиана уль-Диомеда.

Несмотря на прямоту, с какой были сказаны слова, Гамюэлю потребовалось несколько секунд, чтобы понять смысл сказанного. Затем, когда до него дошло, лицо его приняло выражение фанатичной решимости.

-Я принесу тебе его голову!

-Его головы будет достаточно. У тебя есть навыки: как заклинания, которым я научил тебя, так и, что ещё важнее, школа твоей жизни.

Сияя, Гамюэль вытянулся по струнке.

-Считай, что дело сделано, хозяин!- затем он вдруг замешкался.- Прости мне этот вопрос... Но Орис и я раньше призывали к этому, и ты запрещал.

Вечный юноша кивнул:

-А теперь разрешаю.

Это был удовлетворительный ответ для столь посвятившего себя служению, каким был жрец. Он снова низко поклонился, поцеловал руку Пророка.

-Будет исполнено, хозяин.

И потому что голова его была низко наклонена, Гамюэль не увидел, как ожесточилось лицо юноши.

-Да, уж об том я позабочусь, Гамюэль. Позабочусь...

Мендельн помогал Серентии вести эдиремов к городу, но он знал, что если дойдёт до дела, приказы отдавать будет она. Это его устраивало, потому что он чувствовал себя неудобно во главе войска.

В первый день они не встретили сопротивления. Из деревень, которые они повстречали на пути, люди сбежали заранее. Мендельн был этому рад, потому что это означало, что меньше невинных людей пострадает. Однако он знал, что вскоре положение изменится, потому что сама столица никак не могла быть оставлена. Там найдутся те, кто приложит все усилия к избиению эдиремов.

Правда, вышло так, что им не пришлось ждать столицы, чтобы встретить первое сопротивление. Конный патруль, на который наткнулись эдиремы, насчитывал добрую сотню человек и, на взгляд Мендельна, вероятно, был создан путём слияния двух или трёх меньших патрулей. Люди выглядели угрожающе и явно отлично знали, что очень сильно проигрывают числом, но не сходили с места.

Во время сцены, напоминающей встречу со стражниками мастера Фахина, избранный капитан потребовал, чтобы они развернулись.

-Мы не желаем зла,- ответила Серентия, и её тон говорил о том, что она считает приказ офицера абсурдным при данных обстоятельствах.- Вам лучше расступиться.

Кеджанский патруль этого не сделал. Капитан предпринял ещё одну попытку:

-Благородной властью, данной мне великой столицей, я приказываю вам разойтись или сдаться в мои руки!

В передних рядах Йонас и некоторые другие эдиремы дерзко рассмеялись на такое требование офицера. Серентия сама ухмыльнулась.

Мендельн волновался всё больше. Выйдя вперед, он сказал:

-Капитан, нет нужды для беспокойства. Если бы я мог...

Солдат полетел со своей лошади. Когда он ударился о землю, несколько эдиремов рассмеялось.

Капитан поспешил достать оружие:

-Арестовать их!

И в мгновение ока начался сущий ад. Конные стражники пошли в атаку. Эдиремы ринулись им навстречу. Мендельн взглянул на Серентию, ища поддержки в предотвращении насилия, но она была в голове тех, кто рвался в битву.

«Нет! Так быть не должно! Это уничтожает всякую надежду мирно вызволить Ульдиссиана!» - но, похоже, только Мендельну это было ясно. Эдиремы в очередной раз дали волю своим эмоциям. Подобно Ульдисиану в джунглях той ночью, они дали своим силам управлять ими больше, чем сами управляли ими.

Расплачиваться за это пришлось солдатам-кеджани. Сотня вооружённых мужчин на лошадях были ничем по сравнению с тысячей эдиремов. Мендельну не нужно было смотреть за ходом битвы, чтобы знать, что всадников разрывают на куски, тогда как они не могут нанести даже случайного удара по захватчикам.

В отчаянии он стал пробираться к Серентии. Только она могла заставить остальных слушать, но сначала он должен был заставить слушать её.

Только благодаря почти неотъемлемой неловкости, которую эдиремы испытывали в присутствии Мендельна, удалось ему быстро добраться до неё. Он схватил Серентию за руку и попытался оттянуть назад.

Её ярость напугала его.

-Мендельн, ты болван! Отпусти меня! Сейчас же!

-Серентия! Посмотри, что происходит с тобой – со всеми вами!- даже пока он говорил, солдат издал ужасающий вопль. Мендельн видел, как в воздух полетели рука и голова. - Так себя ведут звери, а не люди!

-Они сами навлекли на себя это! Они...

Мендельн был окружён призраками постоянно, и потому мало обращал на них внимания за исключением случаев, когда ему требовался от них ответ на что-либо. Они редко заговаривали, если к ним не обращались.

Однако сейчас более чем от одного из них передалось чувство неминуемой угрозы, которое заставило человека в чёрной мантии не только проигнорировать требование подруги отпустить её, но сильнее потянуть её к себе.

Стрела не попала в неё, хотя было ясно, что расчёт был таким. Стрела под углом вошла в плечо Мендельна, да с такой скоростью, что его отбросило на землю.

Только это привело Серентию в чувства. Она схватилась за него, ещё когда он падал, так что упала вместе с ним. Вокруг них эдиремы продолжали наступление как ни в чём не бывало.

-Мендельн! Мендельн!- дочь торговца заслоняла его своим телом, чтобы его не раздавили.

Хотя он не перенял от брата его замечательных восстанавливающих способностей, Мендельн мог изыскать свои ресурсы. Он применил технику снятия боли, которой научил его Ратма, сумев уменьшить жгучую боль до приглушённой непрерывной пульсации.

-Я... Буду в порядке, Серентия...

-Обещаю, солдат, который попал в тебя, поплатится за это.

Он сильно сдавил её предплечье.

-Серентия... Не обманывай себя. Стрела предназначалась не мне.

-Нет, но она попала в тебя, потому что ты попытался спасти меня!- её глаза вспыхнули яростью.

-Слушай. Я говорю, не обманывай себя. Я хочу, чтобы ты посмотрела на стрелу, которая не смогла бы близко подлететь к тебе, не будь на то одной очевидной причины.

Наконец она посмотрела – действительно посмотрела – и у неё отвисла челюсть. Серентия закачала головой.

Как и Мендельн, она с лёгкостью узнала стрелу, изготовленную Ахилием.

Он бы не... Он бы не попытался убить меня... Или даже тебя!

-Попытался бы,- брат Ульдиссиана схватился за древко. Призывая все знания, которые почерпнул у Ратмы и дракона, он добился того, что стрела вышла.- Он уже попытался убить Ульдиссиана.

Как только он вытащил древко, Серентия быстро приложила к ране руку. Рана залечилась так быстро, что даже Мендельн, который знал, насколько она сильна, удивлённо ахнул.

Буря вокруг них стала утихать. Иногда раздавались ещё звуки насилия. Для солдат уже было всё кончено, и Мендельн скорбел об этой ужасной ошибке. Как теперь они могли мирно встретиться с лидерами Кеджана?

Но об этом можно будет поспорить после. Серентия встала на колени рядом с ним, не в силах поверить в это последнее подлое предательство её возлюбленного.

-Он бы никогда такого не сделал! Только не Ульдиссиана!

-Сделал. В ночь, когда я и брат вынесли два тела из лагеря...- Мендельн поморщился при мысли о том, что чуть не произошло.- Было чудо, что Ульдиссиан выжил.

-В каком смысле?

-Ты знаешь мастерство Ахилия. Он легко бы пронзил твоё сердце. Мне повезло, что я не был мишенью, и потому получил только это – простую рану.

-А Ульдиссиан?

-Чуть ближе к сердцу, и он был бы убит на месте. Но Ахилий как-то промахнулся. Он никогда просто так не промахивается... Только когда хочет.

Это подняло Серентии настроение.

-Вот видишь? Для меня бы он сделал то же самое!

-Давай порадуемся тому, что не пришлось проверять. И ещё это не оправдывает его попытку, не так ли?

-Но он помог нам спастись от того огромного демона! Зачем ему теперь пытаться убить нас?

-Ему незачем... Виноват другой. Думаю, ангел, причём не Инарий.

Она с недоверием закачала головой:

-Невозможно. Таких нет в природе!

-Боюсь, ещё как возможно, причём Ратме и Траг'Оулу это ещё яснее – что-то их давно нет. Хотелось бы мне знать, что знают они.

-А этот... Этот ангел действует сообща с Инарием?

Мендельн уже чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы подняться, что он и сделал с её помощью. Выпрямившись, он посмотрел на стрелу.

-Я сомневаюсь в этом, во всяком случае, вряд ли напрямую. Он – загадка, которую у нас нет времени разгадывать, особенно теперь, когда мы воюем с Кеджаном.

Серентия огляделась вокруг и впервые увидела сгустившиеся тучи. Она знала, что это означает для жизней сотни людей.

-С этим ничего нельзя сделать, Мендельн! Нельзя!

-Так много всего, с чем «ничего нельзя сделать»,- почти с горечью возразил он.- Так много. Чем становятся эдиремы – чем становитесь вы с Ульдиссианом, Серентия? Я видел, как его силы завладевают его разумом, и

вижу то же самое здесь с вами. Чем больше вы на них полагаетесь, тем больше они овладевают вами.

-Это просто смешно!- её тон стал вдруг граничить с гневом – гневом на него.- Может, ты просто немного завидуешь, Мендельн!

Он уже видел этот взгляд перед тем, как эдиремы ринулись на солдат. Мендельн поспешил сменить тему:

-Ты знаешь, что Ахилий не захотел бы убивать тебя, что эта стрела...- он поднёс оперение к её глазам. Гнев на него утих, ему на смену пришла скорбь о продолжающемся отсутствии лучника,- ...была уготована для тебя другим. Другим ангелом, я уверен в этом.

-Но Ахилий промахнулся!- гордо сказала темноволосая девушка.- Несмотря на это, он промахнулся оба раза!

-В самом деле... И как ты считаешь, что ангел об этом подумает, Серентия?- Мендельн пытался не представлять себе лучника в этот самый момент.- И что ты считаешь, он потребует у Ахилия за эти неудачи?

Кровь отхлынула от лица Серентии.

Ахилий испытывал одновременно облегчение и опасение. Неожиданная реакция Мендельна спасла лучника от возможного попадания вопреки тому, что каждая толика его воли стремилась к противоположному. Когда Ахилий выяснил, что Ульдиссиан выжил, он мог только предположить, что виной тому была его целеустремлённая решимость. Только на это ему и оставалось надеяться, когда был отдан приказ выстрелить в Серентию.

Он был рад, что благодаря Мендельну не нужно было выяснять, оправдалась ли надежда.

Опять Ахилий побежал ещё до того, как древко приблизилось к своей цели. Сейчас он был в глубине джунглей, хотя путь был более извилистый, чем в прошлый раз. Эдиремы продвигались по всё более и более населённым областям, из-за чего отдельные поселения отыскивались в неожиданных местах. Ни он, ни его мучитель не желали, чтобы он был замечен.

И как только Ахилий подумал об ангеле, он почувствовал, как его ноги замедляются. Он встал как вкопанный в густом заросшем месте, в которое проникало так мало света, что у него возникло чувство, будто снова наступила ночь.

Его тело более его не слушалось. Ахилий гадал, потеряет ли он сознание, как случалось раньше. Для мёртвого бессознательность была тревожащим состоянием. Ахилий боялся, что его похоронят или сожгут.

Когда прошло больше минуты, а лучник всё стоял на месте, он в конце концов стал выходить из терпения. Он знал, насколько бесполезно ругать существо, но не придавал этому значения. Ахилия уже заставили попытаться убить двоих дражайших для него людей. Чего более зверского от него мог хотеть ангел?

«Зверского... Ангел» - ироничность подобных мыслей не укрылась от Ахилия.

В этот миг сбоку возникло знакомое свечение. Хотя оно и было ярким, кроме Ахилия никто не был достаточно близко, чтобы увидеть его.

-Ну... Хорошо! Я снова выполнил твоё проклятое поручение. Но кое-кто перехитрил тебя! Я заметил это, когда бежал, и готов поспорить, что ты тоже!

БРАТ УЛЬДИССИАНА НЕ СПАС ЕЁ.

-Что?- слова вызвали внезапный приступ паники у восставшего охотника.- Нет! Я видел, как стрела... Как стрела не попала в неё! Она жива! Она должна быть...

В свете сформировался бесплотный воин. Как-то было видно по пылающей энергии, которая исходила из мест, где должны были находиться глаза, что они смотрят на Ахилия с жалостью.

ТЫ НЕ ПОНЯЛ. ОНА ЖИВА, НО ЭТО НЕ ОН СПАС ДЕВУШКУ. ЭТО БЫЛ ТЫ, ЛУЧНИК. КАК И В ПРОШЛЫЙ РАЗ.

Он не мог дать светловолосому лучнику лучшего ответа. Ахилий широко ухмыльнулся – эта картина напугала бы любого смертного, – затем вызывающе махнул на крылатую фигуру:

— Я сделал это? Значит, я побил тебя! Убить их... Убить их обоих... Ты приказал... Но я не сделал этого.

Он сказал это, ожидая — нет, надеясь,— что ангел так разозлится, что уничтожит Ахилия на месте. Тогда невозможно будет принудить лучника закончить дело.

Но никакой небесный огонь не спалил его дотла. Вместо этого сильное свечение вокруг крылатого существа ослабло. Возвышающаяся фигура наклонила голову набок.

НЕТ. ТЫ НЕ СДЕЛАЛ... И ЭТО МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ВСЁ.

Глава восьмая

Дворец состоял из большого здания по центру и четырёх округлых меньших строений, окружавших его. Каждую постройку украшал маленький декоративный шпиль. Главный вход был широкий и с колоннами, и добраться до него можно было, только преодолев длинную серию широких каменных ступеней.

Шесть колонн стояли по каждую сторону медных дверей. На каждой из колонн были высечены изображения животных, почитаемых древними строителями-кеджани, в том числе великих кошек джунглей и громоздких, хватких созданий с хоботами, которых жители нижних земель использовали для перевозки тяжёлых грузов.

Принц, который куда меньше благоговел от себя, чем его приближённые, сопровождал Ульдиссиана внутрь. Ульдиссиан подивился такому отсутствию себялюбия у того, кто явно завоевал сердца многих в столице.

Возможно, он не первый выражал это своим видом, поскольку, когда они проходили по коридору, обвешанному прекрасно нарисованными картинами с изображениями жизни города и джунглей, Эхмад весело сообщил своему гостю:

-Я ведь по-настоящему не правлю в Кеджане. Клань магов, а также гильдии вроде торговой заправляют здесь. Если бы они захотели, кто-нибудь из них мог бы прийти сюда прямо сейчас и завладеть моей головой!

Ульдиссиан сомневался, что это могло выйти так просто. Соперникам Эхмада в этом случае пришлось бы иметь дело с восстанием, которое даже клань магов не смогли бы подавить. К тому же, если можно было использовать мастера Фахина в качестве примера, среди гильдий и кланов также имелись те, кто добровольно поддерживал молодого принца.

Черноволосая девочка в блузке с большим вырезом и свободных прозрачных штанах вбежала босиком, чтобы поприветствовать принца Эхмада. В своих тонких ручках она держала маленький, украшенный поднос с серебряным кубком.

Эхмад улыбнулся ей, и она захихикала. Однако, вместо того чтобы самому пить из кубка, он предложил его Ульдиссиану:

-Похоже, ты найдёшь этому лучшее применение, мой друг!

Не в силах спорить, Ульдиссиан с благодарностью принял питьё, которое оказалось одним из самых приятнейших вин, в которых, как он знал, знали толк в столице. Изнывающий от жажды, он выпил его в три глотка.

Получив от Ульдиссиана кубок обратно, принц отдал его служанке:

-Кайлей, принесяшь нам чай и немного фруктов на балкон Короля Чадаков.

-Да, мой принц,- Кайлей низко поклонилась и удалилась.

Вокруг было мало стражей и ни одного рядом с самим Эхмадом. Принц рассказывал с Ульдиссианом, словно они были старыми друзьями, а не незнакомцами, которые повстречались совсем недавно. В конце концов сын Диомеда пришёл к выводу, что молодой принц либо очень беспечный, либо очень смелый... Либо и то, и другое.

А затем Эхмад удивил его ещё больше, как бы между прочим заметив:

-Ты совсем не такой, как я ожидал, Ульдиссиан уль-Диомед.

Ульдиссиан сразу понял, что учтивость и дружеское расположение использованы для отвода глаз. Он отскочил от принца. Несколько часовых тут же отреагировали, устремившись к паре с копьями наготове.

-Нет!- крикнул Эхмад мужчинам.- Вернитесь на места.

То, что стражники тут же подчинились, показало, какую он имел власть над ними. Тёмные глаза Эхмада изучали Ульдиссиана.

-Ну и шуточки у меня, не так ли? Мама говорила, что они когда-нибудь убьют меня. Судя по твоему выражению и тому факту, что твои руки сейчас горят светом раскалённого железа, подозреваю, что я подобрался к этому ближе, чем показалось на первый взгляд.

Ульдисиан посмотрел на свои руки и увидел, что принц не преувеличивал. Его ладони сейчас горели оранжевым светом и излучали соответствующее тепло.

-Прошу прощения,- сказал он Эхмаду, мысленно повелевая ладоням прийти в нормальное состояние.

Но они не пришли.

Не зная об этом, принц Эхмад счёл продолжающую демонстрацию Ульдисиана за недоверие.

-Я узнал тебя с того момента, как увидел. Это благодаря мастеру Фахину.

-Мастеру Фахину?- пока слушал, Ульдисиан концентрировался сильнее. Свечение, исходящее от его ладоней, ослабло, а затем и вовсе исчезло. Немного погода унялось и тепло.

-Ты не знал? Мастер Фахин послал пару почтовых птиц в ночь, когда он согласился привезти тебя в город. Он хотел, чтобы я заранее знал о твоём приезде,- грусть отразилась на лице красивого молодца.- Он был славным сторонником и ещё славнейшим другом...

Ульдисиан осмотрел сам себя.

-Вы знали, кто я такой, даже притом, что я походил на бедняка?

-Мне достаточно было посмотреть в твои глаза. Мастер Фахин был прав на их счёт,- что именно это значило, Эхмад не пояснил. Вместо этого он указал на коридор справа.- Давай пройдем на балкон Короля Чадаков.

Местом их назначения был действительно огромный балкон с видом на значительный отрезок северной части города. На нём имелись, как и ожидал Ульдисиан, изображения чадаков, крупных хвостатых приматов, которые, как он знал, жили в джунглях по соседству. Хотя они были не единственными приматами, которым поклонялись в Кеджане, чадаки считались умнейшими, и в нижних землях он столкнулся со многими мифами об их короле, чьи кривлянья научили многому о гордости и правлении.

Сам пол, изумительная мозаика из шестиугольных элементов, содержал ряд изображений короля чадаков. Перила также были высечены в форме короля чадаков, пытающегося, порой неудачно, принять созерцательную позицию. У края стояли кресла – медные с обитыми сиденьями, – которым Ульдисиан был рад. Когда он узнал, что нашёл принца Эхмада, у него открылось второе дыхание, но теперь и это дыхание закончилось. Он буквально упал в ближайшее кресло.

-Прости меня,- сказал принц.- Я должен был отвести тебя в место, где бы ты мог спать.

-Я сейчас не усну.

-Ну, всем людям нужно спать. Даже тебе, я думаю.

-Не сейчас...- но кресло казалось всё более удобным.

Пожав плечами, Эхмад уселся не в другое кресло, но на каменный парапет. Его выражение стало более серьёзным.

-Что случилось с мастером Фахином?

Этот вопрос снова взбодрил Ульдисиана. Напрягая разум, он рассказал принцу Эхмаду всё, что мог вспомнить. Глаза принца широко открылись, когда он услышал о магической атаке, и сощурились, когда речь зашла о смерти почитаемого торговца.

-У меня есть... Источники... Которые говорят, что виновен ты, мой друг-ассенианец. Источники, которые слышали это среди магов.

-Я бы никогда не убил Фахина или кого-либо из остальных. Это сделал один из них – Зорун Тзин.

Имя, похоже, не удивило принца Эхмада.

-Зорун Тзин хорошо мне знаком. Это шакал среди людей. Уже очень давно ссорящиеся магические кланы поручают ему то, в чём сами не готовы марать руки,- кеджани внимательней осмотрел Ульдисиана.- Он – большая угроза.

Но разговор о заклинателе напомнил сыну Диомеда о кое-чём – вернее, кое-ком – ещё более зловещем.

-Есть гораздо большая угроза, чем Зорун Тзин.

-Да, ты, например, раз ты так быстро сбежал из его убежища,- в это время служанка принесла чай и фрукты, которые заказывал хозяин. Она поставила оба подноса на маленький стол из железа и мрамора, стоявший рядом с креслом Ульдисиана.- Пожалуйста. Ешь и пей себе на здоровье.

Ульдисиан не стал спорить, а тут же накинудся на фрукты и даже рискнул попробовать чай. Несмотря на жаркий регион, он ожидал, что чай будет горячим. Тем не менее, Ульдисиан обнаружил, что он не только холодный, но приятен на вкус и с ароматом какого-то нектара.

-Таянский чай,- объяснил хозяин.- Поможет восстановить силы.

Налив вторую чашку, Ульдисиан спросил:

-Так что там с Зоруном Тзином?

-Судя по твоему рассказу, магическим кланам самим придётся умирять зверя, которого они спустили на тебя. Мастер Фахин поддерживал дружбу и союз со многими из них. Зоруна Тзина изгонят даже свои. Тебе не нужно волноваться о нём.

Но Ульдисиан всё ещё помнил мимолётный взгляд. Тзин преследовал его по улицам, и взгляд, который Ульдисиан прочёл в его глазах, указывал на ненависть, почти столь же глубокую, как...

Он подскочил. Чашка с чаем выскользнула из рук. Тонкий сосуд разбился об пол, чай разлился.

-Нет...

Принц Эхмад озабоченно наклонился к нему:

-Тебе нездоровится?

Ульдисиан встал.

-Принц, мне нужно немедленно поговорить с кланами магов!

-И я начал посылать прошения к ним и главным гильдиям, мой друг. Я делал это с момента, как только прочитал сообщения Фахина. Это займёт немного времени...

Но гость принца слушал только вполуха. Как он не понял раньше? Ульдисиан ругал себя, несмотря на факт, что его силы только сейчас начали восстанавливаться после ужасов убежища мага. Да, он увидел фигуру Зоруна Тзина на улицах...

Но глаза у него были маликовые.

-Вы не понимаете, принц!- взревел Ульдисиан.- Есть новое опасение для магов, о котором они должны узнать прежде, чем оно доберётся до них!

-Должен признаться, ты меня теряешь. Я не представляю, о чём ты говоришь...

-Как и мы,- раздался вежливый женский голос,- но мы с радостью послушаем... Некоторое время.

Оба мужчины повернули головы и увидели три фигуры, которые не могли просто взять и прийти на балкон. Ульдисиан занял оборонительную позицию. Он знал, что так произойдёт.

Но принц Эхмад храбро – или, быть может, опрометчиво – встал между гостем и магами. «Нурзани» - сказал он худосочному мужчине, который словно поднялся из-под земли по призыву Мендельна. «Приветствую, Кетуй» - сказал принц тому, кто больше походил на тень, чем на человека. Наконец, к женщине, которая первой заговорила, Эхмад обратился: «Как же я рад тебя видеть, моя красивейшая Амолия...»

В отличие от большинства женщин, которых до сей поры встречал Ульдисиан, в ответ на слова Эхмада Амолия только слегка кивнула. Однако когда она отняла странный остроконечный капюшон, Ульдисиан охнул, ибо Амолия была сходна видом с Лилией, как сестра. Определённо, из подобной породы черпала демонесса вдохновение для своего прикрития.

Она заметила, как он приглядывается, и вспыхнувший огонь в её глазах предупредил его, что нахальства она не потерпит.

-Ты – Ульдисиан уль-Диомед.

-Да,- ответил он, ничуть не расслабляясь. Он обогнул хозяина. После Фахина Ульдисиан не хотел, чтобы Эхмад

так же заплатил за свою дружбу.

Но женщина только сказала:

-Принц представил нас,- два её товарища оставили капюшоны поднятыми.- Ты говорил о предателе и убийце Зоруна Тзине.

Ульдиссиан оценивал их, но не мог решить, кто из них был наиболее опасен.

-Говорил. Мне нужно предупредить кланы магов...

-Предупредишь нас – предупредишь их. Хочешь говорить с ними – говори с нами.

Ульдиссиан планировал не так, но у него не было выбора. В первую очередь заклинатели должны были быть предупреждены об опасности в их собственных рядах. Это само по себе могло оказаться хорошим началом в деле заключения союза против Собора.

-Сначала скажите, вы нашли Зоруна Тзина?- спросил он.

-Ясно же, что нет.

-В смысле, когда вы в последний раз видели его?

-Мы видели его в последний раз,- Амолия оглянулась на своих двух товарищей и продолжила,- как раз перед тем, как он убежал в свои подземные комнаты. Должно быть, что-то произошло – и мы предполагаем, не без твоего участия.

-Так и есть, но не так, как думаете. У Тзина был слуга, великан.

-Терул. Мы видели, что осталось от него. Твоя работа?

Ульдиссиан решил не отрицать этого.

-Но не по причине, по которой вы думаете. Это был больше не Терул. Я не знаю, как давно, но думаю, что он уже вселился в тело великана, когда Зорун Тзин решил вырезать личный обоз мастера Фахина.

-Ты подтверждаешь, что это Зорун убил всех?- спросил тот, кого звали Нурзани, невероятно грудным голосом.- Мы подозревали это.

-Да, он это сделал... Но с ним был другой, кто позволил ему совершить это с таким... Тщанием. Это он вселился в слугу. Вам он известен под именем Малика.

Амолия нахмурилась.

-Ты о высшем жреце ордена Мефиса? О Малике, который, по нашим сведениям, мёртв?

Сын Диомеда неохотно кивнул.

-Мёртв... Но всё ещё смертоносен.

Он пояснил им, что случилось с Маликом и как так вышло, что жрец был возвращён. Ульдиссиан описал им своё потрясение, когда Терул признался, что он – дух жреца, вернувшийся и жаждущий мести, а потом свою отчаянную битву, кончившуюся бегством от злого призрака. Он опустил только упоминание камня – не был уверен, что хочет привлекать к нему внимание магов.

-И какое всё это имеет отношение к Зоруну Тзину? – спросила тень по имени Кетуй.- Ты сказал, что убил великана.

-Думал, что убил... Но Малик, наверное, продержался в теле достаточно времени. Я увидел Зоруна Тзина на улице сразу после того, как принц нашёл меня... Только теперь я думаю, что глаза были не его.

Нурзани наклонился к Амолии:

-Помнишь магов посох, что лежал без дела? Жрецу бы он не понадобился.

-Деяния Малика очень хорошо известны кланам магов,- вставил слово Кетуй,- но двигаться от тела к телу после смерти – звучит очень уж невероятно!

Амолия пристально взглянула на Ульдисиана.

-Не навыки высшего жреца позволили ему обмануть свой рок, но спорные действия двух братьев... Но да, я думаю, Малик сумел развернуться.

-Но тела долго не выдерживают,- заметил Ульдисиан.- Сколько продержится тело Тзина, я не знаю.

-Зорун Тзин был заклинателем исключительных способностей и спорной рассудительности,- отметила женщина.- Но его физические качества не привлекли бы меня, находишь я в том состоянии, в каком ты утверждаешь, что находится Малик.

-Я вам тут не утверждаю! Я правду говорю! Если ваши люди найдут Зоруна Тзина, они должны побережиться от прикосновений к нему,- Ульдисиан вспомнил кое-что ещё.- И обращайтесь внимание на чёрные струпы. Думаю, они появляются, когда тело на исходе...

Он ожидал, что маги тут же примутся за дело, но вместо этого Амолия посмотрела на двух своих товарищей. Троица стояла в молчании, просто глядя друг на друга.

Затем, ни с того ни с сего, Кетуй исчез.

-Весть о твоих подозрениях касательно Зоруна Тзина донесена,- объявила Амолия.- А теперь вернёмся к вопросу, что делать с тобой, Ульдисиан уль-Диомед.- Её глаза угрожающе сузились.- В самом деле, что...

И внезапно его окружила изумрудная оболочка.

Это тело не сулило протянуть очень долго. Малик понял это сразу, как только занял его, но тогда его выбор был сильно ограничен. Он умудрился продержаться в теле великана намного дольше, чем считал возможным. Мефисто явно улыбался ему, когда глупец-заклинатель потянулся за кристаллом.

Осколок всё ещё находился в его руке, но зачем, Малик пока не знал. Он не был уверен, что успеет использовать его для закрепления в новом теле, куда переместится. Да и раз уж на то пошло, кто сказал, что следующая жертва будет стоять того, чтобы остаться в ней?

Пока только Ульдисиан соответствовал этому критерию.

Он оставался в тени, используя все знания о своих собственных заклинаниях, чтобы не попасть в поле зрения внутренних очей магов. Было труднее правильно колдовать в этом теле, поскольку его предыдущий владелец обращался к другим силам в своём призвании. Малик подумал, что со временем он сможет приспособиться, но время было не на его стороне.

Он должен был найти Ульдисиана. Ни одно другое тело не могло его устроить.

Малик прошёл мимо бочки, наверху которой собралась влага. Испытывая мрачное предчувствие, высший жрец хорошенько пригляделся к воде. Отражение было искажено, но всё же достаточно ясно, чтобы различить тёмную отметину возле левого уха.

-Так скоро...- пробормотал он голосом Зоруна Тзина. Малик только-только проник в это тело! На великане поражения начали появляться спустя два дня, а молодое тело Дюррама протянуло несколько недель, прежде чем проявились первые следы.

-С каждым новым телом времени всё меньше,- понял призрак.- Я должен быстро добраться до тебя, Ульдисиан.

Но сначала он должен был найти свою жертву и сбежать из города, полного магов, которые считали его отступником. Для этого Малику уже нужно было раздобыть новое тело, такое, которое продержалось бы некоторое время. Мало проку будет от тела, которое подведёт почти сразу же.

Затем внезапное предчувствие заставило его углубиться в тень. Миг спустя фигура, завернутая в плащ, вошла в переулочек, в котором он скрылся. Человек нёс с собой посох, по которому сразу стало ясно, что это один из собратьев-магов Тзина.

Словно этого было мало, другой маг появился на противоположном конце переулочка. У него тоже был посох. Оба мужчины медленно брели друг к другу, а Малик был посередине.

Но, скрытый темнотой, восставший жрец не был обеспокоен. Он разглядел убранство каждого мужчины и знал, что именно нужно делать. В конце концов, разве он всё ещё не был слугой Мефисто?

Когда пара приблизилась, Малик начертил в воздухе нужные символы, после чего указал пальцем на мага по левую руку.

В этот самый момент его цель увидела его. Подняв посох на уровень плеч, заклинатель рявкнул:

-Стой на месте, Зоруна Тзин! Ты – мой пленник!

Малик невозмутимо указал на второго преследователя.

Маг тоже поднял посох:

-Слишком много хочешь, собака Харакаса! Он – мой!

-Сарандешская свинья! Как и весь твой клан, ты стараешься украсть вместо того, чтобы заслужить награду!

Они сошлись в поединке, словно Малика здесь не было. Харакасский маг замахнулся одним концом посоха на своего противника из Сарандеши. Тот отразил атаку. Два магических посоха ударились друг о друга, последовала вспышка выбрасываемой энергии.

-Ползи назад в свою грязную дыру, сарандеши!

-Я сотру такие слова с твоего безобразного лица, харакасец!

Сарандеши потёр светящуюся руну на своём посохе. Его противника стала окружать красная аура.

Второй заклинатель незамедлительно прикоснулся к одной из своих рун. Вокруг красного сформировалось жёлтое свечение, пожирая его.

Оба издали гортанные крики и кинулись друг на друга, атакая одновременно физическими и магическими средствами. Они сражались, как два взбешённых кота, ничего не существовало для них кроме взаимной ненависти.

И пока они сражались, Малик спокойно проскользнул мимо. Сила его хозяина, Повелителя Ненависти, в который раз одержала верх. Два его так называемых пленителя либо убьют друг друга, либо будут разняты другими магами, которые найдут их. Так или иначе, Малик в выигрыше.

Но ему нужно было сделать больше. Минувя один переулок за другим, дух тщательно раздумывал. Триединое в руинах; оттуда помощи можно не ждать. Его владыки Люциона тоже больше нет, он пал жертвой Ульдисиана...

С губ Зоруна Тзина слетело проклятье, обращённое к его собственной тупости. Он же в Кеджане. В столице. Он здесь не один.

Город был средоточием целых поколений строительства, где здания зачастую воздвигались на месте старых построек. Нынешнее население знало мало, если знало вообще, о некоторых аспектах истории их дома. Малик, однако, знал многое.

Вход, который он разыскивал, был полностью скрыт от глаз тех, кто проходил по нему. Это было сделано из эстетических соображений, но также и из соображений безопасности. Подземные глубины были тёмными и опасными, а в некоторых местах – населённые невиданными существами. Обратная сторона истории Кеджана могла быть найдена здесь в виде украденных и утерянных сокровищ, а также тел мертвецов.

Малику было нетрудно обнаружить спрятанный рычаг на декоративной колонне в углу следующего переулочка. Рычаг, едва ли в дюйм длиной, закрипел после долгого бездействия.

Рядом с колонной опустилась часть улицы, открывая проход. Малик впрыгнул в дыру. Затем, когда камень не встал на место, как должен был, он попытался заделать дыру вручную. Тело Зоруна Тзина усложняло задачу: маг явно так не заботился о физическом превосходстве, как высший жрец.

Когда Малик наконец заделал дыру, он спустился по потрескавшимся и древним каменным ступеням в чёрное помещение, в котором был слышен водный поток. Маленький шар света, который призвал Малик, осветил тёмные, беспокойные воды, текущие по каналу, столь же широкому, как улицы наверху. Глубину канала нельзя было определить, но Малик знал, что человек там может пропасть с лёгкостью.

Зная о том, что наверху продолжается охота, Малик поспешил по краю канала, пробираясь всё глубже и глубже

в лабиринт тоннелей. Система проходила под всем Кеджаном, но редко жители видели её, разве что когда случалась закупорка и вода заливала улицы. Клань магов также не захотят первым делом искать его здесь – по разным и более опасным для жизни причинам.

По одной из таких причин дух и отправился в это адово место.

Крысы, змеи и другие твари сбегали от непривычного света. У некоторых существ вообще отсутствовали глаза: за поколения размножения в темноте нужда в этих органах отпала.

Что-то замаячило в воде недалеко от Малика. Он остановился, чтобы различить знакомую форму.

Тело находилось здесь уже несколько недель. Большую часть плоти уже отгрызли, но всё же оставалось достаточно, чтобы поддерживать форму тела. Это был мужчина средних лет и, судя по одеждам, довольно богатый. Без сомнения, жертва грабежа. Мало кто проникал сюда, но бандиты как раз могли.

И вот впереди он услышал пару спорящих голосов. Они говорили с диалектом низшего сословия, и предметом их спора был делёж награбленного, в частности – кольца и броши, украшенной драгоценными камнями.

-Кольцо моё,- заявил один.- Я отрубил его вместе с пальцем, так что оно моё!

-Не пойдёт! Брошь будет труднее продать! Забирай её. Ты сказал, у него будет золото! Если я не могу получить золото, я заслужил кольцо.

За углом старая медная лампа на выступе освещала две грязные фигуры в лохмотьях. Их спор остановился на полуслове, когда Малик, рассеяв свой огонь, показался на виду.

-Это кто?- рявкнул один, тот, который отрезал палец своей жертвы. Он был короткий и жилистый и, если не принимать во внимание нескольких отсутствующих зубов и пары шрамов, пребывал в относительно хорошей форме.

Его партнёр, в свою очередь, пусть и был выше и полнее, явно находился на первой стадии какой-то болезни, которая рано или поздно должна была выесть его плоть.

-Я хочу его сандалии,- рыкнул второй, указывая на Малика.

Высший жрец ничего не предпринимал, пока они не подошли к нему вплотную. Тогда он одной рукой плотно сжал горло более крупного бандита, а другой жилистого схватил за грудь.

Более высокий вор ударился о покрытую мхом стену, сжимая проломленное дыхательное горло. Его партнёр стоял, замерев, пойманный магией Малика.

Дух засунул руку в мешочек и достал осколок кристалла. Он всунул его в открытую ладонь вора и сжал пальцы. Затем Малик вбросил свою волю в человека, стоящего перед ним...

И вот он уже смотрел из других глаз на фигуру Зоруна Тзина с обвисшим лицом.

Маг повалился ему в руки. Малик выбросил Зоруна в чёрную воду. Глухой всплеск разнёсся эхом по древним тоннелям.

Рядом с ним второй бандит пытался дышать. Он посмотрел на того, кого считал своим напарником, и протянул руку, чтобы тот помог ему.

Малик придавил его к стене с нечеловеческой силой. Из-за пояса своего нового тела он вытащил кинжал.

-Мне не подходишь,- прошептал дух задыхающемуся, напуганному человеку,- но стодишься тому, кого я ищу.

Он поднёс кинжал и, тогда как бандит начал извиваться, прочертил простой, неглубокий узор на груди. Вниз потекли струйки крови.

Когда с этим было покончено, Малик взял лезвие в зубы и поменял хватку таким образом, чтобы можно было поместить осколок прямо в центр узора.

Второй бандит совсем обезумел. Он стал усиленно вырываться, из-за чего Малик чуть не выронил кристалл. Дух всё больше гневался. Он заставил свою жертву смотреть прямо ему в глаза.

Пойманный этим взглядом, грабитель застыл. Малик начал бормотать себе под нос.

Слабый булькающий звук привлёк его внимание. Он удержал взгляд на кровавом узоре, но заговорил быстрее.

Бульканье внезапно усилилось. Теперь оно раздавалось недалеко от него. Уголкем своего нового глаза Малик поймал место, где плавал труп Зоруна Тзина.

Тело качалось на воде, а затем со звуком, втягиваемого воздуха исчезло под поверхность.

Малик вернулся к чтению заклинания. В туннеле вдруг стало довольно прохладно. В тусклом свете лампы можно было различить, как у него и у бандита из ртов вырывается пар.

Что-то показалось из чёрных вод, поднимаясь гораздо выше Малика.

Не выказывая ни малейшей озабоченности, дух развернулся. Позади него нависло белое, как мел, существо, которое напоминало медуз внутреннего моря. Однако это привидение было в несколько раз больше Малика, а по центру прозрачной массы два бледных выпуклых глаза помещались на маленьких людских телах.

Под тварью висели густые заросли щупальцев, каждое из которых имело зазубренные края. Куски мяса и другие отвратительные предметы свисали с многих отростков, но они были далеко не таким ужасающим зрелищем, как то, что находилось внутри бескостной груди – тела существа. Там, уже разлагающийся, был труп Зоруна Тзина.

Помимо капель воды с жуткого существа опало кое-что ещё – несъедобные куски одежды мага.

Малик встретил чудовище лицом к лицу.

-Ты понимаешь тайный язык, демон! Ты ответил на него.

Тварь издала густой булькающий звук.

-Мой хозяин – Мефисто, брат твоего хозяина... Дьябло...

Снова демон забулькал. К этому моменту ничего осталось от мёртвого мага, не считая нескольких кусочков костей, в том числе черепа.

-Согласно договору между Тремя ты должен подчиниться мне. Ты должен исполнить мою волю! Слышишь?

Несколько кустистых отростков задвигались. Малик принял это за утвердительный ответ. Он улыбнулся.

-Правда, ты должен получить жертву получше. Это тоже часть договора. Живую жертву, а не эту жалкую закуску, которую ты только что проглотил.

Сотни отростков задвигались живее.

-Он твой,- сказал Малик, делая шаг в сторону.

Конечности демона потянулись к оставшемуся в живых грабителю. Малик подождал, пока первая из них коснётся мужчины, после чего отпустил его.

Внезапно обретший способность двигаться, головорез закричал и попытался освободиться. Но он был мухой, угодившей в паутину. Из-за своих усилий он только увязал больше, и зазубренные края отростков демона с лёгкостью разрезали его плоть.

Малик терпеливо наблюдал, как жертву чудовища тянут к студенистой пасти. Когда он оказался там, густая жидкость заглотила несчастного преступника. Несмотря на проломленное горло, его крик продолжался несколько секунд. Затем, уже когда с него начали стягивать кожу, он наконец затих.

Когда демон приступил к процессу переваривания своего последнего блюда, Малик снова заговорил:

-Теперь ты действительно привязан ко мне. Твоя магия принадлежит мне. Первым делом ты дашь мне силу продержаться в этом теле дольше, чем в предыдущем,- ему не нужно было пояснять, что это означало, потому что демон видел его истинную сущность.- Это даст мне время.

Существо замахало отростками, показывая, что понимает.

С улыбкой, достойной прежнего себя, Малик продолжил:

-А затем мы снова приступим к поиску Ульдиссиана уль-Диомеда.

Глава девятая

Разгневанный двуличностью магов, сын Диомеда воззрился на них с негодованием. Под напором его воли изумрудная сфера легко разбилась. Ульдисиан переступил через осколки, чтобы оказать сопротивление двум оставшимся магам.

Амолия стояла с широко раскрытыми глазами. Кетуй буркнул что-то, похожее на слова восхищения.

- В Кеджане что, все такие? - гневно спросил сын Диомеда. - Одни лжецы и предатели?

Кетуй сделал пассы. На плечи Ульдисиана легло что-то, похожее на мороз, которое вскоре превратилось в нечто твёрже камня.

Но даже этого было недостаточно. С нарастающим гневом Ульдисиан расправил плечи.

Усиленное его способностями, движение плечами легко отправило иней в воздух.

- Прекратите! - приказал принц Эхмад всем. - Прекратите сейчас же.

К сюрпризу Ульдисиана, маги замерли.

Принц снова встал между конфликтующими сторонами. В первую очередь он пристально смотрел на магов.

- Дворец был объявлен нейтральной территорией, моя дорогая Амолия, - подчёркнуто сказал молодой принц. - Ни один маг не должен здесь насыпать заклинания на другого мага. Вы нарушили решение совета, атаковав его.

- Он не принадлежит к кланам магов, - ответила светловолосая волшебница. - Соглашение не распространяется на него.

- Ты уверена?

Амолия оглянулась на Кетуя, который склонил голову набок. Пара не стала больше отвечать принцу, но не стали они и продолжать нападение.

Эхмад повернулся к Ульдисиану:

- Пожалуйста, прости за то, что произошло, мастер Ульдисиан. Это было недоразумение.

Ульдисиан считал иначе, но ради принца Эхмада он кивнул.

Принц снова обратился к заклинательнице:

- Он желает говорить с советом магов и ведущими гильдиями. Не так ли, Ульдисиан?

- Да.

- Амолия, не будет ли это более располагающая беседа и не удастся ли получить более обстоятельные ответы, если Ульдисиан будет стоять перед теми и другими по своей воле?

Эхмад получил от женщины только короткий кивок.

- Рекомендую согласовать это по крайней мере с кланами магов. Что касается гильдий, я знаю, с кем говорить. Ульдисиан может переговорить и с теми и с другими одновременно, чтобы никому не было обидно.

Кетуй слегка усмехнулся последнему замечанию, смешок был подавлен, как только Амолия с негодованием взглянула на него.

Притворившись, что не заметил, принц Эхмад продолжал:

- И как мастер Фахин до меня, я выступаю как поручитель за Ульдисиана со всеми вытекающими протекциями, которые даёт моё имя.

- Ты уверен, что этого будет достаточно? - пробормотала женщина.

-Думаю, на этом всё,- закончил принц, скрещая на груди руки.

Кетуй весь напрягся. Даже хотя Амолия не смотрела на него, она, судя по всему, ощутила перемену.

-Они думали, что поймали его,- объявил тёмный маг с отсутствующим взглядом.- Но крыса проскочила сквозь ловушку!

-Они нашли его так быстро?- спросил Ульдисиан, впечатлённый, несмотря на упоминание побега.

-Ни один маг-отступник не может скрыться в этом городе,- объяснила Амолия с некоторой надменностью.- Все заклинатели соглашаются оставить маленький кусочек своей сущности, который хранится до наступления подобного случая. Сейчас это произошло с Зоруном Тзином, как со многими до него.

-Звучит очень рискованно для всех магов, особенно если какой-нибудь член совета захочет прибрать Кеджан к рукам.

-Требуется три четверти совета, чтобы открыть путь к хранилищу. Катастрофа или предательство невозможны.

Ульдисиан не стал спорить, но он чувствовал, что маги слишком самоуверенны, особенно если учесть творящиеся междоусобицы. Хуже того, теперь, когда его чуть не поймали в теле Тзина, Малик наверняка захочет сменить его, и очень вероятно, что новая жертва не будет принадлежать к братьям Амолии.

-Мы узнаем, чего желает совет,- наконец согласилась она.- Но не удивляйтесь, если они откажутся слушать фермера, который хочет рассказать им, что им следует и чего не следует делать со своими знаниями и навыками.

-Я не этого хочу,- огрызнулся Ульдисиан.

Ни Амолия, ни Кетуй на это не ответили. Вместо этого они встали бок о бок... И исчезли.

После их отправления принц Эхмад облегчённо вздохнул.

-Хвала небесам! Я боялся, что если вы продолжите сражаться, то снесёте весь балкон.

-Прошу прощения за своё участие.

Хозяин дворца отмахнулся от этих извинений:

-Закончи это дело с кланами и гильдиями без дальнейшего хаоса и кровопролития. Это всё, о чём я прошу тебя, ассенианец.

Сын Диомеда кивнул:

-Только этого я и хочу.

Но настала ночь, а вестей ни о Зоруне Тзине, ни по поводу выступления перед кланами магов не пришло. Принц Эхмад заверил Ульдисиана, что последнее вызвано исключительно спорами между заклинателями о том, как лучше всё организовать.

-Они обсудят один вариант и другой вариант и в конечном счёте придут к решению, которые бы приняли, если бы вообще не спорили. С гильдиями то же самое, от них я тоже до сих пор жду ответа.

Охота на бывшего пленителя Ульдисиана продолжалась безрезультатно. С той поры, как его в последний раз видели, Тзин – или, вернее, Малик – пропал бесследно. Для Ульдисиана это означало, что высший жрец, вероятно, уже нашёл другое тело. Теперь он мог быть кем угодно.

Объяснить это принцу было нетрудно; труднее было решить, что с этим делать. Эхмад заверил его, что передаст это Амолии и остальным, но Ульдисиан считал, что этого недостаточно. Малик снова придёт за ним – в этом он был уверен... И это означало, что любой на пути злобного духа мог стать жертвой.

Эхмад отказался от предложения Ульдисиана, чтобы сын Диомеда нашёл укрытие где-нибудь в другом месте:

-Во-первых, только если эта жуткая тень не узнает, что ты ушёл, она всё равно попытается проникнуть во дворец. Во-вторых, если ты покинешь дворец, кланы магов могут истолковать это так, что ты больше не находишься под моей защитой. Они такие – рады найти лазейку, мастер Ульдисиан.

– Вот я и думаю, стоит ли вообще связываться с ними. Можно ли вообще им доверять.

– О, ещё как можно. Если они приносят клятву, то соблюдают её. Нужно только убедиться, что уверен в формулировке.

Эхмад покинул Ульдиссиана на этой не слишком вдохновляющей ноте. Принц выделил ему роскошную комнату, в какой бывший фермер не жила даже будучи гостем у Этона из Парты. Шикарная округлая кровать – гораздо мягче, чем та, к каким он привык, – имела высокий, богато вытканый навес с красивыми картинами джунглей. Разнообразные вытканые животные и растения, как оказалось, успокаивали глаз, а не тревожили, как Ульдиссиан поначалу подумал. В каждом углу помещались два перекрещенных копы.

Всё убранство комнаты было чрезмерно пёстрым для простого деревенского жителя. Ослепительно красные, оранжевые и золотые цвета составляли резкий контраст лесным краскам, которые можно увидеть в жилище фермера. У людей Ульдиссиана никогда не было возможности так разукрашивать свои дома: они были слишком заняты добыванием пропитания из земли.

По правую руку располагались два больших окна с филигранным орнаментом, выходящим на северную часть города. Прозрачные занавески, вероятно, изготовленные из шёлка, смягчали весь свет, проходящий снаружи. Ульдиссиан быстро узнал, что столица никогда по-настоящему не спит: в ней постоянно что-то происходило. Он дивился тому, что люди могли продолжать жить своей жизнью, особенно в свете монументальных и смертоносных событий, в которых он не только принимал участие, но был главной их причиной.

Он возвратился мыслями к Мендельну, Серентии и остальным. По какой-то причине по ходу дня Ульдиссиан всё больше беспокоился за них. Словно что-то было не так, но что именно это было, он не знал. Он боялся по-настоящему достать до них разумом, потому что, если всё было так, как он оставил, они тут же стали бы больше волноваться за его безопасность. Ульдиссиан не хотел, чтобы эдиремы действовали необдуманно. Всё, что исключало возможность заручиться поддержкой кланов магов и гильдий против Собора, вело к бедствию.

Но ощущение тревоги продолжало расти в нём. По некотором размышлении Ульдиссиан решил достать до одной Серентии. Он попытается быстро убедить её, что всё хорошо. Не нужно волновать её возвращением Малика, по крайней мере, пока.

Но когда он начал звать её, один из огней снаружи стал отвлекать всё больше. Куда бы Ульдиссиан не поворачивался, оказывалось, что ему на глаза попадает либо огонь, либо его ответ.

Решение его проблемы было довольно простым. Поднявшись, Ульдиссиан увидел более плотные занавески по краям окон. Он начал расправлять одну из них – и замер. Ульдиссиан посмотрел на далёкий свет, пытаясь определить, откуда он исходит. Он был далеко, гораздо дальше, чем он думал. Похоже, источник находился за пределами городских стен, но что столь далёкое от дворца могло быть всё же таким ярким?

Затем звук, похожий на грудное рычание, заставил его подпрыгнуть. Ульдиссиан оглянулся, но ничего не увидел. Он принял оборонительную позу, но в конце концов решил, что ему показалось.

Его охватила усталость. Потеряв всякий интерес к свету, Серентии и всему остальному, сын Диомеда пошёл к кровати. Он упал на неё и перекатился на спину. Ничего не желая, кроме как поспать, Ульдиссиан уставился на успокаивающие рисунки, вытканые на навесе.

Снова на ум пришли Серентия и эдиремы. Почувствовав стыд, Ульдиссиан заставил себя снова прийти в сознание и попытаться сосредоточиться на ней. Глядя на навес, он представил, что это те самые джунгли, где находились сейчас она и его брат.

Когда он сосредоточился лучше, картинка наверху чётче определилась, стала почти как настоящая. Он услышал звуки джунглей и представил некоторых зверей, которые находились там в этот самый момент. Ульдиссиан услышал их крики. Он увидел себя в джунглях, неподалёку от своих приверженцев.

Где-то посреди мечтаний он закрыл глаза – и снова распахнул их, когда раздалось густое кошачье рычание.

Ульдиссиана окружали джунгли, но не такие, через которые он так долго пробирался. Он был посреди странных, красочных джунглей. Деревья отличались странным единообразием, особенно листья. Не было различного источника освещения, но ему казалось, что это был день.

А рядом с собой он увидел огромную мерцающую кошку, которая сразу прыгнула на него.

Ульдиссиан взмахнул рукой, но его силы оказались приглушены. Он сумел отбросить кошку в сторону, но не запустил её в полёт, как рассчитывал.

Слева донеслось новое рычание. Ульдиссиан едва успел метнуться в сторону, как вторая кошка сделала выпад.

Оба хищника немедленно развернулись. Ульдиссиан попытался сформировать шар огня, но ничего не получилось. Он был вынужден броситься в странные заросли, чтобы избежать острых когтей и клыков.

Но как только он стал продираться через кусты, огромный бронированный зверь с двумя рогами на рыле чуть не сбил его сзади. По инерции зверь побежал дальше на кошек, которые отпрыгнули прочь с дороги.

И когда крупный зверь замедлился, Ульдиссиан уставился на него. То, что зверь мерцал точно так же, как кошки, удивило Ульдиссиана не так сильно, как то, что он был точно такой же странной расцветки. Как он, так и кошки были золотистыми с пунктирными оранжевыми линиями по краям и одинаковыми красными отметинами в форме листьев по бокам туловищ.

Но пришлось прекратить наблюдение, когда первая кошка снова прыгнула на него. Не в силах уклониться на этот раз, Ульдиссиан приготовился к столкновению.

Кошка оказалась на удивление лёгкой, но всё равно, когда она наскочила на него, они повалились на землю. Зубы клацали в каких-нибудь дюймах от его лица. Ульдиссиан, выросший среди стольких разных животных, обнаружил, что его беспокоит кое-что ещё.

Кошка не дышала. Ни малейшего выдыхания не наблюдалось, не говоря уже о зловонии, какого можно было ожидать от животного, тем более хищника.

Когти скребли ему грудь. Ульдиссиан охнул от боли. Что-то вырвалось у него из ран – странные ленты, походившие на тканевую имитацию крови.

И, уже отбрасывая кошку, Ульдиссиан сообразил, где находится. Его страхи оправдались, когда он огляделся и увидел лишь те же самые странные листья и деревья. Неба не было. Оно здесь не присутствовало в принципе.

Он попал в гобелен.

У Ульдиссиана не было времени гадать, как это произошло, потому что вторая кошка и рогатый зверь накинулись на него. Зная о неестественной лёгкости своих нечеловеческих врагов, он с силой пнул когтистую кошку, после чего прыгнул на бронированного зверя.

Его накрыла тень. Царапнув щёку, мимо пролетел хищник с отметинами, как у других существ. Он был почти такой же крупный, как кошки. Когда он развернулся, чтобы снова напасть, Ульдиссиан чуть не заскочил в пасть к одной из зловещих речных рептилий, каких он и его друзья встретили, когда только вступили в джунгли. Рот, полный зубов, хотел ухватить его ногу, и хотя человек подозревал, что у существа нет настоящего пищевода, он не собирался проверять. Ульдиссиан умудрился откатиться как раз за пределы досягаемости хватающих челюстей.

Новые крики животных ударили по ушам. Отовсюду его окружали звери с гобелена. Помимо тех, с которыми Ульдиссиан уже имел дело, он увидел длинных, злобных змей, свирепых приматов размером с человека и антилоп со спиралевидными рогами.

Он увидел ещё кое-что. Его единственную надежду. Он побежал со всех ног, миновал шипящую змею и пнул очередную рептилию.

Вот! Они были прямо такими, как он помнил их. Длинные золотистые копья. Ульдиссиан едва успел схватить одно, как очередная хищная птица слетела на него. Он наградил существо выпадом копья, нанизав на него птицу в полёте. Та издала пронзительный визг и умерла.

Сняв тело с копья, Ульдиссиан развернулся, чтобы встретить лицом к лицу следующее ближайшее животное. Кошка, которая собиралась напасть, внезапно попятилась, отплёвываясь. Правда, бронированный зверь позади неё даже не замедлился. Неустрашённый копьём, он попытался растоптать человека.

Но Ульдиссиан использовал копьё как шест, чтобы запрыгнуть на существо. Когда оно подняло свою голову к нему, он погрузил оружие в незащищённую голову.

Храпя, чудовище камнем рухнуло на землю. Но в процессе падения оно выбило копьё из рук Ульдиссиана.

У того не было другого выбора, кроме как ринуться за вторым, которое всё ещё висело под углом, под которым он его оставил.

Толстая ладонь схватила его руку за миг до того, как сын Диомеда достиг своей цели. Его взору предстало волосатое лицо – пародия на человеческое.

Огромный примат оплёл свои огромные конечности вокруг Ульдиссиана и сдвинул. Ульдиссиан стал задыхаться.

«Это всё не настоящее!- убеждал себя Ульдиссиан.- Я не пойман в гобелене!»

Но как он мог быть в этом уверен? Всё вокруг него подтверждало, что всё-таки пойман.

Но как бы то ни было, Ульдиссиан был уверен, что его силы должны оставаться с ним. Не было никакой мыслимой причины, по которой от них было так мало проку.

Он попытался подумать о чём-нибудь простом, но действенном. Снова огонь первым пришёл на ум. Однако в прошлый раз ему не удалось создать даже искры.

Но какой у него был выбор? Ульдиссиан сконцентрировался сильно как никогда. Огонь. Он хотел огня...

И вдруг джунгли вспыхнули пламенем.

Это был не такой огонь, какой ожидал увидеть Ульдиссиан. Деревья и подлесок не чернели от пламени – оно прожигало в них дыры, как в ткани.

Существа, которые напали на него, отреагировали, как животные: стали разбегаться в панике. Однако те, кто угодили непосредственно в пламя, умирали тем же странным образом, как сами джунгли. В них прожигались дыры, и, возможно, больше всего выбивало из колеи то, что животные продолжали бежать до тех пор, пока не лишались ног или тел. Только тогда они становились по-настоящему «мёртвыми».

Хотя пламя помогло напугать звериных врагов Ульдиссиана, оно создало новую угрозу. Оно быстро поедало сюрреалистичные джунгли, оставляя мало места, куда бежать... Если побег вообще был возможен.

Но Ульдиссиан не опустил руки. Довольный тем, что его силы снова с ним, он сосредоточился на своей комнате. Почему-то он был уверен, что всё ещё находится в комнате, что все эти джунгли – всего лишь иллюзия. Если угроза и была, то она находилась там, а не здесь. Единственной угрозой здесь был огонь, а огонь создал он, значит, огонь поддавался контролю.

И как только он подумал об этом, пламя отступило. В то же время вытканые джунгли потеряли отчётливость и отступили назад. Хотя он и был доволен своим успехом, Ульдиссиан сосредоточился сильнее, уверенный в том, что находится в опасности в реальном мире.

Ни с того ни с сего Ульдиссиан обнаружил, что стоит у окна, одна его рука всё ещё держится за занавеску, которую он двигал, чтобы закрыть всепроникающий свет. Он осознал, что его глаза не моргая смотрят прямо на этот свет.

Ещё он понял, что в комнате он не один.

Ульдиссиан бросился в сторону, когда тень приобрела очертания человека его роста и более крепкого сложения. Лица разглядеть было невозможно, ибо, хотя фигура вышла на свет, тень продолжала покрывать её черты.

Затем Ульдиссиан увидел два искривлённых ножа, каждый почти футовой длины. Они довольно ярко сверкали в свете, проникающем снаружи, и их предназначение было очевидным. Загадочный атакующий Ульдиссиана размахивал ими, так что мелькал то один, то другой.

Подняв кулак, Ульдиссиан представил шар энергии. Он материализовался и незамедлительно полетел в противника.

В следующий миг он разлетелся во всех направлениях, став дождём искрящихся огоньков, которые рассеялись без всякого эффекта.

Наёмник резко усмехнулся его неудаче. Он сделал выпад с одним ножом. Ульдиссиан, опешивший от защиты, окружающей соперника, не сумел остановить клинок.

Лезвие ножа порвало его одежду, затем прочертило страшную красную линию по его туловищу. Ульдиссиан крикнул. Пошатываясь, он умудрился отойти за пределы досягаемости, но когда он попытался вылечить рану, она не поддалась.

-Еретик!- проорчала скрытая тенями фигура.- Твоя магия демонических отродий – ничто по сравнению с его благородной силой!

Этих слов для Ульдиссиана было достаточно, чтобы понять, кто организовал это поразительное нападение. Инарий спланировал хорошо.

Ульдиссиан знал, что при помощи своих способностей может разрушить весь дворец до основания, не повредив себе, но вряд ли он смог бы защитить всех остальных, в том числе принца Эхмада. Он не сомневался, что Инарий пришёл к тому же заключению; ангел связал руки своему сопернику. Его наёмник был хорошо защищён, и Пророк уже доказал Ульдиссиану, что его сила совершенно затмила его силу.

Или не затмила? Пока наёмник пытался загнать сына Диомеда в угол, Ульдиссиан размышлял, почему тогда Инарий послал своего слугу вместо того, чтобы возвратиться самому? Считал ли он Ульдиссиана настолько низшим существом, что полагал недостойным иметь дело с человеком лично? Это было сомнительно, потому что безликого человека явно защищал ангел. Инарий находился вдалеке от сражения, но при этом руководил им.

Зачем? Почему просто не оставить от Ульдиссиана мокрое место?

Было ли так... Могло ли так быть потому, что ангел не мог так просто этого сделать?

Он натолкнулся спиной на стену. Пока он перебирал в уме варианты, его хорошо обученный противник сумел-таки подвести его туда, куда хотел.

Клинки устремились с разных направлений, закручиваясь так, что невозможно было уследить за обоими одновременно. Ульдиссиан выбросил руку, чтобы заблокировать клинок, который посчитал более опасным, – и наёмник вонзил второй клинок ему в живот.

Нож погружался всё глубже, и Ульдиссиан застонал. Победный смешок сорвался с губ затенённого человека.

-Слава Пророку!- возликовал он.- Еретик мёртв!

Нападавший говорил правду. Ульдиссиан чувствовал, как по телу распространяется холод, который ни с чем нельзя спутать. Он катастрофически недооценил ангела.

Но, несмотря на прискорбную уверенность в своей смерти, Ульдиссиан оказал сопротивление ужасающему холоду, оказал сопротивление... И победил. Из остальных частей тела он перебрался ему в руки, где и остался. Жизнь снова была ключом в Ульдиссиане, но он продолжал пошатываться, чтобы наёмник думал, что он вот-вот упадёт.

Затенённый человек придвинулся ближе с ножами наготове, явно для того, чтобы устроить ненужную резню. Не было никаких причин нападать снова после последнего удара. Однако при этом наёмник, похоже, всё ещё желал погрузить клинки в свою жертву. Он поднял их высоко...

Ульдиссиан взял холод смерти, подарок Инария ему, и, прислонив обе ладони к груди ошеломлённого убийцы, направил весь холод в своего врага.

Наёмник испустил сдавленный крик, когда смерть жертвы прошла сквозь него. Ножи выпали у него из рук, стукнувшись об пол. Он схватился за туловище точно в том месте, в которое кольнул Ульдиссиана.

Сын Диомеда почувствовал, как остатки холода уходят из кончиков его пальцев. Он отслонился от затенённого человека. Одной рукой пощупав свою рану, Ульдиссиан обнаружил, что она уже затянулась.

Размахивая руками, наёмник повалился на занавеску. Он повернулся к свету.

-Великий Пророк, Г-Гамюэль п-подвёл тебя! П-прости меня, пожалуйста!

Ульдиссиан как раз спохватился, что от этого особого слуги он мог бы узнать что-нибудь об Инарии. Он бросился к тому, кто назвал себя Гамюэлем, но в этот миг тот же свет снова привлёк его взор.

Но на этот раз он ослепил Ульдиссиана так сильно, что остановил его. Ульдиссиан отвёл взор от Гамюэля и окна.

Возник внезапный, резкий порыв ветра. Занавеска пришла в движение, и свет больше не ослеплял его. Он снова кинулся к наёмнику...

Там никого не было.

Бросившись к окну, Ульдиссиан выглянул наружу. Первым делом он посмотрел вниз. Тем не менее, не было никаких признаков, что усердный Гамюэль решил покончить со своей угасающей жизнью, бросившись смерти навстречу. Стражи внизу у дворцовых ступеней стояли на посту как ни в чём не бывало, словно ничто их не беспокоило на протяжении многих часов.

У Ульдиссиана подкашивались ноги. Он возвратился к кровати, где внимательно изучил навес. Как он и подозревал, он был ничуть не выжжен. На самом деле, к комнате не было никаких признаков, что здесь произошло

нападение, и тем более что Ульдисиан убил неудавшегося наёмника. Часть ковра, на котором стояла кровать, была задрана и имелись порезы на его одежде, но ни одно, ни второе не являлось убедительным доказательством произошедшего.

Но хотя на нём не было ни шрама, который подтвердил бы события, он знал, что не представил битву. Только он не сможет доказать этого магическим кланам. Он не сможет доказать этого даже принцу Эхмаду, который, может, и поверит ему на слово.

Его внимание возвратилось к окну. Свет, который так докучал ему раньше, был на месте, хотя и гораздо тусклее. Теперь он точно знал, что это было и где оно находилось. В конце концов, комната Ульдисиана выходила на север.

Север... Направление Собора Света.

Тело лежало перед Пророком в том виде, в каком было доставлено к нему при помощи заклинания. Гамюэль умер ещё до того, как успел принести извинение своему хозяину лично. Странное дело, но наёмник, ставший жрецом, ставший наёмным убийцей, не был убит. То, что он претерпел, на самом деле было не только куда более сложным, но вообще тем, чего Инарий не мог припомнить за все столетия своего существования.

Гамюэль претерпел не свою смерть... Но смерть Ульдисиана.

Каким бы невозможным это ни представлялось даже для ангела, Ульдисиан, который должен был умереть от полученной раны, вместо этого передал смерть своему убийце. Он вбросил своё умирание в Гамюэля, который, не в силах предпринять ничего иного, был вынужден принять его.

Инарий нахмурился. Причиной тому служили в равной мере причина гибели Гамюэля и несостоятельность его слуги. Пешка Лилит осуществила немыслимое. Это означало, что Инарию понадобится изменить всю свою стратегию. Настало время положить конец опасности, которой он всегда полагал нефалемов, — или эдиремов, как они себя называли.

ТОГДА... ЕСЛИ Я ДОЛЖЕН РАЗРУШИТЬ САНКТУАРИЙ ДО ОСНОВАНИЯ, ЧТОБЫ ПОКОНЧИТЬ С ЭТИМИ ВЫРОДКАМИ... ТАК ТОМУ И БЫТЬ.

С несвойственным ему проявлением гнева ангел махнул рукой в сторону тела.

Труп Гамюэля стал белым, как мрамор, после чего превратился в пепел и рассеялся, несмотря на отсутствие ветра.

Инарий повернулся на месте, его потерпевший поражение наёмник был уже позабыт.

ТАК ТОМУ И БЫТЬ,- холодно повторил он.- ТАК ТОМУ И БЫТЬ.

Глава десятая

Они должны были добраться до стен Кеджана уже на следующий день, однако ни Серентия, ни другие эдиремы не могли почувствовать и тем более связаться с Ульдиссианом. Мендельн, который был связан с братом иными узами, считал, что смутно уловил присутствие Ульдиссиана, но этим дело и ограничивалось.

По этому тревожащему поводу у него была своя теория, и сосредотачивалась она на магических кланах. Они считали столицу своими владениями, и чем ближе Мендельн подходил к ней, тем сильнее он чувствовал насыщенность магической энергией, которая накапливалась на протяжении многих поколений. Повсюду были наложены заклинания, и наверняка многие из них были призваны не только защитить работу одного мага от другого, но также помешать пытливым очам Собора и Триединого разузнать слишком много. Насколько заклинатели преуспели в последнем, был спорный вопрос, но они явно сеяли смуту среди эдиремов. Многие страшились, что их предводителя либо взяли в плен, либо убили, и ни он, ни Серентия не могли доказать обратного.

Всё больше становилось ясным, что если эдиремы не узнают ничего обнадеживающего о судьбе Ульдиссиана, их армия нападёт на столицу, когда доберётся до ворот.

Мендельн не хотел думать о том, какое тогда начнётся кровопролитие. Пойманные между эдиремами и магами, невинные точно будут умирать сотнями.

Но он ничего не мог поделать, чтобы предотвратить это.

Ближайшие деревни снова пустели перед их приходом. Остовы, которые некогда служили домами, казались Мендельну мрачнее, чем кладбища, ибо они предназначались для того, чтобы вмещать жизнь. Всё это было неправильно...

Впереди попадались и солдаты, в большинстве своём они скрывались, занимаясь подготовкой к штурму, который, они думали, начнётся завтра. С таким количеством, которое, по ощущениям Мендельна, имелось впереди, они не смогли бы даже задержать эдиремов. Магия, которую он мог ощутить среди защитников города, была минимальной.

Серентия пыталась поддерживать порядок в рядах эдиремов, но даже с поддержкой Сарона и Йонаса это становилось всё более трудным. Зная, что его присутствие окажется скорее пагубным, чем полезным, Мендельн в конце концов улизнул от толп и вошёл в ближайшую деревню. Он знал, что ему не стоит отделяться от остальных, но ему всегда было проще размышлять в одиночестве. Не то чтобы он был один: его всегда сопровождало несколько теней, в данном случае – несколько случайных умерших в районе столицы. Он уже допросил их и не выведal ничего ценного. Это были простые люди, которые пытались выжить усердным трудом.

Необеспокоенный наступлением ночи, Мендельн бродил от одного пустого дома к другому. Он мало что ещё делал, кроме как заглядывал в случайные окна. Не то чтобы ему было интересно, как живут местные, но ему не хватало своего собственного прошлого.

При этой мысли он печально улыбнулся. В Сераме Мендельн не единожды мечтал стать кем-то большим, чем фермер, много раз он желал путешествовать по экзотическим местам, отмеченным на картах и чертежах, которые мастер Сайрус давал ему изучить.

Он обо что-то запнулся. Предмет откатился от него на несколько ярдов. Со слабым любопытством Мендельн поднял его. Девичья кукла. У неё были тёмные волосы, она была окрашена в тёмно-коричневый цвет – без сомнения, чтобы походить на свою владелицу. Мендельн подумал о своей младшей сестре, которая давно умерла от эпидемии. С тех пор, как Мендельн обучился своим умениям, он несколько раз задумывался о том, можно ли призвать её дух. Но каждый раз идея незамедлительно сменялась отвращением. Она была мертва. Его родители были мертвы. Он хотел, чтобы они пребывали в покое.

Он не хотел, чтобы он узнали, кем стали он и Ульдиссиан.

Мендельн положил куклу назад в надежде, что, если как-то удастся избежать насилия, ребёнок и потерянная игрушка однажды воссоединятся. Однако, выпрямившись, Мендельн почувствовал, что он не один. Он взглянул в пространство между двумя пустыми домами... И увидел, что Ахилий, с луком в руках и стрелой, приложенной к тетиве, глядит в ответ на него.

Брат Ульдиссиана отреагировал инстинктивно. Он выхватил костяной кинжал со стремительностью, к которой

очевидно, был не готов даже восставший из мёртвых охотник. Мендельн пробормотал несколько слов, которым научил его Ратма.

Ахилий едва успел броситься в тень, как несколько залпов зубов-снарядов ударили место, где он стоял за миг до этого.

Мендельн ругнулся, после чего метнулся к ближайшему дому. Он послал призраков, сопровождающих его, в деревню выяснить местоположение Ахилия.

Но как только они ушли, этот вопрос лучник сам для него решил:

-Я... Не желаю... Зла... Мендельн,- прохрипел Ахилий как будто по другую сторону стены, к которой прислонился брат Ульдисиана.- Выйди... И мы... Поговорим.

Перевернув кинжал, Мендельн прошептал очередное заклинание.

Не успел он закончить, как что-то просвистело мимо его уха. С разнёсшимся стуком оно ударило деревянный брус другой стены.

Стрела влетела в окно и прошла в нескольких футах от Мендельна. Брат Ульдисиана припал к грязному полу и пополз к задней части здания. Одновременно он начал шептать новое заклинание.

Передняя стена – в том числе окно, через которое Ахилий послал стрелу, – взорвалась.

Позади взрыва раздалась возгласы негодования и проклятья. В это самое время Мендельн бросился через заднюю дверь в ближайшие заросли. Два призрака, молодого человека, усеянного пылью, и престарелой женщины, которая погибла от слабого сердца, сообщили ему, хотя это и так было понятно, что взрыв задел Ахилия.

Пока восстанавливал дыхание, Мендельн проклинал свою нерешительность. Существовали заклинания, которые куда лучше могли навсегда расправиться с кем-то наподобие его бывшего друга. Однако обладатель чёрной мантии не мог заставить себя произнести их. В конце концов, это был Ахилий, и хотя лучник выследил брата Ульдисиана с очевидным намерением убить его, Мендельн таил слабую надежду освободить живого мертвеца.

Благородная мысль... Которая точно приведёт к тому, что сын Диомеда будет убит.

Другой призрак, миловидной благородной девы, которая предпочла принять яд, чем продолжать принудительный брак с престарелым и жестоким человеком, материализовалась как раз вовремя, чтобы указать, с какой стороны подходит Ахилий. Мендельн бросился в густой кустарник позади деревянной хижины, и хотя он не слышал подхода охотника, он знал, что его бывший друг отстал ненамного.

И действительно, не далее как вздох спустя донёсся знакомый задыхающийся голос:

-Мендельн... Я пришёл... Поговорить... В этом нет... Нужды! Давай оба выйдем...

В ответ Мендельн начертил в воздухе рисунок и направил его в сторону голоса Ахилия.

-Во имя... Звёзд!- раздражённо воскликнул охотник с того места, где скрывался. В то же время раздался рокочущий звук, словно началось маленькое землетрясение.

Хотя брат Ульдисиана не мог видеть плодов своего заклинания, он мог их себе вообразить. Земля вокруг Ахилия должна была начать вздыматься, стремясь поглотить его и тем самым вернуть в могилу. Это заклинание Мендельн создал сам, основываясь на том, что показал ему Траг'Оул. Мендельну тошно было проделывать такое со своим другом, но он не мог позволить Ахилию выстрелить во второй раз.

Пока встряска земли продолжалась, Мендельн побежал к далёкому лагерю. Ему не нравилась перспектива снова подвести Ахилия к Серентии, но в неё охотник вряд ли попытается снова стрелять... Во всяком случае, Мендельн надеялся на это. По правде говоря, ему не пришлось в голову ничего лучше. Он знал только, что должен продолжать движение.

Последнее суждение подтвердилось в следующий же миг, когда вторая стрела пролетела мимо его руки. Она вонзилась в ствол ближайшего дерева, и когда Мендельн ошупал руку, то обнаружил, что стрела порвала ткань мантии. Полдюйма в сторону, и головка вонзилась бы ему в руку.

Это снова навело его на мысль о Серентии и том, что случится, если Ахилий решится снова предпринять попытку её убийства. То, что лучник так скоро преодолел последнее заклинание, говорило о могущественной силе, стоящей за ним.

Мендельн сильно сомневался, что у него есть хоть какие-то шансы против ангела, но он решил, что лучше будет пойти на риск, чем подвергнуть большей опасности дочь торговца. Стиснув зубы, сын Диомеда отклонился в густейшие заросли. Может, плушь и стихия Ахилия, но темнота – стихия Мендельна.

Он преодолел ещё несколько ярдов в сторону как от деревни, так и от лагеря, после чего прислонился к толстому стволу дерева. Приложив кинжал к своей груди, он начал подгонять заклинание под текущий случай. Несмотря на свою заботу об Ахилии, Мендельн заставил себя видеть в охотнике то, чем он был, – ходячий труп. Существовали заклинания, которые таких оживляли, – Мендельн использовал их против невинных сельчан, одуряченных Инарием. Чтобы прекратить их оживление, достаточно было остановить чтение заклинания. Однако, применительно к существу вроде Ахилия, брат Ульдиссиана надеялся, что если на самом деле обратить заклинание оживления, то удастся вернуть лучника обратно в мир иной.

В теории это должно было сработать. На практике...

Он скорее ощутил, чем услышал приближение Ахилия. Мендельн был поражён полнейшей тишиной, в какой двигался его друг. Как бы он ни был хорош при жизни, конечно же, тогда Ахилий всё же создавал некоторый лёгкий шум, особенно при дыхании.

Мендельн закончил подгонку заклинания. У него будет один, и только один шанс использовать его. Для этого ему потребуется выйти и встретить охотника лицом к лицу, но Мендельн готов попробовать. Этому нужно положить конец. Ахилий дважды промахнулся мимо цели, но сомнительно, что он продолжит промахиваться. Его хозяин не допустит этого.

Чтобы Серентия и Ульдиссиан – если считать, что его брат всё ещё жив, – выжили, Ахилий должен умереть... Вновь.

«Я поднял тебя из землю, и в землю верну... Прости меня за то и другое!»

Было что-то справа от него. Он только сейчас заметил, что поблизости нет призраков, которые могли бы предупредить его. На этот раз хозяин Ахилия хотел, чтобы всё прошло успешно.

От темноты отделилась тень.

Мендельн отступил от дерева, вытянув кинжал остриём вниз в сторону тени. В его бледном свете он увидел покрытое песком лицо Ахилия. Выражение лучника было безучастным... Безжизненным.

И, к глубокому смятению Мендельна, Ахилий только что закончил стрелять в него.

Мендельн знал, что ему конец. На таком расстоянии даже самый доброжелательный лучник не смог бы промахнуться мимо сердца. Несмотря на это, человек в чёрном всё же попытался произнести подготовленное заклинание. Он сделал это ради брата и Серентии, раз для него уже всё было кончено.

Стрела задела горло, оставила царапину на шее и полетела дальше. Мендельн запнулся на полуслове, схватился за шею и почувствовал жгучую, но неглубокую рану.

Стрела попала в дерево, от которого он только что отошёл.

Ахилий опустил лук.

-Тебя нужно... Убить... И ты это знаешь.

Это заявление заставило Мендельна засомневаться. Охотник сказал правду. Мендельну вспомнилось, как его брат доказывал, что Ахилий пытался промахнуться. Мендельн хотел верить этому, но когда Серентия чуть не погибла при более чем сомнительных обстоятельствах, его снова стали терзать сомнения. И когда Ахилий пришёл за ним, стало ясно, что третьего помилования не жди.

Однако оно случилось, и Ахилий сам говорил об этом.

-Мне трудно поверить,- наконец осмелился ответить он,- что ты в который раз не добиваешь намеченную жертву.

На это восставший из мёртвых человек ответил сухой усмешкой:

-На то была моя воля... И немалая... Удача в первый раз. Ещё большая с... С... С ней,- если бы светловолосый охотник мог пролить слезу, говоря о Серентии, он непременно сейчас бы это сделал. - А ты... На тебя ушло три... Три выстрела, потому что ты... Такой дико-упрямый, Мендельн.

-О чём это ты? - Мендельну было всё труднее заставить себя начать заново чтение своего тёмного заклинания. Если бы не хриплый голос, следы грязи, которые он мог заметить на лице, и знание того, что за воротником, который закрывал горло Ахилия, скрывается зияющая дыра, сын Диомеда чувствовал бы так, словно они с лучником ведут непринуждённую беседу, как в старые добрые времена юности.

-Я пришёл... Поговорить. Ты сильно... Усложнил задачу. Я не выдержал и выстрелил... Выпустил одну стрелу... Чтобы показать тебе: если я бы я хотел... Убить тебя... Я бы смог. Ты не обратил на это... Никакого... Вообще никакого внимания.

-На то были причины, если помнишь. Когда ты объявлялся в последние два раза, ты пытался засадить по стреле в Ульдиссиана и в неё. Я остался не убеждён, что что-нибудь поменялось.

Лучник покачал головой, открывая часть зияющей раны в горле.

-Ну вот... Я выстрелил во второй... Во второй раз... Чтобы доказать снова... Что... Я мог бы убить тебя... Или хотя бы ранить... Ранить тебя... Если бы хотел.

Мендельн опустил кинжал.

-Должен заметить, и тогда не убедил.

-Нет... Конечно же, нет,- выражение Ахилия внезапно сделалось жёстким.- Ты... Ты попытался... Закопать меня... Мендельн. Вот тогда и правда... Был момент... Когда я хотел... Убить тебя.

Кинжал снова поднялся.

-А теперь?

-Это было... Было только... На миг... И я всё равно... Всё равно не... Сделал бы этого.

Его голос звучал настолько искренне, что Мендельн в конце концов опустил кинжал.

-Ты сбежал? Поэтому ты вернулся?

-Нет... Я не... Сбежал. Он... Просто он... Передумал.

-Что ты имеешь в виду?

-Я должен был... Я должен был убить вас всех... В первую очередь Ульдиссиана и... И Серентию... Из-за того, кем... Кем вы становитесь.

Это Мендельну было и так понятно:

-Ну и?

-Теперь... Теперь он хочет... Хочет другого.

-Хочет другого? Не уверен, что это переполняет меня доверием! А кто именно он такой, Ахилий? Помимо того, что это ангел, в смысле!

-Тот, кто может быть... Нашей единственной надеждой... Против Инария,- ответил восставший из мёртвых лучник. Его взгляд внезапно метнулся за спину Мендельна, который почувствовал, что у него волосы на затылке встают дыбом.- Единственной надеждой.

ЕСЛИ ЭТО ВСЁ ЕЩЁ ВОЗМОЖНО...- раздался голос, который слишком сильно напоминал голос Инария.- ИБО ПОХОЖЕ, ЧТО ОДИН ИЗ ТРЁХ ТЕПЕРЬ ВСТУПИЛ В ЭТОТ МИР.

Развернувшись, Мендельн встретился с ангелом лицом к лицу. Это был не Инарий – в этом он почему-то был уверен. Было столь многое, что напоминало ему именно об отце Ратмы, однако он почему-то знал, что это не он.

Но важнее было то, что только что сказала неземное создание.

-Один из Трёх?- выпалил брат Ульдиссиана. Он лихорадочно соображал. Единственные «Трое», которые могли прийти ему на ум, были направляющими духами Триединого, духами, которые на самом деле были... - Нет!- Мендельн страстно затряс головой.- Вы же не хотите сказать...

Безликая фигура сделала почти неразличимый кивок:

ДА, ОДИН ИЗ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ ДЕМОНОВ ПРИШЁЛ В САНКТУАРИЙ.

Не так должно было быть. С незапамятных времён всё происходило так, как планировал Инарий. Как только что-то шло не так, ангел отвечал драконовскими мерами, которые умирляли даже его потомство. Он научился на той глупой ошибке, научился на падении жертвой лживых слов любовницы. С того неприятного события Инарий никогда не выпускал бразды правления из своих рук.

До сих пор.

Ангел, всё ещё под видом Пророка, шагал по своему святилищу, и эмоции били у него через край. Его терзала неуверенность, какую он не испытывал на протяжении столетий.

Орис пришла в поисках своего коллеги – она не знала, что он больше не был даже пылью на полу. Инарий уделил ей не более минуты, но мало внимания обращал на её слова на протяжении этого времени. Его грубоватое замечание, что Гамюэля нужно забыть, заставило её побледнеть, но его это не заботило. Тревоги людей – ничто по сравнению с его тревогами.

К этому времени прошла значительная часть ночи, и хотя он был вечным, истечение последних нескольких часов только усилило беспокойство Пророка. В прошлом никогда не было ситуации, когда ему требовалось больше, чем несколько мгновений на размышление со своей стороны. Теперь его ум отказывался нормально работать, а только перебирал снова и снова последние неудачи.

ЗДЕСЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ОШИБКА!- убеждал он себя. - ЗДЕСЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ОШИБКА! НЕ МОЯ ОШИБКА!

Смертный Ульдиссиан разделался с Триединым, прямо как хотел Инарий. Следующим шагом должно было стать просто падение пешки ангела. Агенты Инария настроили против эдиремов такое большое число людей, что в конце концов вырождались точно должны были пасть.

Но самого Ульдиссиана нельзя было остановить... И он шёл за Инарием... Шёл за ним.

Взглянув на великолепную панораму, которая слабо пыталась напоминать совершенство Высшего Неба, ангел опешил. Он мог бы поклясться, что одна из фигур пришла в движение. Инарий сделал шаг назад, изучая нарисованную фигуру.

Нет, она не могла двигаться. Ему просто показалось...

Лицо Пророка исказилось яростью. Его страхи растворились в то же время, растворились без труда, потому что на самом деле не были его собственными.

-Я узнал тебя,- объявил он пустой комнате человеческим голосом.- Твои маленькие игры со мной не пройдут, демон! Не забывай, с кем имеешь дело!

Я имею дело с предателем, лжецом и убийцей,- произнёс голос, который, несмотря на заявление Инария, вызвал в нём холодок.- Это почти как иметь дело с одним из моих братьев.

-Дерзкий, как всегда,- Инарий отыскал темнейшую тень и повернулся к ней. - Просто нахал.

Тень задвигалась. В ней стала проступать едва видимая фигура.

Инарий не выказал признаков беспокойства, когда фигура стала крылатым воином, которого он очень хорошо знал.

-Ты не Тираэль, и его я не боюсь.

Не боишься? Тогда почему я похож не него?

-Потому что ты болван, демон.

Это вызвало усмешку. Затем, пока двигался вперёд, «ангел» снова поменял форму. Теперь он был человеком, но не простым. Он был Ульдиссианом уль-Диомедом.

Пророк стиснул зубы.

-И снова ты болван. Ты же не просто так пришёл. Так давай обойдёмся без сценок!

Тень в углу внезапно стала распространяться, чуть не поглотив целиком ложного Ульдиссиана. Когда это произошло, его тело исказилось. Демон стал менее различимым и определённо гораздо меньше человекоподобным. Он стал плодом воображения в той же мере, что и материей, и тогда Инарию снова стало не по себе, хотя он не смел показать этого.

Тени теперь заволокли большую часть комнаты с той стороны, где стояла тёмная сущность. Ангелу было известно, что за пределами его святилища его последователи стали внезапно испытывать страхи, о которых до сих пор не ведали сами. Стражники у его дверей содрогались, и, вероятно, некоторые из них даже бежали. Больше, чем несколько его жрецов, наверняка уже стояли на коленях, молясь о том, чтобы тьма, коснувшаяся их душ, поскорее оставила их.

Они не знали, как им повезло, ибо демон, посетивший Инария, мог сделать гораздо худшее. Просто он, как и ангел, не смел показать себя полностью.

Существовали такие, кого боялся даже Повелитель Ужаса.

Существо в тенях возвышалось над Инарием. Временами демон принимал форму, которая напоминала помесь человека и животного. Однако именно лицо бредило внутренние страхи, потому что оно постоянно менялось. Инарий увидел череп с рогами. Из глаз и челюстей вытекала кровь. Это ужасное лицо стало плавящейся головой, чью плоть непрестанно жрали чёрные мухи и огромные черви. Затем возникло лицо рептилии, женское и очень похожее на лицо другого демона, которого знал Инарий.

Но даже лик Лилит исчез в следующий миг, снова сменившись образом другого ангела. Пророк нахмурился, а демон рассмеялся и снова поменялся. Теперь Инария приветствовала пустая тень, и по какой-то невыразимой причине это вызвало у него большее раздражение, чем все другие формы.

Так лучше, а, Пророк?

Не обращая внимания на насмешку, Инарий тихо ответил:

-Когда мы виделись в последний раз, лорд Диабло, мы договорились, что это будет последний раз.

Всегда бывают новые последние разы, Инарий. Хотя и не так много, как раньше.

-И ты поэтому явился?

Форма демона продолжала меняться в мелочах, словно у Диабло не было настоящей собственной формы. Каждое изменение, каким бы малым оно ни было, затрагивало какую-либо струну в Инарии, хотя он продолжал маскировать свои эмоции.

Диабло кормился на малейшем страхе.

Причина моего прихода проста. Её зовут Ульдиссиан.

-А, ну конечно. Ты и твои братья столько усилий вложили в создание Триединого! Я предупреждал вас, что оно падёт.

Не твоими стараниями.

Теперь был черёд ангела насмехаться:

-Ты так уверен? Тебе бы лучше присмотреться и перепроверить.

Он ощутил ярость демона и почувствовал, как волна страха старается захлестнуть его. Но, уже зная, что это попытка Диабло, Инарий защитил себя против силы тёмного лорда. Это потребовало немалых усилий, но Инарий добился успеха.

Однако будь они с Диабло людьми, пауза, которая последовала за этим, походила бы на передышку, которая требовалась двум изнурённым противникам, чтобы отдышаться и прийти в себя.

Инарий знал, насколько могущественен владыка демонов, а также то, что своим успехом частично обязан необходимости Диабло скрывать себя от других глаз. По крайней мере, это открыло ангелу, зачем ему так внезапно понадобилось явиться.

-Так... Вот оно что,- прошептал Пророк, теперь более уверенно.- Ты боишься потерять всё. Повелитель Ужаса боится.

Я ничего не боюсь!- пустота, которую Дьябло временно использовал в качестве лица, исказилась.- Во всяком случае, не больше твоего!

-У меня всё идёт, как задумано...

Скребя когтистыми лапами безукоризненный мрамор, демон подошёл ближе, и без того огромная тень ещё больше разбухла. Каким-то образом, даже не имея глаз, он сумел заглянуть в разум Инария.

Я попробовал твой страх на вкус, ангел. Если бы сказанное тобой было правдой, мне было бы нечем поживиться. Этот смертный, этот Ульдиссиан – он стал большим, чем любой из нас мог представить. Он ставит под риск всё, что любой из нас желает получить от Санктуария!

Инарий не мог не нахмуриться.

-Желания эти различны, должен заметить.

Но с одной превалирующей общей деталью,- Дьябло придвинулся ближе. Прежде чем вернулась пустота, промелькнули черты другого ангела.- Ни одна судьба из тех, за которые мы сражаемся, не осуществится, если этот смертный продолжит идти своим путём.

Пророк отвернулся от незваного гостя, но не из страха к Дьябло. Скорее, он слишком хорошо понял точку зрения повелителя демонов и не мог не обдумать её.

Хотя Инарий часто и грозился обнулить Санктуарий и начать заново, на самом деле он не хотел прибегать к такой крайности. Слишком долго он работал над миром, выплавляя его по своему усмотрению. Ему стало здесь... Слишком комфортно.

Демонам Санктуарий и, в первую очередь, его люди, конечно же, нужны были по другой, более простой причине. Они видели в людях воинов, которые нужны были им, чтобы заполучить преимущество в борьбе.

И, как и сказал Дьябло, если Ульдиссиан умудрится продолжать повышать возможности людей за пределы того, что даже Инарий считал их лимитом, то очень скоро ни они, ни демоны не смогут повелевать людьми.

«НИКОГДА ЭТОМУ НЕ БЫВАТЬ!» - гневно подумал Инарий. Он снова повернулся к демону, который стоял молча, пока он размышлял.

-Ты предлагаешь объединить усилия.

Повелитель Ужаса резко рассмеялся.

Ты так сказал, словно речь идёт о немыслимом, ангел! А я припоминаю, что ты не единожды заключал договоры с подобными мне.

Конечно, тут Инарий не мог поспорить с ним. Правда, как и в те давние времена, он хотел быть в выигрыше. Он извлёк урок из своей ошибки, извлёк урок из Лилит.

В сравнении с коварством Лилит даже Дьябло бледнел. Договор можно переиначивать. Дьябло точно попытается сделать это.

Выработанным движением Пророк подошёл к своему любимому дивану и уселся на него, словно перед ним стоял проситель, а не верховный демон. Он ощутил гнев Дьябло от этого оскорбления, но знал, что Повелителю Ужаса нужны ресурсы, его Собор Света, для того, что он запланировал.

И всё же Инарию любопытно было услышать, по поводу чего предлагался этот союз.

-Я слушаю.

Явно сдерживая свои силы, чудовищное существо растолковало:

От своего прислужника я узнал о том, кто будет рад помочь нам. Действительно, он рядом и уже готов испытать крови Ульдиссиана... Вернее, завладеть его телом.

-Телом?

Да... И за него в качестве награды он готов выступить ключом к уничтожению угрозы, которую создаёт этот смертный.

-На что способен этот другой демон?

Диабло фыркнул, очевидно, в знак удивления неведением Инария.

Он не демон, хотя умом и стоит его. Он – человек... Вернее, был им. В одиночку он проиграет, но если мы будем вести его, он не сможет не добиться успеха.

-Смертный против другого смертного?- Инарию это показалось ироничным, и если смертный был пешкой Диабло, ангелу будет куда проще манипулировать им впоследствии.- И что это за человек, который уже не человек?

Тебе он был хорошо известен... Очень хорошо... Когда он был высшим жрецом Мефиса.

Мефис. Мефисто. Да, Инарий очень хорошо знал, о ком шла речь.

-Малик?- Пророк позволил лёгкой улыбке украсить его смертное лицо.- Малик.

Да,- Диабло позволил своему лицу – не такому пугающему, конечно же,- проявиться... И улыбнулся ангелу в ответ.

Глава одиннадцатая

Мендельн что-то скрывал – это Ратма чувствовал. Когда он материализовался среди марширующих эдиремов, – не поведя и бровью, – он почувствовал, что часть сознания его ученика скрыта от него.

Он немедленно установил связь с Траг’Оулом, чтобы сообщить ему это.

Я уже знаю,- ответило создание.- И каким бы методом он ни защищался, он непроницаем даже для меня.

«Но это невозможно!» - Ратма не знал, как мог бы смертный, каким бы одарённым он ни был, достигнуть такого успеха.

Нет, не невозможно,- ответил дракон.- Для него.

Ещё Ратма заметил, что Мендельн изо всех сил старается игнорировать его. Это разгневало Древнего больше, чем он сам мог поверить.

-Мендельн уль-Диомед, нам надо поговорить.

Брат Ульдиссиан взглянул в ответ:

-Мы почти у ворот Кеджана. Это подождёт. Я пытаюсь придумать, как избежать войны.

-Любая кровь, пролитая среди эдиремов и магических кланов незначительна по сравнению с истинной опасностью.

-Нет, если часть этой крови принадлежит Ульдиссиану!- бросил Мендельн с несвойственной страстностью.

Его реакция только убедила сына Инария в том, что и в самом деле творилось что-то, что Мендельн не хотел рассказывать ему. У Ратма была жуткая идея того, что это могло быть.

-Мы поговорим, сын Диомеда,- прямо сейчас.

Ученик остановился. Какой-то эдирем, проходивший мимо, мудро поспешил удалиться.

-Поговорим? Всегда всё должно быть по-твоему,- выпалил смертный.- Когда мне нужно поговорить, ты где угодно, только не здесь! Когда мне нужны ответы, мне выдают одни загадки!

Что-то явно шло не так. Ратма исподтишка применил свои силы. Он обыскал джунгли с большой тщательностью, думая в русле коварства его отца.

И вот наконец он увидел то, что он думал, что скрывает Мендельн.

Ахилий шёл тенью за войском эдиремов.

Не меняя выражения лица, Ратма проговорил:

-Я понял. Прости меня за то, что не видел проблемы.

Мендельн потянулся к нему:

-Нет! Это не...

Но Ратма уже исчез, чтобы вновь возникнуть в джунглях за спиной у бредущего охотника.

-Прости меня за то, что делаю это, Ахилий,- объявил он.

Древний почти поздно вспомнил, что это создание не связано рамками живых. Прежде чем он даже успел закончить говорить, лучник повернулся и приготовил стрелу.

Она пролетела мимо уха Ратмы, занимая всё его внимание. Ахилию явно только это и нужно было, потому что вместо того, чтобы атаковать, он немедленно нырнул в кусты.

Но если охотник думал, что этого достаточно, чтобы отделаться от Ратмы, то он сильно ошибался. На этот раз

лучше подготовленный к тому, с чем имеет дело, Древний исчез.

Вид безжизненного лица лучника, когда сын Инария материализовался прямо перед его носом, мог бы показаться забавным при других обстоятельствах. Ахилий уставился во все глаза, после чего достал из-за пояса приличных размеров нож.

НЕТ.

Голос заставил обоих замереть на месте. Ратма был поражён гораздо сильнее Ахилия, который наверняка слышал этот голос часто в последние дни. Ратма поворачивался на месте в поисках говорившего, становясь всё более обеспокоенным оттого, что не мог ощутить ни малейшего следа.

С пылающим взглядом он повернулся опять к лучнику. Ахилий ничего не сказал, но его выражение сказала Ратме всё, что ему нужно было знать.

-Это он,- выдохнул Древний.- Это правда он.

Но прежде чем можно было сказать что-то ещё, раздались крики со стороны Мендельна и эдиремов. Ратма посмотрел в этом направлении.

Небо наверху вдруг стало пугающе зелёным.

Он снова посмотрел на Ахилия, чьё выражение не поменялось. Ратма некоторое время колебался, потом, не сходя с места, исчез.

Сын Инария вновь появился подле Мендельна – и увидел зрелище, которое без сомнения было неестественного происхождения.

Небо позеленело от ярко-зелёных насекомых – если быть точным, богомолы. Никогда за свою долгую жизнь Ратма не видел так много богомолы, тем более собранных в одном месте. Богомолы были одиночками, но эти собрались в тучу, которая превосходила даже огромные полчища саранчи. Они пришли со стороны столицы, и Ратме необязательно было обладать мудростью поколений, чтобы понять, что это не совпадение. Оставался только один вопрос: кто за это в ответе. Может, магические кланы, может, его отец.

Или, возможно, новый хозяин Ахилия.

Но едва ли это имело значение теперь. Рой уже был почти над эдиремами, и, снижаясь, богомолы увеличивались в размерах. Из нескольких дюймов они вырастали до фута и продолжали расти.

Хотя изначально и были ошеломлены, последователи Ульдиссиана не продолжили стоять и ждать. Серентия издала клич и кинула копьё в облако. Пока оружие летело, вокруг него образовалась аура, которая захлестнула созданий вокруг, так что поглотила практически всех насекомых, оказавшихся возле копья. Объятая пламенем, более чем дюжина существ немедленно погибла.

И когда это произошло, те, кто был рядом с ней, атаковали различными способами, призванными нанести как можно больший урон. Шары энергии, звуковые волны – всё, что могло разделяться с богомолами десятками, ударило несметное облако.

Но Ратма быстро подметил, что, несмотря на сотни огромных тел, уже испещряющих местность, не похоже было, чтобы число богомолы уменьшалось. Более того, похоже было, что рой растёт.

Он поспешил воззвать к тому, у кого могло найтись лучшее объяснение происходящему:

«Траг, ты видишь всё это?»

Ответ дракона был незамедлительным:

Я ощутил, как это начинается, и быстро выяснил, что происходит.

«Это ведь не дело рук кланов магов, не так ли?» - спросил Ратма, готовясь принять участие в столкновении.

Нет... Это приведено в действие силой, куда большей, чем они.

Траг? Оулу не нужно было пускаться в объяснения. Ратма понял точно, что он имеет в виду.

Он обыскал область в поисках Мендельна и был ничуть не удивлён, когда обнаружил, что брат Ульдиссиана отсутствует. Древний мог с трудом поверить, что Мендельн предал остальных, но никакое другое разумное

объяснение не приходило на ум.

Кое-что ещё пришло ему в голову. Мыслью он устремился туда, где в последний раз ощущал Ахилия, и обнаружил, что тот тоже пропал.

«Это диверсия... Всё это – диверсия».

Чтобы найти тому подтверждение, Ратма изучил сцену. Эдиремы атаковали снова и снова, а богомолы всё прибывали и прибывали. Столько насекомых могло не найтись во всём Санктуарии, однако им не было видно конца. Существа приземлялись в рядах последователей Ульдиссиана, кусали и царапали их, но до сих пор он не увидел ни одной серьёзной раны, даже среди маленьких или старых. Облако также текло не быстрее, чем люди могли разделаться с ним. То есть ровно так, чтобы поддерживать их занятыми и не давать идти вперёд.

Не давать подойти к Кеджану.

Ратме не требовалось спрашивать, почему. Он знал, что если Мендельн ещё не добрался каким-то образом до столицы, то он на пути туда.

Вопросы был другим: что ангел, которому он теперь, по-видимому, служил, хотел от младшего брата?

Был только один способ выяснить. В последний раз взглянув на сражение, Ратма отправился в Кеджан.

Ульдиссиан устремил мысль к Серентии и Мендельну и снова наткнулся на смутный барьер. Какая-то часть его корила себя за то, что он тут же не вернулся к ним, но другая продолжала напоминать Ульдиссиану, что могут обрести не только эдиремы, но и всё человечество в случае, если он добьётся успеха здесь.

И оказалось, что надежды его небеспричинны, потому что под конец дня к нему пришёл принц Эхмад и сказал:

-У нас мало времени. Совет магов согласился встретиться с тобой, но это должно произойти сразу после захода солнца. Не позже.

-А к чему такая срочность?

-Я – всего лишь принц,- сказал хозяин дворца, насмешливо пожимая плечами,- и мало что понимаю в путях заклинателей.

Ульдиссиан подозревал, что Эхмад знает гораздо больше, чем утверждает, но виду не подал. Он доверял принцу.

-А гильдии?

-Они тоже там будут. Должен сказать тебе, ассенианец, что такой стремительный сбор обеих сторон много говорит о том, как сильно они интересуются тобой.

В голове Ульдиссиана внезапно застучало, но не успел он даже приложить к ней руку, как стук прекратился. Принц Эхмад выглядел встревоженным:

-Мой друг, тебе нездоровится?

-Нет... Я в порядке,- и всё же в ощущении было что-то знакомое, словно оно исходило от кого-то другого, кого он хорошо знал. От Мендельна? Серентии? Пытался ли кто-то из них связаться с ним?

Прежде чем Ульдиссиан успел развить мысль, он вдруг ощутил чужое присутствие.

Маг Кетуй материализовался перед ним.

-Зорун Тзин мёртв.

Поначалу Ульдиссиан не понял, о ком шла речь: о его пленителе или Малике под видом Зоруна. Кетуй быстро уточнил:

-Зоруна Тзина выследили, он спустился под город. Там были некоторые следы его магии, но они исчезли в определённом месте. Это может означать только, что его действительно больше нет.

-А Малик? Что насчёт Малика?

-Духа, о котором ты говоришь, никак не удалось ощутить. Было высказано предположение, что когда тело Зоруна погибло, то же самое произошло и с Маликом.

Ульдиссиану слабо в это верилось:

-Должен быть какой-то способ убедиться!

-Были применены все способы обнаружения, установленные советом магов. Они подтвердили смерть Зоруна в том месте и не выявили никаких следов существования, как описанный тобой высший жрец,- Кетуй осклабился, его белые зубы составляли резкий контраст едва различимому лицу.- Может, у тебя лучше получится.

Это было не предложение, а скорее вызов. Ульдиссиан, который как никто знал, какую угрозу представляет Малик, не мог отказаться.

-Ты можешь отвести меня туда, где потерян след Зоруна Тзина? Тебе позволено сделать это?

-Конечно.

-До захода солнца осталось всего три часа,- напомнил ему принц Эхмад.- Я бы рекомендовал не задерживаться.

-Не бойся. Я прослежу, чтобы ассенианец вернулся вовремя и в целости,- усмехнулся Кетуй.- Он убедится, что совет и гильдии представляют куда как большую проблему, чем этот Малик, ты уж мне поверь.

-Это должно быть сделано,- сказал Ульдиссиан гостеприимному хозяину.- Поверьте мне. В прошлый раз я не сумел позаботиться о том, чтобы он по-настоящему умер. Я чувствую немалую долю ответственности за любой вред, который Малик наносит, пока охотится на меня.

-В таком случае да взирают на тебя прародители,- с поклоном ответил Эхмад.

Кетуй снова усмехнулся, очевидно, не разделяя в той же мере верований принца.

-Мы пойдём, или вы ещё хотите поболтать?

Хотя Ульдиссиан и был впечатлён способностями Кетуя, сам маг его мало заботил. Ему было присуще то высокомерие, которого сын Диомеда ожидал от подобных ему, что не сулило ничего хорошего в смысле грядущего собрания.

Чем скорее они вернутся, тем довольней окажется Ульдиссиан.

-Веди меня туда.

Притронувшись к его груди, Кетуй повиновался.

Перемещение было почти мгновенным. Они стояли в переулке в сердце столицы. Их окружали высокие, но явно заброшенные здания.

-Я думал, мы появимся в тоннелях,- сказал он спутнику.

Кетуй опустил руку. Ульдиссиан в первый раз заметил медальон, который носил Кетуй. Прямо у него на глазах руны, которые окружали синий камень по центру, из ярко-золотых стали тускло-медными. Ульдиссиан понял, что предмет аналогичен посоху Зоруна Тзина.

-Никто вслепую не идёт под землю,- пояснил Кетуй тоном, который высмеивал Ульдиссиана за незнание этого.- Тоннели – старейшее место во всём Кеджане. Кто-то говорит, что они были построены для предыдущего города, воздвигнутого, когда ещё не было людей.

-Кто ж тогда воздвиг его?

Маг в капюшоне поставил стопу на небольшой узор, высеченный на пути. К изумлению Ульдиссиана, часть камня отъехала, открывая дыру и ржавые металлические ступени, отходящие от одной стены и ведущие вниз.

-Говорят, что ангелы и демоны.

Недолго думая, Кетуй нырнул в дыру и пропал из вида. Сын Диомеда быстро последовал за ним.

Когда он спустился под переулок, камень над головой въехал на прежнее место. Ульдиссиан unsuccessfully попытался отбросить мысль, что он угодил в ловушку.

Кетуй внизу создал малый шар света. Ульдисиан не стал ему подражать, предпочитая, чтобы заклинатель некоторое время думал, что его силы превосходят силы чужеземца. Стало совершенно ясно, что, по крайней мере где дело касалось Кетуя и двух его товарищей, сила Ульдисиана находилась под вопросом. И это несмотря на прошлую попытку Амолии схватить его.

Выбрасывая из головы предубеждения его возможных союзников, он с растущим нетерпением выжидал, пока Кетуй вёл его по краям огромной системы каналов. Ульдисиан думал, что до места назначения нужно будет пройти совсем немного, но Кетуй один за другим преодолевал запутанные переходы.

И только тогда Ульдисиан задумался, действительно ли это маг его ведёт.

Пока ведущий его человек не видел, он сжал ладонь в кулак, который загорелся слабо-розовым. Ульдисиану самому не верилось, что он не предположил, что такую уловку мог устроить Малик. Страшный дух был достаточно хитёр, чтобы напасть на того, кто охотился за ним и завладеть его телом, чтобы привести свою конечную цель туда, где высший жрец смог бы разделаться с ней. Малик знал, что его враг будет пытаться выследить его, а значит, высший жрец непременно устроил какую-нибудь ловушку.

Но, будучи теперь начеку, Ульдисиан намеревался отплатить Малику его же монетой. Если он прав, то Кетуй уже мёртв, а значит, можно не бояться навредить ему.

-Далеко ещё?- спросил он, стремясь, чтобы противник не узнал о его открытии.

-Не далеко. Не бойсь...

Продолжающийся насмешливый тон ещё больше убедил Ульдисиана, что он прав в своём предположении. Уверенный в победе, Малик даже не мог сдержать своего презрения.

Ульдисиана удерживало от атаки только то, что ему было любопытно узнать, что Малик приготовил для него в месте, куда они шли. Ульдисиан предположил, что высший жрец разместил там нескольких выживших прислужников Триединого, которые помогут ему. Если так, то Ульдисиан просто обязан удостовериться, что ни один из них не покинет тоннелей живым.

Они шли молча, тишину нарушали только журчание воды да их собственное дыхание. Как раз когда Ульдисиан уже решил, что больше не потерпит маликовых игр, фигура впереди остановилась.

-Здесь. Вход, через который мы спустились, был ближайшим физическим путём, чтобы достигнуть этой точки. Но не беспокойся, ассенианец: мы вернём тебя вовремя для встречи с советом.

-Я в этом отнюдь не сомневаюсь,- ответил Ульдисиан, продолжая прятать руку.

Заклинатель в капюшоне склонился над водой. Он указал на область сразу слева от себя:

-Вот где обрывается всякий след Зоруна Тзина. Его тела в воде нет. Мы бы обнаружили его. Оно просто перестало существовать.

-Малику так было безопасней замести следы, не находишь, Кетуй?

Маг поднял взор.

-Или просто этот предполагаемый призрак кончил здесь, когда тело больше не могло поддержать его. Ты сам говоришь, что тела не протягивают долго.

-Но достаточно долго, чтобы найти новое тело,- Ульдисиан притворился, что заинтересовался находками, а на самом деле подбирался ближе к своему спутнику. Он хотел гарантии, что Малик не сбежит от него на этот раз. Его это так же подвергало риску, но Ульдисиан считал, что дело того стоит.

-Мы не нашли ничего, что заставило бы думать об обратном. Все следы Зоруна Тзина обрываются здесь, говорю же!

-Но мы ищем не его,- напомнил Ульдисиан.- Мы разыскиваем Малика, высшего жреца Мефиса.

Кетуй поднялся. В свечении сферы его тёмное лицо казалось страшным.

-Даже если бы создание, каким ты его описал, существовало, мы нашли бы что-нибудь! Тебя пытали, ассенианец, Зорун Тзин в этом мастер. По мнению не только моему, то, что кажется тебе произошедшим, на самом деле тебе только привиделось.

-Привиделось, значит... Да, Малик?

Выражение мага скривилось, когда он осознал, как его спутник назвал его.

-Ты же не можешь всерьёз верить, что я...

Ульдиссиан поднял кулак... И вода перед двумя мужчинами разверзлась. Обоих окатило зловонной волной. Ульдиссиан утратил равновесие и полетел в канал. Кетуй наскочил на стену и только в последний миг ухватился, чтобы не присоединиться к сыну Диомеда.

Оказавшись под поверхностью, Ульдиссиан задыхался. Что-то, не являющееся рыбой, прошло мимо него в тёмной воде. Он вслепую ударил это, и вода закипела, когда он высвободил то, что приготовил для Кетуя.

Маг не был Маликом. Ульдиссиан проклинал себя за то, что поддался такой идее. Малик вряд ли подверг бы себя такой опасности и уж точно он не захотел бы рисковать телом, которого так жадно добивался.

Что-то похожее на змею обвило его ногу. Отталкивая это, Ульдиссиан почувствовал, как несколько острых краёв прорезают ему кожу. Он чуть было не закричал, только в последний момент удержавшись и благодаря этому не хлебнув воды.

Ему и без того доставало воздуха. Ульдиссиан попытался подняться над поверхностью, но нога удерживала его в каких-нибудь дюймах от спасения.

В отчаянии он потянулся руками, хватая воздух, которого так жаждали его губы. Если бы только он мог поднести его к себе...

И когда он внёс сложенные лодочкой ладони назад под воду, они захватили с собой огромный пузырь, который излучал бледно-золотистую ауру. Ульдиссиан поднёс пузырь к своему рту и вдохнул. Его лёгкие наполнились. Он подносил ко рту пузырь за пузырём, в то же время отбивая ногами невидимую угрозу, не давая ей утanutь его глубже.

Сверху показалось свечение, напоминающее свечение сферы, которую призвал Кетуй. В следующий миг сама сфера устремилась в воду, минуя Ульдиссиана. Она погружалась всё глубже, опускаясь, как он понял, на того, кто держал его.

Когда сфера ударила, Ульдиссиан разглядел демона.

Он знал, что ничем другим это не может быть. Ничто из рождённого в Санктуарии не могло иметь такого безобразного тела. У него было множество листовых и при этом острых щупальцев и выпуклое тело, которое напомнило Ульдиссиану пузырь. Внутри него плавали странные предметы. У Ульдиссиана было ужасное ощущение, что скоро он присоединится к ним.

Снова Ульдиссиан почувствовал, что ему не хватает воздуха. Когда свечение Кетуя стало угасать, сын Диомеда использовал последнюю вспышку света, чтобы прицелиться в демона.

Но существо тут же отпустило его, исчезая в тёмной пучине. Ульдиссиану пришлось позабыть об атаке: ему нужен был воздух, и притом быстро.

Как только его голова показалась над поверхностью, он вдохнул. Воздух показался ему таким блаженством, что некоторое время он не мог думать ни о чём другом.

И именно в это время демон снова напал.

Щупальца были повсюду, они обвилились даже вокруг его горла. Одно оплело рот. Его тянули вниз.

Откуда-то донёсся крик Кетуя, затем вода залилась в уши Ульдиссиана. Его тащили во тьму.

Однако воздух, который он успел вдохнуть, позволил ему лучше соображать. Ульдиссиан сосредоточился на многочисленных конечностях демона.

Несмотря на то, что их окружала вода, сын Диомеда заставил их гореть.

Неистовое бульканье донеслось из-под него, да такое громкое, что Ульдиссиан подумал, что оглохнет. Демон отнял от него объятые пламенем конечности и тщетно стал пытаться стряхнуть пламя.

Направляясь к поверхности, Ульдиссиан взглянул вниз. В свете ненатурального огня, который он создал, демон казался ещё ужаснее. Щупальца были повсюду, половина из них горела. Пламя образовало вокруг существа

ауру, которая была бы ещё более ужасающей, если бы не понимание того, что она на самом деле причиняла вред демону, а не была частью его.

Голова Ульдисиана снова показалась над поверхностью. Он проморгался, после чего посмотрел на тусклый свет впереди.

Кетуй с очередным светящимся шаром возле головы низко склонился над водой, пока Ульдисиан плыл к нему. Он протянул руку, которую, после некоторого колебания, Ульдисиан принял.

-Во имя семи!- выпалил тёмный мужчина.- Я видал вещи, от которых кожа может стать бледнее твоей, ассенианец, но никогда ничего такого... Такого... - не в силах найти подходящее слово, Кетуй не стал продолжать своё восклицание.

Взобравшись на край, Ульдисиан выплюнул немного вонючей жидкости и стал восстанавливать дыхание.

-Это был демон... Демон, которого наверняка призвал Малик!

-Я не знаю, верить ли последнему утверждению, но это определённо идёт в подкрепление твоей версии!- заклинатель в капюшоне хмыкнул.- И ты уничтожил его огнём, который даже вода не смогла ослабить! Ты – действительно тот, кем тебя рисует молва!

Хотя Ульдисиану было лестно наконец-то услышать уважение в тоне своего спутника, он был больше озабочен выяснением, куда делся Малик.

Вода снова забурилась. Кетуй, глядя за Ульдисиана, поднял руку и начал читать заклинание.

Ульдисиан повернулся. Из-за скользкой кромки он чуть снова не соскользнул в воду, но умудрился удержаться.

На двух мужчин обрушился огненный шторм. Демон вытащил свои горящие щупальца и теперь бил ими.

Ульдисиан сложил ладони вместе. Взрыв воздуха отбросил щупальца прочь от него и Кетую.

Несмотря на такой успех, сам демон рванулся к Ульдисиану. От округлого тела выбросился гораздо более короткий отросток.

-Есть!- крикнул маг. Он разрезал воздух, и дуга энергии отрезала кончик короткого щупальца.

Конечность упала, но кончик продолжал лететь. Ульдисиан махнул на него рукой, и он взорвался, ошмётки полетели им в лицо.

Кетуй закричал. Поначалу Ульдисиан тоже, но боль внезапно стихла. На самом деле, всё его тело онемело. Ноги подкосились. Пока он летел на стену, он заметил, что Кетуй тоже утратил контроль над телом. Маг свалился неподалёку.

Уже знакомое бульканье становилось всё громче и громче. В ноздри Ульдисиана бросилось зловоние, которое никак не было связано с водой. Чудовищное тело демона нависло над ним.

Пара щупалец обвила туловище Ульдисиана и подняла его, как тряпичную куклу. Демон подтаскивал свою жертву ближе.

Сознание Ульдисиана стало затуманиваться. Что было хуже всего, он не мог никого винить в несчастье, кроме себя. Он пришёл в ловушку Малика в полной уверенности, что сможет перехитрить духа, а сумел только доказать себе, что он – величайший дурак.

Одно сбивало его с толку. Почему Малик был согласен на его мёртвого, если ему нужно было его тело? Высший жрец был намерен сделать Ульдисиана своим новым сосудом. Он нашёл кого-то получше?

Демон поднял его выше и начал соскальзывать с края. Похоже, он совсем не был заинтересован в Кетуе, что было даже хуже для Ульдисиана. Он стал думать, что, быть может, существо намеревается доставить его к Малику. Это кое-что объяснило бы.

Но не успел Ульдисиан об этом подумать, как демон опустил его ниже своего странного тела и потянул под воду. Там сын Диомеда в первый раз увидел то, что полагал ртом существа. Овальная дыра раскрылась, и хотя изнутри демон казался странно жидким, из него ничего не вытекало.

В такой близости благодаря тому, что второй светящийся шар мага всё ещё горел, Ульдисиан смог разглядеть некоторые предметы внутри. Маленькие кусочки металла, вещи наподобие пуговиц и поясных застёжек.

Теперь он знал, почему не нашли никаких следов тела Зоруна Тзина.

Его голова была уже почти в пасти. Ульдиссиан мог только представлять ужасный процесс переваривания, который должен был начаться сразу после того, как он попадёт внутрь.

Он стал сопротивляться туману в мозгу. Наконец туман отступил, но лишь ненадолго. Ульдиссиан почувствовал, как к нему возвращаются силы. У него не было времени думать, что делать; как и в предыдущие разы, Ульдиссиан положился исключительно на эмоции, чтобы подпитать свои усилия. Он пристально взглянул на тело демона.

Густая жидкость внутри запузырилась. Демон издал визг, когда бульканье усилилось. Поверхность округлого тела стала приобретать коричневатый оттенок.

Существо подняло Ульдиссиана высоко в воздух и приложило его к потолку. Даже при исчезнувшем онемении Ульдиссиан почувствовал огромный толчок от столкновения. Однако он не прекращал своей собственной атаки.

Визжа громче, чудовище снова обрушило свою жертву на потолок. Ульдиссиан использовал новую боль как пищу для своей атаки, основанной на эмоциях.

Тело демона стало тёмно-коричневым. Зловещая внутренняя жидкость начала испаряться. Шарообразное тело надулось.

Демон взорвался.

В предсмертной агонии он в последний раз подбросил Ульдиссиана вверх. Застигнутый врасплох, Ульдиссиан ударился черепом о камень. Мир вокруг него завертелся.

Он рухнул на воду, маленькие кусочки демона посыпались на него сверху. Ульдиссиан пытался сориентироваться, но тело не слушалось его.

Он погружался под воду.

Глава двенадцатая

Ратма.

Никто не отозвался на зов дракона. Так было дюжину раз до этого. Словно над частью Санктуария распростёрли покрывало, которое заслоняло всю кеджанскую землю, а центром, несомненно, имело одноимённую столицу.

Но один Инарий не смог бы добиться такого.

Один Инарий.

И, судя по тому, что Траг'Оул чувствовал, это не могла быть работа двух ангелов. Нет, это было совмещение сил, которого Санктуарий не видывал с момента своего рождения.

Совместная работа ангела и демона.

Сияющие звёзды перемещались, пока Траг'Оул тревожно обдумывал это. Совместная работа ангела и демона... Которая могла произойти лишь по одной возможной причине.

Выбора нет!- убеждал он себя.- Выбора нет! Я должен действовать! Я должен отправиться в мир смертных.

Он начал собирать космическую энергию, которая открыла бы ему путь. Только раз до этого Траг'Оул входил в Санктуарий, и было это сразу после избиения Лилит беженцев и последующей реакции Инария. В тот раз дракон материализовался на каких-нибудь несколько секунд, которых хватило, чтобы обеспечить Ратме фундамент для его обнаружения. Он избрал сына Инария задолго до этого, разглядев в нём искру, которая могла помочь спасти мир в случае, если ангел решил бы, что он должен быть уничтожен.

Но на этот раз Траг'Оулу понадобится гораздо больше, чем несколько секунд. Не будет никакой возможности скрыть себя от ангела или верховного демона, с которым тот сотрудничает.

И Траг'Оул знал, что, открывая себя, он рискует навлечь уничтожение, от которого он столь долго был защищён.

Выбора нет,- снова сказал он себе.- Нет!

Создание прохода было почти завершено, как со всех сторон донеслись голоса.

Ты не можешь! Ты не можешь! Ты не можешь!

В это же время проход распался, несмотря на все его усилия по его сохранению.

Исполненный непривычной ярости, он отвечал голосам:

Таково моё бремя! Таков мой долг! Вы не имеете права говорить об этом, ни один из вас!

Наступил момент тишины, после которого они хором ответили:

Ещё как имеем... Теперь это касается не только Санктуария. Теперь это касается всех нас — часовых.

Дракон всё больше тревожился.

Как так? Как такое может быть?

Как всегда, они ответили хором, и, как и прежде, их слова поразили его, как не могло ничто другое.

Потому что в Санктуарий идёт война, и если ты помешаешь тому, чего требует Баланс, он и всё сущее могут быть обречены.

Тогда они оставили его, все другие стражи отдельных миров оставили его со знанием того, что неизбежная участь его Санктуария определяет их участи. Они оставили Траг'Оула понявшим, что все годы помощи Камню Мира закрывать Санктуарий от внешней угрозы прошли впустую.

Не один только ангел обнаружил творение Инария. Теперь всё Высшее Небо знало о существовании мира.

Бесконечная война шла в Санктуарий... И ему только что запретили что-либо делать по этому поводу.

Амолия предстала перед принцем Эхмадом, её тёмное выражение соответствовало её настроению.

-Совет не доволен. Ульдиссиан уль-Диомед делает хуже себе, пренебрегая ими так!

Принц сидел в своих личных покоях, молча попивая из графина. Горела всего одна свечка на маленьком столике, где теперь стоял его напиток.

-Было ошибкой верить ему,- заметил Эхмад, хмурясь.- Я только что узнал от своего личного шпиона, что он ушёл и заключил с Пророком договор, чтобы свергнуть кланы магов и гильдии и разделить землю между его последователями и Собором.

Светлокудрая дева была не то чтобы уж очень удивлена.

-Я считала его злодеем изначально. У тебя есть доказательства?

-Есть, но я должен представить их совету,- он встал.- Будет лучше всего, если ты отведёшь меня туда немедленно, раз они уже собрались.

-То, что ты появишься перед ними, не обсуждалось. Если у тебя есть что-нибудь, на что можно положиться, передай это мне, а я скажу им сама.

-Так не пойдёт. Я должен встретиться с ними лицом к лицу. Это единственный путь.

Амолия покачала головой. В руке она вертела медальон, идентичный тому, который носил Кетуй и остальные, кто, подобно им, служил совету магов.

-Твоя дерзость всем известна, принц Эхмад, как и твоя растущая бесцеремонность. Ты лишён настоящей власти; народная любовь в конечном итоге ничего не значит. Если бы тебя не стало, они бы забыли о тебе за один день. Совету нет нужды даровать тебе аудиенцию. Что бы ты ни хотел передать, ты можешь сделать это через меня.

Эхмад сунул руку в карман.

-Как скажешь. Может, это и лучший вариант. Они уж точно никак этого не ожидают.

-Не ожидают чего?

Принц потянулся к ней другой рукой. Амолия хотела отодвинуть руку, но тут Эхмад крепко схватил её за запястье.

-Не ожидают, что я ударю прямо из их рядов,- ответил он, улыбаясь злобной улыбкой.- Как один из них.

-Ты не...- только и успела сказать маг.

Тело принца Эхмада сморщилось. Другая рука показалась из кармана... И в ней был крошечный алый кристалл.

Заклинательница улыбнулась точно так же, как принц за миг до этого. Она протянула руку и взяла крошечный фрагмент, засунула в мешочек у себя на поясе. Её внимание привлекло позолоченное зеркало. Она подошла к нему, рассматривая себя.

-Да, некоторое время протянешь. Довольно долго, кстати.

-Было бы мудро умерить ненужное восхищение собой, сын мой,- раздался музыкальный мужской голос.

Маг повернулась и увидела, что красивая фигура Пророка стоит над телом принца. Лицо Амолии приняло сердитый вид.

-Помогает мне вжиться в роль, прежде чем продолжить движение. Убедительней выйдет сыграть.

-Тебя должно заботить только одно. Полное уничтожение Ульдиссиана уль-Диомеда. Ничто другое не имеет значения,- властно заявил Пророк.- И уж точно не твои гадкие вкусы... Майик.

Дух усмехнулся ангелу, несмотря на то, что тот, вероятно, мог навсегда отправить его обратно в могилу.

-Так я гадкий, значит? Но я служу пути Собора и его благородного владельца.

-И это единственная причина, по которой тебе всё ещё разрешено бродить по этому миру. На тебя возложена священная задача; не трать тот малый шанс на воскрешение, который у тебя есть, на совершение чего бы то ни было ещё.

Но Малик всё смеялся.

-Такая священная задача! Такая кровавая резня достойна любого из орденов Триединого! Из тебя бы вышел такой же хороший Примас, как из моего повелителя Люциона!

Младая фигура протянула к духу раскрытую ладонь, и внезапно Малик почувствовал, что его достают из недавно обрётённого тела. Тело мага качалось взад-вперёд, пока он отчаянно пытался удержаться в нём. Несмотря на его усилия, высшего жреца вытащили.

Инарий сжал ладонь и дал руке свободно опуститься.

Дух Малика вернулся в тело Амолии. Призрак дрожал от напряжения, вызванного происшествием.

-Знай своё место, грешник,- заметил Пророк.- Радуйся, что оказался пригодным, чтобы служить мне.

-И... И другому,- прохрипел Малик голосом Амолии.- Владыке Диябло.

Ангел не обратил внимания на это лёгкое сопротивление. Вместо этого Инарий воззрился сверху вниз на принца.

-Это был хороший человек, и я скорблю об этой вынужденной жертве, как и о стражнике, которого ты использовал, чтобы добраться до него, и даже о разбойнике, тело которого ты занял, чтобы добраться до стражника. Я оплакиваю всех своих детей, которые вынуждены покинуть Санктуарий, чтобы спасти его. Я всегда буду вспоминать их с любовью.

Сказав это, он махнул рукой над телом Эхмада. Так же, как это случилось с Гамюэлем, принц обратился в пыль, которую сдуло, и не осталось ничего.

Малик молча смотрел, его дыхание всё ещё было учащённым. Ему не нужно было просить Пророка избавиться от двух других упомянутых тел, ибо у высшего жреца были свои методы избавления от нежелательных улик.

Это навело его на мысль, что он будет делать, когда эта последняя оболочка своё прослужит. Он хотел конца этой неопределённости; он хотел тело, которое бы служило ему лучше всех... Служило бы ему вечно.

-Я всё ещё хочу получить тело, когда дело будет сделано,- напомнил Малик своему мучителю.- Таково было предложение, которое сделали мне ты и Повелитель Ужаса. Сделать всё, как вы скажете, и я стану Ульдиссианом уль-Диомедом. Так было обещано!

-Да, ты получишь свою награду за оказанные услуги. Я не лгу.

Пророк мог и не лгать, — в чём Малик не был до конца уверен, — но было множество вариаций его правды. Малик не верил, чтобы ангел мог вынести его дальнейшее существование; Инарий точно позаботится о том, чтобы дух не задержался в своём вожделенном теле.

Но у высшего жреца были свои идеи. Какой бы ни была договорённость между ангелом и Владыкой Диябло, Малик сделает так, чтобы она пошла ему на пользу, а не ознаменовала его конец.

-Совет и гильдии ждут,- сказал Инарий, его фигура стала терять чёткие очертания.- Прикосновение к этому рисунку на медальоне позволит тебе использовать его способность перенести тебя к ним.

Малик уже знал это, но всё равно наклонил голову. Он выказал достаточно неповиновения; теперь настало время для раскаяния.

-Не провали это,- были последние слова ангела перед тем, как он исчез.

-Не собираюсь,- прошептал призрак пустому воздуху.- Ни за что, когда дело касается моих планов.

Ещё не до конца отошедший от мучительного урока Инария, Малик снова взглянул в зеркало, после чего прикоснулся к медальону. Руны засветились.

-Скоро...- прошептал он, представляя перед собой лицо Ульдиссиана.- Уже скоро...

Рой наконец-то отступил. Однако он не был побеждён. Небо всё ещё было полно злых насекомых, просто когда эдиремы уже были близки к поражению, богомолы в конце концов поднялись в небо и полетели туда, откуда они явились.

Эдиремы могли только рухнуть на землю в изнеможении. Если бы магические кланы большого города наслали на них отряд, то под вопросом было бы, как много приверженцев Ульдисиана выжило бы.

Серентия была истощена, как все остальные, но она заставляла себя продолжать обходить лагерь, служа символом уверенности, которую она вселяла в остальных. На самом же деле она пала духом, причём не только из-за странного нападения. Теперь и Мендельн пропал. Дочь торговца не сомневалась, что атака насекомых была с этим связана.

«Они все исчезли» - думала Серентия с притворной улыбкой на устах. Сарон обеспокоенно приветствовал её, затем поспешил назад пытаться перестроить некоторых других. Йонаса нигде не было видно, но она была уверена, что он занимается похожей работой. Серентия была благодарна обоим мужчинам за преданность и помощь, но они не были Ульдисианом, Мендельном или... Или даже Ахилием. Она была одна и боялась, что так и будет дальше.

На таком расстоянии от столицы над верхушками деревьев можно было разглядеть освещение факелов и масляных ламп. В силу необходимости Серентия расставила часовых, в то же время надеясь, что это лишняя предосторожность.

Когда Серентия почувствовала, что показала себя достаточно, она удалилась в уединённое местечко в задней части лагеря. Она съела небольшую порцию, которую предложил ей один из эдиремов – они никогда не давали ей готовить самой, – после чего улеглась и стала молиться о нормальном ночном отдыхе и хороших новостях об Ульдисиане и его брате.

Но хорошо поспать не удалось. Быстро начались сны, и все они были связаны с новой потерей Ахилия. Если она не переживала заново его смерть, то стояла на противоположном от него конце огромной пропасти и тщетно протягивала к нему руки, тогда как он удалялся всё дальше и дальше. В каждом сне черноволосая девушка кричала, и пока она спала, настоящие слёзы катились по её лицу.

«Серентия».

Её глаза тут же открылись, но она не знала, проснулась ли она или всё ещё спит. Невозможно было, чтобы она слышала его голос. Голос Ахилия.

Но он раздался снова. «Серентия».

Поднявшись, дочь торговца поглядела на ближайшие заросли.

Бледная фигура, наполовину скрытая кустарником, смотрела на неё в ответ. Серентия чуть не выкрикнула его имя, так возбуждена она была. Затем, внезапно затревожившись, он осмотрелась. Ближайший часовой был далеко, а остальные эдиремы спали. Только она услышала голос лучника.

Если это был на самом деле он.

Почувствовав ледяной наплыв гнева при мысли, что кто-то может использовать его образ, чтобы заманить её, Серентия схватила копье. Она устремилась вперёд своей силой, ища хоть какой-нибудь намёк на чужое присутствие, но с трудом находила даже охотника.

Был только один способ проверить, был или не был на самом деле это Ахилий. Зная, что доверяется скорее сердцу, нежели разуму, Серентия выскользнула из лагеря.

Когда она приблизилась к ней, бледная фигура углубилась дальше в джунгли. Серентия взяла копье наизготовку, беспокоясь как никогда. Она продолжала проверять местность, но всё равно не могла ощутить ничего, кроме себя и того, кто мог быть человеком, которого она любила.

Как только они стали недоступны взору любого возможного наблюдателя, Ахилий остановился. Серентия тоже остановилась.

-Это ты? Ахилий, это ты?

Он кивнул:

-Да... Серентия.

Это её всё ещё не убедило, хотя сердце и молило, чтобы это было правдой.

-Почему теперь? Почему в прошлые разы сбегал, а теперь нет?

Лучник смахнул отпадавшую грязь со щеки. Попытка оказалась тщетной.

-Поначалу... Это было для того, чтобы... Чтобы не дать тебе... Не дать тебе увидеть меня... Какой я есть.

-Ох, Ахилий! Ты же знаешь, что меня не волнует...

Он оборвал её резким жестом.

-Я умер, Серентия! Умер!

Она не могла принять, что даже такое состояние означало конец для того, что было между ними.

-После всего, что я видела, после всего, с чем сражалась, смерть не страшит меня, Ахилий.

-Да уж предста... Представляю,- грустная улыбка растянулась по его лицу.- И зачем ты... Всё-таки смогла... Смогла влюбиться в меня... Наконец?

Это было выше её сил. Всё ещё сжимая копьё, Серентия бросилась к Ахилию. Он оплела вокруг него свои руки и крепко стиснула. Он не сопротивлялся, но и не повторил её движений.

Когда стало ясно, что он просто будет стоять как вкопанный, Серентия наконец подняла глаза к его лицу и тут увидела вблизи тёмную, запёкшуюся дыру на месте горла.

Это заставило её охнуть и отступить, но не по причинам, по которым думал лучник. Когда Ахилий с горечью отвернулся от неё, Серентия сообразила, как это для него должно было выглядеть.

-Нет! Пожалуйста! Это было не от страха или отвращения! Ахилий!- не придавая значения тому, сколько шуму она производит своим криком, Серентия приложила ладонь к его подбородку и заставила повернуть голову и перевести взгляд ей в глаза.- Я рассердилась! Рассердилась за то, что случилось с тобой!

Он покачал головой.

-Ты... Ты воистину... Удивительная.

-Я люблю тебя, вот и всё,- она сощурилась.- Ты сказал, что это только «поначалу» причиной было то, что ты не хотел, чтобы я увидела тебя таким! Какой была причина после?

Ахилий отстранился от неё. Он стиснул зубы, словно хотел сдержать ответ.

-Та же... Та же причина... По которой я попытался убить... Убить тебя и... И Ульдиссиана! Та же... Та же причина... По которой я теперь с тобой... Наконец...- восставший из мёртвых охотник посмотрел направо.- Вот он...

Там возник ослепительный свет, который заставил Серентию плотнее сжать своё копьё. Она увидела, как в середине столба света появляется высокая фигура. Огромные крылья, состоящие из завитков энергии, поднялись за его спиной.

-Инарий!- отесняя Ахилия, она подняла оружие.

-Нет, Серентия...- лучник схватил её за запястье.- Не Инарий...

-Не...- она не имела представления, как можно было узнать, ведь она никогда не видела его. Всем, на что Серентия могла опираться, были описания Ратмы и Мендельна, которые явно соответствовали неземной фигуре, стоявшей перед ней. Да, кое-какие детали она представляла себе по-другому, но это был ангел! В конце концов, сколько ангелов имелось в Санктуарии?

Она запоздало вспомнила, что теперь здесь мог быть другой ангел, но её разум отказывался это принять. Они не могли сражаться с двумя ангелами.

-Он пришёл... С миром.

Это возбудило в ней новый гнев.

-С миром? Разве это не тот, кто заставил тебя стрелять в Мендельна и меня?

ТАК БЫЛО ПРЕЖДЕ.

Голос отдавался одновременно в её голове и сердце. Пульс Серентии участился.

ТАК БЫЛО ПРЕЖДЕ,- повторил ангел, и свет, окружающий его,- свет, который уж точно мог быть виден всеми в лагере,- пульсировал с каждым словом.- КОГДА Я ЕЩЁ НЕ ОПРЕДЕЛИЛСЯ С НУЖНЫМ КУРСОМ.

-Как прикажешь его понимать?

-Он рас...скажет тебе... Просто имей... Терпение.

ЭДИРЕМЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ,- ответил ангел, ничего этим не прояснив. Он не шёл к ним, а скорее с каждым мигом оказывался всё ближе.

У него было не лицо, но нечто, похожее на маску из света. Ангел был невероятно высоким и таким ярким, что Серентии пришлось немного жмуриться. Ещё она была удивлена, что никто до сих пор не прибежал посмотреть, что происходит.

ДРУГИМ НЕ ДОЛЖНО ВИДЕТЬ НАС ВМЕСТЕ, ВОТ ОНИ И НЕ ВИДЯТ.

Что означало, что, что бы здесь ни произошло, эдиремы не узнают правды. Это возобновило её встревоженность ангелом.

-Пожалуйста, Серентия... Пожалуйста, послушай... Его. Я знаю... Я знаю, прошу о многом... Верь мне.

Только потому, что она была уверена, что Ахилий говорит от своего имени, а не под воздействием какого-нибудь заклинания ангела, дочь торговца ослабила хватку – ненамного.

-Хорошо. Я послушаю.

-Мендельн тоже знает,- продолжал Ахилий чуть больше похожим на человеческий голосом. Чуть более... Живым.- Он знает... И поэтому... Поэтому его послали... Вперёд.

-В большой город? Одного?

-Мендельн... Не бывает один... И он скорее из всех... Нас... Может найти Ульдисиана... Если есть... Если есть надежда.

Серентия дерзнула указать на ангела.

-А какое это имеет к нему отношение? Почему он теперь пытается помочь нам?

Не Ахилий, но крылатая фигура ответила на вопрос:

ПОТОМУ ЧТО ИНАРИЙ – СНОВА – СОВЕРШИЛ НЕМЫСЛИМОЕ. ОН ЗАКЛЮЧИЛ ДОГОВОР С ОДНИМ ИЗ ТРЁХ... ДОБРОВОЛЬНЫЙ ДОГОВОР. ЭТО, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, ПОТРЕБОВАЛО ОТ МЕНЯ СМЕНЫ КУРСА ДЕЙСТВИЙ.

-С одним из Трёх? Он о Триедином говорит, Ахилий?

-Об истинной... Истинной сущности... Триединого,- лучник поморщился.- Ты же знаешь... Ты же знаешь, демоны... Демоны создали его. Ты знаешь, что... Духи Мефис, Диалон... И Бала... Не те, за кого... За кого их выдавали.

-Нет, конечно, нет! Каждый из них – верховный демон, предположительно, правитель...- она остановилась на полуслове, когда масштабы того, что он пытался донести до неё, стали ей ясны.- О, нет!- круглыми глазами она посмотрела на ангела.- Один из... Один из Трёх? Здесь?

Ангел едва заметно наклонил голову.

И, БЫТЬ МОЖЕТ, ХУДШИЙ ИЗ ТРЁХ... ТОТ, КТО СУТЬ УЖАС... ВЛАДЫКА ДИАБЛО.

И когда он назвал имя, Серентия не только почувствовала холодок по коже, но и ощутила, что ангел тоже подавил некоторое беспокойство. То, что такому могущественному существу, как тот, кто стоял перед ней, могло быть не по себе от одного упоминания верховного демона, говорило о том, насколько ужасными были вести.

Пытаясь уразуметь хоть что-нибудь, она выпалила:

-Но если этот демон такой могущественный, как Инарий рискнул заключить с ним договор? Это ведь наверняка приведёт к его падению.

ЕЩЁ КАК ПРИВЕДЁТ... ХОТЯ У НЕГО И ЕСТЬ ПРЕВОСХОДНЫЙ ПОВОД ЧУВСТВОВАТЬ, ЧТО В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ЭТО ЛОРД ДИАБЛО... НЕТ... ВСЕ МЫ... СКЛОНИМСЯ ПЕРЕД НИМ...

-Как такое возможно? Инарий всегда был таким могучим среди ангелов?

Последовала пауза, словно фигура тщательно обдумывала, что сказать.

МОГУЧИМ, НО НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮБОЙ В СОВЕТЕ АНГИРИС... ЭТО ЗДЕСЬ... В ЭТОМ МИРЕ, КОТОРЫЙ ОН ПОМОГ СОЗДАТЬ... ИНАРИЙ ВЛАДЕЕТ СИЛОЙ, КОТОРАЯ ЗАСТАВЛЯЕТ ВЕРХОВНОГО ДЕМОНА ИСКАТЬ СОЮЗА... ЭТО ЗДЕСЬ ЕМУ УДАЛОСЬ ИСКАЗИТЬ КАМЕНЬ МИРА, ЧТОБЫ ТОТ ПОПОЛНЯЛ ЕГО СОБСТВЕННЫЕ СИЛЫ.

Камень Мира. Она узнала о нём от Ульдиссиана, узнала, что это невероятный артефакт, огромный кристалл, который не только скрывал Санктуарий от внешних созданий, но и стараниями Инария однажды ослабил скрытые силы людей. Лилит удалось немного поменять его магию, чего хватило для возрождения нефалемов – или, как они звались теперь, эдиремов.

ЕМУ КАК-ТО УДАЛОСЬ ИЗМЕНИТЬ ФОКУС КАМНЯ МИРА – ВОЗМОЖНО, С ПОМОЩЬЮ СВОИХ ДРУЗЕЙ-ИЗМЕННИКОВ, О КОТОРОЙ МЫ НЕ ЗНАЕМ, – А ЗАТЕМ ПОЛНОСТЬЮ ПРИВЯЗАТЬ СЕБЯ К НЕМУ И ТЕМ САМЫМ ДОБИТЬСЯ ТОГО, ЧТОБЫ НИКТО ИЗ ТЕХ, КТО ПОМОГАЛ ЕМУ В ЕГО ВОРОВСТВЕ, НЕ СМОГ СТАТЬ ТАКИМ ЖЕ МОГУЩЕСТВЕННЫМ... ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, ТОЛЬКО ЕГО БОЯЗНЬ БЫТЬ ОБНАРУЖЕННЫМ СОВЕТОМ АНГИРИС УДЕРЖИВАЕТ ЕГО ОТ ЕЩЁ БОЛЬШЕГО НАСЫЩЕНИЯ СИЛОЙ КАМНЯ.

От его слов надежды Серентии полетели вниз.

-Так значит, всё это время у Ульдиссиана не было ни шанса против него? Всё это время Пророк – Инарий – играл с нами? Всё это было впустую?

-Нет! Не впустую,- вставил Ахилий, хватая ещё за плечи.- Ульдиссиан – единственный... Единственный, кто может... Может оказаться способен одолеть Инария здесь!

-Но как такое возможно? Как?

-Серентия, ты что, не... Не помнишь, что... Сделал Ульдиссиан? Ты не... Помнишь... Что, он говорил, случилось? Возле... Камня Мира?

Камень Мира. Несмотря на растущую путаницу её мыслей, черноволосая девушка быстро ухватила за то, что сказал Ахилий. Ульдиссиан видел этот Камень Мира. Его к нему привёл сын Инария, Ратма. Даже поверхностное описание Ульдиссиана заставило восторгаться знанием, что такая вещь была создана, не говоря о том, что она вообще существовала.

А потом Серентия поняла, на что пытался указать Ахилий.

Ульдиссиан сам изменил базовую структуру Камня Мира. Изменил её так, что, очевидно, даже Инарий не мог переделать обратно.

Инарий не мог переделать это.

-Ульдиссиан... Наша единственная надежда против Инария,- уведомил Ахилий.- Даже он...- лучник указал на ангела.- Даже он не может изменить того, что сделал Ульдиссиан.

Это подстегнуло её, как ничто другое.

-Тогда мы должны идти на Кеджан как можно быстрее! Если мы разбудим остальных сейчас, то можем оказаться там через несколько часов. Несмотря на то, что ты сказал, я уверена, что Мендельн не справится в одиночку. Нам нужно быть там, нужно дойти до ворот и снести их, если придётся! Мы должны найти Ульдиссиана!

-Ангел, – у которого по-прежнему могло быть какое угодно имя, – внезапно оказался по другую сторону Серентии, заставив её ахнуть.

ЕСЛИ ВЫ ПОСТУПИТЕ ТАК, ТО УГОДИТЕ ПРЯМО РАССТАВЛЕННУЮ ЛОВУШКУ... ЛОВУШКУ, КОТОРУЮ НА ДАННЫЙ МОМЕНТ ДАЖЕ Я НЕ МОГУ ОБЕЗВРЕДИТЬ.

—Что? О чём речь? Это об Ульдисиане?

ЭТО ВСЁ О ВАШЕМ ДРУГЕ,- ангел впервые выказал признаки утомлённости.- И ПОТЕРЯННЫХ ЖИЗНЯХ, В КОТОРЫХ СЕЙЧАС ВИНЯТ ЕГО И ЭДИРЕМОВ.- Он поднёс ладонь в перчатке к её лбу и без разрешения коснулся кожи.- СМОТРИ, ЧТО ПРОИСХОДИТ... ЧТО ПРОИЗОЙДЁТ.

Было в этом ангеле что-то такое, что всё ещё возбуждало в Серентии тревогу, но у неё не было выбора, кроме как подчиниться, когда возникло ощущение, словно её душа вырвалась из тела. Внезапно через леса она устремилась к столице. Это кое-чем напомнило ей поиск, который она устраивала вместе с Ульдисианом, совместно используя их силы. Это помогло ей немного успокоиться.

Её взгляд парил над широкими стенами, пролетел за стены и оказался в огромном городе. Позади оставались очертания зданий, кое-где даже были видны люди.

Затем... И затем где-то посреди большого города её взор занырнул прямо в серое здание с могучими стенами. Она прошла сквозь камень, словно его не существовало, и оказалась в маленькой зале, освещённой светом факелов, а затем, почти мгновенно, – в гораздо большей, гораздо искусней обставленной.

И там Серентия наблюдала ужас, который убедил её в правильности каждого намерения ангела.

Глава тринадцатая

Совет магов включал по выборному представителю от каждого из семи лидирующих кланов. Были в нём также младшие члены от семи меньших, но всё-таки довольно могущественных кланов, которые шли за первой семьёркой, но они были лишены права голоса. Зато они могли давать советы или поднимать темы. Это давало им некоторое влияние и, следовательно, умеряло желание протестовать против правления старших членов. Таким образом совет магов поддерживал порядок в своих рядах, даже когда многие кланы были вовлечены в горестные и смертоносные междоусобицы.

Был ещё дополнительный фактор, который возвышал совет над внутренней борьбой. Была создана правоприменяющая служба, которая следила за тем, что бы ни один маг, нарушивший соглашения совета, не избежал наказания. Это привело в её ряды заклинателей, желающих буквально отдать часть своей сущности совету и таким образом больше не принадлежать к клану. Такие маги отбирались тщательно на основании множества критериев, в том числе веры в их решимость довести приказ до конца, несмотря ни на что.

И вот, когда Амолия предстала в их рядах, совет и другие присутствующие маги поприветствовали её соответственно её позиции. Присутствующие главы гильдий также оглядывали её с уважением; по их мнению, членам принудительной службы можно было больше всех доверять – если такое слово вообще было применимо к присутствующим – из всех заклинателей.

Нынешний лидер совета – носитель титула менялся с каждым новолунием, чтобы было по-честному, – посмотрел вниз с высокой платформы, где сидели он и его заместители, и надтреснутым от возраста голосом спросил:

-Где этот Ульдиссиан уль-Диомед? Ты должна была вернуться с ним!

-Он не придёт,- ответила фигура перед ним.- Я вместо него с сообщением.

Смесь удивления и презрения отразилась не на одном морщинистом лице магов. Несколько торговцев, большая часть которых были гораздо дороднее членов совета, тоже выказали неодобрение услышанного.

Хорошо подстриженный человек с замысловатым инкрустированным изумрудом кольцом в носу объявил:

-Мы согласились, в основном из-за просьбы принца Эхмада и в память о нашем оплакиваемом Фахине, явиться на это собрание. Если маги задумали какую-то хитрость в сотрудничестве с этим ассенианцем...

-Ассенианец не заключал наперёд никаких договоров с советом и был бы отвергнут, если бы осмелился на такое,- ответил лидер совета.- Мы бы и не помыслили о таком неуважительном действии по отношению к нашим братьям из гильдий...

Некоторые из глав гильдий с пониманием улыбнулись. Как бы ни были могущественны заклинатели, они зависели от поставок из гильдий.

Во время этого обмена репликами Амолия – Малик – молчала. Только когда все глаза обратились к ней за разъяснениями, она продолжила, как и планировала:

-Мастер Ульдиссиан не придёт, но, как я и сказала, я здесь в качестве его посланника.

-«Мастер» Ульдиссиан?- глава совета хмыкнул.- У тебя нет хозяев, кроме нас, Амолия...

Низко поклонившись, Малик растянул украденное лицо в улыбке.

-Это больше не так! Мастер Ульдиссиан раскрыл мне глаза. Я существую, чтобы следовать его путём и очистить его от всего, что он считает еретическим.

-Что она там бормочет?- спросил глава гильдии. Несколько его соседей буркнули в знак поддержки этого вопроса.

Малик медленно повернулся к человеку.

-Это означает, что он оказал мне честь сделать первый шаг к освобождению людей Кеджана от магов и гильдий!

В ответ на это обвинительное утверждение со всех сторон раздались ошеломлённые протесты. С обеих сторон члены собрания в гнев встали.

Малик внезапно ощутил, как его наполняет сила тех двоих, кто послал его на это задание. Внезапно он узнал, насколько крошечными были силы любого из присутствующих по сравнению с силами Инария или лорда Диябло... Или, сейчас, даже его силами.

-Амолия!- возмутился лидер совета.- Сами твои слова обвиняют тебя. Такая глупость! Ты слишком хорошо осведомлена о полномочиях своего ордена. Сейчас они должны быть применены, чтобы наложить соответствующее наказание на тебя за твоё провозглашённое предательство, после чего ассенианец – Ульдисиан уль-Диомед – должен быть объявлен врагом в Кеджане и помечен всеми на смерть.

Рёв одобрения поднялся среди как заклинателей, так и гильдий. Малик не был встревожен угрозой наказания Амолии. Поскольку она больше не существовала, ещё сущность, которой они владели, была бесполезной.

Кроме того, для него настало время выполнять приказы.

-Но не я должна быть осуждена,- возразила она с ширящейся улыбкой.- Мастер Ульдисиан уже осудил вас всех!

Малику даже жестиковать не пришлось. Ему нужно было только поглядывать вокруг и давать вершиться воле ангела и демона.

Маленькие сверкающие лезвия образовались в воздухе вокруг него и подобно голодным мухам ринулись во всех направлениях. Они вертелись со стремительностью, из-за которой каждое воспроизводило жужжание, которое было усилено тысячекратно их числом.

У глав гильдий точно не было ни шанса. Некоторые из них носили защитные талисманы, купленные у алчных магов, но ни один из них даже не замедлил хода бойни. Кружащиеся лезвия прорывали толстые одежды, а затем снимали кожу. Люди кричали и пытались прятаться, но им было некуда идти, поскольку, прежде чем выпустить лезвия, Малик запечатал выходы.

Маги справлялись немногим лучше людей из гильдий. Большинство из них слишком опешили, чтобы прочитать какое-нибудь защитное заклинание. Некоторые умудрились отвести изначальные лезвия, но сила Инария и Диябло сильно превосходила силу любого из присутствующих. Первоначальный успех магов быстро улетучивался.

И потому они все были убиты. Сверкающие серебряные клинки в форме изогнутых щепок сделали своё грязное дело. Кровь залила всю залу, собравшись в множество лужиц на полу. Крики стихли, превратившись во всхлипывания тут и там... А затем всё затихло.

Мало кого можно было узнать. Ни дюйма кожи не осталось ни на одной из жертв. Зная о том, что предпочтительным методом пыток в Кеджане было сдирание кожи, ангел и демон обрушили на собрание то, что, по их мнению, было вполне подходящей судьбой.

С улыбкой, всё ещё играющей на лице занятого тела, Малик, не затронутый ни клинком, ни кровью, спокойно обходил залу. То и дело он останавливался, чтобы осмотреть тело, но, не находя того, что искал, быстро двигался дальше.

Наконец страшный дух нашёл свой приз – точнее, два. Первый был магом, больше того – членом совета. Жизнь быстро покидала его, но Малик приложил ладонь к окровавленному телу там, где сердце – частично видимое – совершало свои последние удары.

Он почувствовал, как через него проходит воля Инария. Освежёванный человек испустил вздох. Сердце забилося чуть быстрее. Из необходимости боль также была чуточку уменьшена. Они хотели, чтобы этот остался жить... Недолго.

Малик проделал тот же ритуал с главой гильдии, у которого левая нога была отрезана лезвиями. Толстые куски мяса человека лежали вокруг него наподобие какого-то жуткого одеяла. Он тоже получил подарок ангела.

Теперь имелись свидетели. Они проживут как раз достаточно, чтобы рассказать о случившемся, после чего скончаются. То самое заклинание, которое спасало их от смерти, также гарантирует, что они припомнят достаточно, но не чересчур много. Их рассказы будут очень похожими, но прозвучат с различных точек зрения. Ангел и демон позаботились о том, чтобы у того, кто обнаружит их, не осталось вопросов о том, что здесь произошло и кто виновен.

Конечно же, Ульдисиан.

Кто-то уже колотил в двери. Стражники и маги, вероятно, не понимали, почему ничто из того, что они делали, не открывало замков и не снимало защитных заклинаний.

Малик ощутил ещё одну или две уходящие жизни, но знал, что эти несчастные глупцы не будут в состоянии

ответить ни на один вопрос. Его миссия была выполнена. При обычных обстоятельствах медальон, который он использовал, чтобы попасть сюда, должен был быть обработан одним из членов совета, чтобы Малик снова мог уйти. Тем не менее, благодаря силам, к которым он нынче прибегал, необходимость в этом отпала.

Малик ухмыльнулся виду кровавой расправы, наклонил голову... И исчез.

Он должен был умереть, захлебнуться водой.

Но он не умер, и это казалось ещё страннее от открытия, которое он сделал, когда открыл глаза: он всё ещё находился на дне подземного канала.

Надо отдать ему должное, Ульдисиан не запаниковал, несмотря на пугающее открытие. Он едва мог разглядеть движение воды над собой, большая её часть не хотела двигаться. Не пошевелив и пальцем, сын Диомеда осторожно пытался обнаружить причину своего спасения – если это было оно.

Поначалу Ульдисиан принял это за работу демона, но в этом не было вообще никакого смысла. Он намеревался сожрать его, это было очевидно. Так зачем же было сохранять ему жизнь?

Но что тогда? Или, скорее, кто? Кетуй? Ульдисиан снова почувствовал, что он не на верном пути. Он достаточно пробыл в сознании, чтобы увидеть падение мага. Кетуй был либо мёртв, либо обездвижен. От него не могло прийти никакой помощи.

Тогда... Кто?

Что-то двигалось против течения. Оно было чуть большим, чем тёмная тень, но тут же снова навело Ульдисиана на мысль о демоне. Он напрягся, всматриваясь изо всех сил.

Оно маячило в уголке глаза, никогда не проступая настолько, чтобы можно было что-нибудь разобрать. Можно было мельком – только мельком – заметить то, что он полагал длинными, растениевидными отростками и, возможно, округлым телом, но Ульдисиан никак не мог полностью удостовериться. Несмотря на это, его сердце застучало быстрее, и, будь он на поверхности, сын Диомеда немедля покрылся бы потом от нервного напряжения.

Затем в его голове раздался голос, от которого у него мурашки побежали по телу. «Я спас тебя, смертный... Спас тебя от верной смерти».

«Кто ты такой?»- подумал Ульдисиан в ответ.- Кто ты?»

Тень придвинулась чуть ближе к зоне видимости. Ульдисиану снова показалось, что он мельком увидел что-то, похожее на напавшего на него демона, но теперь проступали также и другие образы. В один миг он готов был поклясться, что это сам Инарий подлетел к нему так близко, и страх того, что ангел в конце концов поймал его в ловушку, заставил кровь быстрее нестись по венам.

«Это не он пришёл сюда за тобой»,- сказал голос с оттенком насмешки оттого, что его спутали с Пророком.- Ангел бы оставил тебя умирать, но я не такой бессердечный!»

«Кто ты?»- повторил Ульдисиан, который теперь не мог уразуметь, как это он хоть на секунду подумал, что эта тень – его заклятый враг. Инарий не давил так на первобытные инстинкты.- Кто?»

Тень подобралась ещё немного ближе. Ужасные воспоминания о Малике возникли и исчезли, уступив место красивому, но при этом ещё более пугающему лицу, которое на короткое время захватило мысли Ульдисиана.

Лицу Лилит.

Он подавил эти воскрешённые страхи. Лилит была мертва, Малик не оставил бы его нетронутым. Они не имели никакого отношения к тому, что сейчас происходило.

Тень немного отступила. Она снова заговорила искренним, умиротворяющим тоном:

«Они не тронут тебя, Ульдисиан, пока ты под моей защитой. Что же до того, кто я, то у меня есть много имён, и некоторые из них тебе известны. Одно из них – Диалон».

Диалон! Ульдисиан сразу же понял, кто и что уберегло его от утопления. Диалон, которого Храм Триединого

провозгласил духом Предопределения. Диалон, который, как знал Ульдиссиан, был той же крови, – если этот термин применим к демонам, – что и Лилит, ведь он был братом её отца, жуткого Мефисто.

Диабло, Повелитель Ужаса, был тем, кто не дал Ульдиссиану захлебнуться.

«Тебе не нужно бояться меня, – сказал Диабло, без сомнения, чувствуя нервозность человека. – В Санктуарии всё перевёрнуто вверх наголову: ангелы грешат, а демоны вынуждены пытаться исправиться. Я спас тебя, потому что мы двое очень похожи, ведь только мы стоим между Инарием и смертью этого мира».

Несмотря на свои предубеждения, Ульдиссиан поймал себя на том, что прислушивается к словам верховного демона. То, что Диабло сказал об Инарии, было очень даже правдой. Пророк явно считал, что грехи могут совершать только другие, а не он. Его же действия были «необходимостью». То, что сотни умерли из-за сомнения ангела, ничуть не меняло дела.

«Да... Ты видишь, кто он есть на самом деле. Инарий безумен, и безумие его наводит страх на Высшее Небо и Пылающий Ад. Но при этом к нему нельзя подступиться, ибо он привязан к самому основанию Санктуария, к Камню Мира! В нём его сила, его бытие!»

Ульдиссиан не мог найти ошибки в утверждениях Диабло, хотя раньше он и не думал, что все в Высшем Небе и Пылающем Аде знают истинное положение вещей. От этого он почувствовал ещё больший мороз по коже. Если обе стороны неземного конфликта, о котором он узнал, боялись Инария, то что это означало для надежд человечества?

Демон придвинулся так близко, что Ульдиссиан мог поклясться, что смотрит Диабло прямо в глаза. Сын Диомеда заставил себя успокоиться. Он видел демонов прежде.

Наступило молчание, словно Диабло понадобилось что-то обдумать. Затем... «Но ангел – не такой неуязвимый, каким считается. Ты доказал это... И ты доказал, что можешь подступиться к самому его ядру и вселить в него страх».

«Я? Но как?»

«Ты изменил Камень Мира, сам того не понимая! Ты сделал то, чего не мог сделать никто другой и чего ангел не может исправить. Это даёт нам шанс, если мы хотим ударить быстро».

Дело дошло до того, чего Ульдиссиан никак не считал возможным. Диабло, Властелин Ужаса, предлагал договор. Демон хотел объединиться со смертным против ангела.

Это была такая безумная мысль, что Ульдиссиан рассмеялся бы, если б мог.

«Я не Люцион, сын своего брата, который проповедует только ненависть. И я не она, которая живёт, чтобы обвести всех вокруг пальца, а затем вырвать бьющееся сердце. Я многое могу предложить в знак доверия».

В настоящий момент Ульдиссиан желал только одного: снова оказаться на поверхности. Ему показалось подозрительным, что демон и не подумал предложить вытащить его из канала. Неужели демон ожидал, что Ульдиссиан обдумает его предложение, находясь спутанным по рукам и ногам в нескольких ярдах под водой? Если так, то воистину Диабло и его собратья не понимали мышления смертных.

«Верни меня на уступ, – потребовал он. – Тогда поговорим».

Тень завертелась в воде. Ульдиссиан прекрасно знал, что не видит истинной формы повелителя демонов, и был благодарен за оказанную милость.

«По правде сказать, сейчас тебе безопаснее здесь, чем где бы то ни было, смертный. Естественная магия воды и моя собственная сила защищают тебя от Инария прямо сейчас. Если бы я вернул тебя на поверхность, тебе немедленно грозило бы обнаружение».

Ульдиссиана несколько не волновала такая опасность. Как и большинство смертных, он питал к воде здоровое уважение, особенно к тому, как легко она могла наполнить лёгкие. «Я хочу выбраться отсюда!»

«Опасность слишком велика, но возможно, есть способ. Но чтобы он удался, ты должен открыть мне свой разум, позволить мне совсем немного затронуть силу внутри тебя... Слабейшего прикосновения должно быть достаточно».

Пока тень говорила, Ульдиссиан внезапно ощутил, что давление воды на него усилилось тысячекратно. Он ощутил страх от тесноты; ощущение, что его сейчас раздавит или затопит, поднялось до невыносимых высот. Ульдиссиан хотел уже было согласиться на предложение демона... Но в самый последний момент как-то сумел

удержаться. Часть его снова задалась вопросом о нежелании Дьябло делать что-либо, пока он не откроется.

Та же часть также наконец задалась вопросом, спас ли его на самом деле Повелитель Ужаса. Зачем Дьябло было оставлять его в таком виде? Ульдисиан сомневался в причинах, которые назвал демон. Скорее они звучали как предлог, чтобы удержать человека в этом ужасно невыгодном положении, где он готов был согласиться на всё, лишь бы выбраться отсюда.

И это наконец заставило Ульдисиана осознать, кто первоначально спас его от утопления, когда он уничтожил другого демона. Это был не кто иной, как он сам. Только теперь Ульдисиан ощутил правду, и он понял, что ранее она ускользала от него из-за ухищрений Дьябло. Повелитель демонов питался его внутренними страхами, не давая сыну Диомеда сосредоточиться настолько, чтобы понять.

И всё-таки Дьябло попытался. «Я чувствую Инария близко! Скорее! Если мы объединим силы, мы сможем свергнуть его!»

Внутри Ульдисиана возникло побуждение сделать так, как сказала тень. Лишь величайшим усилием воли он сумел не дать согласия. Затем, пока ничто иное не успело занять его мысли, Ульдисиан начал концентрироваться на освобождении себя.

Его ударила волна гнева. Повелитель демонов сбросил все притворства. «Ты мой! У тебя нет ни шанса против меня, человек! Стоит мне захотеть, и я оторву тебе руки и ноги, а кровоточащее туловище скормлю своим жадным питомцам, которых и сейчас полно в воде!»

Два десятка тёмных теней поплыли сквозь толщу воды к Ульдисиану. Он подозревал, что это всего лишь иллюзии, ведь Дьябло, наверное, по-прежнему хотел, чтобы он сдался, но только чтоб это случилось наверняка. Всей своей волей Ульдисиан возжелал подняться из канала и освободить себя от заклинания, которое, конечно же, создало его подсознание.

Коварная стая приблизилась к нему. Алые чашевидные глаза взирали голодно. Рты, полные рядов острых зубов, раскрылись, готовые укусить.

С гулом рассекаемой воды Ульдисиан устремился вверх. Он прорвал поверхность и пролетел ещё несколько футов. Только когда его голова оказалась в считанных дюймах от потолка, его движущая сила внезапно улеглась.

Его руки, его ладони... Всё его тело снова принадлежало ему. Ульдисиан подивился тому, что плывёт над водой. В молодости бывший фермер часто представлял, каково это – быть птицей, но никак не ожидал, что ему случится пережить полёт самому.

Снизу донёсся дикий рёв. Из воды вырвалась чудовищная тень, и пока она мчалась на Ульдисиана, она успела поменять форму сотню раз. Каждое последующее перевоплощение было более жутким, чем предыдущее, и почти каждое сын Диомеда мог связать со своими собственными внутренними страхами.

Но, несмотря на страх, Ульдисиан не двигался с места. Ещё он знал, что от него требуется большее. Он должен был найти защиту против Дьябло. Только одно пришло ему в голову, одна безумная надежда, которая вполне могла рассмешить Повелителя Ужаса.

По его велению фонтан воды встал между ним и демоном с большей стремительностью, чем мог колдовать Дьябло. Ещё быстрее эта вода замёрзла, гладкие грани стали зеркальными, пусть и покрытыми морозцем.

И тогда Дьябло посмотрел на самого себя.

Ульдисиан сомневался, что при других обстоятельствах это могло бы повлиять на демона. Будь он подготовлен к такому трюку, Повелитель Ужаса подстроился бы. Но здесь заклинание Ульдисиана осуществилось так быстро, и к тому же инстинктивно, без всякой подготовки, что демон просто не знал, чего ожидать.

Так Дьябло навлёк на себя то, что насылал на других. Страхи, которые он накидывал на человека, превратились в его собственные.

Затенённая фигура издала вопль, который чуть не заставил Ульдисиана побежать в бездумной панике. Но сын Диомеда как-то удержался от этого. Если бы он не справился с собой – проиграл бы.

Дьябло извивался и вертелся, пока его же коварная сила чинила над ним разгром. Он взглянул лишь на миг, но страхи хозяина страха, очевидно, и в самом деле были чудовищными.

Всё ещё воя, Дьябло ринулся в потолок – и полетел сквозь него, пробивая камень. Его крик отдавался не только в подземном проходе, но и в душе Ульдисиана.

Человеку понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что он один. Невероятное измождение охватило Ульдиссиана. Замороженный столб воды рухнул, вернувшись в поток. Ульдиссиану потребовалось усилие, чтобы суметь не последовать за ним, а при помощи своей силы опустить себя на уступ.

Оказавшись там, он прислонился к стене, чтобы отдышаться. Хотя Дьябло ушёл, а с ним и то немного освещение, которое имелось, Ульдиссиан хорошо видел в темноте. Сначала магическое поле, которое не дало ему утонуть, а теперь вот это. Очередное подтверждение, что его силы подстраивались под его нужды, даже пусть он сознательно и не призывал их.

Это заставило его вспомнить слова Мендельна о том, что его способности управляют им больше, чем он — способностями. Секунду Ульдиссиан всерьёз обдумывал возможные последствия, на которые намекал его брат, — а затем рассмеялся самому себе за то, что боится такого. Он и его способности были едины; как вообще он мог представлять опасность для самого себя или любого другого из-за этого?

В его голове наконец стало немного проясняться. Вспомнив о Кетуйе, Ульдиссиан бросился к магу, который по-прежнему лежал без движения.

Ещё до того, как коснулся груди заклинателя, Ульдиссиан почувствовал, что Кетуй всё ещё жив. По сути, темнокожий мужчина находился в том же состоянии, что и сын Диомеда, когда водяной демон только поймал его.

Не зная точно, что именно он делает, но веря в успех, Ульдиссиан поднял ладонь на несколько дюймов над телом мага и стал водить ею между сердцем и головой. В то же время он пожелал, чтобы Кетуй был освобождён.

Маг сделал сиплый вдох, затем кашлянул несколько раз. Его глаза, которые смотрели невидящим взором, теперь сфокусировались.

-Ассенианец,- прошептал он.- Ульдиссиан... Оно... Оно... Мертво?

Только тогда Ульдиссиан сообразил, что Кетуй не знает ничего о том, что произошло после его поимки. Ульдиссиану это показалось странным, ведь он находился в создании всё время. Была ли его воля сильнее воли другого мужчины?

-Оно мертво. Я сварил его заживо, что было не более жестоко, чем судьба, которую оно приготовило для нас.

-Уж в этом я не сомневаюсь,- он взял руку, протянутую Ульдиссианом. Тот помог ему встать на ноги, и некоторое время Кетуй раскачивался из стороны в сторону, пока не обрёл вновь равновесие. Когда это было достигнуто, маг тут же призвал свет.

-Без всякой помощи не думаю, что справился бы так же хорошо, как ты.

Ульдиссиан глядел на тёмную воду.

-Жажда жить может заставить творить чудеса.

-Не такие, как у тебя,- от заносчивости Кетуя не осталось и следа.- Ты можешь всё, о чём я слышал, и даже больше. А ещё ты мог оставить меня гнить, но не сделал этого.

Перемена отношения мага сильно подбодрила Ульдиссиана. Раз кто-то столь твёрдолобый, как Кетуй, мог узреть правду, то была реальная надежда убедить кланы магов присоединиться к нему в войне не только против Инария, но, очевидно, и против повелителя демонов.

Кланы магов. Ульдиссиан поморщился.

-Кетуй, как долго мы пробыли здесь?

Его спутник сразу понял причину беспокойства.

-Боюсь, много часов. Но не бойся. Я замолвлю за тебя словечко, Ульдиссиан! Я...

Кетуй внезапно схватился за грудь. Ульдиссиан потянулся к нему, но тёмный мужчина отмахнулся.

-Они... Используют часть меня, которую я принёс в жертву совету, чтобы найти меня! Так они отслеживают исчезнувших членов правоприменяющей службы, ведь наша работа порой связана с насилием,- он распрямился.- Теперь они знают, где я. Без сомнения, когда мы не объявились, они допросили принца Эхмада и узнали, что мы были вместе.

-Странно, что они не могли найти тебя до сих пор.

За это замечание он был награждён белозубой, но мрачной улыбкой.

-Должно быть, заклинание демона защитило нас от этого.

У них не было возможности больше ничего сказать, потому что вокруг них материализовался не один, но почти дюжина магов в капюшонах. Среди новоприбывших была одна фигура, которую Ульдиссиан мог узнать, – худосочный баритон, Нурзани.

-Кетуй,- произнёс тощий маг, его впалые глаза метались между товарищем и Ульдиссианом.- Быстро отойди!

-Нурзани! Что...

Вновьприбывшие подняли медальоны и посохи в направлении Ульдиссиана. Кетуй поднял руку в знак протеста, но Нурзани нетерпеливо махнул, и тёмный мужчина рядом с Ульдиссианом внезапно исчез. Миг спустя он появился за спиной другого мага.

-Сейчас,- скомандовал Нурзани.

Но прежде чем они смогли сделать то, что собирались сделать с ошеломлённым Ульдиссианом, стремительный поток воды привлёк всеобщее внимание. Из него вылетело множество предметов цвета кости разных размеров и форм. Быстрее, чем в мгновение ока, они собрались между кругом магов и их намеченной целью.

Знакомый и очень желанный голос раздался в тоннелях.

-Ульдиссиан! Ко мне!

Мендельн! Появление никого другого не возрадовало бы сильнее сердце Ульдиссиана. Тем не менее, миг он колебался, как и все, напуганный тем, что его брат принёс с собой.

Стена из костей не только не давала магам добраться до Ульдиссиана, но также мгновенно отражала заклинания, которые они попытались в неё метать. Сами кости были различного происхождения, начиная явными объедками, попавшими сюда из верхнего мира, и заканчивая костями существ, которые питались этими объедками, – а также друг другом. Были тут и человеческие кости, слишком много человеческих костей – страшное напоминание не только о длинной истории города, но и о насилии, совершавшемся на протяжении многих поколений.

Мендельн пробовал сотворить что-то подобное в прошлом, но не в таком грандиозном масштабе. Жуткая стена сверкала под напором магов, но держалась.

Кетуй, оказалось, криком выражал Нурзани протест, но второй заклинатель явно не был намерен его слушать. Тощая фигура сунула руку в мешочек.

Раздражение овладело Ульдиссианом, раздражение, быстро перешедшее в ярость. Эти маги теперь напали на него, не назвав никакой причины. Теперь он мог только догадываться, что они замыслили предательство всё это время.

Ярость подогрела его силы. Он почувствовал, что ему трудно сдержаться, и не видел причин сдерживаться.

Рука схватила его за плечо. Стиснув зубы, он повернулся и увидел брата.

-Отойди, Мендельн!- рявкнул Ульдиссиан.- Они сами напросились.

-Нет,- рассудительно ответил брат.- У них есть много причин ненавидеть тебя.

Утверждение Мендельна застало Ульдиссиана врасплох. Он начал возражать – но его брат, шурясь, вдруг посмотрел за его спину.

-Нет!- он вбросил что-то в ладонь Ульдиссиана и прокричал слово, непонятное для старшего сына Диомеда.

Тоннель немедленно наполнил жгучий свет, а затем предмет, который Мендельн дал своему брату, стал излучать собственное свечение.

Окружение Ульдиссиана поменялось. Туннели и обжигающий свет исчезли. Его накрыла успокаивающая темнота. Он приземлился на что-то мягкое – влажную землю. До него донеслись различные звуки – звуки жизни джунглей.

Ульдиссиан, испытывающий нужду освоиться в новых условиях, упал на колени. Его дыхание успокоилось, а

гнев, который обуял его в тоннелях, снова исчез.

Когда разум вернулся, он обратил внимание на слабый, но приятный холодок в ладони. Ещё от неё исходило тусклое свечение, которое напомнило ему свет звёзд.

Взглянув вниз, Ульдиссиан увидел костяной кинжал Мендельна. Прямо на глазах тусклое свечение исчезло.

Подумав о брате, Ульдиссиан развернулся, чтобы возвратить ему кинжал... И только тогда обнаружил, что Мендельна с ним нет.

-Его больше беспокоил ты и то, что ты можешь сделать,- объявил голос с противоположной стороны.

Ульдиссиан повернулся и встретился лицом к лицу с Ратмой.

-Я должен вернуться за ним!

-Ничто не возрадовало бы меня больше, чем его освобождение, особенно если учесть, что это моё упущение позволило убедить его пойти за тобой в Кеджан,- фигура в плаще подошла ближе.- Но если ты вернёшься в тоннели и сойдёшься в бою с магами, то вообще не останется никакой надежды вылечить то, что и так уже может быть нам не под силу исправить.

Как обычно, Ульдиссиан мало что понял из слов Древнего. Он знал только, что его брат оказался среди врагов после того, как пытался спасти его.

-Я возвращаюсь назад!

Ратма покачал головой.

-Ульдиссиан, ты не знаешь о том, что произошло за последние несколько часов. Совет магов и многие из глав ведущих гильдий – все, кто собрался для встречи с тобой,- были зверски убиты.

Вести как камнем по голове ударили Ульдиссиана.

-Убиты? Как?

-Одной из них... Которая утверждает, что сделала это ради тебя. Её они тоже ищут, но если ближе к делу, то ты объявлен гнусным убийцей, чьи приверженцы так же должны быть остановлены. Клань магов – да нет, вся столица – встаёт на войну против эдиремов.

Это был кошмар, которого сын Диомеда боялся прежде, но был уверен, что сможет его предотвратить. Ему не нужно было спрашивать, кто стоял за всем этим. Само собой, Инарий. Инарий – а также повелитель демонов Диабло, который, вероятно, зачем-то тоже был замешан в деле.

А ещё была эта женщина-маг, которая, без сомнения, не без поддержки ангела и демона, а то и того и другого, владела такой силой, которая могла зверски расправиться с искушёнными заклинателями. Он подозревал, что это была Амолия – но не настоящая она. Она была не из тех, кого легко обратить.

Малик достал новое тело и, очевидно, заключил соглашение с теми, кто жаждал падения Ульдиссиана.

И всё же его беспокойство за себя было минимальным. Ульдиссиан поднял кинжал Мендельна, намереваясь использовать его для возвращения к брату или даже для возврата самого брата. Однако кинжал выглядел не так, как раньше. Он был бледным в более зловещем смысле, бледным и безжизненным.

Древний покачал головой.

-Я этого боялся. Когда я ощутил тебя, но не его, я подготовился к худшему.

-Прекрати говорить загадками и помоги мне сделать что-нибудь!

-Но ты ничего не можешь сделать для Мендельна,- сказал Ратма с полнейшим хладнокровием.- Вообще ничего не можешь. Посмотри на клинок. Связь между ним и кинжалом пропала,- он опустил голову.- Твой брат потерял для нас.

Глава четырнадцатая

«Так вот она, смерть? – спросил себя Мендельн. – Так вот она какая?»

Если это была она, она была куда меньшим, чем он представлял. Конечно, воображение и истина не всегда соприкасаются, а порой и вовсе движутся в разных плоскостях. И всё же Мендельн думал, что будет что-то большее – если учесть, что он наблюдал живым, – чем эта полнейшая пустота. Он не мог ничего увидеть, не мог ничего потрогать и даже не знал, осталось ли у него хоть какое-то подобие его старой телесной формы.

Его разум устремился назад к событиям в тоннеле. Под руководством другого ангела он не только проник в город стремительно и незаметно для стражи – физической или магической, – но и смог после этого использовать свою кровную связь, а также навыки, которым научили его Ратма и дракон, чтобы разыскать брата. К несчастью, вызволение Ульдисиана оказалось не таким простым делом, как он рассчитывал.

Что привело к ситуации, в которой он оказался, когда наконец нашёл брата, Мендельн знал лучше большинства остальных. Призраки пришли к нему, ну конечно, призраки мертвых заклинателей и лидеров гильдий. Эти духи были ещё более рады, чем обычно, посвятить его в причину своего убийства. Мендельн знал все детали, словно он сам находился там, и не сомневался, что женщина, Амолия, была не тем, за кого себя выдавала. В самом деле, когда призраки подтвердили его догадку, ничего страшнее они рассказать не могли.

Они открыли ему, что это его деяниями свершилось всё это несчастье и кровопролитие. Они открыли правду, пересказав историю, которую Ульдисиан назвал правдивой.

Страшный дух высшего жреца, Малика, был виновен во всех гнусных убийствах.

Как-то ему удалось освободиться из куска кости, к которому его привязал Мендельн, и теперь он подобно какой-то ужасной заразе переходил от одной к жертвы к другой. Хуже того, если подозрения Мендельна были верны, все смерти, вызванные продолжающимся существованием призрака, были совершенно случайными, ведь он преследовал лишь одно по-настоящему желанное тело – тело Ульдисиана.

Испытывая вину от ужаса, который он напустил на остальных, Мендельн понял, что важно только одно. Он должен был вызволить брата из столицы, где Малик, конечно же, всё ещё скрывался. Правда, некоторое время поиски были тщетными. Начало казаться, что Ульдисиана вообще не существует, но в конце концов Мендельн сумел выяснить его местоположение. Ошибка состояла в том, что он искал над землёй, тогда как его брат находился ниже.

И, конечно же, он нашёл Ульдисиана, только тот был окружён группой мстительных охотников, которые не собирались прислушиваться к голосу разума. Мендельн не колебался ни секунды. Заклинание, воздвигшее стену из костей, было подкреплено страхом за брата, и эффект ошеломил его не меньше, чем магов и даже самого Ульдисиана.

Но потом, когда Ульдисиан не только не пожелал уйти, но уже готов был ударить в ответ – и предстать тем самым злом, которым кеджани его считали, – Мендельн не видел иного выхода. Он позабыл о своём заклинании и вместо него прочёл другое, которое, как он надеялся, должно было вызволить брата из беды. Это означало пожертвовать кинжалом, но его это не волновало.

Заклинание сработало. Ульдисиан исчез.

И маги атаковали его, как они намеревались атаковать Ульдисиана.

Это было последним, что помнил Мендельн, не считая короткой искры непередаваемой боли. В следующий миг он обнаружил себя в этой неизвестности, за неимением более подходящего слова.

Если он умер, то он хотя бы сделал то, чего желал больше всего. Ульдисиан был за пределами города и, без сомнения, в безопасности. Всё остальное было неважно...

Сердце подскочило, когда голос одновременно из ниоткуда и отовсюду воззвал:

ПРОБУДИСЬ, МЕНДЕЛЬН УЛЬ-ДИОМЕД! ПРОБУДИСЬ! ХОТЯ С ТВОИМИ ГРЕХАМИ СМЕРТЬ БЫЛА БЫ НАИМЕНЬШИМ НАКАЗАНИЕМ ДЛЯ ТЕБЯ, ТЫ БЫЛ СПАСЁН.

Пустота, через которую плыл Мендельн, уступила место великолепной зале из сверкающего мрамора. Брат

Ульдиссиана обнаружил, что лежит на мягком изысканном диване. Над ним развернулась обширная панорама, в деталях изображающая идиллический мир, населённый красивыми крылатыми существами, которая занимала весь потолок.

Если не по голосу, то из услышанных слов Мендельн уже понял, кто взял его. А его восхитительное окружение дало понять, куда именно этот некто его перенёс.

Он вскочил на ноги, потянувшись за кинжалом, которого не было на месте, и увидел, что стоит перед возвышающейся фигурой, чьи крылья состоят из завитков энергии и который не является ангелом из джунглей.

Затем неземной воин заколыхался, словно проглядывал сквозь толщу воды, и стал существом, не менее нежеланным для Мендельна: Пророком.

-Мендельн уль-Диомед,- пропел глава Собора Света.- Однажды я говорил с твоим братом, ища спасения для этой столь падшей души. Он избрал путь греха вместо того, чтобы вернуться к свету. Ради твоей души я молю, чтобы ты не повторял его ошибки.

Мендельн не знал, когда произошла эта предполагаемая беседа с Ульдиссианом, но он мог себе представить, что его брат во время неё оставался непреклонен. Он гадал, почему Инарий считал, что он поведёт себя иначе.

Пророк махнул рукой, и рядом с Мендельном появилась фигура, по виду наполовину состоящая из солнечного света, наполовину из ветра. Это был не мужчина и не женщина и у него не было ног – их место занимали потоки завитков, схожие с ангельскими.

В ладонях, оканчивающихся только тремя пальцами, существо держало сверкающий поднос, на котором появился кубок, изготовленный из цельного алмаза. В кубок был налит золотистый нектар.

-Тебе не помешает освежиться, дитя моё, после такой травмирующей стычки.

Мендельн не колеблясь взял кубок у бестелесного слуги. Как только он принял чашу, существо растворилось. Брат Ульдиссиана отхлебнул; слово нектар плохо описывало восхитительную жидкость.

Он не боялся, что что-то в напитке сделает его более податливым. Ангел не нуждался в таких смертных уловках. Определённо близилось что-то большее.

-Знаешь, а ведь ты уже мог бы быть мёртв,- сказал Пророк со скорбным выражением.- Они были решительно настроены убить твоего брата, и когда ты похитил у них этот шанс, они обрушили свою магию на тебя, моё дитя,- он сложил кончики пальцев.- Ты уже был бы мёртв... Если бы не я.

Несмотря на то, что это был ангел, Мендельн не знал, верить или нет. Он подозревал, что Инарий легко мог исковеркать все факты для своего удобства. И всё же Мендельн мудро склонил голову и ответил:

-Благодарю тебя за это.

В ответ на это Пророк одобрительно кивнул:

-Твоему брату следовало бы поучиться у тебя манерам. Такое грешное высокомерие только убьёт его. Я знаю, что тебе не хотелось бы этого.

Они приближались к тому, чего Инарий хотел от него. Мендельн решил играть в одиночку, тем более чем на данный момент ему не представлялось иного выбора.

-Ты заглянул в лицо смерти, Мендельн уль-Диомед, такими способами, на которые не способен никакой другой смертный. Ты начал это уникальное путешествие во многом благодаря влиянию моего заблудшего чада. Этому ему никогда не следовало бы делать.

Были времена, когда Мендельн думал точно так же, однако назад пути не было. Путь, на который его навели, ныне был для него таким же неотъемлемым, как дыхание.

-Но я не думаю, что это влияние его одного,- продолжал ангел, и на его молодом лице наконец запечатлелась тень эмоции, какой Мендельн никак не ожидал от него.

Беспокойства.

-Нет... Мой сын не является источником знаний, из которого вы оба черпаете. Есть ещё один, и ты знаешь, кто это.

Мендельн попытался подавить внезапно нахлынувший страх. Инарий знал о Траг'Оуле!

Он вдруг испугался, что, думая о драконе, он подтвердит для Инария правду, но, странное дело, ангел ничем не выказал, что он почувствовал что-нибудь. Вообще-то, Инарий продолжал выглядеть обеспокоенным.

Первые слова Пророка вновь пришли ему на ум, и Мендельн осознал, что его пленитель на самом деле не удовлетворял любопытство смертного о том, был он мёртв или нет, но просто начал разговор самым логичным образом, который подходил для ситуации. Любый в положении Мендельна гадал бы, был ли он убит, и Инарий воспользовался этим, чтобы подчеркнуть то, как сильно сын Диомеда обязан ему.

Но даже его жизнь не стоила того, чтобы предать дракона, ведь Мендельн знал, что усилия Траг'Оула по защите Санктуария перевешивали любой вклад в это дело человека. Уверенный, что Инарий жестоко накажет его за упорство, Мендельн, тем не менее, продолжал молчать, стоя перед фигурой в мантии.

Однако, хотя и был различим некоторый гнев, Пророк не ударил его. Мендельн с нездоровым восхищением наблюдал, как Инарий всё больше и больше проявляет человеческие эмоции. Столь долго находясь среди людей, ангел невольно перенял некоторые их повадки, пусть даже сам того не замечая.

В поведении ангела прослеживалось явное напряжение, когда он провозгласил:

-Отрицание правды – это тоже грех, дитя моё. Не хочешь ли ты обречь себя, отказываясь подтвердить то, что мы оба знаем? Какое безрассудство!

Последние остатки неуверенности в том, мог ли Инарий читать его мысли, исчезли. Мендельн мог только догадываться, что Траг'Оул умудрился создать некий ментальный щит, через который Инарий не мог проникнуть.

Мендельн сделал последний глоток напитка, пытаясь не думать о том, что его пленитель может предпринять в попытке сломать этот щит. Затем на ум пришло, чего Инарий вообще так волнуется. В конце концов, Пророк уже знал о драконе.

Тем не менее, Инарий продолжал разъяряться. Одним движением он заставил кубок Мендельна последовать за слугой. Сердито хмуры брови, он самого Мендельна поднял в воздух, да так высоко, что человек чуть не оказался среди крылатых фигур огромной росписи.

-Покайся в своих последних прегрешениях, Мендельн уль-Диомед, и признай правду, которую мы оба знаем. Он здесь! Он – тот, кто ведёт вас из тени. Назови имя! Это Тираэль. Тираэль! Признай это немедленно!

Тираэль! Нападение магов, очевидно, на время дезориентировало Мендельна, раз он позабыл о том, кто по-настоящему организовал это конкретное задание. Из-за второго ангела Мендельн даже добровольно оставил эдиремов – действие, за которое он мало испытывал вину. В конце концов, это было сделано ради брата.

Тираэль. Ну конечно, Пророка обеспокоило бы появление прямо среди них существа, такого же, как он.

Голос Инария гремел подобно грому, но это был не единственный звук, оглушающий сына Диомеда. Ещё было, странное дело, хлопанье множества огромных крыльев. На самом деле, хлопанье постепенно заглушало все остальные звуки. Невидимые крылья производили такой шум, что у Мендельна выступили слёзы.

Что-то царапало его руку. Ладонь, маленькая, но с острыми когтями. Другая царапнула плечо. За ними последовали ещё и ещё...

И затуманенным взором Мендельн увидел, что его атаковали изображения с огромной росписи. Больше дюжины уже напали на него, а остальные пытались вырваться на свободу, чтобы присоединиться к первым. Они выглядели точь-в-точь, как на картине, и когда одна из них повернулась боком, Мендельн увидел, что она совершенно лишена объёма.

Мендельн попытался отбиться, но их было слишком много. Они царапали его лицо, рвали грудь. Несмотря на отсутствие толщины, когда он попытался бить по ним, кулаки налетали на твёрдую, как камень, поверхность.

И когда они окружили его, они принялись повторять требование Пророка. «Назови его имя! Тираэль! Скажи это! Признайся, что это он!»

Даже тогда, даже когда уже казалось, что очень просто согласиться с Инарием, Мендельн сдержался. Неуверенность в том, кто его враги, сбивало отца Ратмы с толку больше, чем всё остальное, что брат Ульдиссиана мог представить. Пусть его ждут пытка и смерть, Мендельн, по крайней мере, может надеяться, что другим повезёт больше.

Ни с того ни с сего крылатые фигуры вдруг отступили. Приходя в себя, Мендельн наблюдал, как они возвращаются

на свои места в росписи. Он ждал, что Инарий даст упасть ему на пол, но вместо этого Пророк осторожно уложил его на диван.

-Мне так жаль, моё дитя,- сказал Инарий с сочувственным выражением. - Мне очень, очень жаль, что ты хочешь продолжить грешить. Я сделал всё, что мог, чтобы убедить тебя вернуться к свету, но, как и твой никудышный брат, ты предпочёл тьму,- сочувствие сменилось осуждением. - И во тьму ты будешь погружён.

Огромная мраморная зала закружилась, словно стала жидкой. Диван, на который Мендельн приземлился, превратился в огромную засасывающую дыру. Брат Ульдиссиана испустил испуганный крик, тщетно пытаясь не угодить в неё.

-Какая жалость...- было последним, что он услышал от Пророка.

Мендельну казалось, что он будет падать вечно, но затем наконец он больно приземлился, по ощущениям, на камень. Столкновением вышибло воздух из лёгких и ум из головы. Мендельн понятия не имел, где находится.

А затем женский голос откуда-то из темноты разбудил его:

-Кто это? Кто здесь? Ответь мне! Ответь мне!

Первым, что вырвалось из рта Мендельна, был грудной стон. Это вызвало движение со стороны, с которой доносился новый голос. Фигура склонилась над ним, но не притронулась к нему.

-Кто ты такой? Как ты попал сюда?

Мендельн перекатился и взглянул в лицо скрытой тенью женщины. На ней был надет какой-то плащ; судя по тому, что он мог разглядеть, у неё были светлые волосы и довольно привлекательное лицо. Правда, это сразу же напомнило ему о Лилит, и он отстранился от фигуры.

Она тоже отшатнулась.

-Кто ты?- снова спросила женщина. - Ты – маг?

Голос был совсем не похож на голос Лилит, но Мендельн знал, что демон могла менять голоса по своему желанию. Но тут до него наконец дошло, что Лилит мертва, убита его братом. Это был кто-то другой, а если предположить, что он снова оказался в столице, то вероятно, одна из тех, кого, по словам мастера Сайруса, напоминала ложная Лилия.

Он взял себя в руки.

-Нет. Я не маг,- не было нужды объяснять, кем он был. - Меня зовут Мендельн.

Короткий вдох, за ним тишина. Наконец женщина прошептала:

-Хвала небесам! Я боялась, это один из кровожадных магов. Они повсюду! Они охотятся на всех, кто помогает человеку по имени Ульдиссиан.

-Ульдиссиан!- Мендельну с трудом верилось в его удачу, особенно если учесть, что это Инарий отправил его сюда.

Эта мысль тут же вновь пробудила в нём осторожность. Возможно, ангел хотел, чтобы брат Ульдиссиана попал в руки к магам, хотя было непонятно, как именно это помогло бы Инарию.

-Похоже, ты знаешь его,- сказала женщина с оттенком надежды в голосе. Она придвинулась ближе. - Я слышала, у него есть брат по имени Мендельн. Это ты?

-Да,- он гадал, не допустил ли Пророк ошибки, отправив узника сюда. Похоже было, что Мендельн оказался в выгодном положении. Если женщина была как-то связана с Ульдиссианом, то возможно было, что он мог бы использовать её связь с ним, чтобы отыскать его.

Но для этого пришлось бы объяснить ей, что, хотя он и не маг, но тоже своего рода заклинатель. Потеря его кинжала...

Кинжал! Мендельн не мог поверить, насколько смешались его мысли. Он использовал кинжал, чтобы отправить брата в безопасное место. Ему даже не нужна была помощь женщины! Каким дураком он был. Кинжал был привязан к нему; оставалось только связаться с ним и, таким образом, с Ульдиссианом.

-Слушайте,- сказал он самым своим убедительным тоном.- Ульдисиан в безопасности за пределами города.

-За пределами? Как такое может быть?

Вот тут он должен был быть осторожен.

-Вы должны поверить мне, что я не принадлежу к магическим кланам, но знаю некоторую магию. Я смог отправить его в безопасное место как раз тогда, когда его атаковали маги. Существует клинок, который я использовал, чтобы отправить его за пределы городских стен.

-А этот клинок... Он с тобой сейчас?

-Нет. Он с ним,- Мендельн стал готовиться к попытке.- Возможно... Я думаю... Что я мог бы связаться с Ульдисианом посредством клинка и либо перенести нас к нему, либо его призвать к нам. Да, он тоже умеет читать такие заклинания.

Она встала рядом с ним.

-Какая сила. Потрясающе!

-Я не могу обещать, что это сработает,- быстро добавил он.

-Должно сработать!

Стараясь успокоить спутницу, Мендельн ответил:

-Думаю, шанс успеха немаленький,- он промедлил. Затем, дабы не дать ей думать о неудаче, спросил.- Как ваше имя?

-А-Амолия.

-Я не оставляю вас здесь, об этом не беспокойтесь.

Она протянула к нему руку:

-Я знаю!

Мендельн задрожал и, не сразу осознав это, отвёл плечо в сторону от её пальцев. Он заморгал и пристально взглянул на скрытую теньями женщину.

-Я знаю тебя!- прохрипел он, изумлённый и напуганный.- Я знаю тебя!

-О да, знаешь,- ответила она, приближаясь к нему. Только теперь стало ясно, что тени, обволакивающие её фигуру, сильнее обыкновенных. На таком близком расстоянии Мендельн, который в темноте видел лучше кошки, должен был разглядеть её превосходно, и при этом он не без усилия лишь чуть-чуть лучше её различил. Амолия напомнила ему Лилию, но была одна существенная отличительная особенность, которая портила в остальном привлекательные черты.

Тёмные струпья, покрывающие её лицо.

Нет... Больше не её лицо. Наверное, только Ратма смог бы объяснить, как он смог ощутить правду. Это была не женщина по имени Амолия... Больше не она.

Это был дух высшего жреца Малика, вселившийся в её тело.

Как этот кошмар сумел осуществиться, было для него непостижимо, но теперь он знал, почему Инарий отправил его сюда. То, что ангел нашел применение такому злодею, как Малик, не стало для Мендельна таким уж сюрпризом.

Ложная Амолия схватила его за плечо.

-Как удобно, что это ты должен в конце концов преподнести мне брата.

Мендельн почувствовал, как на него давит пустота. Ощущение было почти таким, словно его изгоняли из собственного тела.

Не зная, что ещё можно сделать, он пробормотал первые слова древнего языка, какие пришли ему на ум.

Малик закричал; белый свет возник в месте, которого коснулась его ладонь. Когда призрак отнял конечность, оба смогли увидеть, что она почернела, словно обгоревшая, – но сделал это холод, а не жар.

-Невозможно!- в ярости воскликнул высший жрец, его нечеловеческий гнев ещё больше исказил лицо женщины. - Невозможно!

Оправившись от сюрприза сам, Мендельн уверенно пошёл в наступление:

-Я призвал тебя из мёртвых, Малик! Ты не можешь притронуться ко мне, но я могу отправить тебя обратно в гнилую дыру, из которой ты явился.

Лицо женщины продолжало кривиться, но теперь из-за другой эмоции. К дальнейшему изумления брата Ульдиссиана, он узнал эмоцию: страх.

Малик был напуган, и возможно, это был первый раз, когда его напугал не его господин.

Но страха было недостаточно, особенно если этот паразитический призрак собирался использовать свою нынешнюю жертву, чтобы добраться до Ульдиссиана. Мендельн выбросил руку в сторону демонической тени.

-Хватит!- прикрикнул он на Малика. - Настало время тебе умереть... На этот раз – навсегда!

Нужные слова сорвались с его губ.

Со сдавленным криком Малик схватился за медальон, свисающий с шеи тела, которым он владел. Слишком поздно Мендельн разгадал намерения тени.

Малик исчез.

-Нет!- младший сын Диомеда в отчаянии закончил колдовство, которое, потеряв цель, просто прекратилось.

Он не знал, куда переместился высший жрец. Малик был объят паникой, что означало, что даже сам дух мог не знать, куда он отправил себя. Мендельн желал, чтобы Малик исключительно по удаче оказался среди охотящихся магов, которые были единственной частью его рассказа, что звучала правдоподобно. К этому моменту он, вероятно, был уже им известен по какому-нибудь преступлению.

Но полагаться на это было нельзя. Мендельн должен был что-то сделать с монстром, которого он спустил на мир. Он должен был найти Малика и прикончить его.

Но для начала Мендельн должен был найти брата. Он должен был убедиться, что с Ульдиссианом действительно всё в порядке.

План, который у него созрел до обнаружения Малика, всё ещё был в силе. Мендельн направил свой разум к кинжалу. Разумеется, он всё ещё был с Ульдиссианом. Мендельн молился, чтобы это оказалось так.

Жестокая сила нагнула его к полу. Он ощутил, как несколько фигур стали проступать вокруг него. Мендельн точно знал, кто они такие. Маги без сомнения заметили его магическую стычку с Маликом и отреагировали соответственно. Теперь, пусть им не достался Ульдиссиан и призрак, они заполучат другой приз.

Со стуком в голове Мендельн попытался закончить заклинание, но не смог.

Руки грубо схватили его и тут же отпустили, когда крики наполнили тёмную комнату. На короткий миг всё объят серебристый лунный свет.

Снова пара рук взяла его, но на этот раз мягче.

Серебристый свет на миг ослепил Мендельна, а затем шум подавили звуки джунглей.

-Будь покоен,- раздался усталый голос Ратмы. - Он в порядке.

Поначалу Мендельн подумал, что Древний обращается к нему, но потом раздался желанный второй голос:

-Я мог бы и сам забрать его, Ратма! Мог бы!

Зрение Мендельна прояснилось. Он увидел Ульдиссиана, своего брата, всё ещё сжимающего его костяной кинжал. Взгляд старшего брата был безумным.

-Кинжал был мёртв,- пробормотал Ульдиссиан Мендельну. - Я думал, ты мёртв... А затем он снова вспыхнул.

-Я был гостем у Пророка,- пояснил младший брат.- Наверно, поэтому между кинжалом и мной не было связи, Мендельн не видел нужды упоминать, что испытал точно такое чувство, пока не нашёл Ульдиссиана в тоннелях.

Ульдиссиан исторг проклятье.

-Я знал! Я же говорил тебе, Ратма. Я говорил тебе, что я сам должен пойти.

-Но если бы ты вернулся,- ответил сын Инария,- мало сомнения в том, что мой отец или его так-называемый союзник стали бы ждать.

-Вот именно...

-Или того хуже,- вставил Мендельн, проверяя равновесие.- Малик.

-Малик?- опешил Ульдиссиан.- Ты видел его?

-Её, по крайней мере, на данный момент. Женщина-маг по имени Амолия – думаю, это был он.

Ульдиссиан мрачно кивнул.

-А я всё думал, что это заставило кланы магов взъяриться на меня, даже не выслушав.

Ратма покачал головой, глядя на Мендельна, и это было единственным признаком разочарования на в остальном безучастном лице.

-То, что я открыл тебе, всегда нужно использовать с осторожностью. Вариации учения, которые применяешь ты, достойны восхищения, но с тем же успехом можно восхищаться челюстями огромного зверя, которого от того, чтобы загрызть тебя, удерживает тоненькая нить.

-Мне довелось осознать свои ошибки,- пробормотал Мендельн.- Я – и только я – разберусь с ними и с ним.

Его заявление не было принято без возражений.

-Нет,- вмешался Ульдиссиан.- Малик – мой.

-Ты чувствителен к его прикосновению; я – нет, как мне удалось выяснить.

Спор мог продолжиться, но неожиданно Ратма сказал:

-Боюсь, ситуация со злобным Маликом может обернуться наименьшей из угроз. На самом деле, всё, ради чего мы так долго и так упорно сражались, может утратить значение.

Он полностью завладел вниманием братьев. Ульдиссиан осмелился задать вопрос, на который они оба не хотели услышать ответа:

-Почему? Почему Малика – или, ещё важнее, Инария – больше не нужно бояться?

-Потому что их тоже, как и бо́льшую часть незначительных паразитов, может смести катаклизм, который уже маячит на горизонте,- Ратма покачал головой.- Неземные воины Высшего Неба приближаются к Санктуарию. Они идут, чтобы уничтожить его и всё, что находится в нём, как надругательство над естеством, которое не имеет права на существование.- Мрачная улыбка отразилась на его бледном лице.- Мой отец выглядит добряком по сравнению с ними.

-Мы будем сражаться с ними точно так же, как сражаемся с ним,- тут же заявил Ульдиссиан.- С кланами магов или без них, мы будем сражаться.

-И наверняка проиграем, если только не осуществим немыслимое.

-Что именно?

Ратма задрожал.

-Что-что, объединим силы с моим отцом, разумеется.

Глава пятнадцатая

-Пойти на мировую с Инарием?- Ульдиссиан с трудом верил своим ушам, как, судя по виду Мендельна, и его брат. Промелькнула мысль, что годы наконец одержали верх над Древним. Он точно выжил из ума. Как ещё можно было объяснить такое безумное предложение?

-У того может быть сделка с Диабло, я знаю... И возможно, нам тоже предстоит на неё пойти. Я был бы рад принять любое другое предложение, но в свете нынешних обстоятельств я не вижу другого пути.

-Нет!- Мендельн встал между ними.- Есть другая возможность. Другой ангел. Тираэль.

-Та самая причина, по которой Высшее Небо сейчас спускается на Санктуарий. Не думай, что только мой отец или демоны – мастера манипуляции. Тираэль – и мне страшно слышать от тебя подтверждение, что это действительно он, – не посчитает нарушением кодекса воина света игру словами и создание впечатление у тебя и, вероятно, Ахилия, что он добрый и благообразный!- плащ Ратмы заколыхался почти нервно – эффект ещё более усиливался тем, что не было ветра.- Всё, чего он желал, пока находился здесь, – создать большой хаос, который поддерживал бы заинтересованных в выживании этого мира настроенными друг против друга, чтобы Высшему Небу потом легче было их судить и покончить с их существованием.

-Это невозможно!- выпалил Мендельн.- Я говорил с ним. Он был обеспокоен безумием Инария и боялся, что демоны заполучат контроль над человечеством. Он...

-В правде может быть спрятано много лжи,- плечи Древнего опустились.- Для Тираэля мы – монстры, существа, которые никогда не должны были рождаться. Следовательно, мы не достойны ни доверия, ни правды. Имеет значение только наше истребление, чтобы мы не пачкали всё сущее. Нет... Мы должны добиваться союза с моим отцом, причём быстро.

Ульдиссиану не верилось, что они к чему-нибудь придут с Пророком. Должен был быть другой путь.

-А что дракон? Он ничего не может сделать?

-Он сделал. Предупредил меня о приближении Высшего Неба.

-И это всё? Больше он ничего не сделает?

Ратма уставился на него с негодованием.

-Я не сказал, что он останется безучастным. В данное время он пытается укрыть от них истинное местоположение Санктуария. А если не удастся, он попытается задержать их в пути своей силой.

Судя по тону Ратмы было маловероятно, что Траг'Оул добьётся успеха.

Ульдиссиана терзал ещё один вопрос, и он касался самого Инария:

-Зачем этому другому ангелу идти на такие ухищрения? Неужели твой отец такой могущественный?

-Сам по себе нет, но он привязал свою сущность к Камню Мира и черпает из него, как кровопийца. Это сделало его гораздо, гораздо сильнее, настолько, что даже Трое ведут себя с ним осторожно.

-Диабло!- внезапно то, что случилось с Ульдиссианом в канализации столицы, предстало в ином свете.- Он попытался обхитрить меня, чтобы я дал проникнуть в мой разум – или мою душу! Правда, я отбил...

-Повелитель Ужаса был в Кеджане?- сын Инария задумался.- У меня ещё было то жуткое ощущение, что там происходит что-то большее...

-Гораздо большее,- согласился Мендельн.- Ведь это Пророк отправил меня к Малику!

Невозможно было не прийти к единственному логичному заключению. Верховный демон в большом городе. Связь Инария с Маликом. Злобное существо в тоннелях.

-Они объединились,- процедил Ульдиссиан.- Эти трое объединились, он закачал головой, не веря собственным словам.- И этим вызвана резня большинства тех, кто по-настоящему правит Кеджаном!

-Ах, как бы смеялся Тираэль... Если он вообще умеет смеяться. - Ратма сплюнул. - Что ж, либо его манипуляциями, либо стараниями моего отца и владыки демонов всё встаёт по местам для Высшего Неба. Величайший город Санктуария, средоточие силы, которое могло быть простоять, хотя бы недолго, против войска ангелов, охвачен хаосом. Самое смешное, что, я уверен, ни Инарий, ни Дьябло, не рассматривают происходящее иначе как партию в шахматы между ними.

Мысль была печальной, ведь от неё казалось ещё менее вероятным, что Инарий прислушается к голосу рассудка.

Ульдиссиан опешил, осознав, что он вдруг начал считать союз с Пророком чем-то желанным.

-Станет ли он говорить с нами?- наконец осмелился он спросить.

Судя по всему, своей переменной отношения он удивил даже Ратму, потому что Древний некоторое время оглядывал его, прежде чем ответить:

-Возможно, станет... Правда, это может привести отнюдь не к тому, чего мы хотим.

Что означало, что Инарий с такой же вероятностью может попытаться убить их, как и слушать.

-Но если есть хоть малейшая надежда подступиться к нему,- продолжил сын ангела,- то сделать это должен я. Отношения между нами натянуты, но всё же они лучше, чем перепалка между тобой и им.

Ульдиссиан предпочёл бы иначе, но он видел резон в словах Ратмы.

-Как ты сделаешь это?

-Просто пойду и поговорю с ним... Прямо сейчас пойду, на самом деле.

С этими словами Ратма исчез.

Застигнутый врасплох, Ульдиссиан протянул руку к Древнему, но было поздно.

-Проклятье! Мы ещё не всё обсудили!

-И правда,- ответил Мендельн. - Что нам делать с Ахилием? Он служит ангелу бездумно и невольно, но тем не менее служит.

У Ульдиссиана не вставало вопроса, что делать.

-Мы действуем с установкой, что эдиремы должны быть в безопасности. Это означает, что мы возвращаемся к ним немедленно,- рукой он подманил брата к себе и возвратил ему кинжал. - И если это подразумевает, что нам придётся сражаться с этим Тираэлем, то так и будет.

Мендельн только кивнул. Ульдиссиан подумал о Серентии и остальных. Он ощутил присутствие их массы в целом недалеко от братьев, но было невозможно определить местоположение конкретно дочери Сайруса.

И пока Ульдиссиан концентрировался, он беспокоился о том, что бы это могло для неё значить.

Они исчезли с места своего нахождения и вновь появились среди эдиремов. Когда сыны Диомеда материализовались, вокруг них поднялись испуганные крики. Боясь случайных нападений, Ульдиссиан окружил себя и брата щитом – и не зря, поскольку в следующий миг в них полетел огненный шар.

-Прекратить!- прокричал Сарон откуда-то. В следующий миг тораджанец упал на одно колено перед Ульдиссианом. - Ты вернулся! Мы страшились худшего, мастер Ульдиссиан!

-Я тоже, Сарон,- Ульдиссиан похлопал невысокого человека по плечу, затем быстро оглядел остальных. - Где Серентия?

-Я не видел её несколько часов. Сказать по правде, мастер Ульдиссиан, я было встревожился, но она коснулась меня своим разумом и сказала, что расчищает нам путь.

-И что это значит?

Тораджанец пожал плечами.

-В то время я предположил, что она говорит о выступлении на столицу. Мы... Мы хотели освободить тебя.

-За что я благодарю вас,- Ульдиссиан сосредоточился сильнее, но всё равно не мог ощутить Серентию.

Однако он отметил ещё кое-что к северу – то, что напомнило ему об Ахилии.

Мыслью устремляясь вперёд, Ульдиссиан рассеянно сказал:

-Оставайся с ними, Мендельн. Сделай всё, что можешь.

-Ульдиссиан! Не...

Но было уже слишком поздно. Ульдиссиан оставил эдиремов и переместился в джунгли к северу. Зрение адаптировалось к тёмной обстановке... Но недостаточно скоро.

Невидимая сила ударила его подобно тарану, послав Ульдиссиана в воздух. Если бы сын Диомеда не окружил себя щитом ещё до того, как попал сюда, то он точно был бы мёртв. А так Ульдиссиан сначала пролетел через один толстый ствол, затем через другой, полностью разломив оба. Третий ствол наконец остановил его полёт, но тоже чуть не переломился.

У него даже не было времени, чтобы прийти в себя. Две стрелы ударили его, и хотя они должны были представлять гораздо меньшую угрозу, чем магия, одна проникла сквозь его защиту. К счастью, она оказалась достаточно замедлена, чтобы оставить только неглубокую рану... Рану прямо над сердцем.

Он вырвал из себя стрелу и перекатился на бок. Ульдиссиан знал, что на него была устроена ловушка. Он и правда ощутил Ахилия, но не Серентию. Это позволило ей ударить до того, как он успел сориентироваться.

Но почему они пытались убить его, было не до конца ясно. Ангел, который манипулировал ими, играл почти так же грязно, как Инарий. Ахилий умудрился избежать успешного убийства его раньше, но теперь, похоже, был вполне убеждён, что Ульдиссиана нужно прикончить.

Но каков был смысл? Ратма сказал, что хозяева Высшего Неба опускались на Санктуарий. Так почему тогда Тираэля волновал один единственный человек, неважно, насколько могучий?

Задав этот вопрос, Ульдиссиан понял, что знает ответ.

Но в первую очередь нужно было остановить это безумие. Он вскочил на ноги.

-Серентия! Ахилий! Это я! Это...

Ещё одно дерево наклонилось и попыталось затянуть его в свою густую листву. Пока Ульдиссиан пытался вырваться, синее пламя обьяло ветви.

Его сразу обдало жаром. Истекая потом, Ульдиссиан взмахом руки окружил себя облаком холодного воздуха. Пламя тут же умерло; почерневшие ветви и листья остались страшным напоминанием о том, что было уготовано Ульдиссиану.

Несмотря на свою тревогу за обоих друзей, он в то же время начал быстро разъяряться. Серентия и Ахилий подошли слишком близко к непосредственному нанесению вреда ему. Они даже не давали ему возможности попытаться рассказать им правду. Что они о нём думали такого, что так сильно желали его смерти?

Укрепив свой щит, он выступил вперёд и попытался ещё раз призвать к голосу разума.

-Серри! Нам нужно поговорить. Ангел, к которому вы примкнули, так же опасен, как Инарий. Возможно, опаснее. Он хочет уничтожить весь мир...

-Оставь свои притворства при себе, высший жрец!- раздался голос.- Мы знаем, кто ты и что ты сделал. Во имя памяти об Ульдиссиане мы заставим тебя раскаяться за все жизни, которые украл, особенно – за его жизнь!

Он исторг проклятье, поняв наконец, чем – или, скорее, кем – они его считали.

Маликом.

Как ангел добился этого, Ульдиссиан не знал. Но важно было то, что сын Диомеда теперь знал, почему эти двое так страстно хотят его убить.

И ему на ум не приходило никакого способа доказать им, что он был самим собой.

Копьё угодило ему под рёбра. Отвлёкшись на разоблачение Серентии, Ульдиссиан раскрылся. Его щиты всё ещё должны были держаться, но когда Ульдиссиан раненный упал на спину, то подумал, что Тираэль наверняка что-то сделал, чтобы помочь их оружию достигнуть цели. Это также объяснило бы предыдущий удачный выстрел

из лука.

Его пронизала боль. В голове стучало. Он схватился за копьё и сжёг его дотла. Задышавшись, Ульдиссиан приложил ладонь к ране и вылечил её.

Его раздражение достигло высот. Он не мог просто находиться здесь и давать им всё новые шансы убить его. Общее положение вещей было гораздо важнее этой битвы. Ульдиссиан должен был положить этому конец... Даже если для этого необходимо было причинить вред обоим противникам.

Или даже сделать что-то худшее.

Он распрямился – и тут же очередная стрела устремилась на него. Правда, на этот раз Ульдиссиан был готов. Сначала он направил свою силу, чтобы обратить стрелу в пепел, затем ударил туда, где наверняка стоял лучник.

Под воздействием его заклинания деревья и кустарник на площади в несколько ярдов сравняло с землёй. Раздался крик, но он был женский и исходил с другой стороны.

-Нет!- крикнула Серентия. Она выскочила из джунглей, распростерев руки к Ульдиссиану. Деревья, которые он только что повалил, полетели к нему, горящие.

Он сумел отклонить несколько первых, но в это время Серентия призвала новое копьё и метнула его. Ульдиссиан умудрился поймать копьё в нескольких дюймах от себя, после чего вонзил наконечник в почву.

Когда наконечник вонзился, возникла стена из грязи. Она поднялась на несколько ярдов и мгновенно отвердела.

Дерево за деревом врезались в стену, но, укреплённый силой Ульдиссиана, грязевой барьер держался. Импровизированные снаряды ударяли в него со стуком, подобным раскатам грома.

Но прежде чем Серентия успела попробовать что-нибудь ещё, Ульдиссиан метнул в сторону неё воздух. Он ушиб дочь торговца так, словно сам Ульдиссиан ударил её. Со стоном она повалилась навзничь.

Делая глубокий вдох, сын Диомеда огляделся вокруг. Не ощутив никакой другой угрозы, он ринулся к Серентии.

Она лежала распростёртой посреди выкорчеванного кустарника, её голова была склонена набок так, что Ульдиссиан поначалу испугался, что тяжело её ранил. Тем не менее, беглый осмотр не выявил ничего угрожающего жизни.

Дочь торговца застонала. Её глаза раскрылись, и она увидела Ульдиссиана, склоняющегося над ней.

Красочное ругательное выражение, достойное демона, сорвалось с её губ. Она попыталась двинуться, попыталась использовать свою силу, но Ульдиссиан уже подготовился к этому. Серентия быстро обнаружила, что ничего не может сделать.

-Серри, успокойся, пожалуйста,- прошептал он, решив, что использование детской формы её имени может смягчить её подозрения. И правда, на её лице немедленно отразилось смятение, хотя настороженность полностью с него не исчезла.- Это я, Ульдиссиан, клянусь!

-Нет... Он сказал... Я видела побоище в столице. Он показал нам, что произошло... И что маликов призрак забирал тело за телом... В том числе твоё!

-Ангел солгал,- напрямую ответил он.

-Но... Нет...- она на самую малость скосила взгляд.

Ульдиссиан ощутил фигуру за своей спиной, но не сделал ни единого движения. Вместо этого бывший фермер пробормотал:

-На таком близком расстоянии ты уж точно должен суметь подстрелить меня, Ахилий.

-И если он хотя бы попробует,- ответил ещё один голос,- я отправлю его обратно, откуда он пришёл.

-Мендельн?- выдохнула Серентия.

С величайшей осторожностью и непринуждённостью Ульдиссиан оглянулся. Как он и отметил, бледная фигура лучника стояла прямо за ним. Несколько листьев прилепились к телу восставшего мертвеца. Ахилий приготовил для выстрела очередную покрытую грязью стрелу, но Ульдиссиан видел, как прямо у него на глазах друг его детства опускает лук.

Едва видимый позади Ахилия, Мендельн держал костяной кинжал наконечником вниз. Мистическое оружие тускло светило, как светит луна.

-Мендельн...- прохрипел охотник.- Ты... Ты не знаешь... Правды... Это... Это не Ульдисиан! Это то... То существо... Малик!

-Нет, это мой брат,- спокойно ответил Мендельн.- Я бы понял, что это Малик, с первого взгляда – неважно, в каком он был бы теле. Я научился этому.

-Но...

-Ангел солгал вам обоим,- встрял Ульдисиан.- Он использовал вас как пешек,- говоря это, он освободил Серентию от своих невидимых пут. Она посмотрела на руку, которую он предложил ей, с подозрением, но в конце концов приняла её.

-Я верю, что это действительно он, Ахилий,- сказала Серентия.- В самом деле верю.

Похоже, её признание только разгневало лучника.

-Он чуть не заставил... Заставил меня... Снова это сделать! Я чуть... Не убил тебя!

Мендельн присоединился к ним. По-прежнему держа светящийся кинжал рядом с собой, он добавил:

-Я даже сейчас не уверен, что ангел хотел смерти Ульдисиана. Думаю, он просто наводит как можно большую сумятицу в подготовке к прибытию войска.

-Какого войска?- спросил охотник.

Ульдисиан объяснил. Сразу, как только до его друзей дошёл смысл сказанного, на их лицах отобразился ужас.

-Весь мир?- воскликнула черноволосая девушка.- Ничего... Никого не останется?

-Если Тираэль и ангелы исполнят задуманное. Другая альтернатива, судя по всему, – порабощение демонами... Или Инарием.

-Этого не может быть. Ведь это означает, что всё, что мы сделали, было впустую, Ульдисиан!

Он покачал головой:

-Нет, Серри. Я не смирюсь с этим. Я буду сражаться до самого конца. Это наш мир – не Инария, не ангелов, не демонов!

-А что... Что Ратма?- хмуро спросил Ахилий.- Может он... Может он убедить Инария... Присоединиться к нам? Это... Хоть возможно?

-Это хоть нам надо?- передразнил Ульдисиан. Он страстно затряс головой.- Думаю, Ратма обречён на неудачу, но он решил попробовать – и в это время нам нужно подготовиться.

-К прибытию ангелов,- закончил Мендельн.

Но Ульдисиан снова затряс головой.

-Нет... Нет, думаю, на самом деле, сначала – к Инарию.

Ратма никогда прежде не был в Соборе Света, но он слышал легенды о нём. Он был в точности таким, как гласили легенды, но, несмотря на это, он был несколько не впечатлён. Всё величие, всё великолепие посвящались мании величия его отца, а не добру, как утверждалось.

Стражники, выстроившиеся вдоль коридоров, не видели, как он идёт мимо них, не видели его даже старшие жрецы. Он не материализовался прямо в покоях Инария, потому что его отец принял бы это за выказывание неуважения. Хотя Ратма и вправду не уважал ангела, он чувствовал, что сейчас не время подчёркивать этот конкретный пункт.

Усердные стражи, стоящие рядом с дверями в покои Пророка, оказались так же слепы, как и остальные. Фигура

в капюшоне прошла прямо мимо них, а в следующий миг – сквозь сами двери.

Ратма не объявил о своём прибытии, когда оказался в огромной изящной зале. Инарий и без того прекрасно знал, что его отпрыск был там.

И действительно, в следующий миг голос, который Ратма так презирал, отдался в его голове и сердце:

МОЙ БЛУДНЫЙ СЫН... ТЫ ПРИШЁЛ, ЧТОБЫ ВЫМАЛИВАТЬ ПРОЩЕНИЕ ЗА СВОИ ГРЕХИ?

Ангел материализовался в своём полном грандиозном величии в нескольких футах над Ратмой. Его крылья широко распростёрлись через залу, полный спектр их энергий наполнил мраморное помещение изумительным набором расцветок. Несмотря ни на что, Ратма не мог не восхититься внутренней красотой того, чем был его отец.

-Отец, не мог бы ты избавить нас обоих от этого извечного вопроса?

НО ЕСЛИ НЕ ЭТО – ПРИЧИНА, ТОГДА ЧТО? ВО ВРЕМЯ НАШЕГО ПОСЛЕДНЕГО РАЗГОВОРА ТЫ ОБОРВАЛ НАВСЕГДА ВСЕ СВЯЗИ МЕЖДУ НАМИ. ПОЭТОМУ, ЕСЛИ ТЫ НЕ ИЩЕШЬ ПРОЩЕНИЯ, Я НЕ ВИЖУ ПРИЧИН ПРОДОЛЖАТЬ АУДИЕНЦИЮ.

-Есть очень хорошая причина, и ты знаешь это!- сказал Древний, и его огромный плащ заколебался. Он воздел к ангелу кулак.- Всеми Санктуарию грозит разрушение. Единственная надежда спасти его...

СОВМЕСТИТЬ МОЮ МОЩЬ С СИЛОЙ ЕРЕТИКА УЛЬДИССИАНА И ЕГО ЧЕРНИ, НЕ ГОВОРЯ УЖЕ О ТЕБЕ И, БЫТЬ МОЖЕТ, КУЧКИ ПЕРВОРОЖДЁННЫХ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ПОД КАМНЯМИ?- тон Инария явно выражал презрение.- МОЖЕТ БЫТЬ, ЕЩЁ ПРИГЛАСИМ В НАШИ РЯДЫ ПЫЛАЮЩИЙ АД? ИЛИ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ КЛАНЫ МАГОВ?

Говоря это, ангел стал сиять ещё ярче, так что Ратме пришлось заслонить глаза рукой. Ратма боролся с всегда присутствующим побуждением преклонить колени перед отцом. Инарий махнул рукой в сторону изображений на потолке, его ладонь в перчатке сжалась, словно он хотел схватить всех и каждого из них.

В ВЫСШЕМ НЕБЕ Я БЫЛ ОДНИМ СРЕДИ МНОГИХ. Я НЕ СМОГ БЫ УСТОЯТЬ ПРОТИВ ИХ ВОЙСКА,- он ещё раз посмотрел вниз на сына.- НО СЕЙЧАС МЫ В МОЁМ МИРЕ... МОЁМ МИРЕ! ЖИТЬ... ИЛИ УМЕРЕТЬ... РЕШАЮ И ВСЕГДА БУДУ РЕШАТЬ Я, ЛИНАРИАН!

Это превращалось в беседу, которую Ратма и Инарий слишком часто вели на протяжении целых эпох. Древний всегда догадывался, что его родитель склонен к сумасшествию, но теперь он начал понимать, что ангел совершенно безумен.

Несмотря на это, Ратма не оставил попыток:

-Отец, ты знаешь, что Тираэль обнаружил Санктуарий...

НЕТ!- крылатая фигура опустилась, оказавшись в нескольких дюймах над безупречным полом.- ПЛАН ПРОВАЛИЛСЯ! ПРАВДА СТАЛА ИЗВЕСТНА МНЕ! ТИРАЭЛЬ НЕ ЗДЕСЬ; ТИРАЭЛЯ НИКОГДА НЕ БЫЛО ЗДЕСЬ. А ДАЖЕ ЕСЛИ И БЫЛ, НИ ТЫСЯЧА ТИРАЭЛЕЙ, НИ КТО-ЛИБО ЕЩЁ НЕ МОЖЕТ ВЫСТОЯТЬ ПРОТИВ МЕНЯ, ПОСКОЛЬКУ Я ПРИВЯЗАН К КАМНЮ МИРА! НЕТ, ЛИНАРИАН, ТИРАЭЛЬ НЕ ЗДЕСЬ. ТВОИ УЛОВКИ ОТКРЫЛИСЬ МНЕ. ТЫ ДЕЙСТВУЕШЬ В СГОВОРЕ СО ВСЕМИ ОСТАЛЬНЫМИ. ТЕБЕ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛОРДУ ДИАБЛО, КОТОРЫЙ ДУМАЕТ, ЧТО СВОИМ «СОЮЗОМ» МОЖЕТ ПОМЕШАТЬ МНЕ РАЗГЛЯДЕТЬ ЕГО ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Эти слова подтвердили для Ратмы некоторые подозрения и страхи, касающиеся последних событий.

-Так значит... Значит, избиение невинных в столице – это во многом твоих рук дело! Ты оставил кланы магов в смятении и гнев и ещё больше расшатал положение Санктуария. Ты – игрушка в руках Тираэля, как ты не видишь этого?

ВЫ ВСЕ – ИГРУШКИ В МОИХ РУКАХ, ТЫ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ. ГОРОД ОБРАТИЛСЯ ПРОТИВ ЕРЕТИКА УЛЬДИССИАНА, КАК ВСЁ ВОЗРАСТАЮЩАЯ ЧАСТЬ ПАСТВЫ ПО ВСЕМУ МИРУ,- очень человеческий смешок излетел из неземного создания, смешок, преисполненный безумного триумфа.- А ЕЩЁ ЛОРД ДИАБЛО ПРЕДЛАГАЕТ МНЕ ТО, ЧТО, КАК ОН ДУМАЕТ, ДАСТ ЕМУ НАКОПИТЬ ВЛАСТЬ НАД МОИМ МИРОМ И СДЕЛАТЬ ИЗ ВОЙСК ЕРЕТИКА СОЛДАТ ДЛЯ ПРОКЛЯТОГО. ОН ОТКРЫВАЕТ МНЕ ПУТЬ К ТОМУ САМОМУ ХАОСУ НАД САНКТУАРИЕМ, КОТОРОГО Я ЖАЖДУ. С НИМ ПРОЩЕ БУДЕТ ОЧИСТИТЬ МИР И ОТРОИТЬ ЕГО ЗАНОВО С ЛУЧШИМ ПОРЯДКОМ, КОТОРЫЙ БЫЛ УГОТОВАН ЕМУ С САМОГО НАЧАЛА.

Ратма ранее ощутил неохоту Ульдисиана, когда Древний предложил искать союза с Инарием, и хотя сын ангела мало чего ожидал, он увидел, что даже Ульдисиан недооценил то, насколько невозможен был успех. Отец Ратмы жил в своём собственном мире, но это был даже не Санктуарий... Это была фантазия в его собственном сознании.

И из-за слепого безумия Инария каждый должен был пострадать.

Ратма сделал последнюю отчаянную попытку:

-Отец, Тираэль не...

На этом он остановился. Инарий взирал на него сверху глазами, которые даже отдалённо не были человеческими, но пылающей энергией. В этот миг Ратма осознал пропасть между даже им самим и тем, кем был его отец. Мироздание подшутило, сделав их отцом и сыном; между Ратмой и поганкой было больше физической связи.

ТИРАЭЛЬ ИЛИ ТЫСЯЧА ТИРАЭЛЕЙ, ЭТОТ МИР МОЙ, ЛИНАРИАН! МОЙ.

Ощущение очень плотного закрытого пространства обуяло Ратму. Его отец сильно увеличился в размерах, очень быстро превратившись в гиганта.

Да нет... Вся комната выросла вместе с ангелом, что означало, что это отпрыск ангела изменялся. Без его ведома Инарий уменьшил Ратму до размеров крысы – и даже ещё меньших.

Крылатая фигура приземлилась и протянула руку к своему сыну. Дымчатая сфера немедленно образовалась вокруг Ратмы. Древний атаковал клетку всех магией, которой владел, но это ничего не дало. Один на один против отца он был ничем.

Крошечная сфера поднялась над полом и прилетела прямо в раскрытую ладонь Инария. К этому времени она была уже не больше горошины.

ТЫ ТАК ПОХОЖ НА СВОЮ МАТЬ, - сказал Инарий. - А ЖАЛЬ.

С этими словами он отправил сферу вместе с Ратмой в пустоту.

Глава шестнадцатая

Первым ударил не Инарий и не второй ангел. Эта честь досталась городу Кеджану.

Часовые почувствовали приближение горожан прямо перед рассветом на следующий день, но Ульдисиан обнаружил их несколькими минутами ранее. Он сразу не сказал своим последователям и даже своим друзьям, вместо этого пытаясь придумать, что можно сделать, чтобы предотвратить потерю стольких невинных жизней.

К несчастью, мало что пришло на ум.

Когда доложили часовые, ему ничего не оставалось, кроме как позвать Мендельна и остальных, командование которым он доверял, и быстро обсудить, какие у них есть предложения по остановке грядущего несчастья. Они мало смогли добавить к его собственным идеям, да помимо Мендельна никто и не видел причины беспокоиться о судьбах кеджани.

-Ты попытался прийти с миром,- отметила Серентия.- Они не дали тебе такой возможности. Если б не было маликова зла, они нашли бы другой предлог предать тебя. Вспомни, как они атаковали тебя прямо во дворце принца Эхмада!

-Мы легко раздавим их,- высоким голосом произнёс Сарон.

Йонас кивнул в знак согласия, добавив:

-Как только они поймут, что не могут победить, мастер Ульдисиан, они побегут. Это спасёт им много жизней.

-Но не слишком,- ответил сын Диомеда.- Отнюдь не слишком...- вдруг он посмотрел вверх.- Как ангелы и демоны, должно быть, смеются прямо сейчас,- особенно Ульдисиана интересовал тот, кто был распознан как Тираэль. Это было точно то, чего он желал. Удерживать отродий вцепившимися друг другу в глотки, пока собраты не спустятся и не очистят мир от них.

А Инарий? Инарий вряд ли сидел сложа руки. Любопытное дело, но он больше всего беспокоил Ульдисиана, — а также тот факт, что Ратма так и не вернулся. Ульдисиан глянул на Мендельна и увидел по глазам, что того сейчас тревожат те же мысли.

Один из часовых коснулся его разума. Ульдисиан отбросил прочь все мысли об Инарии... По крайней мере, на некоторое время.

-Всем быть наготове. Убедиться, что те, кто нуждается в защите, защищены. По моему сигналу выступаем им навстречу,- он не даст своим врагам диктовать ход битвы; что бы ни случилось, Ульдисиан возьмёт на себя свою долю ответственности.

Сарон и Йонас побежали передавать его приказы остальным. Серентия пошла было за ними следом, но остановилась. Она посмотрела на Ульдисиана.

Он сразу понял, что тревожило её. Ахилий оставил их ночью, но только для того, чтобы эдиремы, — от которых он был закрыт щитом, — не волновались всё больше от его присутствия. Тем не менее, охотник пообещал, что окажется рядом к началу столкновения.

-Он недалеко,- заверил её Ульдисиан. Хотя на сыне Диомеда лежала немалая доля ответственности за сокрытие Ахилия от всех остальных, он поддерживал со своим другом связь, которую не могла установить даже Серентия.- Он будет на нашей стороне, скажем так.

Она кивнула в знак благодарности и поспешила прочь.

Мендельн взглянул на брата.

-Всё это неправильно, Ульдисиан. Во многих смыслах эти люди не заслужили того, что произойдёт.

-Мы ничего не можем с этим поделать. Ситуация не в наших руках, Мендельн. Нам нужно защищать себя, не только ради себя, но и ради мира.

-Но если мы перебьём сотни людей потому лишь, что Инарий и другие навели их на ложный путь, чего будет стоить этот мир?

— Это неважно, — отмахнулся Ульдисиан.

Он вышел, прежде чем они смогли продолжить спор. Мендельн молча побрёл за ним следом. Ульдисиан знал, что, несмотря на слова брата, Мендельн будет сражаться изо всех сил.

Ни одни руки не останутся чисты от крови...

Небо гроыхало, хотя не было туч. Мендельн ощутил, что маги начали то, что считали великолепным волшебством. Кеджани не были глупыми; они слышали истории об Ульдисиане и эдиремах. Они знали судьбу Тораджи, Истани и других мест, где Ульдисиан свергал Триединое. Они также подозревали предательство в своих собственных рядах — вина за это ложилась на брата Мендельна.

Заклинатели хотели быстро с этим покончить, а гильдии и знать всецело их в этом поддерживали. Если этот принц Эхмад тоже был мёртв, как подозревал Ульдисиан, то последние остатки надежды уладить дело мирным путём и в самом деле исчезли. Как бы маги ни ударили, удар обещал быть грозным.

А если удар провалится, то многотысячное войско будет готово умереть в ошибочном веровании, что эдиремы идут, чтобы сжечь их дома и перебить их семьи.

О да, ангелы и демоны хорошо потрудились.

Несмотря на то, что понимал всё это, Мендельн призвал все знания и силу, какими обладал, в подготовке к сражению с кеджани. Он никак не мог оставить брата из-за своих сомнений. Какими бы ни были последствия, всё остальное было неважно.

Теперь, в дополнение к грому, деревья закачались, словно подхваченные сильным ветром, который ни он, ни эдиремы не могли почувствовать. Но что Мендельн мог обнаружить, так это магические энергии, поднимающиеся перед последователями Ульдисиана.

Но эдиремы тоже не бездействовали. Под молчаливым наставлением своего лидера они совмещали свои воли по направлению к двум целям. Первая — закрыть щитом себя от того, что маги намеревались на них обрушить. Вторая, само собой, была связана с намерениями Ульдисиана нанести ответный удар. Хотя он понятия не имел, что намеревался учинить его брат, Мендельн задрожал при мысли об ульдисиановом возмездии. Утратить он на мгновение контроль над собой, и тогда уже кто знает, какое разрушение последует.

Что-то происходило. Что бы кланы магов ни уготовили им, оно надвигалось. Он приготовил кинжал.

Мендельн! — раздался голос Траг'Оула. Он ударил человека сильнее, чем гром, усиленный в тысячу раз. Занятые своими делами, эдиремы — даже Ульдисиан — не заметили, как он упал.

Мендельн! — повторил дракон. Пытаясь прийти в себя, брат Ульдисиана с ошеломлением отметил, что впервые за всё время, которое он имел дело с существом, голос Траг'Оула звучал напряжённо.

Стараясь не дать своей голове взорваться, Мендельн дал понять, что слышит дракона. Тут же он почувствовал, как дракон хватается за этот сигнал.

Ты должен мне помочь, быстро! Я с трудом держусь! Сюда!

Слова Траг'Оула проникли в душу, особенно последнее. Мендельн сразу же попробовал протестовать. «Я не могу оставить Ульдисиана. Я не могу...»

Но его слова не были услышаны.

Земля стала трястись. Для Ульдисиана, который знал о намерениях магов, это не было сюрпризом. Что может быть более разрушительно для вражеской силы, чем землетрясение? Рядом с эдиремами стали разверзаться расщелины в земле. Деревья начали крениться. На юге поднялась стена грязи.

Будучи связанным с эдиремами, Ульдисиан черпал из их сил точно так же, как из своей. Одним лишь взглядом на поднимающуюся землю он приказал ей вновь выровняться. Даже не глядя, он усмирил сначала деревья, а затем землю под ногами эдиремов.

И одним пренебрежительным жестом сын Диомеда заставил трещины в земле затянуться так, словно их никогда там и не было.

Ульдиссиан принял во внимание исключительные силы, которые маги привели в действие своими великолепными заклинаниями, и ещё больше учёл испуг, которым они сейчас наверняка были охвачены. Они точно ожидали ранений и смертей среди эдиремов, а не этой простой отмашки.

Он позволил себе улыбнуться, хотя в этой улыбке было мало радости. Ульдиссиан надеялся, что кеджани осознают свою беспомощность и отступят, но не ждал этого. Хозяева города либо предпримут что-нибудь более отчаянное – и, следовательно, более эффективное, – либо просто поведут своё войско в руки поджидающих их эдиремов.

В любом случае вскоре должна была пролиться кровь.

Ульдиссиан испытывал нетерпение в той же мере, что и отвращение. Всё, что в конечном итоге должно было произойти здесь, обречено было стать пустой тратой времени и сил против тех, кто не представлял истинной угрозы. Он знал, что Мендельн чувствовал точно так же и понимал неохоту брата, но каков был выход? Просто взять и положить конец грядущему столкновению между его людьми и кеджани?

Ульдиссиан так увлёкся мыслью, что чуть не сбился и не потерял связь с остальными. Быстро восстанавливая внимание, сын Диомеда размышлял о том, какой вопрос вот так запросто он только что себе задал.

Мог ли он как-то воспрепятствовать началу этой битвы? Не то чтобы это положило бы конец конфликту. Ещё оставались Инарий и это ангельское войско – по-видимому, всё ещё одураченное стараниями Траг’Оула. Ни того, ни другого Ульдиссиан не мог избежать, в первую очередь Пророка, от которого больше всех зависела победа или поражение.

Уверенные в своей неизбежной победе, не ведая, как мало она может значить, эдиремы с радостью пошли в наступление. Они были на грани состояния, когда даже Ульдиссиан был бы не в силах их остановить. Поэтому он понял, что нужно как можно скорее осуществить то, на что надеялся.

Для этого он нуждался в координации между теми, кому он мог больше всех доверять. Ульдиссиан одновременно коснулся разумов Серентии и других своих уполномоченных командиров и мгновенно сообщил им о своих надеждах. Многие отреагировали с изумлением, в том числе даже дочь торговца.

«Ты только откроешь нас магам,- быстро заметила она.- Это определённо усилит напряжение в нашей собственной защите».

«Ничего не поделаешь!- бросил он в ответ.- Это будет исполнено!»

Никто не стал дальше с ним спорить. Эдиремы были готовы жить и умереть по его приказу – мучительное осознание для Ульдиссиана. Однако он ничего не мог поделать с этим.

«Будьте моим щитом» - приказал он остальным. Они охотно подчинились. Это позволило Ульдиссиану сосредоточиться на том, чтобы отделить свой разум от тела. Разум устремился вперёд к защитникам-кеджани.

Ему не понадобилось много времени, чтобы определить местоположение физической составляющей столичного наступления. Солдаты двигались чётко и слаженно, но Ульдиссиан мог ощутить их настороженность и даже растущее беспокойство. Они знали, что заклинатели что-то предприняли и это «что-то» совершенно провалилось. Ещё они знали, что враг, к которому они приближались, был как-то замешан в убийстве многих их лидеров.

Но они всё равно шли защищать свои дома.

Это вселило в Ульдиссиана ещё больше решимости изменить ожидаемый ход событий. Инарий не дожждётся кровавой бани... Во всяком случае, этой.

Он пролетел над марширующими рядами и достиг офицеров, затем и они оказались далеко позади. Миновав стены, он пробрался в самое сердце большого города. Именно там он наконец нашёл истинных предводителей войска кеджани – магов.

Их было двадцать, и, судя по цветам их мантий, они принадлежали к самым различным кланам. Большей частью они были стары, но, несмотря на измождённые тела, излучали магию, которую Ульдиссиану редко доводилось видеть.

Большинство сформировало в центре пятисторонний узор, из которого они теперь призывали фантастические энергии, которые заставляли комнату сверкать, как зловещая радуга. Несколько других стояли в стороне и вели оживлённые прения – вероятно, пытались решить, что делать дальше после такой крупной неудачи.

Некоторые из второй группы замерли, когда он приблизился. Они с беспокойством оглядывались – видимо, ощущали его астральное присутствие. Затем старец с бородой почти до пола щёлкнул пальцами, требуя

возвращения к разговору.

С теми, кто был в этой комнате, Ульдиссиан должен был разобраться в первую очередь. Эти маги представляли сердце любой битвы, проводимой кеджани. Само собой, он хотел им навредить не больше, чем солдатам, заклинатели так же действовали из-за обмана.

Но что мог он сделать, что бы не повлекло их смерть? У него было мало времени на размышления, потому что было ясно, что маги готовы снова ударить. На этот раз они попытаются извлечь урок из своей ошибки. Если бы только был какой-нибудь простой способ удалить их из битвы.

Это было так просто, что Ульдиссиану не верилось, что он не подумал об этом раньше. Единственным вопросом было, возможно ли это на самом деле.

Само собой, был только один способ выяснить.

Он покинул здание, в котором заклинатели осуществляли своё колдовство, и осмотрел всю прилегающую местность. К тому времени, когда Ульдиссиан занял, по его мнению, наилучшую позицию, он знал местоположение всех участвующих магов. Он чуть не рассмеялся, когда обнаружил, что ещё много магов распределены по близлежащим точкам вокруг первоначальных групп и занимаются созданием защиты для самой цитадели. Ульдиссиан пересёк эту защиту, даже не заметив и уж тем более не тратя времени на её снятие.

С возросшей уверенностью в своих силах, Ульдиссиан призвал других. Работа, которую он хотел сделать, совершалась им впервые.

«Их нужно просто заключить,- сказал он им.- Я поведу вас».

Они направили к нему свою силу. Он слегка удивился тому, как много они дали, и осознал, что это гораздо больше, чем ему нужно. Сила его последователей росла не по дням, а по часам.

Но окажется ли её в конечном счёте достаточно, когда истинная угроза придёт в Санктуарий?

Нарастание магической энергии вернуло его внимание к нынешней ситуации. Коря себя за отвлечение, сын Диомеда пристально взглянул на убежище магов. Затем, представив, что у его нынешней формы есть руки, он сложил ладонь лодочкой над отдалённым, но приносящим неприятности зданием.

И под его ладонью то, что походило на верхнюю половину яичной скорлупы, стало облекать здание. Оно окружило всё, что ему было нужно, после чего опустилось. Когда это произошло, оболочка стала прозрачной, а затем и вовсе невидимой.

Ульдиссиан удовлетворённо кивнул. Он ощутил, что заклинатели только теперь поняли, что что-то не так. Их оцепенение росло по мере того, как они ощупывали то, что полностью заключило их. Им предстояло выяснить, что они не могут покинуть места при помощи магических или физических средств и не могут никак связаться с теми, кто снаружи. Внешнему наблюдателю убежище будет казаться пустым, заброшенным.

Что ещё более важно, если Ульдиссиан всё сделал, как надеялся, то атаки, которую они только что колдовали, больше не было. Он стал проверять, разыскивая следы энергетического потока, который заметил ранее.

Но ничего не было.

Ульдиссиан вернулся в своё тело. Открыв глаза, он молча проинформировал остальных об успехе. Солдаты Кеджана были лишены магической поддержки. Теперь они действительно были как ягнята, посланные на убой, но Ульдиссиан не желал этого.

«Хотя бы в этот раз,- молился он.- Пусть хотя бы в этот раз не будет смертей».

Теперь он обратился ко всем эдиремам, прося их дать всё, что могут. Он не скрывал от них причин, чтобы те поняли. Никто не запротестовал, некоторые только удивились и немного расстроились. Однако Ульдиссиан хотел этого, и они не могли не подчиниться.

Он снова ощутил вину за то, что они так сильно доверяли ему.

Ульдиссиан ещё раз направил внутренний взор на поиски солдат-кеджани. Много времени это не отняло, поскольку они уже были почти в пределах видимости. У него не было времени планировать; это должно было произойти прямо сейчас.

Это был вопрос, чья воля окажется сильнее: его, — усиленная совместным вкладом каждого из эдиремов, — или их. Солдат было больше, чем его приверженцев, но они были простыми людьми и не ведали о даре, который

несли в себе. Поэтому нечего было и думать о том, чтобы сравнивать две противоборствующие силы.

Но всё равно Ульдисиан не мог знать, ожидает ли его успех, пока действительно не попробовал.

«Спите» - приказал он кеджани.

Нечто похожее на лёгкий, чистый снег – снег в местности, охваченной зноем, – стало опускаться на подходящее войско. Их идеальный строй начал сбиваться, когда многие стали смотреть вверх в изумлении. Ульдисиан ощущал мрачное предчувствие офицеров, ведь они знали, что ничего хорошего от этого можно было не ждать.

Первый человек, которого коснулись лёгкие хлопья, зевнул. Он перестал маршировать, затем упал на колени. К этому времени несколько соратников присоединились к нему. Офицер устремился к двоим и поднял хлыст... После чего последовал их примеру.

Сначала по одному, затем дюжинами, сотнями – войско Кеджана складывало своё оружие, тихо падало на колени, а потом просто засыпало. Они не укладывались – просто вставали на колени ряд за рядом, руки их свободно повисали, головы съезжали на тот или другой бок. С закрытыми глазами и расслабленные ртами солдаты мирно отдыхали.

Те, кто был на лошадях, в том числе командиры, не успели убежать и разделили участь своих товарищей. Всадники просто повисали в сёдлах. Лошади поступали в своей обычной манере: опускали головы и спали стоя.

Эдиремам противостояло целое войско, только теперь оно не могло пробудиться до тех пор, пока Ульдисиан не прикажет.

Со стороны его сторонников сначала последовала тишина. Нет, дело было не в том, что они расстроились из-за отсутствия кровопролития, – просто большинство из них не были уверены, что своими криками они не разрушат заклинание. Как только Ульдисиан заверил их, что этого не произойдёт, отовсюду раздались крики. Эдиремы радостно приветствовали невиданное зрелище; картина ещё больше приковывала взгляд от снежного покрова на шлемах и солдатах.

Ульдисиан заставил прекратить падение новых вызывающих сон хлопьев. Он благодарно улыбнулся, радуясь, что его молитва не осталась не услышанной, но затем подумал, кому это он молится. Уж точно не Инарию и не Трём.

Но в данный момент это вряд ли имело значение. В отличие от приятного зрелища, которое он сделал явью. Не будет никакой зверской битвы между его людьми и Кеджаном. Ситуация была временная, но он надеялся, что она продлится достаточно долго.

Достаточно долго, чтобы разделаться с Инарием.

Мендельн проклинал дракона и положение дел в целом. Он ругался со страстностью, какую редко выказывал. Это было во многом связано с тем, что ему не давали слова ни в чём, что происходило. Всякий раз, когда кто-нибудь желал воспользоваться им, его забирали от брата и закидывали куда угодно. То, что то же самое происходило с другими, служило слабым утешением. В данный момент Мендельн был особенно на взводе.

Его ярость была такой, что поначалу он даже не обратил внимания на душевные муки Траг'Оула, явно проследивающиеся в голосе существа.

Мендельн... Мендельн... Ты его чувствуешь? Я с трудом... Удерживаю связь.

-Верни меня к брату! Я сыт этим по горло! Сколько раз я должен кланяться тебе и Ратме? Я благодарен за то, чему вы меня научили, но это не...

Слушай меня!- потребовал дракон тоном, который не допускал никаких возражений со стороны человека.- Оглянись вокруг! Посмотри, где ты находишься!

Брат Ульдисиана сделал это – и только тогда понял, что чернота, в которой он парил, не была владениями Траг'Оула. Это место излучало такую пустоту, что Мендельн вдруг обвил руки вокруг тела и страстно пожелал оказаться в относительно радостном доме дракона.

Не поддавайся этому! Если поддашься, не только Ратма, но и ты будешь потерян. Будь начеку!

Предупреждение Траг'Оула начало доходить. Пытаясь сосредоточиться, Мендельн поднял кинжал к лицу и сосредоточился на его успокаивающем свете. Какая-то часть страха начала уходить.

-Что... Что это за место?- наконец сумел спросить он.- Ты сказал, что Ратма тоже где-то здесь?

Здесь... И заточён, быть может, до конца всего сущего. Отправлен в это проклятое место Инарием в качестве награды за стремление к правильным делам.

Мендельн боялся, что посещение Древним его отца может обернуться глупым предприятием, но даже он не мог представить, что ангел окажется таким порочным, что отправит своё чадо в эту жуткую бездну.

-Что это за место?

Голос Траг'Оула звучал слабее, словно теперь он был дальше.

Его можно назвать отдалённой частью существования! Место, настолько далёкое от всего остального, что все, кто угодили сюда в ловушку, обречены навеки.

Новые мурашки побежали по телу Мендельна, когда он услышал это. Он представил парение здесь целую вечность без возможности увидеть или услышать что-нибудь снова.

Напряжение... Напряжение от связи с этим местом... Становится тяжелее. Мендельн уль-Диомед, ты должен выступить связующим звеном между мной... И Ратмой... Если мы хотим попытаться спасти его.

Хотя брат Ульдисиана более-менее понял, то, что дракон объяснил ему, непреднамеренные замечания Траг'Оула встревожили его не на шутку. Дракон только что выдал, что он даже не находится с Мендельном, а отправил человека сюда одного. Траг'Оул поддерживал связь с сыном Диомеда, но не более.

И если эта связь – уже натянутая, как сообщило ему неземное создание, – разорвётся, страхи Мендельна пропасть навеки станут самой настоящей правдой.

Сконцентрируйся!- потребовал Траг'Оул почти гневно.- Не поддавайся страху!

Мендельн изо всех сил попытался сосредоточиться. Траг'Оул был силен. Он не даст человеку пропасть. Дракон внимательно заботился о своих учениках. Разве не делал он так же всё возможное, чтобы выручить Ратму?

-Да будет это исполнено,- сказал человек пустоте. Затем, скорее бормоча.- Если может быть...

Сейчас это зависит от тебя... Ты знаешь Ратму... Ты должен обнаружить его присутствие... Ты должен призвать его к себе. Я не могу сделать больше, чем уже сделал... Столько всего ещё происходит.

Несмотря на своё любопытство, Мендельн не осмелился спросить, о каких других задачах говорил дракон. Вместо этого он направил свой разум исключительно на поиск Древнего, используя связь, которую они с Ратмой провели между собой, будучи наставником и учеником. Он взывал к Ратме и с помощью кинжала искал потерянную душу.

В этом месте было трудно вести счёт времени. Мендельну казалось, будто он всю свою жизнь ищет Ратму, ищет и никого не находит.

А потом...

«Мендельн».

Это было слабо... Очень-очень слабо. Мендельн искал в каждом возможном направлении, но снова ничего не нашёл. Он направлял кинжал во все стороны, беззвучно взывая вновь и вновь.

«Мендельн».

Вон там! Он остановил кинжал на направлении, с которого, ему казалось, доносился зов. Он звучал, как Ратма, но Мендельн всё ещё не был уверен.

Его имя слышалось ещё раз, теперь чуточку отчётливее.

«Мендельн! Где...»

-Нашёл его!- чуть ли не проревел он Траг'Оулу.

Используй свою силу, чтобы подтянуть его поближе. Поспеши! Они подозревают хитрость.

Кем были «они», брат Ульдисиана боялся узнать. Он предпочёл проигнорировать замечание и последовать совету дракона касательно Ратмы.

Сжимая кинжал обеими руками, он направил всё, чему научился, на призыв Ратмы к себе. Кинжал ярко вспыхнул, его свет смягчал пустоту.

«Ратма,- звал он в своей голове.- Ратма...»

Затем Мендельн почувствовал, как что-то приближается. Он ничего не мог разглядеть, но был уверен, что его привлекло творимое им колдовство. Слабое присутствие, которое напоминало о Древнем, становилось всё более заметным.

Что-то сформировалось в пустоте. Сфера. Она была непроницаемой, словно покрытой инеем. Это точно должна была быть магическая тюрьма Ратмы.

Но затем Мендельн ощутил что-то ещё. В приближающейся сфере всё ещё было что-то, что намекало на Ратму... Но также что-то ещё.

Что-то зловещее... И знакомое.

Мендельн направил кинжал прямо на сферу и подкорректировал своё заклинание.

Морозная оболочка сторела, и безумное лицо Лилит уставилось на него.

-Мендельн!- её выражение мгновенно изменилось – из животного стало притягательным. Остальная часть её тела также изменилась, стала более человеческой. Она снова напоминала Лилию, но также Серентию и других женщин, которых Мендельн знал и которыми восхищался на протяжении многих лет.- Дорогой, милый Мендельн... Мой спаситель...

Его сердце затрепыхалось. Мендельн знал, что это во многом из-за её волшебства и неземной красоты, но обнаружил, что ему трудно отвергнуть её присутствие. Сейчас она была беззащитной, всецело зависела от его силы. Для него Лилит сделала бы что угодно, стала бы кем угодно. Кем бы он ни пожелал. Она была готова на это, брат Ульдисиана читал это в её чудесных глазах. Они сияли и обещали. Они звали его.

Лилит протянула свои ладони. Мендельн начал тянуться к ней.

Кинжал вспыхнул словно сам по себе. В его даже ещё более ослепительном свете Мендельн снова увидел её истинную сущность.

Отвращение от собственной слабости обуяло его.

-Нет... Больше ничего от тебя, гарпия!

Он произнёс слова силы, и сфера полетела назад в темноту. Жутко было слышать вопль демонессы, исполненный гнева и отчаяния. Лилит проклинала его имя и тут же звала его.

А потом Мендельн больше не слышал искусительницы.

Шок от встречи с ней – тем более притом, что она должна была быть мертва, – потряс Мендельна так сильно, что он чуть было не потребовал от Траг'Оула немедленно вернуть его в его мир. Однако, как раз когда он уже готов был сделать это, он снова ощутил неясное присутствие Ратмы.

Мендельн колебался, но он не мог оставить эту последнюю надежду. Он повторил свою предыдущую магию, используя кинжал, чтобы притянуть то, что он ощущал.

Вздых спустя другая сфера подлетела ближе. Как и первая, она была покрыта специфическим, похожим на иней налётом. Оставаясь на чеку, Мендельн удалил налёт, как и в прошлый раз.

Перед ним парил изнурённый, но благодарный Ратма.

«Я достал его!» - крикнул он Траг'Оулу.

Да... Я знаю.

И вдруг Мендельн почувствовал, что его толкают сквозь пустоту. Как бы ни был он ошеломлён этим, он не терял головы и продолжал удерживать внимание на Ратме.

У младшего сына Диомеда закружилась голова – и вот он уже приземлился на что-то твёрдое.

Над ним сияли звёзды, которые, на радость, оказались драконом.

А голос, который донёсся справа, был ещё больше в радость. Сам стараясь отдышаться, сын Инария сказал:

-Ты не представляешь, Мендельн... Моя благодарность... За этот риск.

-Это Траг'Оул смог отправить меня туда,- отметил брат Ульдисиана, повернув лицо к Древнему.- Ведь именно он умудрился выяснить, куда ты был изгнан.

Ратма кивнул.

-И ему я тоже благодарен, но не скромничай. Риск, на который ты пошёл, был огромным. Ты легко мог пропасть там...- он затряс головой.- Одному быть в пустоте – навсегда – не могу представить худшей судьбы, это даже хуже смерти.

Пока Ратма говорил, Мендельн внимательно за ним наблюдал, пытаясь определить, знает ли Древний о том, что произошло как раз перед его спасением. Однако по чадю Лилит никак не было видно, будто он заметил близкое присутствие своей кровожадной матери, которая, был вынужден предположить Мендельн, была притянута его заклинанием из-за кровной связи между ней и Ратмой.

Лилит была жива... Но, как заметил Ратма, влачила существование, худшее, чем смерть. И она никак не могла изменить его. Ведь у Ратмы появилась такая возможность только благодаря Мендельну и дракону.

Вдруг он задумался, почему Траг'Оул до сих пор молчит. Их успех явно заслуживал хоть какого-то ликования.

Не успел Мендельн подумать об этом, как Ратма поднялся. Древний взглянул на созвездие, и его выражение отнюдь не было довольным.

-Что такое, Траг?- спросит Ратма.- Что происходит?

Была длинная, напряжённая пауза, прежде чем небесное создание ответило. А когда оно заговорило, оно сделало это таким слабым и обречённым тоном, который потряс Мендельна даже больше, чем тёмная пустота.

Напряжение... Было слишком... Велико... Я не мог поддерживать... Хитрость в то же время... Мы могли спасти тебя... Только лишь обрекая тебя... Вместе со всеми остальными... Ратма...

-О чём это ты?- спросил Ратма, по голосу встревоженный ничуть не меньше Мендельна.- Какая хитрость? Что произошло?

Санктуарий не... Больше не укрыт от их... Взора! Небесное Войско знает, что его сбивали с пути,- была совершенно очевидна скорбь Траг'Оула от этой неудачи.- Крылатые воины приближаются к нашему миру.

Глава семнадцатая

ЭТО ХОРОШО.

Тираэль в последний раз обозрел ситуацию, нависшую над этим никчёмным миром, и пришёл к выводу, что она всецело удовлетворяет его. Все существа были готовы впиться друг другу в глотки, и те, кто мог оказать войску хоть какое-нибудь сопротивление, пребывали в полном беспорядке. Настоящую тревогу вызывало теперь только одно создание, и это был падший, Инарий.

Список преступлений мятежного ангела был длинным, но первым пунктом в нём числилось само сотворение этих людей. Тираэль понимал, откуда они происходят, и от неправильности такого явления его бросало в дрожь. Ангелы и демоны. Он не представлял, почему сам Инарий не понял сразу, что их нужно истребить.

Но это должно было произойти довольно скоро. Тираэль ощущал быстрое приближение других ангелов, и единственным вопросом, который вставал перед ним, был почему они добирались так долго. Это место – этот Санктуарий, как, он узнал, его называли изменники, – таил в себе больше, чем казалось на первый взгляд. Была какая-то сила, какой-то обширный резервуар силы, на который наткнулся Инарий и в котором могло быть дело. Тираэль всё ещё выяснял это. Вряд ли именно это задержало войско. Впрочем, в итоге это окажется неважно.

Он вернулся к вопросу потомства ангелов и демонов. Они непросто были надругательством над естеством, но их пугающий потенциал, – который он распознал так же легко, как, он нутром чуял, и демоны, – в конечном итоге требовал их уничтожения. Предлагался вариант возложения ведения извечной войны на их головы, чего даже он не мог до конца расценить. Действительно, когда он впервые увидел их, Тираэль некоторое время думал предложить использовать их как солдат для Высшего Неба, но вскоре мысль о том, что придётся стоять в битве бок о бок с кем-то, носящим на себе порочное пятно демонов, заставила его совершенно отбросить такую мысль. Нет, люди – и всё остальное здесь – должны были быть вычеркнуты из бытия.

Ангел парил среди облаков, с которых открывался вид одновременно на большой город и убежище Инария. Он много энергии расходовал на то, чтобы защитить себя от глаз и магии мятежника, чтобы можно было без проблем наблюдать, как разворачиваются события. Ангел не видел нужды делать что-либо ещё: сейчас он считал достаточным наблюдать и ждать. Вскоре должны прибыть остальные, и они сразу увидят, что он действовал правильно и создал все условия для очищения.

Скоро кошунственного творения Инария не станет.

Малик поклонился так низко, как позволял мраморный пол. У него не было выбора. Лицо женщины Амолии было покрыто чёрными струпьями. Прежде чем прийти сюда, призрак осмотрел остальные части тела и увидел, что то же коснулось и конечностей, и туловища... Вообще всего. Тело было почти израсходовано. У него оставалось мало времени.

Нахождение нового тела оказалось более трудной задачей, чем он представлял. Малику нужно было такое, чтобы не только смогло продержаться его внутри до того, как он схватит Ульдиссиана, но и обладало своими собственными магическими силами.

Проблема состояла в том, что магические кланы после избиения их совета постарались предупредить всех о том, кто был подосланным убийцей. Малик-то рассчитывал, что к этому времени у него уже будет тело Ульдиссиана, и потому упустил много удачных возможностей. А потом члены правоприменительной службы магических кланов стали охотиться на него группами, что лишило его возможности завладеть одним из них.

Потому Малик был очень благодарен, когда Инарий как будто бы даровал ему треклятого брата Ульдиссиана, Мендельна. Поскольку именно Мендельн при помощи каких-то тайных сил вернул его к существованию, Малик посчитал, что использование его тела будет бесценной выходкой.

Но этот случай вылился в последнюю неудачу и привёл его к этому печальному состоянию. Он был вынужден пойти на новую сделку... И теперь пресмыкаться перед тем, кого он ненавидел так же сильно, как Ульдиссиана.

Инарий стоял перед ним не в образе ангела, но как молодой Пророк. Малик больше не высмеивал видимость; он испытывал отчаяние впервые за свою жизнь... И смерть. Всё должно было пройти, как спланировано.

Ангел был облачён в сверкающую серебряную броню, которая намекала на его истинный статус. Да что там, подогнанное изображение крылатого воина занимало центр его нагрудника. Поверх золотистых волос был надет обранный шлем с изогнутым металлическим гребнем, который проходил до самого низа шлема. На поясе у Пророка висели ножны с мечом, рукоять которого была украшена драгоценными камнями.

При других обстоятельствах Малик, может быть, и посмеялся бы над таким показным убранством. В конце концов, фигура перед ним была настолько могущественнее, чем его видела смертная паства. Эти побрякушки были всего лишь нарядом, чтобы Инарий мог выглядеть более впечатляюще, когда будет уничтожать фанатичного эдирема.

-Я предоставил тебе более одной возможности, Малик,- сказал Инарий.- И ты эти возможности упустил!

-Обстоятельства были против меня,- посмел ответить высший жрец.- А один раз меня предали! Водяной демон должен был оставить Ульдисиана мне, но вздумал подкрепиться.

-Этот вопрос тебе лучше решить с лордом Диабло... Если сможешь найти его,- Инарий позволил своему человеческому облику презрительно усмехнуться при упоминании отсутствующего демона.- Он положил конец этой видимости договора ещё быстрее, чем я ожидал,- что, пожалуй, говорит о некоторой его мудрости, ведь я сам собирался повернуть всё против него.

-Он попытался забрать ассенианца для своих собственных целей,- предположил Малик.- Попытался и потерпел неудачу.

-Недалеко ушёл от тебя,- ангел направил взгляд вниз на скрюченную фигуру.- Впрочем, от тебя, возможно, ещё будет какой-то толк...

Малик взглянул вверх:

-Сделаю всё, что скажешь!

-Сделаешь – и, если удастся, я дарю тебе тело еретика.

Громкий кашель захватил высшего жреца. Малик ничего не мог поделать, его вырвало на чистый пол.

Инарий нахмурился. Под его недобрым взглядом отвратительная лужица исчезла.

-П-прости меня,- сумел выговорить призрак.

-Если сделаешь, что скажу, прощу,- Пророк сделал взмах рукой, и Малик поднялся на ноги, как марионетка.- Но эта оболочка больше не пригодна. Тебе нужна лучшая.

Вход в покои Инария открылся. Уголок глаза Малик заметил, что немолодая, но пребывающая в довольно хорошей форме женщина в мантии старшего жреца стоит в некотором ошеломлении в дверях. Её ладонь всё ещё была сжата в кулак, которым она собиралась вежливо постучать в дверь.

Женщина немедленно склонила голову:

-Великий, ты призвал меня.

-Да, Орис. Подойди к нам.

Только тогда женщина увидела Малика. Она нахмурилась, подходя к ним двоим. Позади Орис двери плотно закрылись.

С отеческой улыбкой на устах Пророк сказал:

-Моя верная Орис, ты знаешь, что никого ближе тебя у меня нет.

Щёки жрицы покраснели. Малик сообразил, что она любит своего хозяина не только как верующая, но и любовью женщины к мужчине.

-Я живу, чтобы служить тебе...

-Именно так,- Инарий вытянул к ней руки. Орис подошла к нему. Ангел легко взял её за плечи и наклонился вперёд.

Попцелуй был коротким и ненамного большим, чем касание губ. Малику было очевидно, что для Инария поцелуй ничего не значил. Женщина, однако, стояла ошеломлённая и красная, как никогда.

-Моя дорогая, любимая Орис,- снова начал Пророк.- Твоя преданность мне достойна похвалы.

-Прор...Пророк! Я...- похоже, она была совершенно смущена его действием.

-Пожалуйста, Орис. Ты нужна мне. Я хочу, чтобы ты помогла этому несчастному.

Она впервые внимательно оглядела Малика.

-Что за страшная болезнь поразила её?

-Сейчас тебя не должно это тревожить. Что ей нужно прямо сейчас, так это твоя рука помощи.

-Ну конечно!- жрица повернулась к Малику.- Пойдём, молодушка, позволь мне помочь тебе.

Спасибо!- улыбнулся призрак.

У Орис не было возможности закричать. Может, тела сгорали и быстрее, чем хотелось Малику, но и времени на вселение требовалось так же всё меньше и меньше.

Он наблюдал, как безвольное тело женщины-мага падает у его ног. Малик должен был признать, что Орис была здоровым и сильным экземпляром. Она обещала протянуть дольше, чем предыдущее тело.

-Это больше не понадобится,- прошептал Пророк, махая в сторону трупа Амолии.

Малик наблюдал, как тело заклинательницы обращается в пепел и совершенно рассеивается. Он порадовался тому, что больше не пребывал внутри. У него оставалось не больше одного дня.

Ангел удовлетворённо кивнул:

-Этого хватит на необходимое время. Осталось тебе только одеться подобающим образом,- как бы невзначай он указал на Малика и прибавил.- Вот так!

Тело жрицы теперь так же было облачено в нагрудник и шлем. Палица с четырьмя шипами свисала с левого бока.

Малик осмотрел изменения, очевидно, сбитый с толку.

-А это для чего?

Инарий посмотрел на него, как на дурака. Малик поспешил принять смиренное выражение.

Похоже, ангел удовольствовался этим.

-Мог бы и сам сообразить, высший жрец,- ответил Пророк.- Зачем ещё всё это может быть?- он улыбнулся точно так же, как перед тем, как предать свою верную жрицу.- Мы отправляемся на войну.

-В Кеджан мы не пойдём,- уведомил Ульдиссиан остальных. Он продолжал искать Мендельна глазами и силой, но без толку.- Мы оставим город в покое.

-После всего?- выпалила Серентия. Она указала в направлении дремлющего войска.- Мы можем войти и взять столицу, и никто нас не остановит!

-У нас никогда не было такой цели. Целью всегда был Инарий. Что ж, он бросил перчатку. Он приглашает нас прийти к нему, разве вы не чувствуете этого?

Они не чувствовали. Даже теперь, когда эдиремы в целом стали такими сильными, они не могли почувствовать ангела. Ульдиссиану это не нравилось.

-Что нам делать, мастер Ульдиссиан?- спросил Йонас – сухопарый партавец всегда был готов выполнить приказ.

-Мы недалеко от лугов между большим городом и Собором Света. Мы поворачиваем в этом направлении.

-И что потом?- нахмурилась Серентия.

-Потом мы сражаемся за наши жизни... Опять.

Несмотря на резкую перемену предполагаемого курса, приверженцы Ульдиссиана мало спорили, когда им было приказано. Ведь, опять же, они верили в своего лидера и во всё, что он планировал. Ульдиссиан постарался скрыть от всех, что сам понятия не имеет, что делать, кроме того, что нужно сойтись с самим ангелом лицом к лицу. По его мнению, остальные последователи Инария были ничтожными. Инарий был тем, кого следовало одолеть.

И даже этого могло оказаться недостаточно для спасения Санктуария.

Эдиремы не стали трагить время и сразу двинулись вперёд – их лёгкая победа над войском кеджани подняла их дух. Луга, открытая область посреди всепоглощающих джунглей, считалась причиной, по которой Собор изначально выбрал северное направление как базу для развёртывания своей деятельности. Они обеспечивали лёгкий путь между столицей и сверкающим храмом.

Теперь они оказывались отличным местом для ведения боевых действий.

Пока эдиремы маршировали, Ульдиссиан внимательно следил за округой, предполагая, что Инарий или один из его приспешников может нанести удар исподтишка. Однако ничего не происходило. Поначалу он не понимал, почему ангел позволяет им всем путешествовать в безопасности, но по мере того, как переход продолжался и ничего не происходило, до него стало доходить, почему это может быть.

Но только после того, как вернулся Мендельн – и вместе с ним Ратма, – Ульдиссиан смог подтвердить свои опасения, поговорив с отпрыском Инария. Отведя их и Серентию чуть в сторону, он спросил мнение у Ратмы.

-Да, именно так всё и обстоит,- подтвердил облачённый в капюшон Древний.- Ты хорошо узнал моего отца. Он действительно готовит зрелище, которое покажет всем жителям Санктуария, что он – конечная сила. Он хочет, чтобы твоё поражение было громким!- Ратма покачал головой, грустная улыбка коснулась его губ.- И это даже притом, что мир может просуществовать каких-нибудь несколько минут после его победы. Какое безумие!

-Может, у него не будет даже нескольких минут,- отметил Ульдиссиан.- Ангелы могут прибыть до этого.

Ратма ещё больше помрачнел:

-Ты не представляешь, насколько ты прав. Они были отвлечены уловкой Трага, но она больше не действует. Теперь они знают точно, где находится Санктуарий. Для них время течёт иначе, но я бы сказал, что у нас от силы день-два до того, как они спустятся на нас.

Другие – похоже, даже Мендельн – были в ужасе. Ульдиссиан уставился на Ратму:

-Так мало? Я думал, хотя бы неделя...

-Неделя была бы счастьем.

-Да будет проклят Инарий за то, что не слушает! Если бы послушал, быть может, была бы какая-нибудь надежда унять ангелов.

Ратма ничего не сказал на это. Ульдиссиан оглядел остальных. На его лице читалось упрямство:

-Больше никому не говорим! Если нам суждено умереть, то мы умрём, сражаясь! Если как-то мы победим Инария, то только тогда можно будет думать о чём-либо ещё. Никто другой не должен знать. Согласны?

Возражений не последовало. Они вновь присоединились к эдиремам и продолжили движение.

Ульдиссиан надеялся за этот день добраться до Собора, но его оценка их темпа оказалась завышенной. К наступлению темноты они только успели добраться до края лугов. Он знал, что продолжить идти означало бы способствовать намерениям Инария, но он не мог отделаться от мысли, что остановка сулила то же самое.

-Он не нападёт этой ночью,- в конце концов сообщил ему Ратма.- Мой отец хочет, чтобы уничтожение эдиремов – и, прежде всего, твоё падение – были хорошо видны его последователям. Нет, он подождёт света дня, как бы глупо это ни выглядело для нас.

-Если бы только у нас хватало сил, чтобы добраться ночью до собора и сразу затем вступить в битву...

Древний обвёл взором окутанные ночью луга:

-Я не могу сказать точно, почему, но я чувствую, что если ты попытаешься сделать это, то будешь сожалеть. Там

что-то есть – нечто, что лучше оставить для света солнца.

Хмурясь, Ульдиссиан оглядел пейзаж, распростёршийся перед ним. Теперь, когда Ратма сказал об этом, он тоже ощутил что-то тревожащее в этих на вид безмятежных травах. Всё выглядело весьма невинно: высокие коричневые и зелёные травы легко колыхались под дуновением ветерка. Подавали голос некоторые животные, в первую очередь насекомые и ночные птички. Не было ничего такого, что намекало бы на угрозу.

И всё же он чувствовал, что Ратма прав.

Эдиремы разбили лагерь на самом краю джунглей. Зная о том, как привлекателен вид лугов, Ульдиссиан настоял на том, чтобы ничья нога, даже ни одного из часовых, не ступала за пределы зоны, где стояли последние деревья.

Но вышло так, что один из них ослушался. Когда большинство эдиремов уснули, Ульдиссиан дожидаясь Ахилия, но минуты шли, а охотник не появлялся, и сын Диомеда подумал, что знает, что именно произошло.

-Он ведь там, не так ли? - спросил Ульдиссиан у Ратмы.

-Ты знаешь его лучше, чем я.

-Ты не чувствуешь его?

-Нет, - Древний посмотрел на Мендельна. - А ты?

Брат Ульдиссиана взял кинжал и направил наконечник в сторону лугов. Слабое свечение не изменилось.

-Я думаю... Есть едва уловимый след... Но точно сказать не могу, - опустив кинжал, он прибавил. - Но это похоже на него, не так ли, Ульдиссиан?

Серентия расстроилась:

-Мы должны пойти за ним! Если там и правда что-то есть, оно может...

Она воздержалась от слова «убить», поскольку Ахилий уже был мёртв, но они разделяли её озабоченность. Ульдиссиан поставил ногу на то, что полагал границей между джунглями и лугами, и сконцентрировался изо всех сил.

-Он там. Не могу определить, где именно, но определённо он там, - какая-то часть Ульдиссиана хотела броситься на поиски своего друга. - Он занимается разведкой для нас.

Даже Ратма, услышав это, выказал удивление:

-Разве это мудро с его стороны?

-Это Ахилий, - ответил Ульдиссиан. - Он всегда решает сам... И он очень способный.

Сын Инария кивнул и благоразумно удалился вместе с Мендельном, пока Ульдиссиан разбирался с Серентией.

-Но это смешно! - выпалила она. - Ульдиссиан, нельзя позволять ему вот так рисковать собой! Я знаю, почему он это делает. Потому что думает, что раз он мёртвый, а я нет, то между нами ничего не может продолжаться.

-Серри, очень даже вероятно, что мы все скоро умрём. Думаю, Ахилий сейчас просто прикладывает все усилия, чтобы спасти женщину, которую любит. Ты не можешь винить его за это.

Вдруг она стала колотить руками по его груди.

-Я виню его за то, что он снова и снова оставляет меня! Я виню его за то, что он думает, будто я недостаточно люблю его...

Её кулаки наполнились необузданной энергией. Ульдиссиан знал, что если бы не его неотъемлемая защита, он бы сильно пострадал. А так их обоих вдруг окружил зелёный огонь, который исходил от него.

-Серри! Прекрати немедленно!

Дочь торговца невольно затряслась, затем начала всхлипывать. Огонь исчез с её ладоней. Тогда и Ульдиссиан остановил своё заклинание.

Или, во всяком случае, попытался. Зелёное пламя сопротивлялось. Жар вокруг их обоих продолжал усиливаться. По лицу Ульдиссиана стал стекать пот, и он услышал, что Серентия хватает ртом воздух.

Стиснув зубы, сын Диомеда сосредоточился сильнее. Он приказал своей силе подчиниться.

И она подчинилась. Пламя взяло и стихло. Однако Ульдиссиану пришлось приложить для этого больше усилий, чем он ожидал.

Серентия зашевелилась в его руках, снова привлекая к себе его внимание. Она посмотрела вверх на него, её лицо было заплаканным из-за её срыва.

-Я... Я прошу прощения, Ульдиссиан... Я не хотела терять контроль над собой... Но...

-Всё в порядке. Я понимаю.

Она вытерла глаза.

-Просто... Я вдруг испугалась, что могу больше не увидеть его...

Её страх был оправданным, но Ульдиссиан не мог ей этого сказать.

-Ты увидишься с ним снова. Я знаю Ахилия. Ничто не может удержать его от тебя. Ты и сама уже должна это знать.

-Я надеюсь... Я надеюсь, с ним всё будет в порядке,- прошептала черноволосая дева, отходя от него.- Я надеюсь на это.

Глядя на луга, Серентия тихой поступью ушла прочь. Ульдиссиан продолжал следить за ней до тех пор, пока не убедился, что она просто отправилась спать, после чего возвратил своё внимание к лугам. Как он ни пытался, он не мог определить точное местоположение Ахилия.

-Лучше бы тебе вернуться к ней,- прошептал Ульдиссиан.- Лучше бы вернуться...

Пусть даже лишь для того, чтобы на этот раз они смогли умереть вместе...

Серентия казалась спящей, но не спала. Что бы там ни говорил Ульдиссиан, она не могла просто оставить всё, как есть. Ахилий был безрассуден, это правда, но Серентия не могла оставить его из-за этой черты. В конце концов, он всегда был безрассуден, но в то же время бесконечно предан.

И вот, пока её тело лежало неподвижно, её разум устремился на поиски мужчины, которого она любила.

Серентия парила над лугами, ища какие-нибудь признаки присутствия Ахилия. Ей было известно, что, будучи мёртвым, он не оставлял следа, как она или Ульдиссиан, но дочь торговца была уверена, что её связь с лучником более чем сгодится на это. Она должна была найти его.

Луга обладали невиданным спокойствием, которое должно было умиротворить её мысли, но у Серентии, напротив, сложилось чувство, будто что-то наблюдает за ней сзади. Но когда она оборачивала взгляд, то ничего не находила.

В конце концов списав это на нервы, Серентия заставляла себя двигаться всё быстрее и быстрее. Ахилий не мог уйти далеко.

Что-то к востоку привлекло её внимание. Она с лёгкостью повернула в этом направлении. Ничего не виднелось, но ведь и охотник вряд ли бы стал стоять на открытом месте.

Когда Серентия приблизилась к этому участку, она наконец смогла убедиться, что то, что она приняла за Ахилия, было чем-то другим. Чувствуя безопасность от мысли, что никто не может увидеть или услышать её, Серентия парила над точкой в поисках источника странных ощущений.

Когда это не принесло плодов, она стала снижаться. Всё ниже и ниже спускался её взгляд, пока наконец Серентия не стала смотреть на землю в упор.

И тогда она увидела отверстие.

Оно не было чисто физическим, но скорее границей между её миром и каким-то другим планом бытия. Отверстие было достаточно широким, чтобы пропустить человека или что-нибудь чуть более крупное, но края продолжали идти волнами, словно готовые сжаться... Или разверзнуться шире.

Испытывая любопытство, Серентия опустилась ещё ниже и угодила прямо на центр отверстия.

В миг, когда она прошла сквозь него, всё её видение мира совершенно изменилось. Серентия знала, что она больше не в Санктуарии, но где именно она была, было невозможно сказать.

Что-то чёрное и, по-видимому, целиком состоящее из огромных, острых зубов, бросилось на неё.

Серентия попыталась отступить в отверстие, но обнаружила, что оно расположено гораздо, гораздо выше её ментальной формы. Как она опустилась так глубоко, она не знала, но теперь важно было только то, как сбежать.

Существо приблизилось к ней, его многочисленные зубы скрежетали. Вблизи она разглядела, что у него были круглый рот и два крошечных, почти слепых глаза. Однако каким-то образом отвратительное чудовище могло ясно определить, где находится Серентия, несмотря на то, что физически она здесь не присутствовала.

Извиваясь, как змея, существо преследовало её в гораздо более высоком темпе, чем могла поддерживать она. Серентия боялась, что оно настигнет её, прежде чем она доберётся до отверстия, и тогда непременно уничтожит её, пусть у неё и не было тела. Было возможно, что её силы могли оказать сопротивление, но что-то подсказало Серентии, что лучше бежать, нежели сражаться.

Но она не успевала. Отверстие всё ещё было слишком далеко. Снизу жуткий рот широко раскрылся, закрывая ей обзор. Серентия ощутила запах падали, и тот факт, что она могла ощущать запахи, усилил её страх, что она не в безопасности.

Хотела бы она, чтобы с ней было копьё. С оружием у неё была бы хотя бы тень возможности. Желание Серентии было так велико, что она почти могла почувствовать копьё в своей руке...

И вдруг она осознала, что держит его.

Серентия увидела, что оно не было настоящим копьём, но магическим воплощением, которое создал её разум. Тем не менее, оно дало ей надежду. Взяв его наизготовку, она прицелилась в центр впалой пасти твари, что было нетрудно сделать, учитывая, каким широким был теперь рот.

Он почти схватил её. Зубы жадно заскрежетали. Серентия метнула, зная, что вкладывает всю свою волю в это последнее отчаянное усилие.

Сверкающее копьё погрузилось глубоко в чудовище. Тогда Серентия представила, как оружие горит огнём, который может плавить камень, не говоря уже о внутренностях кошмарной твари.

Червякоподобное чудовище поперхнулось. Его тело засветилась, словно раскалённый уголь.

Оно взорвалось.

Куски монстра полетели в Серентию, которая инстинктивно заслонила. Сукровица полилась дождём, после чего рассеялась.

Хотя она уничтожила нападавшего, первой мыслью Серентии было бежать. Однако едва она начала отступать, как ей пришло в голову, что это место должно было быть чем-то большим, чем просто логово страшного чудища. Лучше осмотрев обстановку, черноволосая дева утвердилась во мнении, что она больше не в Санктуарии. Как бы это ни тревожило её, ей также пришло на ум, что Ахилий тоже мог обнаружить этот «проход» и исследовать его. И это могло быть причиной, по которой Серентия не смогла до сих пор напасть на его след. Если она уйдёт, не убедившись, что его здесь нет...

Приняв решение, она полетела вперёд по проходу. Она не могла не поглядывать на то, что сходило за его стены. Рассмотрев их ближе, Серентия выяснила, что они даже не полностью твёрдые, но на самом деле напоминают чёрную смолу, которая непрерывно стекает.

Затем впереди показался раздражающий свет, алый, как кровь. Серентия замедлилась, не зная, стоит ли продолжать путь.

Глубокие чувства к Ахилию снова стали тем, что заставило Серентию двигаться дальше, к пугающему свету. Если бы она на самом деле была во плоти, по ней бы бегали мурашки от страха и отвращения. Что бы ни лежало впереди, оно излучало зло настолько сильное, что даже Лилит бледнела рядом с ним.

Так Серентия заставила себя добраться до края прохода. Оказавшись там, она воззрилась на свет, пытаясь сосредоточиться на том, что внутри.

И по сравнению с тем, что она увидела, избиение торговцев и магов кеджани становилось незначительным. Её храбрость наконец дала брешь. Серентия больше ничего не желала, кроме как вернуться в относительную безопасность своего тела. Взяв в кулак всю волю, которая у неё имелась, она направила её на то, чтобы покинуть магический проход и то, что лежало по другую его сторону.

Возникло ощущение покалывания, когда Серентия наконец прошла сквозь отверстие. Но даже когда луга предстали перед её глазами, она не замедлилась. Серентия ни разу не оглянулась, страшась, что найдёт за спиной существ более жутких, чем преследовавший её червь.

Наконец она вернулась в своё тело.

Серентия вскочила с широко распахнутыми глазами. Она быстро повернулась, уверенная, что твари окружили её. Когда она ничего не увидела, взбужденная женщина немедленно ринулась туда, где оставила Ульдисиана.

Он всё ещё был там, стоял и осматривал луга. При любых других обстоятельствах Серентия была бы тронута его преданностью, ведь было очевидно, что он продолжал надеяться отыскать там какой-нибудь след Ахилия. Однако то, что она увидела, перевешивало даже её заботу о человеке, которого она любила.

Серентия изо всех сил старалась не закричать, когда приблизилась к Ульдисиану. Он повернулся к ней, и по его выражению она поняла, что он ощутил её несметную тревогу.

-Серри!- сын Диомеда схватил её за руку.- Что такое? Плохой сон об Ахилии?

Разумеется, это было первым, что пришло ему на ум, когда она так к нему прибежала. Серентия затрясла головой.

-Нет!- выдохнула она. Затем благоразумно Серентия понизила голос до шёпота.- Нет. Ульдисиан... Не сон. Я... Я отправилась туда искать... Искать Ахилия...

-Что?- ей было ясно, что он сам изо всех сил старается не повысить голос. Ульдисиан сразу понял, что именно делала Серентия, чтобы отправиться на поиски лучника, и его гнев можно было понять.- Тебе следовало предупредить меня! Нет! Тебе не следовало вообще ничего предпринимать! Что бы произошло, если...

-Ульдисиан, тс! Послушай! Ты должен услышать, что я нашла.

-Почему? Был ли Ахилий... Был ли он...

-Нет... Хотя я молюсь, чтобы он не наткнулся на это и не стал жертвой стражника!- Серентия опустила взгляд, объятая ужасом от этой мысли. Что, если Ахилий нашёл магический проход и вошёл в него? Что, если она не заметила его следов, но он был там, был узником всё это время?

-Серри! Серри!- Ульдисиан заставил её вновь перевести внимание на него.- Очнись! А теперь скажи мне. Скажи мне, что потрясло тебя.

-Это...- сделав глубокий вдох, она попыталась снова.- Это... Ужасно!

И тут рассказ вырвался из неё. Ощущение, что что-то не так, обнаружение магического отверстия, её решение исследовать его и что за этим последовало.

Ульдисиан был ошеломлён... И разгневан пуще прежнего.

-Ты должна была сразу вернуться!

-Послушай! Это ещё не всё. Далеко не всё. Слушай!- Серентия описала чудовище, охранявшее путь, и как она умудрилась уничтожить его. Брови Ульдисиана поползли вверх на этом, но он воздержался от прерываний.- А потом... А потом я дошла до конца прохода и увидела их... Всех их! Бескрайнее море их. Такое страшное. Такое ужасное!

Она снова окунулась в кошмарное видение. Безобразные, омерзительные лица. Страшные, леденящие формы. Ничем не передаваемая аура зла...

-Серри!- Ульдисиан тряс её за плечи.- Что ты увидела?

Дочь торговца взяла себя в руки. Ровным, низким голосом она сумела произнести:

-Я увидела... Я увидела то, что может быть только Пылающим Адом, как зовёт его Ратма! Проход в лугах ведёт из нашего мира прямо туда, где они существуют!

Он раскрыл было рот, чтобы возразить, но тут же закрыл его. Ульдиссиан мрачно кивнул. Они достаточно уже имели дел с демонами. Магический переход в inferнальные миры больше не сходил за плод воображения.

Видя, что Ульдиссиан не собирается спорить, Серентия заставила себя рассказать ему худшее:

-Они были там. Они были там. Многие тысячи их! Может, больше. Я не знаю... Казалось, им нет числа.

-Кому, Серри? Кому?

Её глаза стали широкие, как блюдца, пока она продолжала представлять их ряды перед собой.

-Армия... Армия демонов. И они явно готовятся выступить на Санктуарий!

Глава восемнадцатая

Ахилий ни секунды не колебался, прежде чем отправиться на разведку ради своих друзей. Его существование – если таковым можно было назвать мучительное страдание, которое он претерпевал, – не могло продлиться долго. Было важно, чтобы выжили другие... Чтобы выжила Серентия.

Ульдисиан был так отвлечён другими делами, что охотнику было нетрудно улизнуть из места, где он скрывался. Высокая трава укрывала его хорошо, а мягкая почва исключала возможность и без того маловероятных звуков, которые могли производить его ботинки.

Как всегда, он был со стрелой наготове. Колчан был полон. Это было единственным полезным подарком, который ангел даровал ему: нескончаемый запас острых и, некоторым образом, магических стрел. Хотел бы Ахилий, чтобы у него была возможность возблагодарить вероломного ангела – обоих ангелов, которые использовали его, – сумев пустить несколько стрел в то, что служило им сердцами.

Но сейчас его заботило только, чтобы стрелы оказались полезными против того, что таилось здесь.

А луга определённо что-то скрывали. Инарий непременно приготовил какую-нибудь уловку, которая должна была измотать Ульдисиана перед настоящей конфронтацией. По крайней мере, такое впечатление сложилось у Ахилия о Пророке.

К этому времени он уже далеко ушёл от лагеря, но до сих пор он обратил внимание лишь на одно необычное явление – тревожное отсутствие какой-либо дикой жизни. Ахилий не только не наткнулся на кроликов, кошачьих или других крупных зверей, но также не было ни одной птицы и, судя по полнейшей тишине, даже ни одного насекомого. Жители лугов предпочли убежать, и это не сулило ничего хорошего.

Не осталось и ничего, что можно было бы назвать ветерком. Он дул, когда Ахилий только выступил, но со временем дуновение становилось всё тише и тише, и дошло до того, что натренированный глаз с трудом различал колыхание травы.

Ахилий замер. Он вдруг заметил, что один участок травы впереди колеблется в противоположную сторону по сравнению с остальной травой. Никакой ветер не мог вызвать такое.

Он поднял лук, подозревая, что странное движение означало, что что-то пробиралось через траву. Это могло быть животное такое же сильное, как одна из лесных кошек, но Ахилий сомневался в этом. Большинство животных убегало, почуяв его, остро воспринимая присущую ему противоестественность.

Но если это было не животное, то ему на ум приходило только одно – какой-то демон.

Стоя неподвижно, как скала, Ахилий ждал. Трава продолжала странно колыхаться, но ничто не показывалось.

Наконец начиная выходить из терпения, охотник сделал шаг вперёд. Он мгновенно заметил какое-то оживлённое движение у ближайших растений. Ахилий снова остановился и поднял лук.

И снова его ждало разочарование. В детстве Ахилий слышал выражение «терпение мертвеца», но теперь ему довелось узнать, что для него оно было несправедливо. Даже воля охотника имела свои пределы, и он достиг этих пределов уже очень давно. В самом деле, мёртвое состояние сделало его ещё более нетерпеливым, чем он был при жизни.

Всё ещё держа лук наготове, Ахилий в конце концов направился вперёд. К его удивлению, в точке, в которой он ждал, что кто-то прячется, не нашлось ничего. Ни зверя. Ни демона. Почти как если бы трава двигалась по своей воле.

Хмурясь, светлокудрый лучник потёр покрытую грязью щёку. Его инстинкты – и, возможно, то, что сходило ему за способности эдирема, – были такими же сильными, как если бы он всё ещё дышал, и они уверяли его в том, что что-то не так. Но что именно было не так, определить было невозможно.

Ночная пора беспокоила его меньше, чем Мендельна или Ульдисиана. У молодого Ахилия всегда было исключительное ночное зрение. После смерти оно только обострилось. Он педантично осматривал область в поисках намёка на угрозу, которая, как он чувствовал, без сомнения окружала его.

Его внимание привлёк маленький тёмный объект, торчащий из травы слева от него. Положив лук рядом с собой, –

но держа пальцы возле него, – Ахилий свободной рукой потянул за объект. Трава густо оплела его, оплела так сильно, на самом деле, что он чуть не разорвал то, что пытался вытащить.

Рассердившись, Ахилий отнял ладонь от лука и выхватил нож. Трава плохо резалась, но в конце концов ему удалось справиться с ней.

Это было искалеченное тельце чёрной птицы. Тельце было едва не раздавлено, и трава так сильно оплела тело, что голова и крылья были чуть ли не отделены.

Ахилий рассудил, что смерть настигла птицу не далее как день назад. Если бы по обыкновению поблизости были мухи, тело оказалось бы в худшей форме. Ахилию стало не по себе оттого, что до сих пор ничто не пришло покормиться падалью. Он ворочал птицу, пытаясь определить, что убило её. Кроме густо оплетённой травы, не было никаких признаков чего-либо, что могло бы нанести раны.

Он напрягся. Удерживая взгляд на мёртвой птице, он медленно опустил труп на землю. В то же время Ахилий поднёс руку с ножом к раскрытой ладони. Он перекинул клинок в другую руку и начал тянуться за луком.

Его пальцы так и не достали до него. Его запястье было схвачено, и то, что оплело его, затянулось так сильно, что остановило бы кровоток у живого человека.

Ахилий развернулся и опустил нож. Острое лезвие вонзилось глубоко в траву.

Его вторая ладонь освободилась, трава, оплетшая запястье, отпала и стала извиваться на земле. Охотник потянулся за луком...

Трава кинулась на него со всех сторон. Она оплела его руки, словно сотня змеиных колец. Ахилий умудрился перерезать ещё несколько стеблей, но его связанная ладонь уже не могла дотянуться до остальных.

Вдруг трава под ним пришла в движение. Земля стала мягкой, и, к своему ужасу, Ахилий начал погружаться.

«Только не снова! Только не снова!» Он с содроганием вспомнил щупальца демона в лесу и как он в один момент был уверен, что существо затаит его под землю. Вместо этого оно пожелало разорвать его на части, но эта судьба – понятное дело, более предпочтительная для него – не могла ждать его здесь.

И пока пытался удержаться на поверхности, охотник понял, что это был не единичный случай. Он обнаружил часть стратегии Пророка. Ангел намеревался украсть всю надежду у Ульдиссиана к моменту, когда они сойдутся друг с другом в поединке. Вероятно, по всем лугам были скрыты ещё такие страшные точки – возможно даже, с разными ловушками.

Нога Ахилия погрузилась в мягкую вывороченную почву. Он попытался высвободиться не только ради себя самого, но и ради друзей.

Ради Серентии...

Но хотя лучник сражался за пределами возможностей смертных, он ничего не мог поделать: вторая нога последовала за первой, и вот он уже был по пояс в земле. Тогда ему ничего не оставалось, кроме как дожидаться своей участи.

Пустая рука следующей ушла под землю. Ахилий ворочал ножом, пытаясь освободить оставшееся запястье. Острое лезвие перерезало несколько стеблей, и наконец Ахилий смог лучше управлять рукой. Он быстро разрезал оставшуюся траву вокруг запястья.

Ладонь освободилась. Приложив нечеловеческие усилия, охотнику удалось ослабить захват предплечья. К несчастью, вторая рука была полностью под землёй и крупные длинные листья уже тянулись к его горлу. Земля – голодная земля – была в каких-нибудь дюймах от его лица.

Ахилий исторг отчаянный рёв. Он развернул нож и стал яростно копать у основания траву возле своей головы. Ахилий неистово рубил землю, перерезая все растения, до которых мог дотянуться. Он почувствовал, что давление на его руку ослабло. Словно мокрый пёс, он стряхнул землю с другого плеча.

С ухмылкой, которую могла даровать только смерть, Ахилий слегка приподнялся. Это дало ему ещё немного места, чтобы развернуться. Он тут же приступил к работе ножом. Всё большая часть его закопанной руки высвобождалась.

Но затем из-под земли, из тех нескольких корней, которые он оставил после того, как перерезал стебли травы, выскочили новые ростки. Они выросли в полную мощь ещё до того, как он успел осознать ненормальность этих всходов.

И с жаждущей силой новые лезвия обвили его в таком количестве, что стало казаться, будто Ахилий носит рубашку из травы. Они усилили захват его руки, и хотя он отказывался выпускать нож, они поработали над тем, чтобы он стал для него так же бесполезен, как и всё остальное.

Обе руки были затянuty под землю. Туловище охотника оказалось зарыто по грудь. Ахилий отчаянно вертел головой, пытаясь не дать ей приблизиться к земле.

Затем из-под его лица показались на свет новые ростки зловещих стеблей. Ахилий знал, что ничего не может сделать, чтобы остановить их, и заорал, давая волю своей ярости.

Трава метнулась ему в рот и ноздри. Другие стебли оплели его голову, обнимая его, как любовница, заставляя его раскрытый рот поцеловать землю. Земля смыкалась над лицом Ахилия, когда его затягивало вниз...

Несколько секунд спустя о том, что он здесь был, говорил только оставленный лук. Трава, которая теперь покрыла всю область, покачивалась взад-вперёд.

Поджидая...

Ахилий не вернулся, и готовились напасть демоны. Инарий уже точно подготовил своих последователей к наступлению, а даже если и нет, ещё приближалось войско ангелов, которое намеревалось всё уничтожить.

Несмотря на эти ужасные реалии, Ульдиссиану ничего не оставалось, кроме как вести эдиремов в луга. Теперь он играл в игру, правила которой задавались кем-то за пределами его понимания. Его единственной надеждой были неожиданные действия... Но что это могли быть за действия, сказать он не мог.

Солнце встало, но то, что могло поднять его дух, быстро оказалось большой проблемой. Пылающий диск не только, казалось, поднимался раньше и скорее, чем обычно, но также не с той стороны. Сейчас он висел на севере – в том направлении, куда должны были идти эдиремы, чтобы встретить своего врага.

Инарий как-то сдвинул солнце.

Хотя никто не озвучил этого, поразительное достижение заставило эдиремов идти медленнее и повесив нос. Вопрос, который вставал в голове каждого, был ясен Ульдиссиану: как можно одолеть того, что может сдвинуть солнце?

Ратма стал тем, кто дал ему некий проблеск надежды, пусть и небольшой. Он был единственным среди них, кого зрелище не впечатлило.

-Это не солнце,- сообщил он Ульдиссиану.- Ты наблюдаешь иллюзию. Солнце по-прежнему на своём месте, но наше восприятие сдвигает его к северу.

-И что с того?

Ратма чуть не фыркнул на солнце.

-То, что сделал мой отец, потребовало немалых сил, но в конечном итоге именно твоё воображение делает это реальным. Его истинная сила ничуть не стала больше, чем раньше.

Во многом это был неудовлетворительный ответ, поскольку Ульдиссиан по-прежнему не знал пределов возможностей ангела. Насколько он мог видеть, даже если это была какая-то иллюзия, она была дьявольски впечатляющей.

И что было ещё хуже, она беспрерывно слепила глаза.

И всё-таки ему пришло на ум, что, раз это иллюзия, то он может как-то свести на нет уловку Инария – в прошлом Ульдиссиану удавалось такое не раз. Да, в самый первый раз этого удалось достичь благодаря манипуляциям Лилит, но давно уже прошло время, когда он нуждался в её грязной поддержке своих сил. Во всяком случае, попробовать стоило.

Ульдиссиан сконцентрировался на небе, остановив внимание на крошечных облачках, разбросанных здесь и там. Ему достаточно было одного.

Поднялся ветер – первое прохладное дуновение за многие недели. Сын Диомеда ощутил реакцию остальных.

Они знали, что это его рук дело, и это воодушевило их.

С оттого ещё более возросшими надеждами, Ульдиссиан направил силы на заклинание. Возникло движение воздуха. Облако расширилось, увеличившись в десять, в сотню, в тысячу раз. Оно также уплотнилось и стало тёмно-серым.

Ульдиссиан не только взывал к своей силе, но продолжал давить ей и своей волей на всё вокруг. Он делал это раньше, хотя и не в таких масштабах. Он боялся так расходовать себя до встречи с Инарием, но Пророк, по сути, не оставил ему выбора, что навело на мысль, что того его противник и добивался.

Но Ульдиссиан не мог думать о таких вещах. Он должен был разбираться лишь с текущей ситуацией.

Облако уже поглотило все соседние и продолжало расширяться. Оно намеренно поползло к северу, съедая синеву небес.

Затем – наконец-то – оно достигла места, где упрямо стояло солнце. Тогда воля Ульдиссиана чуть не пошатнулась, ведь, конечно же, не так-то легко было победить замысел ангела. Однако края обширного серого облака вскоре протянулись туда, где сияло солнце.

И свет тогда стал менее слепящим. Вокруг Ульдиссиана поднялся шёпот, исполненный надежды. Его собственный пульс учащался по мере того, как солнце с правящего бал становилось частично видимым, затем тоненькой полоской и, наконец, едва различимым кружком, которого хватало как раз, чтобы луга не погрузились во тьму.

Осмелившись дышать, Ульдиссиан огляделся вокруг.

Эдиремы зашлись радостными криками.

Ульдиссиан посмотрел на Ратму, который в кои-то веки, пусть и ненадолго, улыбнулся. Древний наклонил голову.

-Ты только что вернул неуверенность в сердце моего отца,- сделала комплимент фигура в капюшоне.

Мендельн ухмыльнулся своему брату. Только Серентия не участвовала в общем излиянии уверенности в успехе, но боль, отражающаяся на её лице, немного сгладилась.

Это также немедленно напомнило Ульдиссиану, что, несмотря на его последнее достижение, ему всё ещё предстояло сойтись с легионом ужасных врагов.

Но он не мог дать другим увидеть его озабоченность. Сохраняя видимость триумфа на лице, Ульдиссиан повёл своих людей дальше. Во всяком случае, теперь они могли лучше сосредоточиться на пролегающем перед ними пути – и он надеялся, что это даст эдиремам некоторый шанс против того, что должно было ударить их следующим.

Трава становилась гуще по мере того, как они углублялись в регион. Ульдиссиан приказал всем быть начеку и был доволен внимательностью, с какой продвигался отряд. Самые многообещающие его последователи были поставлены впереди и по внешнему периметру, а тем, кто был наименее способен к самозащите, как обычно, была отведена позиция вместе с остальными, но в задних рядах. Ульдиссиан однажды думал оставить их, но никто не мог придумать безопасного места для них. Он не мог знать наверняка, что кланы магов не освободятся и не попытаются отомстить всех эдиремам, которых смогут отыскать. И неважно, что группа будет состоять главным образом из беззащитных детей и престарелых.

Нет, эдиремам лучше всего держаться вместе, особенно если им всем суждено умереть. Во всяком случае, есть какой-то шанс на борьбу.

-Вот и он,- внезапно и тихо объявил Мендельн.

Ульдиссиану не пришлось бы спрашивать брата о том, что он имеет в виду, даже если бы он не увидел это в то же самое время. Гигантский храм сверкал, несмотря на пелену облаков, сверкал, словно алмазный. Ульдиссиан не мог различить деталей, кроме остроконечных шпилей, возвышающихся над всем остальным.

На таком расстоянии, на котором эдиремы находились от него, его появление означало, что мало времени осталось до того, как Инарий устанет ждать. Последователи Ульдиссиана были почти на полпути между Собором и городом – отличное место для любого жуткого представления, которое мятежный ангел хотел устроить.

-Разве не должны были мы увидеть также Золотой Путь?- сказал брат Ульдиссиана и добавил.- Я думал, он должен быть очень близко.

Золотой Путь был дорогой, связывающей напрямую Кеджан и Собор Света, путём, которым паломники ходили

к святыне и возвращались назад в столицу. Название несло духовный посыл и было никак не связано с внешним видом: Путь был всего лишь дорогой, прокошенной прислужниками Пророка. Теперь её уже истоптали тьмы каждодневных прихожан, которые вытаптывали любой росточек, достаточно глупый для того, чтобы попытаться вырасти на дороге.

Но хотя не было сомнений в том, что с момента, когда прошёл последний паломник, прошло не больше двух дней, теперь здесь не было – насколько мог видеть глаз, а Ульдисиан и ещё дальше – ничего, кроме высокой травы. Золотого Пути больше не было.

-Отец, - в лоб заметил Ратма, хотя это и так уже все поняли.

Ульдисиан поднял руку, давая эдиремам знак остановиться. Он не мог никому позволить идти вперёд, пока тщательно не изучит зону впереди. Это могла также быть уловка поджидающих демонов, которые, предположил он, должны были быть заодно с Инарием. В конце концов, они получали такую же пользу от гарантированного падения Ульдисиана, что и ангел.

Убедившись, что небо остаётся покрытым пеленой, Ульдисиан заглянул внутрь. Он дал своему дару устремиться вперёд и начал процесс методичного поиска. Какая-то часть его также надеялась, что он сможет найти какие-нибудь следы Ахилия, хотя это становилось всё менее вероятным.

Ульдисиан направил всё своё внимание на то, чтобы убедиться, что путь впереди безопасен. Он не даст своим людям стать жертвами махинаций Инария. Он не позволит этому случиться...

Крики атаковали его со всех сторон – эдиремы мысленно посылали отовсюду возгласы страха. Отрываясь от поиска, Ульдисиан почувствовал, что Серентия жестоко трясёт его.

-Ульдисиан! А ну вернись в...- её голос оборвался.

Он повернулся – и вдруг его ноги и одну руку оплели то, что он поначалу посчитал тонкими шупальцами. Но ничем таким они не были. Вместо этого самая трава пыталась свалить его. Того хуже, он быстро увидел, что всех эдиремов уже либо оплело, либо тянуло под землю. Некоторые почти скрылись под поверхностью.

И худшим местом было то, где стояли дети и другие, кто не мог по-настоящему защитить себя. Несмотря на храбрость их защитников, они были оторваны друг от друга и утянуты в разных направлениях. Было жутко слышать их крики.

Ульдисиан приложил ладонь к траве, спутывающей его. Огонь сжёг эти стебли, но почти сразу же в два раза большее их количество выскочило из обожжённых концов. Та же беда повторялась вновь и вновь, и даже Ратма тщетно пытался освободиться.

Это не было случайностью. Ульдисиан сделал именно то, чего Инарий хотел от него. Он намеренно подстроил ситуацию, которая должна была отвлечь лидера эдиремов – ситуацию, которая целиком поглотила бы внимание Ульдисиана, – пусть ненадолго. Сын Диомеда вновь оказал ему услугу, придя прямо в его ловушку. Всё, что ангелу было нужно, был этот момент.

Трава затянула его горло. Ульдисиан изо всех сил тянул за то, что уже было обвито вокруг него. Не без усилий он призвал силу, которая начисто отрезала всю ближайшую траву.

Но опять поле не только восстанавливало себя быстрее, чем он мог уничтожить его, но становилось более яростным. Крики, которые постоянно бомбардировали слух Ульдисиана, были не просто криками страха... Это была предсмертная агония.

Его люди умирали. Ульдисиан снова подвёл их.

Его разум разгневался на равнодушную сущность Пророка. Для ангела люди были менее чем пустым местом. Вероятно, они до сих пор существовали потому, что Инарий не вынес бы, если бы некому было демонстрировать своё величие. А ещё потому, что полное одиночество было бы чрезмерным даже для него.

То, что Инарий мог называть себя воином Света, чемпионом Добра, было издёвкой, которую Ульдисиан находил слишком жестокой. Он представил Инария в образе Пророка, красивого вечного юноши, который смеётся над его беспомощностью.

Этот образ в своей голове Ульдисиан сжёг с яростью, которую никогда не испытывал до этого. Сыну Диомеда казалось, что он вот-вот взорвётся, но выхода это чувство не находило. Ему было нужно что-то, по чему ударить, и здесь была только трава.

Трава...

Трава...

Как случалось раньше, пламя неистово вспыхнуло повсюду вокруг него. Это был не просто огонь, какой можно было наблюдать в лагере прошлым вечером, но огромное изумрудное и жёлтое пламя, которое съедало ближайшие стебли так быстро и тщательно, что не оставалось ничего, из чего могла бы вырасти новая трава.

И этот огонь распространился по региону, с намеренным безумием полыхая вокруг эдиремов. Он оставлял от травы только чёрный пепел, но ни один из людей Ульдиссиана не получил ни ожога. Им пламя казалось коротким дуновением прохладного ветерка, ласкающего их.

Но мало было просто выручить эдиремов из ловушки, в которую он привёл их. Ярость Ульдиссиана не знала пределов. Вдруг всё вокруг показалось ему угрозой для его приверженцев и особенно – для него. Каждый стебель травы, насколько хватало глаз, был монстром, служителем Пророка. Пристально глядя на стебли, Ульдиссиан только хотел, чтобы их не стало.

Огонь исполнил его волю. От эдиремов он бросился во всех направлениях, поглощая растительную жизнь. За собой он оставлял чернеющий ландшафт, который, спасибо сыну Диомеда, был ничуть не горячим.

И прямо на глазах у благоговеющих эдиремов остальная часть лугов сдалась ярости Ульдиссиана. От места, где он стоял, выжженная зона всё расширялась во все стороны. Пламя несло вперёд, неконтролируемое, и становилось тем ненасытнее, чем больше отдалялось.

Ульдиссиан наблюдал за всем этим на одном дыхании. Он наблюдал за этим, ничуть не заботясь о разрушении, которое учинял. Вообще, почему он должен был остановиться на лугах? Раз Инарию нравятся такие проделки, то и джунглям доверять не стоит. Не лучше ли дать пламени уйти как можно дальше, даже в самую столицу, где нет ничего, кроме зла и обмана, почти равных ангельским и демоническим? Почему...

Кто-то больно шлёпнул его по лицу. Ульдиссиан заревел и сосредоточил немалую часть своей силы на негоде.

Выброс первозданной энергии ударил Мендельна прежде, чем Ульдиссиан осознал, кем была его цель.

-Не-е-е-т!- в ужасе он поспешил подавить свою работу. К его дополнительному ошеломлению, Мендельн пропал из вида. Несмотря на всё это, Ульдиссиану всё ещё потребовалось бороться с собой, чтобы вернуть самоконтроль.

В поле видимости не было ни стебелька живой травы. На самом деле, единственными живыми существами были эдиремы... Причём не все. Здесь и там – в слишком многих местах – лежали тела.

Многие из них принадлежали детям.

Однако у Ульдиссиана не было времени на невинных жертв Инария, так он был озабочен своей собственной. Он оттолкнул Ратму в сторону и побежал к месту, где в последний раз видел своего брата. При такой силе, которую он направил на Мендельна, было несомненно, что младший брат не только умер, но и изуродован до неузнаваемости.

Но лицо и тело Мендельна были в идеальном состоянии, хотя тело и лежало под углом, от которого по Ульдиссиану побежали мурашки. Всклипывая, старший брат склонился над фигурой в чёрной мантии. Он уже вылечивал других, очень близких к смерти. Если была возможность сделать это снова, он молился, чтобы это был тот случай.

Небо рассекла молния.

Несмотря на трагичность ситуации, Ульдиссиан не мог не поднять взора на то, чего быть не должно было. Он создал только густые облака, чтобы защитить своих последователей от проклятого солнца Инария. Гроза не была частью этого заклинания.

Но она пришла всё равно.

Дождь лил со страшной силой, словно наверху опрокинули огромное бездонное ведро. Свирепый поток беспощадно прибывал людей к земле. Даже Ульдиссиану было трудно подняться, но он поднялся.

И когда сын Диомеда выпрямился, он увидел движение на севере. Поначалу казалось, что оно плывёт к нему и его последователям, как и ужасный дождь. Однако, по мере того как оно неуклонно приближалось, в нём различились многие сотни фигур в шлемах, мантиях и на лошадях. Они держали мечи и булавы, а их дикие крики были подобны грому.

Воины-инквизиторы – вооружённые силы Собора Света.

Но в них было больше, чем казалось на первый взгляд. Ульдиссиан скорее ощутил, чем увидел эту разницу. Встревоженный, он смотрел на приближающиеся легионы, и при помощи своих сил видел их так, словно стоял прямо перед скачущими копытами.

А затем Ульдиссиан определил, что в них было такого, что беспокоило его. Лучше всего это было видно по их глазам – глазам, в которых теперь не было зрачков. Вместо них сверкающий золотой огонь горел из-под век – нечеловеческая сила, которая, как он увидел, наполняла всех и каждого воина, которого он осмотрел.

Одного взгляда на их бешеные выражения было достаточно, чтобы понять, что мало осталось от первоначальных рассудков, которые наполняли эти тела. Из всех их рядов только женщина в шлеме во главе и кучка высокопоставленных жрецов, вмешанная в воинские ряды, имели глаза, по которым было видно, что они являются сами собой. Остальные были полностью поглощены волей Инария.

В этот момент Ратма встал рядом с ним; капюшон и плащ Древнего были незатронуты беспрестанным дождём. При этом он ещё выглядел ничуть не довольнее промокшего насквозь Ульдиссиана.

Его слова не имели никакого отношения к грядущему яростному штурму:

-Не беспокойся о своём брате, ибо я сумел защитить его, когда ты ударил.

Ульдиссиан снова взглянул вниз на своего брата. Мендельн застонал, его глаза распахнулись. Как и сказал Ратма, на вид он был в полном порядке... Но не благодаря Ульдиссиану. Старший брат потерял голову и не заметил, что делает.

Но какую вину бы ни чувствовал Ульдиссиан за Мендельна, как бы ни был он встревожен своим бездумным взрывом, события, которые разворачивались теперь, требовали его внимания. Он снова посмотрел на приближающихся инквизиторов в надежде, что, как и с Мендельном, его первоначальные выводы были неверны.

К несчастью, в случае воинов Пророка, Ульдиссиан тут же почувствовал, что не ошибся. Страшное зрелище было точно таким, как он боялся.

-Он пал даже ниже, чем я представлял,- прокричал сын Инария,- и теперь наконец может показать нам, почему его не заботит приближение к Санктуарию небесного войска!

-О чём ты?

-Ты ведь ощущаешь его силу в этих заблудших глупцах, разве нет? Тогда ты также можешь ощутить, откуда мой отец сумел почерпнуть её в таком количестве, ибо её столько, что даже он не смог бы выдержать её в одиночку!

Ульдиссиан пригляделся к приближающемуся полчищу. Он заглянул в одного воина наугад и наконец увидел, что должен был знать уже очень давно. Ратма был прав. Ангел сам не был так силён.

Инарий черпал всю силу, какую мог, из Камня Мира – силу, против которой совместные усилия Ульдиссиана и всех эдиремов вполне могли оказаться тщетными.

Глава девятнадцатая

Ульдиссиан тряс головой, пытаясь прогнать реальность, как страшный сон. Но инквизиторы продолжали скакать на эдиремов, и сила ангела была из них ключом. Этих бойцов нельзя было победить просто, как кеджани. Ульдиссиан не знал точно, насколько сильным окажется каждый из инквизиторов, но было ясно, что ему и его людям предстояло иметь дело с грозным врагом.

Он мысленно обратился к остальным и подготовил их к неизбежной битве. Даже после предупреждения, что сражаться придётся не со смертными людьми, эдиремы не утратили смелости. Их храбрость одновременно тронула и встревожила Ульдиссиана, ведь он знал, что многие умрут.

А Инарий всё ещё не соблаговолил показаться.

-Где он?- спросил сын Диомеда Ратму.

-Повсюду. Не жди с нетерпением встречи с Инарием,- ответил Древний.- Ты увидишь его довольно скоро.

Эдиремы образовали большой круг. У них не было выбора. Ульдиссиан предпочёл бы выстроить огромную шеренгу с резервами позади, но его удержала находка Серентии. Ну конечно, демоны намеревались атаковать его сзади, когда его люди оказались бы заняты теми, кто был впереди. Такую стратегию использовал бы он сам, и Ратма согласился, что она имела смысл. Это подтолкнуло его сделать ставку на круговое построение.

Большинство эдиремов должны были сосредоточиться на инквизиторах, но при этом имелось много часовых, следящих за другими направлениями, так что по сигналу те, кто воевал во фронте, мог быстро переместиться, куда надо. Несмотря на неотъемлемую сложность от такого планирования, Ульдиссиан продолжал вести эдиремов вперёд... До сих пор.

Серентия взяла копье наизготовку.

-Они почти здесь!- ей скорее многих других не терпелось вовлечься в битву.- Ульдиссиан, отдавай приказ!

Но он не торопился, пытаясь распознать, что ещё у Пророка на уме. К несчастью, ничего очевидного не наблюдалось, а идущее в атаку войско всё приближалось.

Он не видел иного выбора. Он позволил эдиремам ударить.

Волна чернеющей земли выбросилась вверх, вставая много выше приближающихся всадников. Под руководством Ульдиссиана эдиремы обрушили её на передние ряды.

Люди и лошади закричали, когда их накрыли тонны камня и грязи. Лишь немногие умудрились избежать падающей стены, среди них и жрица во главе атаки. Правда, её лошади так не посчастливилось: она вся, кроме передних ног, угодила под магический вал.

Однако те, кто находился сзади, даже не замедлились, но стали перескакивать через обломки. Они явно ничего так не желали, как крови эдиремов.

Хуже того, из огромного кургана, который только что создали приверженцы Ульдиссиана, несколько тел в мантиях вырылись на поверхность. Смерть должна была забрать тех, кого ударило заклинание, но сила Инария, наполнявшая его приспешников, спасла многих из них. Лишённые лошадей, они хватали оружие, какое подворачивалось им под руку, и просто бежали за своими конными собратьями, криками призывая смерть врага.

Теперь две противоборствующие стороны отделяло лишь несколько шагов. У Ульдиссиана осталось время только для одной атаки, которую он и привёл в действие. Несмотря на дождь, эдиремы с готовностью создали свою собственную бурю из огненных шаров, которые бомбардировали инквизиторов с яростью молний.

На этот раз атака была более успешной. Несколько всадников удалось сбить с лошадей. Многие сами стали огненными шарами, превратившись в пылающие трупы, которые падали среди не готовых к такому товарищей. Судьба принявших удар не подлежала сомнению: от них мало что оставалось, даже чтобы опознать в них людей.

Но в то время как первая волна атаки эдиремов оказалось довольно эффективной, последующие возымели мало успеха. Защита инквизиторов внезапно окрепла. Огненные шары ударяли в их нагрудники, не нанося вреда. Приспешников Собора теперь не удавалось даже задержать.

И спустя несколько мгновений первые из них столкнулись с людьми Ульдиссиана.

Он уже подготовил своих последователей к ближнему бою, но поначалу эдиремы были жестоко оттеснены. Отсутствие привычного успеха в борьбе с инквизиторами сильно понизило их уверенность в своих силах, что дало воинам возможность надавить на правую сторону круга. Она могла бы совершенно распасться, если бы Серентия и Йонас не взяли дело в свои руки и не перестроили ряды.

Изогнутые мечи и шипованные булавы инквизиторов сталкивались с разнообразным изношенным оружием и фермерскими приспособлениями эдиремов, однако битву никак нельзя было назвать ординарной.

Обе стороны применяли в битве дар, которым обладали. Воины Пророка, – которые зачастую действовали не по-человечески слаженно, – врезались глубоко в гущу своих врагов. Как инквизиторы, так и эдиремы разили оружием, которое полыхало энергией при столкновении друг с другом. Но у последних в запасе были также другие приёмы. Многие воины в мантиях внезапно поднялись в воздух и полетели через всё поле боя. Небо, как и земля, стала местом битвы, которую Ульдиссиан уже про себя прозвал «Битвой Золотого Пути».

Местом, где эдиремы, быть может, стояли в последний раз.

Лошади заржали, когда в ряды инквизиторов полетели серебряные снаряды. Однако, несмотря на потерю лошадей, воины в мантиях продолжали свой безуданный штурм, стуча своими сверкающими булавами по мощным невидимым щитам эдиремов. Хотя в большинстве своём эти щиты держались хорошо, непомерный фанатизм атак инквизиторов покорял даже самые стойкие из них.

Ситуация, по крайней мере, на время, зашла в тупик. Однако Ульдиссиан знал, что тупик в конечном итоге означал победу Инария. Чем больше эдиремы сражались без пользы дела, тем больше сил они расходовали. В отличие от инквизиторов, которые черпали силы у своего могущественного хозяина, эдиремы обладали лишь тем, что было у них внутри.

Всё время, пока Ульдиссиан боролся с этой мыслью, он, тем не менее, упорно сражался. Воин в мантии, который попытался проломить ему череп, внезапно утратил своё оружие, которое досталось сыну Диомеда и который послал эту булаву прямо в грудь мужчине. Ни нагрудник, ни плоть, ни кость не задержали снаряда – который затем выскочил из спины. Ульдиссиан обнаружил, что не питает ни грамма сочувствия к тем, с кем сражался: слишком многих невинных они уже убили в своём пылком обожании Пророка.

Огромный вихрь явно не естественного происхождения промчался сквозь ряды эдиремов, пытаясь оторвать некоторых из них от земли. Ульдиссиан нашёл жрецов, виновных в надвигающемся бедствии, но прежде чем он сам успел что-либо сделать, Серентия вдруг показалась среди них. Одного она пронзила копьём, другого ударила ногой в грудь. Этот жрец улетел далеко в море всё ещё мчащихся вперёд инквизиторов.

Ругаясь прежде всего на Серентию за то, что подвергла себя риску, Ульдиссиан хлопнул в ладони в направлении, в котором воевала дочь торговца.

Гудящий звук, который он создал, пробил колею в толще врагов, сметая их с пути, словно они были пустым местом. Затем он устремился к ней, чуть не взлетая в своей прыгучей походке.

Он показался среди инквизиторов, приближающихся к ней, и схватил двух за шеи. Его гнев заставил двух мужчин буквально взорваться. Затем он поднял левую руку и призвал в неё чёрный палаш, состоящий из пепла, который некогда был смертоносной травой. С этим клинком сын Диомеда прорывался через одного противника за другим, пока наконец не достиг Серентии.

Тем временем она приканчивала третьего жреца в полном неведении, как близка она была от смерти. Серентия взглянула на Ульдиссиана; её напряжённое лицо было почти таким же пугающим, как у напитанных магией фанатиков, с которыми они сражались.

Он сразу понял, почему.

– Серри! Возвращайся к остальным!

– Я в порядке! Не волнуйся за меня!

– Серри! Ахилий мог и не пропасть! Ты хочешь умереть, так и не узнав этого?

Прежде чем она успела ответить, ужасный толчок потряс землю. Люди повсюду валились.

Следующий толчок последовал за первым. Ульдиссиан также почувствовал, что воздух становится очень холодным.

Ещё он осознал, что прекратился дождь... Или, во всяком случае, вода не падает с неба.

Зато были огромные куски льда, которые летели с облаков, и некоторые из них достигали размеров повозок. Ульдиссиан посмотрел вверх и увидел, что дождь всё ещё идёт, но на полпути собирается воедино и затвердевает, становясь гигантскими блоками, которые теперь угрожали всем.

И снова Инарий взял работу Ульдиссиана – облачный покров – и превратил её в страшное оружие атаки. То, что оно убивало также его собственных сторонников, не имело значения, до тех пор, пока бунтари умирали.

Гигантским кускам льда удалось то, чего не смогли добиться инквизиторы: пошатнуть слаженность круга эдиремов. Слишком многие были недостаточно сильны, чтобы иметь дело с такой жуткой угрозой. Мужчины и женщины разбегались куда глаза глядят, надеясь не оказаться раздавленными, словно мошки.

Воины Собора извлекли немалую пользу из дезорганизации эдиремов, не видя или не заботясь об угрозе, которую лёд создавал также и для них. Не один последователь Ульдиссиана погиб от пылающего меча в спину или сверкающей булавы, проломившей череп. То, что некоторые инквизиторы не могли избежать магии Инария, было ничем по сравнению с ужасом, который они пожинали.

В ярости, Ульдиссиан рассеял чёрный меч, схватил Серентию за запястье и перенёс их обоих назад к эдиремам. Он немедленно связался с ближайшими из них, подбодрил их, как мог, и потребовал от них помощи. Большинство прислушалось. Он надеялся, что их окажется достаточно для осуществления его намерения.

– Сосредоточься со мной, Серри! – чуть не прокричал он ей в лицо. С великой неохотой черноволосая девушка кивнула. Незамедлительно её и его разумы слились воедино, а остальные, до кого он сумел дотянуться, подпитывали их волю.

Огромная тень нависла над парой. Ульдиссиану не нужно было смотреть вверх, чтобы выяснить, что это и как мало у них осталось времени.

«Будьте со мной» – снова сказал он остальным.

Тень сгустилась. Ульдиссиан ощутил массивный блок льда прямо над собой.

Стиснув зубы, он выбросил обе ладони вверх.

Взрыв полностью разрушил гигантский блок. Однако осколки не стали падать вниз дождем, а с умыслом полетели по воздуху. Они ударили в другие огромные куски льда сразу, как только те формировались, и разрушали также и их.

С глазами, сжатыми от напряжения, с учащённым биением сердца, Ульдиссиан представлял драматичную сцену наверху. Он увидел с куда большей точностью, чем могли видеть его обычные глаза, куда должен был ударить каждый фрагмент, чтобы не допустить последующих смертей.

И когда наконец стало казаться, что Инарий не способен угнаться за его усилиями, Ульдиссиан взял многие тысячи острых осколков и обрушил их на гущу войска инквизиторов. Он запустил их с такой силой, с какой только мог, противостоя силе, которой Пророк напитал своих слуг, чтобы спасти их от этой опасности.

Острые, как иглы, осколки, понеслись к земле с высоким шипящим звуком. Инквизиторы смотрели вверх в лицо своей смерти. Они использовали свои силы, чтобы попытаться предотвратить обрушение на них снарядов... Но не смогли полностью остановить ни одного из них.

Осколки пробивали металл, плоть и кость, не останавливаясь. Глаза и рты прокалывались с лёгкостью. В считанные секунды люди становились трепыхающимися подушечками для булавок – так много было ледяных снарядов, свалившихся на них.

Крики поднялись в полную мощь, затем быстро стихли. Убиение было таким стремительным, что какую-то долю секунды инквизиторы продолжали стоять. Их тела были пропитаны кровью, а их порезанные лица были пусты, но они стояли.

Затем, все, как один, воины Собора повалились на неумолимую землю, словно тряпичные куклы. Их тела остались лежать под самыми разными углами.

Из всего множества, которое Инарий отправил на битву, выжили только те, кто замешался в ряды эдиремов. Их число, однако, стремительно уменьшалось, поскольку люди Ульдиссиана обрушили на них свою ярость из-за смертей тех, кто пал от их руки.

Немедленно почувствовав тошноту от происходящего, Ульдиссиан попытался остановить экзекуцию. Ему

это удалось, но только после того, как ещё очень многие были убиты. Оставшихся инквизиторов постепенно окружали, хотя на вопрос, что с ними делать, у него не было ответа.

Когда он шагал среди мертвецов, внимательно следя в ожидании того, что Пророк обрушит на них дальше, сын Диомеда наткнулся на фигуру, которой он не видел с самого начала битвы. Это была седая жрица, которая возглавляла всадников. В отличие от остальных, у неё не было различных ранений, однако она определённо была мертва. Её распахнутые глаза смотрели на него почти с укором.

-Мастер Ульдиссиан?

Осмотр тела был прерван жилистым Йонасом. Лысый бывший разбойник брёл к нему неуверенными шагами.

По правой части его лица проходили красные кровавые полосы, но в остальном он был цел.

-Йонас! Ты видел, что случилось с этой?

Эдирем взглянул на жрицу.

-Не-а. Она была важной шишкой?

Немного подумал, Ульдиссиан покачал головой:

-Уже неважно.

Собеседник остро воззрился на него.

-Мастер Ульдиссиан! Ты кажешься таким усталым! Позволь подать тебе руку...

Сын Диомеда боролся с искушением, но он не мог сейчас выказывать слабость. Передышка, которая выпала им, без сомнения была короткой. Он отмахнулся от предложенной руки.

-В этом не нужды...

-Как пожелаешь, мастер Ульдиссиан,- резко ответил Партанец. С таким же резким кивком Йонас быстро ретировался:

-Пойду погляжу остальных.

Как только он устремился прочь, Ульдиссиан почувствовал, что кто-то приближается с противоположной стороны. Он повернулся и увидел Мендельна.

-Итак?

Брат Ульдиссиана знал, о чём его спросили.

-Мёртвых много. Много. Если прикинуть, я бы сказал, что где-то четверть от первоначального числа.

«Где-то четверть...» Так много жизней было потеряно. Делалось ещё хуже оттого, что, хотя Собор и пострадал гораздо, гораздо сильнее, эти жизни ничего не значили для истинного противника. Инарий считал своих мёртвых слуг менее чем пустым местом.

Эта мысль вновь пробудила гнев в душе Ульдиссиана.

Мендельн поспешил взять его за плечо.

-Ульдиссиан, не позволяй этому произойти с тобой снова! Каждый раз, когда ты даёшь своим эмоциям выйти на первый план, ты рискуешь утратить власть над своими силами. Подумай! Разве не сыграет это Инарию на руку?

Слова брата не были лишены смысла, но Ульдиссиан продолжал смотреть на всех, кто умер здесь. Даже женщина у его ног, которая наверняка была главным прислужником у Пророка, пала жертвой безумия ангела.

-Ульдиссиан... Послушай меня...

Но он больше не обращал внимания на Мендельна, во всяком случае, в эту секунду, поскольку Ульдиссиан заметил на трупе то, что заставило напрячься каждый мускул на его теле. Он быстро наклонился и изучил лицо. Испытывая дрожь, Ульдиссиан склонил голову жрицы набок, чтобы лучше разглядеть.

-Мендельн, взгляни на это.

Его облачённый в чёрную мантию брат наклонился ближе, и вздох изумления излетел из губ Мендельна:

-Во имя дракона!

Две чёрные отметины имелись возле уха – отметины, происхождение которых ни с чем нельзя было спутать.

-Малик!- прошептал Мендельн.- Он был среди нас!

-Ты не заметил его?

Младший брат покачал головой:

-Для этого я должен был находиться рядом, да и то потребовалось бы некоторое время, чтобы заметить. Малик...

-У Инария всегда найдётся в запасе уловка-другая,- Ульдисиан ещё раз осмотрел тела в поисках причины смерти. Ему было крайне важно найти причину. Хоть одну рану. Хоть трещинку в задней части черепа. Что-нибудь.

Но не было никаких признаков повреждений.

Ульдисиан огляделся, но ближайший эдирем находился далеко.

-Мы сейчас не можем разобраться с этим, Мендельн! Я не могу заниматься одновременно им и Инарием.

-Малик – моя ошибка,- прошипел Мендельн и сощурился от ненависти к себе.- Мне нести это проклятье. Я поступил необдуманно, и тем самым позволил злодею такому же ужасному, как любой из демонов, вернуться в этот мир,- он распрямился.- Я разберусь с ним. Ты должен сосредоточиться только на Инарии.

Они оба знали, что грядёт куда большая угроза, чем один единственный мятежный ангел, но Инарий и в самом деле был ближайшей проблемой. Ничто иное не будет иметь значения, если они не одолеют его.

И всё же Ульдисиан не мог не думать о новой проблеме – и ему на ум наконец пришёл возможный ответ:

-Он был здесь. Он единственный оказался поблизости.

-Кто?

-Йонас,- теперь, когда он стал думать об этом, Ульдисиан припомнил, что ему показалось странным в поведении партанца.- Да... Это Йонас, чтоб его!

Очевидно, Мендельну больше ничего не нужно было знать. Он взял костяной кинжал наизготовку. Кинжал засветился неживым светом.

-Я найду его. На этот раз он не убежит.

Ни один не предложил рассказать другим о том, что в их ряды затесался монстр. Не хватало ещё паники оттого, что все эдиремы заподозрят друг в друге вселившегося Малика. Высший жрец не воспринимался чувствами Ульдисиана, и виновником этого явно был Инарий. Это означало, что никто из остальных – за исключением разве что Мендельна – тоже не мог почувствовать Малика.

Что было ещё хуже, кто мог теперь обещать, что призрак всё ещё выглядит, как Йонас?

Он не мог об этом думать. Ульдисиан должен был довериться Мендельну. Мендельн не мог подвести.

Внезапно рядом с ним объявился Ратма. Можно представить, какое у Ульдисиана было настроение, раз он не удивился внезапному прибытию Древнего. Для бывшего фермера такие вещи становились всё более привычным делом.

-У меня появилась идея,- объявил Ратма.

-Они всегда не к добру. Что на этот раз?

Древний склонил голову набок, затем признал правоту Ульдисиана:

-У этой есть надежда оказаться немного лучше... Во всяком случае, так мне кажется.

-И у неё такой же шанс на успех, какой имел твой визит к папе?- спросил смертный с неприкрытым сарказмом в голосе.

-Большой, - Ратма поджал губы. - Но, наверно, ненамного.

Ульдисиана больше волновало, что сейчас планировал Инарий. Он взглянул на север, но увидел только Собор Света. Однако что-то назревало... Инарий не стал бы сидеть сложа руки...

-На этот раз мы ничем не можем помочь тебе.

Фигура в капюшоне плотнее завернулась в свой плащ. На его нечеловечески прекрасном лице не отразилось ни единой эмоции.

-Я и не ждал. Но попробовать необходимо...

Ратму явно не было возможности отговорить от того, на что он настроился, но Ульдисиану было интересно хотя бы узнать, что Древний посчитал таким важным, что готов был ради этого оставить эдиремов в такой сложной ситуации.

-Просто скажи мне, что ты задумал. Куда ты отправляешься на этот раз?

С лицом, неподвижным, как у мертвеца, сын Инария повседневным тоном ответил:

-Пойду попытаюсь отыскать помощь. Объявлю семейный сбор...

Мендельн нёсся среди эдиремов, которые наверняка принимали его за смерть, пожинающую новые души. При всей их силе даже самые способные из приверженцев брата отворачивались, когда он пробегал мимо. Только одна из его немногочисленных «учениц» узнала его, но он немедленно дал ей понять, что находится на задании, требующем чрезвычайной секретности.

Из необходимости брат Ульдисиана тут и там останавливался, чтобы расспросить нескольких встревоженных эдиремов, видели ли они парланца. Ответы в основном были «нет», но в конце концов двое указали ему, где они в последний раз заметили его. Отнюдь не уверившись, что он по-прежнему найдёт Йонаса там, Мендельн всё же храбро пустился по единственной зацепке.

Он продолжал держать кинжал перед собой, но до сих пор клинок не подал никаких знаков о приближении мерзкой тени. Мендельн оглядывал каждого, кого миновал, оценивая, не могут ли они быть последним пристанищем Малика.

В результате атак Инария и защиты эдиремов немалая часть почвы была разворочена. Массивные глыбы льда образовали целые холмы в местах их падения, и хотя они теперь стремительно таяли, они представляли собой дополнительные преграды, лишние места, где можно было укрыться.

Но когда Мендельн приблизился к одному особенно изрезанному холму, его острый взгляд приметил что-то бледное, торчащее из-под подвижного камня. В это же время он ощутил противоестественность Малика, а значит, тот был неподалёку.

С заклинанием, готовым сорваться с губ, брат Ульдисиана подошёл к тому, что почти полностью скрывали вывороченные камни и грязь. Свободной рукой он осторожно смахнул немного камней.

Показался оцарапанный мертвенно-бледный локоть. Как он и думал, это было тело, но одежда была не Йонаса. Что это наверняка был парланец – ведь среди эдиремов не было светлокочих кеджани, – только и мог сказать Мендельн. Он быстро оставил тело, всё ещё создавая, что Малик должен быть неподалёку.

Он спросил бы у призраков, но с тех пор, как Ульдисиан и остальные вступили в луга, все призраки исчезли. Даже призраки недавно умерших не оставались на месте, как обычно. Словно им не хватало духу оставаться возле противостояния. Мендельна раздражало отсутствие этой компании. Теперь как никогда ему нужны были их глаза, их знания.

С севера донеслось, что по звуку походило на – невозможное дело – восславляющий хор. Над ним сверкал свет, фантастический свет, отражаемый огромными глыбами льда. Этот свет также освещал всё, за исключением того, что попало в тень от вывороченной земли.

Мендельн замер. Он знал, что предвосхищали свет и хор.

Инарий наконец вступил в борьбу.

На миг все мысли о Малике исчезли – Мендельн был поглощён тревогами об Ульдиссиане и ангеле.

Он хотел ринуться к брату, хотя и знал, что Серентия и Ратма наверняка уже там. Он ведь поклялся, что когда появится Пророк, он тоже встретит его лицом к лицу.

Но на Малика нельзя было махнуть рукой.

Кинжал вспыхнул.

Мендельн начал поворачиваться.

Ему оставалось только догадываться, что это благодаря его быстрой реакции его череп не оказался проломлен. Но всё равно камень в кулаке Малика послал ударную волну через голову Мендельна. Брат Ульдиссиана рухнул на холм.

Через туман в глазах он видел злобное лицо Йонаса. Улыбка была точь-в-точь маликова.

-Метод грубый, но эффективный,- отметил дух, вытягивая вперёд руку с камнем.- Я не осмелился использовать другого заклинания, кроме подкрепления маскирующего щита. Мы хотели, чтобы ты заметил меня ровно настолько, насколько нужно, не больше...

«Мы». Это могло означать только, что Инарий спланировал это вместе с тенью.

-Ты,- в голове у Мендельна стучало.- Эта сцена была...

-Это сцена была подстроена, если ты об этом!- отбросив камень, лысая фигура потянулась и взяла кинжал Мендельна.- Это должно помочь,- из мешочка на поясе Йонаса Малик достал красный камень.- Между нами: на этот раз у меня не должно возникнуть проблем с обретением твоего тела.

Мендельн не мог понять, зачем Малику настолько израненное тело, но затем он сообразил, что его травма головы не угрожает жизни. Он был просто оглушён – на духа это никак не повлияет.

А зачем он вообще был нужен Малику, было понятно. Мендельн уль-Диомед будет стоять бок о бок с братом – а затем прикосновением похитит тело Ульдиссиана, а заодно и убьёт старшего брата.

Так, едва пошевелив пальцем, Пророк одолеет своего противника.

Мендельн попытался собраться с мыслями настолько, чтобы прочитать заклинание, но слишком поздно он осознал, что высший жрец ударил с расчётом. Он ударил свою жертву точно туда, куда намеревался, и Мендельн сам совершил глупость и посодействовал ему, повернувшись, как надо. Лучше б брат Ульдиссиана просто стоял спиной к существу, ибо тогда Малик, возможно, убил бы его.

Хотя, вряд ли. Малик не был таким небрежным. Он желал тело Ульдиссиана, а единственный путь к нему пролегал через Мендельна.

-Ты... Тебя использовали!- умудрился выговорить сын Диомеда.- Инарий... Ангелы...

Малик ухмыльнулся:

-Обнаружат, что судьба Санктуария не у них в руках.

И внезапно Мендельну пришло на ум, что нашла Серентия: полчища демонов ожидали атаки. Но они больше не действовали в союзе с Инарием. Вместо этого они готовились сражаться за Санктуарий и людей, в первую очередь, эдиремов, с войском Тираэля.

И высший жрец собирался извлечь из этого выгоду, предполагая – возможно, ошибочно, – что Пылающий Ад одержит верх. Брат Ульдиссиана хотел было указать на риск двойной игры, которую затеял призрак, но передумал. Важнее маликова замысла был тот факт, что в голове Мендельна начало проявляться. Слова, которых он жаждал, вновь пришли к нему. Он выпалил первое – Малик поднёс красный камень к его глазам. Теперь Мендельн мог только смотреть на него. Его заклинание затихло.

-Твой взор не может улизнуть,- усмехнулся призрак, придвигаясь ближе.- Твой разум не может ни о чём думать, только слушать меня.

Жертва пыталась возразить, но безуспешно. Последней связной мыслью Мендельна была та, что он не может ждать помощи ни от кого, поскольку внимание всех приковано к прибытию Инария.

С той стороны кристалла Малик поднял кинжал. Он намеревался не кольнуть им Мендельна, но использовать магию неземного оружия против его владельца.

-Теперь уже так близко...- отдавались в затуманенном мозгу слова тени.- Скоро...

Ни с того ни с сего завораживающий камень пропал из виду. Мендельн моргнул. Его мозг и тело, судя по всему, были отделены друг от друга, но уши, очевидно, работали, потому что они уловили шум борьбы. Брат Ульдиссиана попытался прояснить зрение...

И когда ему это удалось, он увидел, что Йонас – то есть Малик – сражается с кем-то, кто подобрался сзади и схватил высшего жреца за запястья. Рука с кинжалом была высоко поднята, и двое боролись за оружие. Кристалла не было видно.

Но для Мендельна важнее всего было, кто именно пришёл к нему на помощь,– личность, которую он меньше всего ожидал.

Ахилий.

Глава двадцатая

Первым его прибытие озаменовал невидимый хор. Совершенные голоса воспевали свои бессловесные хвалы, судя по всему, во всех направлениях. Они улаживали и пугали одновременно, ведь хотя и тронули даже сердце Ульдисиана, они также напомнили ему, что вслед за ними придёт Пророк.

И действительно, сразу, как только эдиремам довелось услышать невидимых певцов, из Собора изверглось пламя удивительного света. Свет рассеял облака в том направлении. Он был ослепительным, однако никто из тех, кто смотрел на него, не мог отвести взора.

И в середине этого света золотая фигура Пророка, — едущего в сверкающей алмазной колеснице, ведомой двумя крылатыми лошадьми, — материализовалась в нескольких ярдах над испуганными повстанцами. Блистательный юноша был облачён для битвы, его броня блистала, сверкающий, украшенный камнями меч, свисающий сбоку, был достаточно остр, чтобы резать сам воздух.

Он потянул за поводья, заставив колесницу остановиться, всё ещё в нескольких футах над землёй. Пророк оглядел эдиремов.

-Мои заблудшие дети,- начал он, грустно улыбаясь.- Сбитые с пути так несомненно, словно постарались демоны...

Где-то позади Ульдисиана мужчина всхлипнул. Сын Диомеда поспешил успокоительно коснуться разумов всех своих последователей.

Инарий отошёл на несколько шагов от колесницы, которая после этого исчезла. Он медленно спустился на землю, словно сходя по несуществующим ступеням. Когда он это сделал, ослепительное свечение усилилось.

-Да падут на колени те, кто ищет моего прощения,- повелел Инарий.

Зная о том, что даже малейшее слово, произнесённое ангелом, имеет силу неоспоримого приказа, Ульдисиан беззвучно проревел: «Продолжайте стоять!»

Ульдисиан сам не был до конца уверен, был ли выполнен его приказ, но выражение Инария становилось всё более разочарованным. Этого было достаточно, чтобы подбодрить смертного.

-Так много убеждённых неверующих... Слишком много,- Пророк сложил кончики пальцев и покачал головой.- Слишком много неверующих. Мир должен быть очищен.

И когда он снова раскрыл ладони, жгучая белая энергия обволокла Ульдисиана и остальных.

-Мендельн!- крикнул Ахилий.- Ты... Должен... Остановить его!

Брат Ульдисиана попробовал встать, но тело должным образом не слушалось его. Теперь он понял, что его ударили по голове магией. Его продолжающийся разброс мыслей и слабость были не случайными.

Испуская рык, Малик вырвал из захвата Ахилия руку, держащую кристалл. Он поспешил выбросить руку вперёд, целя лучнику в бок.

Зная о том, к чему это приведёт, Мендельн охнул. Он вскарабкался на ноги, но недостаточно скоро, чтобы остановить грязную работу высшего жреца.

Но Малик и Ахилий просто стояли, прикованные взглядом друг к другу. Из рта Йонаса вырвались слова гнева и некоторого смятения:

-Невозможно! Я не могу вселиться в тебя! Я не могу сделать твою жизнь моей!

-Твой хозяин... Люцион... Уже это сделал,- пробормотал Ахилий.- Нет никакой... Никакой жизни, чтобы забирать... Ублюдок!

— Тогда есть другие способы избавиться от тебя!

Каким-то образом Мендельн умудрился броситься на пару. Он налетел на спину Малика как раз тогда, когда тот пробормотал нечто, что заставило красный камень ярко вспыхнуть.

Ахилий упал назад, словно его ударила молния. Однако в процессе он выхватил кинжал Мендельна. Брат Ульдиссиана и Малик полетели на склон временного холма.

Сильная ладонь плотно сжала горло Мендельна. Малик надавил.

Мендельн сделал единственное, что пришло ему на ум. Он соскрёб немного грязи и бросил её Малику в лицо.

Высший жрец принялся откашливаться: большая часть грязи наполнила его рот и нос. К сожалению, его хватка ослабилась ненамного.

Но всё же этого было достаточно, чтобы Мендельн немного пришёл в себя. Раз дух не давал ему говорить, он сосредоточился на единственной вещи, которая могла послужить ему. Ему удавалось это прежде. Если бы это сработало сейчас...

Костяной кинжал материализовался в его левой ладони.

Мендельн погрузил его в тело, некогда принадлежавшее Йонасу, молясь о том, чтобы задеть какую-нибудь жизненно важную для Малика точку. На беду, Малик попытался заблокировать его руку, и клинок погрузился ниже, в область, прокол которой, знал брат Ульдиссиана, мог нанести небольшой вред высшему жрецу, но определённо не мог его уничтожить.

Однако призрак дико завыл, как только лезвие коснулось его, — так дико, на самом деле, что Мендельну пришлось отпустить кинжал и прикрыть ладонями уши. Из того, что когда-то было ртом Йонаса, вырвался ветер, который ударил по фигуре в чёрной мантии, словно торнадо.

Несмотря на то, что кинжал всё ещё был глубоко погружён в нижнюю часть его туловища, Малик сумел подняться. Правда, он не перестал выть от боли. Лицо Йонаса стало жутким подобием самого себя: глаза распахнулись слишком широко, рот стал зияющей дырой достаточных размеров, чтобы проглотить небольшого ребёнка, и продолжал расти.

Выпученные глаза гневно взирали на клинок. Густая кровь капала из раны, но на взгляд Мендельна порез не должен был быть смертельным. Наконец он понял, что происходит. Сам кинжал был приговором для жуткой тени: его магия медленно, но верно, поглощала её.

По-видимому, Малик тоже это понял, ибо, хватая рукоять одной рукой, он отчаянно попытался вытащить кинжал. Боясь, что произойдёт в случае, если ему это удастся, Мендельн снова кинулся на высшего жреца. Он угодил Малику как раз под дых. Брат Ульдиссиана приложил обе ладони к Малику, пытаясь не дать тому вытащить кинжал.

Всё ещё вой, призрак другой рукой потянулся к глазам Мендельна. Мендельн заставил себя вынести атаку Малика. Вой стал более устойчивым; Мендельн был уверен, что если кинжал продержится ещё немного...

Голова Малика изогнулась назад так, как не под силу её изогнуть смертному. Кость хрустнула — Мендельну стало плохо от этого звука. Но омерзительная фигура всё вопила.

Затем густое чёрное вещество вроде смолы брызнуло изо рта Малика. Оно взлетело в воздух над братом Ульдиссиана, извергаясь из того, что когда-то было Йонасом, наподобие гейзера. Действие сопровождалось вонью, которая напомнила Мендельну запах мертвечи и гнилых овощей, смешанный воедино.

Излетели последние остатки. Фигура перед Мендельном покачнулась, после чего труп, словно пергамент, свалился ему в руки.

Сверху раздался один последний, продолжительный вопль. Наконец он завершился, когда плывущая чёрная смола растворилась, словно дым.

Но приложенные усилия были слишком велики для Мендельна. В его голове стучало, как никогда. Головокружение охватило ученика Ратмы. Даже веса истощённого тела он не мог вынести. Брат Ульдиссиана повалился навзничь, труп свалился поперёк него.

Мендельн потерял сознание ещё до того, как ударился о землю.

Эдиремов разметало, словно листья, когда Пророк развёл руки. Даже Ульдисиана чуть не снесло. В конце концов он погрузил ноги в обожжённую землю и стал наступать вопреки грозному заклинанию ангела.

Борясь с работой Инария, он старался не терять связи со всеми и каждым из своих людей, подбадривая их и направляя. Благодаря Ульдисиану эдиремы вновь стали обретать опору под ногами, и они, в свою очередь, помогали выстоять ему.

Стиснув зубы, Ульдисиан выбросил вперёд руки. Он сосредоточился на Пророке.

Ветер немедля исчез, но не из-за того, что ангел прекратил штурм. Теперь это произошло из-за того, что сын Диомеда призвал стену из затвердевшего воздуха, которая растянулась по всей ширине обуглившихся лугов, укрывая всех, кто оказался за ней. Сила Пророка ударила по своему творению с такой силой, что каждый мускул Ульдисиана напрягся, но стена держалась.

Затем Ульдисиан почувствовал лёгкое движение со стороны Инария. Бурный ветер стих, наконец совершенно прекратившись. Казалось, произошло нечто, что не нравилось Инарию, достаточно значительное, чтобы отвлечь его.

Хотя и не имея понятия, что бы это могло быть, Ульдисиан тут же воспользовался задержкой. Он устремил невидимую стену на Пророка со всей силой, которую могла позволить совмещённая воля его и эдиремов.

Ландшафт вокруг златовласого юноши взорвался. Огромные куски грязи и камня полетели назад. Небо над Пророком на короткое время стало чёрным от сажи, которая некогда была злобной травой.

Инарий, чей великолепный шлем снесло с головы, сделал один шаг назад... Этим дело и кончилось. Пока грязь дождём падала за его спиной, он посмотрел на Ульдисиана. Пророк казался нетронутым, но его выражение изменилось. В нём теперь была ужасная холодность, которая чуть не заставила Ульдисиана вздрогнуть.

-Какое бесстыдство!- взревел Инарий, голос был усилен его магией.- И какая глупость! Ты так высоко мнишь себя, ты, кто ничтожнее червя, роющего землю? Я предлагал тебе отпущение грехов, Ульдисиан уль-Диомед, предлагал снова и снова, но ты остаёшься темнейшим из неверующих, надменнейшим из еретиков,- глаза вспыхнули, больше даже не притворяясь человеческими. Теперь это были пылающие глазницы ангела.- Тебе ничего не осталось, кроме как умереть.

Луга вспыхнули белым пламенем. Ульдисиан закричал, когда священный огонь стал лизать его кожу. В дополнение он чувствовал ужас эдиремов, которых коснулась та же атака.

-Я очищу свой мир!- продолжал Инарий.- Я снова сделаю его безупречным!

Теперь крики остальных наполнили уши Ульдисиана. Им всем было суждено сгореть заживо из-за того, что он крайне недооценил ярость Пророка.

«Нет» - картина столь многих убитых просто из-за веры в него и его слова в очередной раз причинила Ульдисиану невыносимые страдания. Он не мог позволить им страдать за его грехи. Лучше уж он возьмёт страдания, которые Инарий уготовил им, и направит их на себя – того, кто заслужил их.

Представляя белое пламя, Ульдисиан своей волей приказал ему охватить его одного. Он взял сумму чудовищного воздаяния Пророка и обрушил её на самого себя. Боль была свирепой, и казалось, что его кожа сдирается, однако Ульдисиан принял пламя на себя.

Но когда он сделал это, случилось странное. Эдиремы знали, что у него на уме, что он хочет спасти их ценой своей жизни. Серентия была среди первых. Вместо того чтобы дать судьбе свершиться, она со своим меньшим умением попыталась погасить небесный огонь. К ней присоединились несколько других, затем всё больше и больше, и так до тех пор, пока почти все эдиремы не стали бороться за жизнь своего лидера.

И хотя им пришлось напрячься сильнее, чем они полагали своим пределом, в конце концов они устранили огонь Пророка. К дальнейшему удивлению, их сила мгновенно излечила суровые ожоги Ульдисиана и восстановила его разорванные нервы.

Сумев осуществить такое чудо, эдиремы стали в свою очередь откровением для Ульдисиана. Он воззрился на Инария, и конечно, может быть, ему и показалось, но ангел как будто бы слегка вздрогнул.

-Это больше не твой мир,- сообщил сын Диомеда Пророку голосом, так же усиленным.- И если ему суждено погибнуть сегодня, то хотя бы все будут знать, что погиб он свободным от тебя. Теперь мы сами по себе, Инарий, и в нашей силе и в нашей вере мы объединились против тебя, ангелов и демонов!

С этими словами Ульдисиан прыгнул на Пророка.

То ли благодаря своей отваге, то ли промедлению со стороны Инария, или ангел просто хотел, чтобы он пришёл, но человек беспрепятственно достиг своего противника. Сверкающий юноша встретил вытянутые руки Ульдисиана своими собственными, и они сцепились. Земля затряслась, когда их ноги прочно встали на землю, и первозданная энергия затрещала между ними.

-Ты отягощаешь свои преступления снова и снова,- тихо провозгласил Инарий ему в лицо. Глаза Пророка слепили, и в его совершенной улыбке больше не проскальзывала неуверенность.

Но Ульдисиан не мог позволить внушительному виду пошатнуть его собственную уверенность. Подстраиваясь под тон Инария, он огрызнулся:

-Но раз для меня нет надежды увидеть твой свет, пора бы тебе прекратить лепетать и уже что-нибудь сделать.

Казалось, глаза ангела засверкали чуть сердитее. Больше он ничего не сказал, но внезапно земля под ногами Ульдисиана начала сжигаться. Ступни человека уже погрузились до лодыжек, и он продолжал увязать.

Инарий надавил на него. Сила Пророка была несметной, и хотя Ульдисиан мог поспорить с ней, его погружение ставило его во всё более опасное невыгодное положение.

Он сообразил, что всё ещё мыслит понятиями смертных, тогда как Инарий – нет. Ульдисиан не должен был позволить своему погружению продолжаться; у него была сила сопротивляться.

Только подумав об этом, он воплотил это в жизнь. Ульдисиан поднялся и снова взглянул прямо в глаза Пророку. Он почувствовал, что земля под ним отвердевает.

Мрачно ухмыляясь, Ульдисиан развернул ладони и забросил Пророка высоко в воздух. Инарий крутился снова и снова, и в какой-то миг Ульдисиан предполагал победу.

Но во время падения Пророк превратился. Образ совершенного юноши обьяло пламя. Завитки красочной энергии вырвались из спины, и он увеличился в размерах. Лицо вылилось в наполовину тень, наполовину маску.

Инарий выровнял свой полёт. Он парил над Ульдисианом, излучая своё небесное величие. По своим ощущениям Ульдисиан понял, что все остальные тоже видят истинное обличье Пророка.

Я БЫЛ ТЕРПЕЛИВ С ТОБОЙ, СМЕРТНЫЙ... Я ПОПЫТАЛСЯ СДЕРЖАТЬ СВОЮ ЯРОСТЬ И ДАРОВАТЬ ТЕБЕ БЫСТРУЮ И БЕЗБОЛЕЗНЕННУЮ СМЕРТЬ! НО ВОТ ТВОЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Голос ангела потряс одновременно разум и душу Ульдисиана. Ощущение были действительно такое, словно Инарий говорил изнутри его так же, как и снаружи.

ТЫ ОБРЁЛ ЭТО ОШИБОЧНОЕ ВЕРОВАНИЕ,- продолжал крылатый воин,- ЧТО МОЖЕШЬ ВЫБРАТЬ ЧТО УГОДНО, ТОЛЬКО НЕ СМЕРТЬ! ТЫ ПОЙМЕШЬ, ЧТО ДРУГОГО ПУТИ НЕТ... Я – САНКТУАРИЙ, И САНКТУАРИЙ – ЭТО Я! КОГДА ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ ПЕРЕЧИТЬ МНЕ, ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ ПЕРЕЧИТЬ САМОМУ МИРУ.

Снова поднялся ветер. Облака – больше не под контролем Ульдисиана – закружились и за клубились с дикой страстностью. Земля вздыбилась, улеглась и снова вздыбилась.

Ульдисиан чувствовал, что Инарий черпает силу из Камня Мира, и понял, как мало ангел использовал её до сих пор. Он был поражён и напуган тем, что наблюдал, и теперь понял, почему мятежник был так мало обеспокоен встречей с войском себе подобных. Как даже тысяча ангельских воинов – или в сотню раз большее число – могла противостоять такой мощи?

ТЫ ПРИЗНАЛ СВОЮ ОШИБКУ,- усмехнулся Инарий.- ХОТЯ И СЛИШКОМ ПОЗДНО!- Пророк широко развёл руки, словно хотел объять мир и всё, что в нём.- НО ТЫ ОКАЗАЛ МНЕ ОДНУ УСЛУГУ, УЛЬДИССИАН УЛЬ-ДИОМЕД! ТЫ ПОКАЗАЛ МНЕ, ЧТО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ МОЙ МИР БЫЛ ТАКИМ, КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ, Я НЕ ДОЛЖЕН НОСИТЬ НАРЯДЫ, НЕДОСТОЙНЫЕ МОЕГО ВЕЛИЧИЯ! С ЭТОГО МОМЕНТА ВСЁ САНКТУАРИЙ УЗНАЁТ О МОЁМ ВЕЛИКОЛЕПИИ, МОЁМ СОВЕРШЕНСТВЕ, ВЕДЬ ТАКИМ ОТНЫНЕ БУДЕТ МОЙ ОБРАЗ.

С фарсом будет покончено. Если предположить, что Инарий одолеет всех своих врагов – теперь было ясно, что ничего невозможного в этом нет,- Инарий станет править единолично, полновластно, требуя полного подчинения от всех, кому он позволит жить. Пророк снял свою вуаль; все теперь узнают его и устроятся его небесного гнева.

И все проклянут сына Диомеда за его неудавшиеся деяния, за его грехи против бога.

ДА БУДЕТ НАВЕКИ ОТМЕЧЕНО ЭТО МЕСТО, В КОТОРОМ МИР БЫЛ ИСПРАВЛЕН! ДА БУДЕТ ВОЗДВИГНУТО ЗДАНИЕ В ЧЕСТЬ НАЧАЛА МОЕГО ПРЕВРАЩЕНИЯ ЭТОЙ ЗАПУЩЕННОЙ ОШИБКИ В ВОПЛОЩЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВА.

Инарий махнул рукой в сторону участка земли, перед которым стоял Ульдиссиан. Дрожание, которое возникло на этот раз, было гораздо сильнее всех предыдущих. Земля прорвалась с такой свирепостью, что Ульдиссиана подбросило высоко в воздух.

Вторым жестом ангел остановил полёт человека.

ГЛЯДИ...

Башня из грязи и камня выше любого здания, какие когда-либо видел Ульдиссиан – даже выше великого Собора, – сформировалась по указанию ангела. Увеличиваясь в размерах, она также перестраивалась. Возникли острые углы. Арочные окна выстроились линиями с каждой стороны. Великолепные барельефы и статуи – все Инария – полностью сформировались на стенах и у входа того, что скорее было святыней, чем новым восхитительным собором.

ВОТ У ЭТОГО МЕСТА, КОТОРОЕ Я НАЗОВУ ГЕТТЕРАКОМ – ВРАТАМИ РАЯ – БУДЕТ ОТМЕЧАТЬСЯ ЭТОТ ДЕНЬ... - Инарий посмотрел на своего пленника. - И ТЕБЕ, ЕРЕТИК, ТОЖЕ БУДЕТ ОКАЗАНА ЧЕСТЬ... ТЫ НАВСЕГДА ОСТАНЕШЬСЯ ЧАСТЬЮ ЭТОГО МЕСТА: ТВОИ КОСТИ БУДУТ ВОЗЛЕЖАТЬ В ЦЕНТРЕ КАК НАПОМИНАНИЕ ОБ ЭТОМ ПОСЛЕДНЕМ СЛАБОМ СОПРОТИВЛЕНИИ МОЕМУ ПРАВУ...

От вида такого поразительного зрелища воля Ульдиссиана ослабла. Быть может, лучше будет позволить всему этому произойти. В конце концов, если Инарий и в самом деле такой неодолимый, то Санктуарий и некоторые его жители выживут. Быть может, после смерти сына Диомеда даже эдиремов простят за отступничество.

Но едва Ульдиссиан начал сдаваться, как гигантский монумент, знаменующий победу Инария, стал трястись, словно началось новое землетрясение. Однако тряслось только строение, всё остальное не двигалось.

Вся конструкция сорвалась с места, полетела прямо в ангела и ударила его с гневом, который поразил Ульдиссиана. Вдруг он снова начал падать, но его падение завершилось в следующий миг, когда воздух под ним стал достаточно густым, чтобы удерживать его вес.

Только когда это случилось, мозги Ульдиссиана оправились достаточно, чтобы понять, что снова его люди пришли ему на выручку. Их не волновало, что Инарий может сделать с ними за это; они были готовы жить и умереть со своим лидером независимо от судьбы их мира.

Их готовность вполне могла стать реальностью, ибо как только невероятный снаряд эдиремов столкнулся с Инарием, он взорвался, и тысячи тысяч крошечных осколков полетели в Ульдиссиана и остальных, словно пущенные из пращи. Некоторые эдиремы полегли, убитые камнями или твёрдыми комками грязи, которые проломили им черепа или рёбра.

Ульдиссиан снова начал падать, но теперь его разум прояснился достаточно, чтобы замедлить падение. Его разум прояснился и для многого другого, ибо только теперь сын Диомеда осознал, что хотел сдаться не только в силу собственных размышлений, но и из-за хитроумного воздействия ангела на его мысли. Инарий исподтишка брал его страхи и искривлял их по своему усмотрению. Если бы не отчаянные усилия его последователей, Ульдиссиан добровольно бы согласился на свою собственную казнь.

Но теперь сдаться хотел он меньше всего. Отвращение к себе и проделкам ангела переполнило Ульдиссиана. Неважно, погибнет он или нет, если все остальные, кто верит в него, больше не будут страдать.

Он чувствовал, что внутри него курсирует сила, а достаточно ли её для свержения Инария, Ульдиссиана не волновало. Он сделает всё, что может, чтобы положить этому конец здесь и сейчас.

Если такое вообще было возможно.

Мятежный ангел увидел, как он приближается. Как и прежде, Инарий просто распростёр руки, как бы приглашая смертного к себе. Ульдиссиан не заставил себя ждать.

Он почти дошёл до ангела, когда Инарий резко выбросил ладонь в печатке в сторону выскочки-человека. Самый воздух вокруг Ульдиссиана затрепал. Он почувствовал, словно тысяча крюков разрывает его кожу, его глаза... Всего его.

Но если раньше такая мощь останавливала его, теперь она ничуть не задержала Ульдиссиана. Он продвигался

вперёд, несмотря на пытку, которой подвергалось его тело, желая только одного – достичь крылатой фигуры.

Когда они столкнулись на этот раз, облака наверху разошлись и земля задрожала. Ульдисиан боялся за эдиремов, но не смел отвлекаться. Он и Инарий завергались в воздухе, и каждый направил на другого такую силу, которая обратила бы город Кеджан в руины. Однако как-то сыну Диомеда удавалось отразить ярость, которую направил на него его противник, точно так же, как и Инарий рассеивал все его атаки.

Они рухнули на Санктуарий, и удар вызвал новое поднятие земли и камня. Два титана образовали небольшую впадину в месте столкновения, впадину, которая расширялась по мере того, как они продолжали давить друг на друга.

Даже посреди мучительной битвы в Ульдисиане росла надежда. Инарий не сдерживался, и всё же человеку как-то удавалось постоянно ему соответствовать. Ульдисиан не задавался вопросом, каким чудом это вызвано, но сам факт использовал, чтобы подпитывать свою волю. Сейчас он оказывал Инарию ответное давление, всё время разя ангела первозданными силами, которые имелись внутри него.

Первозданными силами, которые внезапно заставили крылатого воина согнуться перед ним.

-Мир больше не твой!- повторил Ульдисиан Инарию. - Избирать судьбу людей будут они сами, а не ты! Да, этот день будет памятен, но как день освобождения Санктуария от тебя!

НЕТ САНКТУАРИЯ БЕЗ МЕНЯ,- упорствовал Пророк. - В ПОБЕДЕ ИЛИ ПОРАЖЕНИИ.

Это был первый раз, когда Ульдисиан слышал от Пророка что-то, кроме абсолютной уверенности в своём успехе. Взбодрённый этим, Ульдисиан ударил ангела, запустив их обоих в сторону Собора Света. Они упали на землю прямо перед сверкающей цитаделью, огромная расщелина образовалась от удара. Собор задрожал, и трещины образовались в его восхитительных стенах.

Поднялись крики, но они не имели никакого отношения к эдиремам, которые теперь были далеко. Немалый крик поднимали служители Пророка, которые не принимали участия в сражении. К сюрпризу Ульдисиана, здесь были также многие десятки паломников, многие из которых явно пришли из Кеджана.

Когда он и Инарий подняли друг друга, Ульдисиан снова увидел перед собой золотого юношу. Превращение отвлекло сына Диомеда – очевидно, именно этого и добивался Инарий. Из рта ангела излетели не слова, но сверкающая серебряная сфера. Она увеличилась в размерах, обволокла Ульдисиана и затем полностью поглотила его, после чего оторвала его от противника.

-Для тебя наступает конец,- провозгласил Пророк, одной рукой указывая на человека. - Ты испытаешь пустоту, гораздо худшую, чем может быть смерть.

Сфера начала уменьшаться.

Ульдисиан приложил ладони к гладкой внутренней стенке своей тюрьмы. Он зашёл слишком далеко, чтобы позволить закончиться этому здесь. Его ладони вспыхнули и расплавили перегородку.

-Не может быть ничего хуже того, что я уже претерпел из-за тебя и Лилит,- прохрипел Ульдисиан. - Вы вдвоём – вот кто стоит вечного проклятья!

Он поднял землю вокруг Инария и Собора. Те верующие, которые до сих пор не разбежались в панике, сделали это сейчас, когда шпиль Собора отломился и полетел вниз к мраморному входу. Огромные куски разбитого шпиля понеслись на ангела сзади; тонны земли и камня угрожали ему.

Но всё это Ульдисиан предпринял как собственный отвлекающий манёвр. Инарий не боялся такого разрушения, с его-то способностями. Он отреагировал, как и ожидал человек: нетерпеливо махнул рукой, чтобы отразить то, что летело на него... И тем самым предоставил Ульдисиану возможность снова достичь безумного небожителя.

Они налетели на разрушенный вход дрожащего здания. Каждый новый удар, который они наносили друг другу, погружал землю в больший хаос. В конце концов крыша Собора, которую больше не поддерживали разрушенные стены, провалилась.

Но даже после этого двое видели только друг друга. Пророк больше не заговаривал, и его форма превратилась в кошмарную смесь его смертного обличья и истинного вида. Он обрушивал на Ульдисиана такую силу, которая, по мнению человека, тысячу раз должна была убить его, но сын Диомеда чудесным образом продолжал успешно сопротивляться ангелу.

И это стало приносить плоды. Атаки Инария, пусть и совсем ненамного, становились слабее. На этот раз это не было никакой уловкой – Ульдисиан чувствовал это. Ангел допускал промахи. Было вполне вероятно, что он не

устал, но теперь неуверенность изматывала его так же, как раньше она изматывала Ульдиссиана.

Затем Ульдиссиан нанёс Инарию удар, который повалил крылатую фигуру на обломки его некогда грандиозной обители. Ульдиссиан быстро прыгнул на Пророка сверху и начал бить его всеми силами, которые мог призвать из себя. Его удары были такими, что каждый из них сопровождался вспышкой молнии и трещинами в земле.

Он поднял кулак, овеянный чёрной аурой, кулак, которым он намеревался нанести последний удар,— и вдруг его внимание привлекло нечто, отличное от Инария. Ульдиссиан пытался игнорировать это, уверенный в том, что это просто ангел хочет снова отвлечь его.

Но затем слабый голос проник сквозь жар в его голове.

Голос Серентии... Молящий его посмотреть на небо.

Он посмотрел — и в этот миг Инарий стал для него меньшим, чем пустое место. Вся их борьба, всё разрушение, все смерти, вызванные их распрей, — всё это утрачивало смысл.

Ибо небо теперь не казалось реальным; оно походило на огромную роспись гигантского пергамента. И самым невозможным было, что через пергамент проходил огромный разрыв,— небо буквально было порвано.

И через разрыв влетало поразительное, бесподобное облако восхитительных созданий, чья броня сверкала ярче солнца и чьи крылья создавали головокружительную гамму цветов, какую не отыщешь в смертном мире.

Войско Высшего Неба реяло над землёй.

Глава двадцать первая

Им не было видно конца. Они влетали в неестественный разрыв сотнями, в процессе расширяя отверстие, словно для того, чтобы задние ряды могли влетать ещё большим числом. Они уже заполнили немалую часть небес, и облака реагировали на их присутствие ещё большим вспениванием.

Ульдиссиан знал, что это было неизбежно с самого начала, но наблюдать воочию такое невиданное зрелище – это потрясло его до глубины души. Внутри всегда теплилась крошечная надежда, что кто-то или что-то не даст ангелам достичь Санктуария, будь то старания Траг’Оула, изменение ими решения в последнюю минуту... Или одна лишь молитва.

Но этого не случилось. Конец мира опускался на них.

Ульдиссиан закричал, когда его тело охватила новая ужасная боль. Его отбросило в воздух спиной вперёд, и он смутно догадался, что Инарий воспользовался моментом, чтобы спасти себя.

Несколько раз отскочив от земли, Ульдиссиан наконец приземлился. Поразительное дело, но он по-прежнему вовсе не был близок к смерти. Его дар сделал за него то, что позабыл сделать он: защитил его от ярости Пророка и ужасного столкновения.

Но его всё равно ударило достаточно сильно, чтобы он оказался оглушён. Он наблюдал, как крылатые воины продолжают заполнять всё вокруг – картина размывалась от слёз, выступивших на глазах. В этот миг Ульдиссиан возжелал стать убитым. В этом случае ему хотя бы не пришлось бы видеть истребление всего, что было ему дорого.

Ослепительный свет затмил всё остальное. К ужасу Ульдиссиана, Инарий, снова представший в истинном облике, опускался на него:

ТВОЁ НАКАЗАНИЕ СИЛЬНО ЗАДЕРЖАЛОСЬ, ЕРЕТИК!- взмахом руки он поднял Ульдиссиана с земли.

Невозможно было поверить, что Инарий мог не обращать внимания на всё, что происходило наверху, но Ульдиссиан быстро понял, что это так. На взгляд мятежного ангела, ничто не имело значения, за исключением наказания Ульдиссиана.

Это было так нелепо, что, несмотря на боль, Ульдиссиан издал смешок, который граничил с безумным. Санктуарий вот-вот должен был пасть, а он был единственной целью Пророка.

Но затем Инарий отпорхнул от него, словно испугавшись чего-то. Ульдиссиан не понял, почему ангел себя так ведёт, как и того, почему он не падает теперь, когда магия врага больше его не держит.

ЧТО... ТЫ... ДЕЛАЕШЬ?- спросил Инарий - ЧТО?

Сын Диомеда нахмурился, не понимая, с кем говорит крылатая фигура. Казалось, Инарий смотрит на человека, но Ульдиссиан знал, что он ничего не делает для самозащиты.

Или всё-таки делает? Ульдиссиан наконец заметил, как тепло разливается по его телу, – тепло, которое поглощает всю боль и залечивает каждую рану, которую он получил. Когда оно достигло его головы, его разума, он почувствовал душевный подъём, какого не испытывал с тех самых пор, как в нём впервые пробудились способности. Его уверенность резко возросла, и вдруг он снова обрёл полную власть над своим телом. Золотистое свечение исходило от него, золотистое и такое ослепительное, что по сравнению с ним пылающие крылья Инария казались тусклыми и хилыми.

Свечение, которое ослепило его противника.

Полностью владея собой – нет, владея собой лучше, чем владел когда-либо, – Ульдиссиан с презрением воззрелся на Инария. Отступник использовал свои силы только для того, чтобы завоёвывать, обрекать или убивать тех, кого считал неполноценными или дерзкими. По его мнению, ничто не заслуживало жизни, кроме его самого.

Ирония заключалась в том, что Инарий был далёк от того, чтобы стоять тех самых людей, которых он так презирал. Они доросли до того, чего он был не в силах постичь, и Ульдиссиан представлял собой воплощение этого.

Инарий резко хлопнул в ладоши в перчатках, и серебряный осколок энергии полетел в человека. Ульдиссиан предположил, что он должен был разрезать его надвое. Эдирем рассеял его с презрительной усмешкой, заставив ангела застыть в воздухе.

И когда Инарий завис там – по мнению Ульдиссиана, очевидно, ошеломлённой отказом смертного принять свою судьбу, – сын Диомеда вытянул руку с раскрытой ладонью в направлении Пророка. Однако не на самого Инария нацелился Ульдиссиан. Глазами, которые видели отныне столь многое, он воззрился на связь между ангелом и Камнем Мира.

Никто другой и не подозревал, насколько Камень Мира был сложной вещью. По крайней мере это было ясно Ульдиссиану. Ещё он чувствовал, что имелись причины, по которым ему не следовало развивать эту мысль. А что ему нужно было сделать сейчас, так это закончить то, что он по наитию начал в пещере, где впервые увидел великий артефакт.

Расстояние не имело значения, когда речь шла о Камне Мира. Хотя физически он находился в сотнях миль, на самом деле он был повсюду, и потому Ульдиссиану было нетрудно достичь его своим разумом. Он узрел его многосложную структуру и отметил положение аномалии, которую он создал, когда стоял перед камнем вместе с Ратмой. Ульдиссиан был в тот раз так близок к тому, чтобы не допустить всех последовавших кровавых событий. Но он был слеп.

Но теперь он прозрел. Всего-то и нужно было, что внести одну поправку в невозможную, шестистороннюю форму грани, которую он создал.

Ульдиссиан произвёл эту корректировку...

И Инарий взвыл. Он замерцал, и казалось, будто часть его сгорела. На вид ангел не изменился, однако когда Ульдиссиан сосредоточился на нём снова, Инарий казался... Гораздо меньше. Он всё ещё был тем, чем был, небесным воином несметной силы, но эта сила была ничем по сравнению с той, которой наделял его Камень Мира.

Ульдиссиан обрубил привязку отступника. Инарий более не мог вызывать к Камню Мира.

Ангел продолжать выть, но теперь этот вой был окрашен гневом. Инарий призвал всю свою силу – и Ульдиссиан с лёгкостью разделался с его атакой.

Он уже хотел сделать то же самое с самим Пророком, но затем Ульдиссиан снова услышал в своей голове призывы Серентии и остальных. Это последнее столкновение между ним и Инарием продлилось каких-нибудь несколько секунд по счёту времени в Санктуарии, но теперь была дорога каждая секунда.

- Не тебе теперь решать судьбу этого мира, - в последний раз напомнил он падшему ангелу. С этими словами он создал сферу, очень похожую на ту серебряную, в которую Инарий хотел забросить его, и заключил в неё своего побеждённого противника.

Инарий бушевал внутри, но сфера была устроена так, что не пропускала ни звука. Его беззвучную тираду было бы забавно наблюдать, если бы сын Диомеда не знал, сколько людей пострадало из-за него.

Оставив сферу парить среди руин Собора Света, Ульдиссиан повернулся...

Ужасный толчок потряс его и заставил упасть на колени.

ТЫ НЕ ПОМЕШАЕШЬ ТОМУ, ЧТО СВЕРШИТСЯ, - заявил голос, очень похожий на голос Инария, но не принадлежащий ему.

Голос Тираэля.

Ульдиссиан не видел другого ангела, но чувствовал его силу. Тираэль от природы был намного сильнее, чем Инарий. Ульдиссиан всё равно мог легко его победить, но второй ангел мудро скрывал свои махинации за гневом Пророка, а теперь было слишком поздно.

Тираэль удерживал его на коленях.

УРОДСТВО, КОТОРОЕ СОЗДАЛ ИНАРИЙ, ДОЛЖНО БЫТЬ УДАЛЕНО ИЗ ПАМЯТИ ВСЕЛЕННОЙ... ГРЯЗНАЯ ПОМЕСЬ АНГЕЛА И ДЕМОНА ПО ПРАВУ ДОЛЖНА БЫТЬ ЗАБЫТА... И ВОСТОРЖЕСТВУЕТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

- Чь... чья справедливость? - огрызнулся Ульдиссиан, пытаясь одолеть одновременно боль и свои невидимые путы.

Но ангел проигнорировал его вопрос, провозгласив:

УЗРИ! ОЧИЩЕНИЕ ИДЁТ.

Ульдиссиан ничего не мог с собой поделать – он смотрел, и видел, как ангелы буквально сыпались дождём. Небесное войско опускалось в совершенном порядке, ряд за рядом во всех направлениях распространяясь по Санктуарию. У всех наготове было пламенное оружие – от мечей и пик до кос и остального – Ульдиссиан откуда-то понял, что на самом деле это было всего лишь наглядное олицетворение их сил. С помощью этого оружия они намеревались налететь на людей и на земли и не оставить за собой ничего, кроме пламени.

Но затем случилось кое-что, чего явно не желал Тираэль. Из разрушенной земли вырвались огромные дымящиеся кратеры. Он разверзлись на глазах, разбросав эдиремов. Ульдиссиан знал, что это было, и его надежды на спасение его дома ничуть не возросли, особенно после того, как первая чешуйчатая тварь выскочила на поверхность, чтобы сойтись в бою с ангелами.

Пылающий Ад пришёл, чтобы принять участие в решении судьбы Санктуария.

Демоны были не похожи на ангелов. Между собой их роднила только свирепость. Они не шли ряд за рядом, но разливались подобно потоку, быстро покрывая обширную землю, а затем поднимаясь в небо.

Те из небесного войска, кто направился было в отдалённые уголки мира, тут же повернули назад, чтобы присоединиться к своим собратьям в битве с демонами. Они двигались с уверенностью, которая заставила Ульдиссиана предположить, что они ждали этого момента. Теперь события не сосредотачивались на самом Санктуарии: конец его мира и его людей стал всего лишь частью извечного конфликта между двумя сторонами. Каждый умрёт и будет забыт к тому сроку, когда ангелы и демоны сойдутся в битве в следующий раз.

Забыт, словно никогда и не существовал на свете.

Ахилий склонился над Мендельном, боясь, что не подоспел на помощь вовремя. Само провидение привело его сюда как раз, когда брат Ульдиссиана и Малик стали сражаться. Провидение и, как ни забавно, Инарий.

Это была ошибка ангела, что охотник оказался неподалёку, ведь это было место, где злобные растения Пророка были посажены, чтобы атаковать ничего не подозревающих эдиремов прежде всего остального, чтобы полностью их деморализовать. Здесь Ахилий был погребён на всю ночь с лицом, обращённым вглубь земли. Он и правда поверил, что пойман навеки, и это заблуждение не рассеялось даже тогда, когда он услышал, как последователи Ульдиссиана шагают по уплотнённой почве.

Лучник также ощутил, когда трава начала нападать на них, и хотя рот его был полон травы и грязи, неотъемлемая магия всё равно позволила ему криком выразить своё раздражение – хотя никто наверху и не мог его услышать.

Но затем свершилось чудо, которым Ахилий был уверен, что обязан Ульдиссиану. Сначала возникло непередаваемое тепло, которое пронизало его, не нанося вреда, но сожгло сражающиеся стебли до самых корешков. Когда затем Ахилий попытался выкопаться, сама земля поднялась, словно по ней ударила огромная сила.

Живого человека она могла бы убить, но лучника она наконец подняла на поверхность. Он всё ещё был закопан, но щели, через которые просачивался свет, говорили о том, что теперь он был частью какой-то насыпи или холма – гораздо более многообещающее положение, чем изначальное.

Но кто-то подошёл, и, испугавшись, что это один из прислужников Пророка, Ахилий сделал то, что ему удавалось так хорошо, – прикинулся мёртвым. Человек очень быстро осмотрел его, не удосужившись даже оторвать что-нибудь, кроме руки, а затем двинулся дальше.

Однако как только Ахилий решил, что уже можно выкапываться, он услышал шум борьбы. Голоса помогли ему распознать, кто сражался, и будь у него живое сердце, оно бы подскочило в этот миг. Ахилий знал, что Мендельн искушён в том, чему Ратма научил его, но знал он также, что Малик нечеловечески коварен. У охотника не возникло сомнений в том, что брату Ульдиссиана требуется его помощь.

Как оказалось, помощь пригодилась им обоим. Малик не мог похитить у Ахилия мёртвое тело, но и Ахилий не смог взять верх над высшим жрецом. Он обрадовался, когда Мендельн положил конец демоническому врагу, но встревожился, когда после этого человек в чёрном рухнул на землю. Теперь, когда он встал перед ним на колени, Ахилий молился о том, чтобы не оказалось, что усилие Мендельна стоило ему жизни.

Никаких признаков смертельного ранения не было, но Мендельн не шевелился. Более того, Ахилию понадобилось наклониться ближе, чтобы вообще убедиться, что его друг дышит.

Земля задрожала, и звуки отчаянной борьбы донеслись со всех направлений. Ахилий отчаянно хотел броситься к Серентии, но она бы никогда не ждала от него, чтобы он оставил Мендельна. Он бы пал в её глазах, и это стало бы последним ударом по его и без того ужасному существованию.

Но что он мог поделать? Оглядевшись вокруг, Ахилий увидел костяной кинжал. Хотя лучник раньше не подавал виду, ему делалось сильно не по себе от его присутствия. На оружии не только лежала часть вины в том, что лучник находился здесь, но оно также напоминало о месте, частью которого он теперь был – о месте, которое Мендельн и Ратма звали послесмертьем. Ахилий боялся, что если он коснётся кинжала, то тот как-то отправит его во тьму, которая навсегда отдалит его от женщины, которую он любит.

Но в то же время он чувствовал, что, быть может, клинок являлся единственным средством сделать что-нибудь для брата Ульдиссиана.

Задержав дыхание, которого у него больше не было, Ахилий схватил рукоять. Он ожидал, что почувствует могильный холод, но оружие излучало лишь приятную прохладу. Больше не боясь так сильно, светловолосый лучник поднёс оружие к Мендельну и, не в силах больше ничего придумать, положил кинжал прямо на середину груди последнего.

Клинок ярко вспыхнул, напугав Ахилия так сильно, что тот повалился навзничь. Свет оплёл Мендельна... И в этом освещении Ахилий увидел призраков.

Но это были не простые духи умерших эдиремов или служителей Пророка. Их красота, их совершенство были исключительными. Как люди, выглядели они в большинстве своём – но люди настолько же, насколько человеком был Ратма.

Это могли быть только дети тех, кто основал Санктуарий... Первые нефалемы.

Он мог увидеть их только там, где сиял свет кинжала, однако было ясно, что их гораздо больше. Ахилий понял, почему они здесь. Они погибли давным-давно, сражаясь за судьбу мира, в котором родились, принесли себя в жертву ради выживания остального человечества и всех последующих поколений.

Нефалемы пристально взглянули вниз на Мендельна, после чего бледное освещение затянуло их в кинжал.

Мендельн отрывисто закашлял и сел. Глаза его распахнулись, и он сразу посмотрел направо и налево, словно ожидал найти там что-то. Наконец его взгляд оказался прикован к охотнику.

-Ахилий! Малик! Он...

-Отправился в Пылающий Ад... Надеюсь.

Земля снова задрожала. Мендельн заставил себя подняться на ноги, кинжал теперь плотно был зажат в его руке.

-Ульдиссиан!

Ахилий кивнул, хотя его мысли не были целиком посвящены старшему брату Мендельна.

-Ты можешь... Идти?

-Я могу бежать...

-А... Отлично, - он не стал ждать Мендельна, уверенный, что товарищ последует прямо за ним. Охотник своё дело сделал – он спас друга. Теперь он надеялся сделать то же для девушки, которую любил, пусть даже только для того, чтобы вместе встретить конец этого мира.

Местность была залита кровью; часть принадлежала демонам, но слишком большая часть – эдиремам. Серентия обнаружила, что её особенно раздражают ангелы, потому что они, умирая, не оставляли после себя никаких следов, из-за чего казалось, что гибли только их враги. Должны были быть какие-то останки, знаменующие их смерть, что-то, что позволило бы эдиремам ощущать, что они успешно противостоят обеим сторонам захватчиков, а не только одной.

Служило слабым утешением даже то, что демоны были куда как более заинтересованы в крылатых врагах, чем в её людях, а эдиремов атаквали только из-за очень сильной жажды крови. Она знала, что Троединое стремилось превратить человечество в солдат-рабов Пылающего Ада, так что чудовищным воинам следовало бы из всех сил стараться избегать эдиремов, но этот простой факт был выше понимания большинства демонов. Она и остальные будут убиты только потому, что оказались на пути.

Об Ульдисиане ничего не было слышно. Он был непроницаем для её дара, что пробудило в ней тревогу, уж не мёртв ли он. Мендельн тоже снова был среди отсутствующих, и Ратму она не могла спросить, знает ли он что-нибудь, потому что и он исчез. Серентии ничего не оставалось, кроме как сражаться, сражаться, пока очередной ангел или демон не разорвёт её на мелкие кусочки.

Ангелы пошли в наступление. Не то чтобы они внезапно разглядели в эдиремах угрозу, просто свежая орава демонов поднялась за спинами людей, и небесное войско намеревалось сразу же встретить их... После того, как прорвутся сквозь отребье между двумя сторонами. Серентия воевала с женщиной-ангелом, владеющей булавой. Ангелессы мало отличались от своих мужских собратьев, только общие контуры у них были более женственными и то, что сходило за волосы, было длиннее. Не зная наверняка, что правда, а что – иллюзия, Серентия сражалась с ней точно так же, как с остальными, и совсем не огорчилась, когда её копьё пробило нагрудник ангелессы.

Подпитываемое её силами, страшное копьё буквально растрясло её врага. Закованная в броню ангелесса наконец взорвалась вспышкой поразительных оттенков, что сопровождалось резким, пронизывающим шумом. Ангелы были в той же мере звуком и светом, что и материей, и только благодаря тому, что эдиремы – как и демоны – использовали оружие, наделённое магическими силами, у них вообще имелась возможность противостоять крылатым фуриям.

Войско приблизилось, заслонив ей обзор возвышающимися, ханжескими фигурами. Серентия вскоре обнаружила, что сражается с двумя одновременно, и хотя её поразило то, что некоторое время ей удаётся их приструнить, боль в руках сообщила ей, что до её падения осталось немного.

И верно, когда она попыталась отразить удар меча, её правая рука отказала. Она видела, как пылающий клинок несётся к ней...

Вперёд с криком выскочил Ахилий, держа в обеих руках огромный сверкающий меч, – наверное, подобрал его с какого-нибудь мёртвого демона. Он не только отразил атаку ангела, но тут же ринулся вперёд. Со странным высоким звуком, который всегда знаменовал их гибель, ангел взорвался, но от того, что в предыдущий раз показалось Серентии захватывающим и красочным зрелищем, теперь ей сделалось плохо.

-Отойти!- заревел на неё Ахилий.- Уходи... Отсюда, Серентия!

Но теперь, когда он вдруг снова оказался с ней, у Серентии не было желания покидать это место. Она встала бок о бок с ним и встретила очередного врага.

-Я не оставляю тебя снова! Не оставляю!

-Мендельн! Забери её... Забери её... Отсюда!

Осмелившись оглянуться, Серентия увидела брата Ульдисиана далеко от них. Он пытался помочь Ратме сотворить какое-то заклинание. Судя по крику Ахилия, они прибыли вместе, но охотник не заметил, как они разделились.

Это было как раз ей на руку. Она была с мужчиной, которого она любила. Именно так Серентия и хотела, чтобы закончилась её жизнь.

Однако Ахилий не был так доволен.

-Проклятье... Серентия! Ты должна... Должна послушать... Меня! Я... Молю тебя! Беги!

-Я не оставляю тебя!- упорствовала она.- Я не...

Отразив противника, Ахилий повернулся, чтобы спорить с ней. В то же время другой ангел подлетел незамеченный.

-Не-е-е-т!- представляя себе новую смерть лучника, она бросилась вперёд. Её копьё насмерть пронзило крылатого воина; режущий ухо звук кончины ангела чуть не оглушил её.

Но, защищая Ахилия, Серентия позабыла о собственной безопасности. Ангелесса по правую руку внезапно

повернулась к ней.

Плавающий меч пронзил её насквозь.

Мир потерял чёткие очертания. Она слышала, как Ахилий выкрикивает её имя. Серентия хотела сказать ему, чтобы не волновался за неё, чтобы защищался, но слова не были произнесены.

Она увидела его лицо – только оно и было чётким в расплывающемся мире. Улыбаясь, Серентия приложила ладонь к его щеке... И умерла.

Уровень ярости, который позволил Ульдисиану противостоять Инарию, снова охватил его, однако заклинание Тираэля всё ещё держало. Он не понимал, почему ангел просто не убил его: какой был смысл в том, чтобы дать сыну Диомеда видеть, как мир разрывают на части?

И почему Тираэль возложил на человека свержение Инария? Вряд ли просто для того, чтобы унижить отступника. Ульдисиан сомневался, что такие вещи волновали этого ангела. Это было видно по тому, как тот говорил о справедливости.

Мысли стали кружиться в голове Ульдисиана, и мысли эти питались эмоциями, рождёнными при виде начала битвы, в гущу которой угодили эдиремы.

Ангелы и их отвратительные противники не обращали никакого внимания на всё, что творилось вокруг них. Вот демоны раздавили нескольких человек, которые попросту не успели отойти, а вот крылатые воины рубанули не глядя, не только расчленив демонов, но заодно и убив невинных. Эдиремы как могли противостояли обеим сторонам, вливая всю свою силу в мечи, вилы и тому подобное, что затем обрушивали на своих противников, но они сильно проигрывали числом.

«Это – справедливость?» Ульдисиан попытался освободиться. Он знал, что по крайней мере должен находиться с остальными, умереть вместе с ними.

Демон с тремя драконьими головами и толстыми медвежьими руками разорвал на части ангела, который подлетел слишком близко. Ангел не разлетелся кровавыми клочьями, но взорвался светом, не оставившим следов. Взрыв сопровождался странным высоким звуком, от которого дрожь пробежала по телу Ульдисиана. Правда, недолго демону оставалось ликовать, поскольку другой ангел метнул копье в среднюю голову. Головы издали пару болезненных рёвов, после чего превратились в прах.

Вся местность была испещрена поразительными вспышками беспримесных магических энергий оттого, что обе стороны находили своим силам самое разнообразное применение. Ульдисиан ожидал, что эдиремы погибнут быстро, но случилось странное. Они не погибли. Более того, те, кто мог, собрались в месте, которое можно было примерно назвать центром сражения, и изо всех сил старались окружить щитом себя и остальных, чтобы защититься от происходящего несчастья.

И с ними были другие, те, кто был не совсем эдиремами, но во многом гораздо, гораздо большим.

Ратма вернулся... И не один.

С ним пришло несколько других высоких фигур, как прекрасных, красивых, так и странных на вид. Он узнал только одного – Бул-Катоса. Гигантский воин стоял в первых рядах тех, кто защищал менее сильных; земляной страж использовал огромную дубину, чтобы отбивать рогатых демонов, которые смели преградить ему путь. Сила демона была ничтожна по сравнению с Древним. Бул-Катос одним ударом пробивал грудь, затем другим раздавливал череп.

Среди остальных ровесников Ратмы Ульдисиан мог выделить только плотную женщину-воина, которая сражалась даже с большей страстностью, чем Серентия. Её волосы развевались, как живые. Она отбила клинок ангела чёрным топором. Противники обменялись двумя ударами, после чего Древняя сделала выпад и пробила нагрудник крылатой фигуры. Броня – если она была таковой на самом деле – никак не могла смягчить удар.

Как и предыдущие, ангел исчез во вспышке фантастического света, сопровождающейся раздражающим – и слегка отличным – звуком.

Он не мог почувствовать своих друзей или брата, и это усилило страхи Ульдисиана. Его тело задрожало от сдерживаемых эмоций и энергий.

ПРИМИ, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ, - сказал ему Тираэль. Ангел звучал не лицемерно, как Инарий, но скорее просто констатировал факт. - ЭТО НЕИЗБЕЖНО. СМИРИСЬ С ЭТИМ...

Но его слова произвели на сына Диомеда противоположный эффект. У него возникло чувство, словно его пленителю нужно было убедить его сдаться.

Ульдиссиан подумал о методах Пророка и его постоянном искажении фактов или выборочном сокрытии фактов. Правда не совсем была таковой, когда были вовлечены эти существа. Они по-своему были такими же хитрецами, как любой демон.

И это стало последним фактором. Ульдиссиан задумался о том, насколько большое участие принимает Тираэль в его пленении, а насколько его держат его собственные страхи и сомнения.

Внезапно Ульдиссиан возжелал только одного – освободиться.

Его тело замерцало. Уголком глаза он наблюдал реакцию Тираэля – но, в отличие от Инария, ангел только отошёл назад и смотрел. Крылатое создание склонило голову и было готово заговорить, хотя возможно, что это была всего лишь игра воображения Ульдиссиана, ведь у ангела не было рта.

Потом Тираэль утратил всякое значение. Ульдиссиан потребовал, чтобы заклинания ангела не стало... И это случилось. Он встал прямо, почему-то чувствуя себя так, будто навис над Тираэлем.

Он ожидал, что ангел станет атаковать, но Тираэль просто стоял и смотрел, почти как если бы ждал поразительного побега человека.

Чувствуя, что о крылатом воине больше можно не беспокоиться, Ульдиссиан повернулся лицом к свирепой картине боя и испытал невиданное отвращение. Он видел, как мёртвые ложились грудami, видел тщетность бесконечной борьбы между ангелами и демонами. Видел, что его миру суждено стать просто ещё одним полем боя из многих тысяч, а о причине битвы позабудут сразу по её завершении. Никто не будет скорбеть по Санктуарию. Никто...

Ульдиссиан не мог допустить этого. Он не мог. Каждой фиброй своей души сын Диомеда вобрал в себя все смерти, которые свершились до сих пор из-за извечного конфликта, – включая смерти всех тех, кто умер по причине его завоевательного похода, – и дал им побороть любое сомнение, которое могло удерживать его.

Воздев кулаки к крылатому войску и демонической орде, видя, как его люди продолжают умирать, Ульдиссиан тихо проговорил.

«Прекратите».

И все... И всё... Застыло.

Глава двадцать вторая

Не было ни звука, ни даже малейшего дуновения ветерка. Ульдиссиан даже не слышал собственного дыхания, хотя это его и не волновало. Он знал только одно: он остановил кровопролитие. Он остановил опустошение.

Но это было только начало. Ангелы зависли в небе, неподвижные, словно неживые. Демоны замерли в прыжке. Эдиремы стояли, не двигаясь.

Ничто не двигалось... Кроме, понятное дело, его самого.

В его голове стучало от мысли, что он смог сделать то, что не под силу было даже Пылающему Аду и Высшему Небу. Он был не просто спасителем Санктуария; он был богом, которым Инарий мнил себя.

Ульдиссиан оглядел сражающихся. Снова воздев руки, на этот раз с раскрытыми ладонями, он повелел ангелам и демонам отодвинуться назад.

Они подчинились, но потребовалось большее усилие, чем он ожидал. Непреклонный, уверенный в том, что ему хватит силы, Ульдиссиан стоял на своём. Земля задрожала, и даже небо затряслось, словно готовое расколоться надвое, но ангелы и демоны в конце концов оказались отделены от эдиремов.

-Хватит,- гремел он, обращаясь к застывшим фигурам.- Довольно.

Ульдиссиан взглянул на демонов. Скользящим движением ладони он заставил полчища податься назад. Демоны в десять раз выше его беспомощно скакали по разорённой земле, скакали до тех пор, пока вместе со всеми своими сородичами не добрались до портала, через который они пришли.

Сын Диомеда повелел им войти в портал, принуждая вернуться в Пылающий Ад. У демонов не было выбора. Хотя с них было снято заклинание, которое заморозило их, теперь они тщетно пытались освободиться от невидимого захвата. Через несколько секунд о том, что здесь только что были полчища демонов, говорили только изорванные клочья, оставшиеся от убитых.

А затем Ульдиссиан перевёл внимание на ангелов. Правда, когда он это сделал, ему показалось, что он услышал слабый голос, который звал его извне. Но не было существ, которых бы он хотел услышать. Это была его земля; интересы всех остальных не имели для него значения.

С места, где он стоял, небесное войско казалось всего лишь роем мошкар. Ульдиссиану не верилось, что он когда-то боялся их. Он вдохнул воздуха и сдул крылатых воинов назад в разрез в небесах. Ребяческий восторг охватил бывшего фермера, пока он наблюдал, как безукоризненные боевые ряды смешивались в кучу и ангелы нестройными кипами исчезали в разрезе.

Ульдиссиан.

Голос донёсся снова, и на этот раз он узнал его. Дракон, Траг'Оул. Однако, хотя создание не было его врагом, сын Диомеда не видел причин отвечать на зов существа. Траг'Оул не сумел защитить Санктуарий; он, как и все остальные, был не вправе говорить Ульдиссиану, что ему делать с его миром.

Земля затряслась снова. Раздражённый, Ульдиссиан приказал тряске уняться. Она унялась... И тут же возобновилась.

Он направил всю свою силу, подчёркивая, что дрожание должно уняться. На этот раз всё прошло, как надо.

И тогда Ульдиссиан повернулся к двум остававшимся ангелам, но оказалось, что Тираэль пропал. Только Инарий остался.

Не придавая значения внезапному отбытию второго ангела, Ульдиссиан подошёл к пленённому Пророку.

-Вы называете нас отродьями,- сказал человек.- Что ты скажешь теперь?

Но Инарий продолжал молчать — и это прибавило тревоги сыну Диомеда. Хотя мятежный ангел принял истинное обличье и потому не имел различного выражения, в этот миг Ульдиссиан мог бы поклясться, что Инарий беззвучно смеётся над смертным.

Уверенность в этом ещё сильнее разгневала Ульдиссиана. Сфера раскололась, синий свет проник внутрь. Явно

испытывая боль, Инарий упал на колени... Но чувство, будто он смеётся, не исчезло.

Ульдиссиан продолжил бы наказывать его за дерзость, но новая и более сильная дрожь охватила землю, достигая, насколько он мог ощутить, далёкого Кеджана и ещё более отдалённых мест. Он взглянул на Инария, но не нашёл, каким образом Пророк мог вызвать это.

Решив, что происхождение не имеет значения, Ульдиссиан направил свою силу на новое землетрясение и повелел ему прекратиться.

Но оно, напротив, усилилось вдвое. Небо тогда стало тёмно-алым; не прекращающие движения облака напоминали взбаламученную кровь.

Он снова взглянул на Инария.

-Что ты сделал? Говори!

Наконец ангел заговорил.

Я НЕ СДЕЛАЛ НИЧЕГО.

Огромная расщелина в земле открылась к югу. Зигзагами, но неуклонно она потянулась к столице. Ещё одна щель раскрылась по правую руку от Ульдиссиана.

Третья образовалась рядом с эдиремом.

Действуя инстинктивно, Ульдиссиан использовал свой дар, чтобы заставить последнюю затянуться. От приложенного усилия он чуть не потерял сознание, и, что ещё было хуже, пока он приходил в себя, дрожание становилось всё неистовей. Он чувствовал растущий страх его приверженцев, и хотя он пытался утихомирить землю вокруг них, она, напротив, вздымалась и опускалась, и покрывалась трещинами.

С колотящимся сердцем Ульдиссиан направил всю волю на то, чтобы создать порядок, но случилось противоположное. Земля под ним начала проседать. Он отскочил в сторону как раз вовремя.

Прямо на глазах у сына Диомеда то, что осталось от Собора Света, провалилось в недра земли. Сфера с Инарием провалилась тоже; исчезая в обломках, ангел равнодушно взирал на Ульдиссиана.

Ульдиссиан стоял в ошеломлении, не зная, что делать дальше. Санктуарий вокруг него разваливался на части — и он ничего не мог с этим поделать. Не мог он и понять, почему. Со своими изумительными силами он так легко сумел отвернуть Высшее Небо и Пылающий Ад, но теперь какая-то страшная сила делала то, что он боялся, что вызовет их борьба. Если не Инарий, то кто был виновен? Ульдиссиан не ощущал никакой огромной магической силы, которая могла бы вызвать такое бедствие.

Борясь не только с расширяющейся катастрофой, но и с собственным растущим страхом, Ульдиссиан наложил всеобъемлющее заклинание на всё сущее в Санктуарии. Уж он добьётся порядка. Он заставит мир восстановиться.

Но вместо порядка ему довелось наблюдать с ужасом, как луга к югу вздымаются ввысь. Образовался движущийся холм, раздувшийся в огромный земляной пузырь, который затем взорвался с яростью вулкана. Облака в небе завертелись во всё крепнущем круговороте, который обещал превратиться в колоссальный вихрь. Синие молнии засверкали над столицей и джунглями.

И только тогда Ульдиссиан понял, что он сам виновен во всём этом. Не Инарий. Не войска Высшего Неба и не звериные толпы Пылающего Ада.

Он, Ульдиссиан уль-Диомед, был виновен в неминуемой гибели Санктуария.

Теперь это было так очевидно. Ульдиссиан чувствовал, как колотится его сердце, как кровь несётся по венам. Казалось, в нём жило два человека. Один из них пытался думать связно, пытался сосредоточиться и найти решения.

Но второй, изначальный Ульдиссиан был тем, кто видел, как умирали любимые и разорялась земля. Кто был соблазнён демонессой, после чего утратил доверие к кому бы то ни было. Кто сталкивался с одним предательством за другим, в то время как желал лишь мира во всём мире.

Как часто за последнее время он действовал, не думая? Как часто его сила, а не сам Ульдиссиан, управляла событиями? Ведомая его примитивнейшими эмоциями, она в конце концов вышла за пределы его осознанного контроля. Сейчас она выплёскивалась на Санктуарий, мир, которому было не суждено стать таким, каким он так отчаянно желал его видеть. Это было бездумное, бесконтрольное выплёскивание магии, и потому оно могло

вызвать только больший хаос, большее разрушение.

И каждый раз, когда пытался навести порядок, он неосознанно подпитывал свои страх, беспокойство, злость... Все тёмные чувства. Он сражался с самим собой – и проигрывал всё больше и больше с каждой попыткой.

Ульдиссиан стоял, не в силах реагировать. Он хотел спасти мир, но его попытка уже выплеснула на мир такую силу, что он боялся, что следующая вконец уничтожит его. Однако если сын Диомеда не станет ничего делать, получится тот же трагический результат.

Он чувствовал, что эдиремы ждут своего страшного конца. Кеджан тоже излучал ужасную безнадёжность – город наконец-то заметил опасность, которая стремительно к нему приближалась. Ульдиссиан чувствовал ужас обитателей джунглей, ассенианцев, как называли его расу, и людей, которые жили гораздо дальше. Он ощущал, что как люди, так и животные готовились к своей неизбежной кончине.

«Если бы только я понял раньше!- в отчаянии подумал он.- Если бы я только слушал Мендельна и остальных, я смог бы победить это, зарыть глубоко внутри! Но теперь...»

Ульдиссиан замер. С широко распахнутыми глазами он обдумывал одну сумасбродную мысль. Это его сила вызвала такое разрушение. Его сила. Быть может, он мог как-то одержать над ней верх. Он бы...

В спешке под давлением ситуации, Ульдиссиан попытался втянуть обратно в себя всё, что он высвободил. Однако он быстро обнаружил, что, оказавшись на свободе, эти силы увеличились больше, чем в тысячу раз. Теперь они были такой же частью природных сил Санктуария, как и частью его. Даже если он втянет в себя всё, что выпустил, этого больше не будет достаточно, чтобы спасти хоть что-нибудь.

Но Ульдиссиан не отступил. Для него не существовало других целей, кроме как обратить вспять то, что он натворил. Он готов был пойти на что угодно. У него не было выбора. Он должен был справиться.

Было время, когда сын Диомеда размышлял, есть ли предел потенциалу его дара эдирема. Теперь он молился о том, чтобы, даже если был предел, дара оказалось достаточно, чтобы выполнить эту великую задачу.

Собравшись с силами, сделав глубокий вдох, Ульдиссиан начал приказывать необузданным силам возвратиться.

Он закричал, когда его пронизала первая волна, ибо она обжигала жарче огня. Но Ульдиссиан представил брата, представил Серентию, Ахилия и всех, кто преданно шёл за ним. Представляя их лица в своей голове, он потребовал, чтобы его воля свершилась. Ничто иное не имело значения, ни сознательное, ни подсознательное.

Его тело уже сверкало ослепительным золотом и становилось ещё более ярким по мере того, как Ульдиссиан поглощал всё, что приближало конец Санктуария. Область вокруг него излучала несметные количества магической энергии, и вся она была направлена на человека. Угодившие в поток такой ошеломляющей силы, огромные камни, куски древесины и многое, многое другое кружились в воздухе вокруг него.

Ульдиссиан не обращал на это внимания. Для него ничего не существовало, кроме задачи закончить то, что он начал. Он видел только непрерывное втекание магии не только в его тело, но в его душу. Каждый миг бывший фермер был уверен, что больше не выдержит, однако он продолжал стоять, тысячекратно испытывая тысячи пыток, ни одну из которых не испытало живое существо до него.

Он слышал отдалённые голоса, но, приняв их за крики умирающих, Ульдиссиан старался игнорировать их. Ему нельзя было отвлекаться. Всё его существо должно было оставаться полностью сконцентрированным на претворении его последней надежды.

Энергия продолжала вливаться. Ульдиссиан кричал, но держался. Он молился о том, чтобы до того, как сломается, ему удалось спасти нескольких людей.

Оно продолжало вливаться в него, как бушующая река расплавленной земли. Он упал на колени, но держался. Но и поток не ослабевал. Он всё бежал и бежал...

Затем...

Прекратилось.

Уверенный, что что-то пошло не так, Ульдиссиан продолжал пытаться втянуть в себя больше, но ничего не последовало.

Он прямо всхлипнул от этого чуда – не из-за себя, но из-за того, что это означало надежду для других. Однако до окончания было далеко. Ульдиссиан чувствовал, как всё, что он принял, рвётся наружу. Ему приходилось прикладывать все силы, чтобы удержать это, и как долго такое положение могло продлиться, сын Диомеда не

знал.

Затем настал миг понимания, принятия того, что необходимо, чтобы положить конец угрозе. Ульдисиан понял, что ему нетрудно принять то, что должно было свершиться, потому что это был не только единственный вариант, но вариант правильный.

Он поднялся. Сверкая ярче солнца, представая куда большим, чем человек, сын Диомеда оглядел свой мир. Ульдисиан восхитился реками, лесами, горами и морями. Он осмотрел многочисленных людей Санктуария и подивился их многообразию. А ведь все они обладали таким же потенциалом, таким же величием.

Но в случае Ульдисиана и его последователей проблемой было, что всё пришло к ним слишком скоро. Человечество – и, в первую очередь, его – слишком поспешно подвели к их судьбоносному пути. Это было дело рук Лилит – демонесса была слишком нетерпелива, чтобы дать векам навести людей на этот путь. Ульдисиану не было дано возможности толком дорасти до своего дара.

Не пришло время существа, которым чуть не стал Ульдисиан. Не пришло...

Ты понимаешь...

Ульдисиан знал, кто говорит.

Траг'Оул?

Я пытался коснуться твоего разума... Но мне это было не по силам, – признался дракон. Небесное создание по тону казалось ослабевшим, но довольным. – Я знал, что у тебя получится.

Нет... Ещё не получилось, пока это – пока я – представляю угрозу для Санктуария!

Он ощутил согласие дракона.

Я могу показать тебе, где это можно выпустить, но платить придётся тебе.

Меня не волнует! Покажи мне!

Траг'Оул показал, и Ульдисиан в изумлении воззрился на то, что открыло ему существо.

Значит... Вот как...

Да, – только и нужно было ответить дракону.

Ульдисиан улыбнулся, и все его тревоги как рукой сняло. Он воздел руки к небу.

Это всё, что мне нужно сделать? Просто дать этому случиться?

Выбор за тобой. Всегда был.

Ульдисиан почувствовал, что дракон удаляется. Он больше не требовался для того, что предстояло человеку.

Сын Диомеда использовал свои силы, чтобы в последний раз взглянуть на тех, кто был дорог ему, – на Мендельна, Ахилия и Серентию. Перед тем, как продолжить, он должен был сделать две вещи. С тем, чем он мог свободно повелевать, Ульдисиан мог исправить положение для своих друзей и брата.

Покончив с этим, Ульдисиан посмотрел вверх, но глядел он не на небо. Он воззрился далеко за его пределы – в место и время, которые открыл ему дракон.

Ярость, которую он удерживал в себе, пыталась освободиться.

Настало время. Ульдисиан улыбнулся ещё раз – и начал испускать. Свет осенил луга, джунгли – весь Санктуарий. Однако он не причинял вреда, а наоборот, заживлял. Он коснулся всех живых существ и вылечил всё от вреда, вызванного пришествием эдиремов и почти полным разрушением мира.

Затем Ульдисиан снова собрал его вместе и выплеснул за пределы, где он рассеялся во всех направлениях. Он почувствовал, что давление вновь нарастает – теперь в последний раз, – приготовил к этому мир и приготовился сам.

И когда это пришло, оно сопровождалось взрывом беспримесной энергии, которая встряхнула Санктуарий до его основания. Ульдисиан заревел – не из-за боли, но полнейшего экстаза от своей трансформации. Теперь он был не простым человеком, но чем-то, непостижимым даже для ангелов и демонов. На один миг он стал

Санктуарием и всем, что окружало его. Рядом с ним казался ничтожным Траг'Оул... Любое создание. Его сознание распространилось над его драгоценным миром, откуда он взглянул на него в последний раз.

Затем, завершая то, что должно было быть осуществлено, что он желал осуществить, Ульдиссиан уль-Диомед дал себе размяться повсюду; его отбытие из мира смертных повлекло восхитительную вспышку света, которая не могла напугать, но только обрадовать тех, кто был внизу.

Повлекло оно и изменение Санктуария, знал об этом кто-нибудь или нет.

Мендельн первым понял, что что-то не так. Вообще-то, для него это было так очевидно, что он удивился тому, что никто не закричал.

Луга были полностью восстановлены. Коричневые и зелёные стебли мягко колыхались под дуновением лёгкого ветерка. Мендельн осторожно повёл вокруг кинжалом и не нашёл в растениях никакой угрозы.

Но он обнаружил кое-что другое – причину молчания эдиремов. Они все замерли, словно статуи.

Хотя нет, не все. К нему шли два человека, которых ему было одновременно радостно и странно видеть.

Ахилий и Серентия – причём оба вполне себе из мира живых.

Они глядели на него с таким же изумлением, явно не представляя, что произошло не только со всем вокруг, но и с ними самими. Мендельн был уверен как минимум в причине последнего.

-Ульдиссиан,- сказал он им дрожащим голосом.- Ульдиссиан сделал это.

-Но как такое может быть?- спросил лучник, не в силах сдержать улыбку. Это был Ахилий, которого они все знали так хорошо, – даже дыра в его горле исчезла.- Как?

-Это вопрос, который даже они горячо обсуждают,- раздался голос Ратмы.

Они повернулись и увидели Древнего; тот осунулся и выглядел более соответственно своему возрасту. В его волосах имелись проседи, и морщины прочертили его некогда молодое лицо. В отличие от трио, Ратма отнюдь не выглядел радостным.

И когда их взгляд проследовал за его указывающим пальцем, они поняли, почему.

Пять крылатых фигур возвышались над миром, и такую силу они излучали, что всё прилетевшее войско в сравнении с ними казалось детьми.

-Совет Ангирис,- выдохнул сын Инария.- Ошибки быть не может. Отец говорил о них. Совет прибыл в наш мир.

Мендельн задрожал от такого зрелища:

-Но зачем?

Древний пристально взглянул на новоприбывших:

-Поскольку мы единственные незамороженные, нам и надлежит выяснить.

Он повёл их к ангелам, которые стояли полукругом. Когда четвёрка приблизилась, Мендельн начал слышать – и чувствовать – голоса.

Ещё более изумительным было то, что местность внезапно преобразилась. Она стала огромной залой из сверкающих кристаллов и алмазов, выдолбленной с совершенством, какое не под силу воссоздать ни одному смертному ремесленнику. Гигантские статуи других крылатых чемпионов нависали над внутренним убранством. Пол был составлен из самых замысловатых мраморных мозаик, узоры которых не имели смысла для Мендельна, но были бесконечно прекрасны и приковывали взор.

Но не менее прекрасны – и пугающи – были сами пятеро.

НЕТ НУЖДЫ ПРОДОЛЖАТЬ ЭТОТ СПОР... ЕГО ВООБЩЕ НЕ СТОИЛО НАЧИНАТЬ,- провозгласил величественный ангел в мантии благородного красного цвета и блистательном нагруднике, на котором сверкало изображение перевернутого меча. - КУРС ДЕЙСТВИЙ ОЧЕВИДЕН... ТО, ЧТО БЫЛО ПРЕТВОРЕНО В ЖИЗНЬ ПРЕДАТЕЛЕМ, ДОЛЖНО БЫТЬ УНИТЧОЖЕНО! ДАЙТЕ ВОЙСКУ ЗАКОНЧИТЬ НАЧАТОЕ, ДАЖЕ ЕСЛИ ДЛЯ ЭТОГО ПРИДЁТСЯ ПРОРВАТЬСЯ ЧЕРЕЗ СОТНЮ ДЕМОНИЧЕСКИХ ШЕРЕНГ!

РАЗВЕ НЕ СТОИТ СНАЧАЛА РАЗОБРАТЬСЯ С ОТСТУПНИКОМ, ИМПЕРИЙ?- спросил тот ангел, чья мантия

была мягко-голубой, и который был, судя по всему, женщиной. - А К ЭТОМУ ДЕЛУ ПРИСТУПИТЬ В СВОЕ ВРЕМЯ?

ДЕЛО ЗДЕСЬ ОДНО, - отрезал первый. Одна рука в перчатке потянулась к свободному пространству между ними, и внезапно Инарий, - оплетённый чёрными потоками энергии, - оказался на коленях перед Советом Ангирис. - САНКТУАРИЙ - ГРЯЗНОЕ ДЕЛО ЕГО РУК! ПРИГОВОРИШЬ ОДНО, И ПО ПРАВДУ ПРИГОВОРИШЬ ОБА, АУРИЭЛЬ!

Ангел-женщина отвергла этот аргумент. Она была наиболее оживлённой из пяти, и пока говорила, поворачивала голову к четырём остальным:

ВЫ ВСЕ УВИДЕЛИ ДОСТАТОЧНО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ЧТО ДЕТИ ИЗНАЧАЛЬНОГО ГРЕХА НЕ ТАКИЕ, КАК РОДИТЕЛИ... И НЕ МЕРЗОСТИ, КОТОРЫМИ МЫ ПОНАЧАЛУ СЧИТАЛИ ИХ.

-Где мы?- вдруг прошептала Серентия.

Ратма сначала знаком приказал ей замолчать, но потом тихо ответил:

-Мы одновременно в тех самых лугах, где были, и, если верить известным мне легендам, должно быть, в центральной зале собраний Совета в самом легендарном Серебряном граде! Совет судит наш мир, и я боюсь, что вердикт всё ещё может быть не в нашу пользу.

-После всего, что сделал Ульдисиан, результат ещё под вопросом?- опешил Мендельн. Не успев осознать, что делает, он зашагал к ангелам. - Да какое вы имеете право? Какая наглость! Мы не паразиты какие, чтобы нас убивать!

Империй с негодованием воззрелся на него:

И ВЫ НЕ АНГЕЛЫ, ЧТОБЫ ИМЕТЬ ПРАВО СТОЯТЬ ПЕРЕД СОВЕТОМ.

Мендельна отбросила назад невидимая сила. Он мог налететь на остальных, но Аурисель взглянула на него, и он мягко опустился на землю.

С КАКИХ ЭТО ПОР ВЫСОКОМЕРИЕ У НАС СЧИТАЕТСЯ ДОБРОДЕТЕЛЬНОЮ?- спросила она собрата. - ЭТИ СУЩЕСТВА ЗДЕСЬ ПО МОЕМУ УКАЗАНИЮ И ПОТОМУ, ЧТО ЗАСЛУЖИЛИ, СПАСИБО ИХ ТОВАРИЩУ, ПРАВО УСЛЫШАТЬ, КАКОЙ БУДЕТ СУДЬБА ИХ ДОМА.

Империй не ответил, но если бы у него было лицо, был уверен Мендельн, оно бы приняло негодующее выражение.

Ратма следующим вышел вперёд:

-Вы должны дать человечеству шанс. Они способны на множество чудесных вещей, только дайте им выжить! Они могут стать настоящей частью Баланса...

Я СКАЗАЛ, ПОРА ГОЛОСОВАТЬ, - громко произнёс Империй, совершенно игнорируя его.

ДА БУДЕТ ТАК, - отозвался одетый в серое ангел, по которому нельзя было разобрать, женщина это или мужчина. - ПУСТЬ ЭТО СВЕРШИТСЯ.

ПОДДЕРЖЕНО! - прогудел первый ангел победоносно. - ЗНАЧИТ, НАЧИНАЕМ! Я ГОВОРЮ, ЧТО ОТСТУПНИКА НУЖНО ЗАКЛЮЧИТЬ НАВЕКИ, А ЕГО ГНЕЗДО ДЕМОНИЧЕСКИХ ОТПРЫСКОВ - ИЗНИЧОЖИТЬ! - Империй вытянул кулак и повернул его книзу.

Мендельн начал было снова говорить, но понял, что это бесполезно. Ангелы не обращали на них внимания.

Аурисель поспешила отреагировать на голос Империя. Он повернула кулак вверх и добавила:

ДАДИМ ИХ ПОТЕНЦИАЛУ РАЗВИВАТЬСЯ... ИБО ДУМАЮ, ЧТО ОНИ МОГУТ ПОЛОЖИТЬ ВОЖДЕЛЕННЫЙ КОНЕЦ НАШЕЙ БОРЬБЕ! - ангелесса посмотрела на четвёртого члена совета, очень сухопарую фигуру в чёрной мантии и такого же цвета нагруднике. - А ТЫ ЧТО СКАЖЕШЬ, МАЛТАЭЛЬ? ТЫ СОГЛАСИШЬСЯ СО МНОЙ В ЭТОМ?

Заметная дрожь пробежала не только по Мендельну, но и остальным, когда ангел Малтаэль заговорил. Его голос пробудил в Мендельне страх смерти - вечной, пустой смерти.

КАКОВ БЫ НИ БЫЛ ВЫБОР, В КОНЕЧНОМ СЧЁТЕ ОН НЕ ИМЕЕТ ДЛЯ МЕНЯ ЗНАЧЕНИЯ... Я ВОЗДЕРЖУСЬ.

Ауриэль отклонилась назад – она явно была разочарована. Империй, в свою очередь, казался довольным. Именно он обратился к следующему, облачённому в серое ангелу, который заговаривал прежде:

ИТЕРАЭЛЬ, КАКОЙ ВЕРДИКТ ВЫНЕСЕШЬ ТЫ?

Последовала пауза, словно четвёртый ангел упорно обдумывал вопрос.

ОНИ – ПЛОД АНГЕЛОВ И ДЕМОНОВ, ПОСУЛ У НИХ СМЕШАН С ПОРОКОМ... ОСТАВЬ РАСТИ – И ОНИ МОГУТ СТАТЬ ГАЖЕ ВСЕГО, ЧТО ВОССТАЁТ ИЗ ПЫЛАЮЩЕГО АДА.

И ПОТОМУ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УНИЧТОЖЕНЫ!- не унимался Империй.

Итераэль поднял палец:

НО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ У НИХ ЕСТЬ ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛУЖЕНИЯ СВЕТУ... ПОТЕНЦИАЛ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ПРЕВЗОЙТИ НАШИ СОБСТВЕННЫЕ РОЛИ... И ПОТОМУ Я ГОЛОСУЮ ЗА ТО, ЧТОБЫ ИМ БЫЛ ДАН ШАНС.

Надежды Мендельна возросли. Мнения ангелов расходились. Даже если Тираэль – вот уж точно не друг людям – поступит предсказуемо и проголосует против них, голоса будут равны. Санктуарий выживет.

Четыре ангела посмотрели на последнего. Тираэль пристально вглядывался в согбенную фигуру Инария, словно не переставая о чём-то думать.

НУ, СТАРЫЙ ДРУГ?- спросил Империй.- ЧТО ВЫБЕРЕШЬ ТЫ, КТО ЛУЧШЕ ВСЕХ ВИДЕЛ НЕЧИСТУЮ ИХ СУТЬ? ПРОГОЛОСУЕШЬ ЛИ ТЫ ВМЕСТЕ СО МНОЙ И ПОЛОЖИШЬ КОНЕЦ ЭТИМ ГНУСНЕЙШИМ ИЗ ЧАДОРОДНЫХ ЗЕМЕЛЬ?

-О чём это он?- выпалил брат Ульдиссиана.- Голосов станет поровну!

Ратма был чернее тучи:

-Похоже, равное число означает, что нет решения в нашу пользу, а значит, не причин давать нам жить.

Мендельн не мог этого снести. Снова он осмелился выступить вперёд:

-Как вы так запросто можете обрекать нас? Вы зовёте себя служителями Света, и при этом так безжалостно казните всё, что не считаете достойным! Мой брат мог уничтожить вас всех, но не сделал этого. Он хотел только спасти свой дом и спасти свой народ, хоть это и стоило ему жизни.

Империй был готов снова убрать с глаз надоедливую букашку, но Тираэль заговорил, и его тон призвал всех к вниманию:

ЭТО ВОЙНА ИДЁТ ИСПОКОН ВЕКОВ, И СРЕДИ НАС НЕТ ТЕХ, КТО НЕ УСТАЛ... И ВСЁ ЖЕ МЫ ОТВЕЧАЕМ НА ПРИЗЫВ К БИТВЕ.

Остальные крылатые стражи кивнули.

Указывая на Инария, Тираэль продолжил:

ЭТО ОТСТУПНИК ПОДСТЕГНУЛ ДРУГИХ СОЗДАТЬ ТО, ЧЕГО НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ, ЧЕГО НИКОГДА НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ! ОН ВЫЗВАЛ НЕВОООБРАЗИМОЕ, И ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ТАМ, Я БЫ ПЕРЕБИЛ ВСЕХ, ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ ЭТОГО...

Они были обречены. Мендельн это понял. Теперь его единственной надеждой был Траг'Оул. Ну конечно, дракон сможет что-нибудь сделать. Мендельн попытался связаться с существом, но не нашёл его следов.

НО МЕНЯ ТАМ НЕ БЫЛО... КАК И НИКОГО ИЗ ВАС,- напомнил Тираэль собратьям.- И ДЕЛО РОСЛО... И РОСЛО... И СТАЛО ТЕМ, ЧЕГО НИКТО НЕ МОГ ПОСТИЧЬ, ЧЕГО НИКТО НЕ ОЖИДАЛ! ЭТО МЕСТО ПОД НАЗВАНИЕМ САНКТУАРИЙ УКРЫЛО ТЕХ, КОГО Я НИКОГДА НЕ ЛИЦЕЗРЕЛ, СУЩЕСТВ, КОТОРЫХ Я САМ НАЗВАЛ ОТРОДЬЯМИ!- прежде чем Империй смог прервать его, Тираэль добавил.- НО ОТРОДЬЯ НЕ ЧУВСТВУЮТ СТРАДАНИЙ, ОНИ НЕ СТОЯТ ДРУГ ЗА ДРУГА ВОПРОКИ ВСЕМУ И ОНИ НЕ... ОНИ НЕ... ПО СВОЕЙ ВОЛЕ... ИДУТ НА... ДА... ИДУТ НА ТАКУЮ ВЕЛИКУЮ ЖЕРТВУ РАДИ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ.

Мендельн ощутил, как в его товарищах воскресает надежда, даже в обыкновенно суровом Ратме. Можно ли было ожидать от Тираэля, из всех ангелов?

МЫ ИДЁМ НА ЖЕРТВЫ,- ответил Империй.- ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ЕГО ЖЕРТВА?

МЫ ИДЁМ НА ЖЕРТВЫ, ПОТОМУ ЧТО ДОЛЖНЫ... ПОТОМУ ЧТО ЭТО ЧАСТЬ НАШЕГО ПРИЗВАНИЯ! МЫ ДЕЛАЕМ ЭТО, ПОТОМУ ЧТО ЭТО НАШ ДОЛГ, И ТОЛЬКО ПОЭТОМУ! СМЕРТНЫЙ, УЛЬДИССИАН УЛЬ-ДИОМЕД... ОН РЕШИЛ САМООТВЕРЖЕННО ПОЖЕРТВОВАТЬ СОБОЙ, ПОТОМУ ЧТО ЗАБОТИЛСЯ О СВОИХ ТОВАРИЩАХ! ЭТО НЕ БЫЛ ЕГО ДОЛГ... НО ЕГО ЖЕЛАНИЕ,- Тираэль взглянул на каждого из остальных судей, в последнюю очередь – на Империя.- Я НАЗВАЛ ИХ ОТРОДЬЯМИ... И Я ОШИБСЯ! Я ОТДАЮ ГОЛОС ЗА НИХ... ИБО Я ВИЖУ, ЧЕМ ОНИ МОГУТ СТАТЬ... И ВОСТОРГАЮСЬ ЭТИМ.

Приложение величайших усилий потребовалось смертным, чтобы удержать внутри своё облегчение. Радость Мендельна умерил тот факт, что пятёрка по-прежнему вела себя так, будто дело не окончено.

ЗНАЧИТ, РЕШЕНО,- провозгласил Империй с лёгким оттенком горечи в голосе.- НО ЧТО ВЫ НАМЕРЕНЫ ПРЕДЛОЖИТЬ, ЧТОБЫ НЕ ДАТЬ ПЫЛАЮЩЕМУ АДУ РАСПРОСТРАНИНИТЬСЯ ПО МИРУ, КОТОРЫЙ ВЫ СПАСЛИ? НАМЕРЕНЫ ЛИ МЫ ОСТАВИТЬ ВОЙСКО ОХРАНЯТЬ ЭТОТ... ЭТОТ САНКТУАРИЙ?

Не успел он задать этот вопрос, как пронизывающий, берущий за душу смешок заставил всех оглянуться. Империй призвал огненный меч.

-Ох, советники, это мирный визит,- прохрипел голос, словно потревожили гнездо гадюк.- Мирный – если позволите.

Тогда их накрыла тень, тень такая тёмная, каких Мендельн никогда не видел. Вместе с ней пришло ощущение зла, которое напомнило брату Ульдиссиана о другом исчадии... О Лилит.

ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ ПЕРЕГОВОРЫ... ВЛАДЫКА МЕФИСТО?- спросила Ауриэль тень.- ТЫ... А НЕ ТВОЙ БРАТ?

Тень кое-как обрела высокую, жуткую форму, которая мгновенно навела Мендельна на мысль о морлу или, хуже того, об их мерзостном хозяине, Люционе, который, как и Лилит, был отпрыском неожиданного и ужасного гостя.

-Мой дорогой брат сейчас не в себе. И потому я, который к тому же старше, в самом деле предлагаю переговоры – и более того! Я предлагаю... Перемирие,- хотя Мефисто большей частью оставался скрыт тенью, как, по словам Ульдиссиана, это делал Дьябло, то, что проступало, заставляло трепетиться поджилки Мендельна.- Договор, разрешающий ситуацию, которую этот навлёк на нас.

Зелёная, чешуйчатая ладонь выступила из тени, обвинительно указывая на Инария. В ответ отступник ярко вспыхнул.

Империй перенял бразды беседы от Ауриэль:

И ЧТО ЗА ДОГОВОР ТЫ ПРЕДЛАГАЕШЬ?

Огромные острые зубы мелькнули там, где должна была находиться голова демона.

-Мы, как и вы, сделали неверные предположения об этом месте, неверные предположения о существах, порождённых обоими нашими видами.

Пылающий красный глаз материализовался и подмигнул Ауриэль, которая совершенно проигнорировала действие.

Со смешком Мефисто добавил:

-Но Санктуарий – гораздо большее, чем мы предвидели! Всё, что вы сказали, – правда, и мы дадим ему расти и посмотрим, к чему это приведёт – к добру ли, ко злу ли, только вмешиваться не стоит.

И МЫ ДОЛЖНЫ ДОВЕРИТЬСЯ ТВОЕМУ СЛОВУ,- усмехнулся Империй.

-Этот мир стоил мне детей, обоих детей, которые боролись за его выживание. Также и во имя их я бы хотел, чтобы он продолжал быть.

Самым странным, во всяком случае, для Мендельна, было то, что он поверил Мефисто. Во всяком случае, отчасти. Разумеется, единственной причиной, по которой Люцион и Лилит пытались сберечь Санктуарий и человечество, было последующее служение людей Пылающему Аду.

Но даже частичная вера демону пугала. Она указывала на незаметное воздействие несметной силы Мефисто.

Вот ангелы, судя по всему, не очень-то верили непрошеному гостю, но Тираэль вдруг встал рядом с Империем:

ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ПЕРЕМИРИЯ, ВЕРХОВНЫЙ ДЕМОН... ОСТАВИШЬ ЛИ ТЫ СВОЮ МЕТКУ ТАМ, ГДЕ Я УКАЖУ?

Мефисто, похоже, колебался.

-Укажи мне, и это случится – но только если я получу кое-что в ответ по праву справедливости, которой ты служишь.

Ангелы переглянулись. Империй кивнул Тираэлю.

ГОВОРИ, ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ,- сказал последний тёмной форме.

И снова когтистая ладонь устремилась вперёд и указала на узника:

-Его... Пусть тот, кто тысячу раз провинился перед вами, теперь ответит мне за мою потерю – и скрепит наше перемирие.

Инарий повёл себя странно, услышав это. Он засмеялся. Он громко смеялся до тех пор, пока Империй нетерпеливым взмахом руки не унял все звуки, исходящие от пленника.

ЕСЛИ МЫ ДАДИМ СОГЛАСИЕ, ТЫ ПОСТАВИШЬ СВОЮ МЕТКУ?- спросил заносчивый ангел.

-На глазах у всех – даже этих,- закончил владыка Мефисто, обратив красное око в сторону группы Мендельна.

Как только демон провозгласил это, зала пропала, и они снова очутились в Санктуарии, но немного в другом месте. Их окружали развалины Собора Света.

-Ангельский юмор,- усмехнулся Мефисто.

Империй указал на центр того, что, как понял Мендельн, было огромной залой, где Пророк, вероятно, читал массам свои проповеди:

ЗДЕСЬ, В ТОЧКЕ ПОТОКА! В ТОЧКЕ, ГДЕ ЭТОТ МИР БЫЛ СШИТ ВОЕДИНО... ТВОЯ МЕТКА.

Брат Ульдисиана думал, что верховный демон начертит огнём какой-нибудь символ, но Мефисто поднял руку туда, где мелькали его зубы, и укусил собственную конечность.

Чёрное вещество потекло из места укуса, и демон дал ему капать на точку, которую выбрали ангелы. Когда жидкость соприкоснулась с камнем, раздалось шипение и несколько красных рун внезапно материализовались над пятном. Они дважды повернулись кругом и впитались в то, что служило кровью Мефисто. Чёрное вещество растворилось.

От раны тоже не осталось и следа. Мефисто упрятал ладонь в тень.

-А теперь... Его черёд, не правда ли?

Члены Совета Ангирис все как один посмотрели вниз на Инария, который не переставал безумно хохотать.

ТЫ САМ НАВЛЁК НА СЕБЯ ЭТО, БРАТ...- провозгласил Тираэль.

Из тени вырвалось два десятка чернильных щупалец. Они охотно обвили вокруг мятежного ангела. Без усилий они потащили его обратно во тьму.

Исполненным довольства голосом Мефисто прошептал:

-А пещера и находка внутри?

Империй дёрнулся, словно рассердился. Тираэль ответил:

ПО ПОВОДУ ТОГО, ЧТО ДЕЛАТЬ С ЭТИМ, ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАКЛЮЧЁН ОТДЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР.

-Согласен,- око снова обратилось к людям и Ратме.- А теперь?

Ахилий потянулся за ножом. Серентия крепко стиснула копьё, и даже Мендельн опустил руку к кинжалу. Ратма стоял, не шелохнувшись.

Вмешалась Ауриэль.

ВО ИМЯ ЕГО ЖЕРТВЫ ИМ ДОЛЖНО БЫТЬ ДОЗВОЛЕНО ПОМНИТЬ.

НЕ БЫВАТЬ ЭТОМУ,- объявил Империй.

-Нет,- согласился Мефисто, которому, похоже, доставило удовольствие наблюдать реакцию Империя, когда тот осознал, что они сошлись во мнении.- Этот перворождённый,- добавил он, подразумевая Ратму,- и ему подобные пусть помнят, ведь их мало и их время ушло. А вот остальные... Если им дано расти, то пусть растут с самого начала.

ОН ПРАВ,- отозвался Итираэль с заднего ряда.

Ауриэль собралась спорить, но её товарищи явно сходились во мнении.

ОНИ ДОЛЖНЫ НАЧАТЬ ЗАНОВО,- согласился Тираэль.

-Они планируют заставить нас всё забыть,- выдохнула Серентия.- Они планируют отнять у нас наши силы и память об Ульдиссиане!

-Так нельзя!- добавил Ахилий.

Мендельн лишь стиснул кинжал в ожидании того, чего он и его друзья не могли предотвратить. Однако в голове в это время он рисовал брата и непрерывно повторял имя Ульдиссиана.

НАЗАД К ИСТОКАМ,- твердил Тираэль.- ТАМ МЫ ПРЕДОСТАВИМ ИХ СВОЕЙ СУДЬБЕ, БУДЬ ТО ДОБРО ИЛИ ЗЛО, И ТАК БУДЕТ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ДЕРЖИТСЯ ПЕРЕМИРИЕ.

-До тех пор, пока оно держится,- повторил Мефисто.

Мендельн подскочил – верховный демон отвлек его от стремления сберечь память об Ульдиссиане. Мефисто уже замышляет обойти договор. Если ему это удастся...

Прежде чем Мендельн успел отреагировать как-либо ещё, Тираэль воздел ладонь над троими людьми.

О НЁМ БУДУТ ПОМНИТЬ,- сказал Ангел Справедливости им... Но обращался он конкретно к Мендельну.- БУДУТ.

Изумительный белый свет объял их.

Глава двадцать третья

Эпидемия была ужасной – когда она прошла, то забрала отца Серентии и некоторых других, в том числе проповедников какой-то безымянной секты. Путешественники, побывавшие в более крупном городишке под названием Парта, рассказали, что там она свирепствовало особенно сильно: почти половина населения погибла, их тела были сожжены. Другим местностям повезло больше, и, судя по тому, что разузнали старейшины, кризис миновал.

Мендельн пришёл на торговую станцию как раз вовремя, чтобы застать там Ахилия с кипой зайцев, которых ему позволило изловить его исключительное умение. Охотник начал ему улыбаться, но улыбка замерла на устах, когда он обратил внимание на лошадь, на которой ехал его друг, и навьюченного мула позади.

-Ты сказал, что собираешься сделать это... И, видимо, не шутил.

-Да. Ферма распродана, и всё, что имею, я взял с собой,- Мендельн взглянул за плечо собеседника – туда, где Серентия отчитывала крепкого мальчугана. Хотя и не уступала в проворстве братьям, ей всё же непросто было держать их в узде.

Она перестала выговаривать брату и повернулась к двум мужчинам. Когда она подбежала к ним, лицо черноволосой женщины приняло такое же выражение, как у её новоиспечённого мужа.

-Ты уезжаешь! Ох, Мендельн, как же так!

Он собрался с духом.

-После того, как Ульдиссиан умер от эпидемии, у меня нет желания оставаться на ферме... И оставаться в Сераме я не могу – воспоминания слишком свежи.

Со щеки Серентии покатились слезы, но она кивнула. Ахилий опустил на землю свою добычу и положил руку ей на плечо.

-Пошли нам весточку, как сможешь,- пробормотал Ахилий, прекрасно зная, что, вероятно, они никогда не услышат о нём снова. Мир огромен; два дня пути – и связаться с Серамом будет практически невозможно.

-Постараюсь,- с кивком ответил Мендельн. Он даже спешиваться не стал – хотел покончить со всем, прежде чем сдадут его нервы.

Серентия подошла сбоку и взяла его за руку, Ахилий присоединился к ней.

-Пусть ваша жизнь будут простой и счастливой,- добавил брат Ульдиссиана.

-Здесь, в Сераме, с простотой проблем не будет,- усмехнулся Ахилий. Он снова обнял новоиспечённую жену. – А в моём случае – и со счастьем!

Она слегка поцеловала лучника, и они в последний раз пожали руку Мендельну. Сын Диомеда развернул лошадь к лесу.

-Собираешься ехать старым охотничьим путём?- спросил Ахилий.

-Да... Парта так пострадала, что я намерен держаться подальше, хоть они и говорят, что угрозы эпидемии больше нет.

-Ну и правильно. Ну что ж, прощай!

-И вы прощайте.

Пара махала ему вслед. Мендельн удерживал на них взгляд, сколько мог... А когда это стало невозможно, подстегнул лошадь и мула, добившись быстрее хода, на какой они были способны.

Охотничий путь был старым маршрутом, который в полумиле от Серама превращался в густой лес. Ахилий предположил, что Мендельн последует логике и свернёт к югу, когда это случится, ибо на востоке и севере его животным будет трудно пройти. Тем не менее, когда достиг конца пути, Мендельн остановился и пристально взглянул на деревья прямо по курсу.

По коротком размышлении он достал из-под полы своего дорожного плаща костяной кинжал.

-Я уже здесь.

Оглянувшись, брат Ульдиссиана увидел Ратму стоящим на стволе поваленного дерева. У закутанной фигуры всё ещё имелись проседи в волосах и морщины на лице, заработанные в битве, но в целом он остался таким, каким Мендельн помнил его.

-Спасибо за то, что сохранил мою память,- сказал он Древнему.

-Мне это было не под силу. Траг сделал это.

Мендельн кивнул.

-Он в порядке?

-Он всё ещё в раздражении оттого, что ему пришлось укрывать себя, пока ангелы и демоны обсуждали конец Санктуария, но в остальном – в порядке. Да, он восстановил силы, что бросил на попытку удержать войско в стороне от мира. Ещё он сожалеет о твоей потере, но воздаёт хвалу решению Ульдиссиана... Как и я.

Крепко стиснув кинжал, Мендельн пробормотал:

-Я видел это, Ратма. Он позволил мне. Я видел, как он вложил всё, что и имел, и всё, чем был, в то, что за пределами Санктуария! Я видел, что в конце он был счастлив, потому что знал, что становится частью чего-то... Чего-то прекрасного. Прости, что не могу объяснить лучше, но мне самому до конца не понять!

Ратма спустился со ствола.

-Не беспокойся. Я знаю не больше твоего. Траг понимает гораздо больше, но, очевидно, даже я не подготовлен, чтобы услышать. Будем учиться вместе, а?

Ещё как будете,- донёсся голос дракона.- Ещё как будете, Мендельн уль-Диомед.

Мендельн покачал головой:

-Я устал от себя. Я умер, когда умер последний член моей семьи. Я умер, когда умер Ульдиссиан. Зовите меня как угодно, но только не так.

-Мендельн...- Ратма выглядел негодующим.

Он так хочет... Что ж, если он желает другое имя, у меня есть одно – надеюсь, достойное его.

Мендельн не мог не быть заинтригован. В конце концов, дракон переименовал сына Инария и Лилит из Линариана в Ратму.

-Какое?

Я бы назвал тебя Калан. На языке таких, как я, это означает «учитель», ибо ты поднялся слишком высоко, чтобы мне называть тебя учеником... И мы нуждаемся в тебе, чтобы показывать другим истину Баланса.

Мендельн не знал, что сказать. Он чувствовал, что во многом это был путь, каким можно было воздать честь Ульдиссиану и защитить мир от предательства демонов... И ангелов.

-За поддержание Баланса должно сражаться больше людей,- сказал ему Ратма.- В Балансе – вся надежда Санктуария. Когда настанет день возвращения эдиремов, они не должны встать ни на одну сторону, ибо в этом случае человечество станет всего лишь её придатком и умрёт во имя её целей. Сохраним человечество в равновесии между двумя сторонами, и оно станет хозяином своей судьбы.

В чём и состоит намерение...

Оба мужчины взглянули на небо.

-Что ты подразумеваешь под этим, Траг?- спросил Ратма, который казался таким же сбитым с толку, как и Мендельн.

Но дракон не ответил. В конце концов Ратма снова повернулся к брату Ульдиссиана:

-Нужно тебе ещё кое-что показать. Джунгли Кеджана богаты магическими силами, которые послужат лучшим

побуждением для учения тебе и твоим ученикам. Траг перенесёт нас туда.

-А потом?

-А потом я подготовлю тебя к своему уходу. Время нефалемов, как они сказали, давно позади. Один за другим я и мои собратья перестанем быть. Нас меньше даже, чем было до битвы,- он отмахнулся от любых вопросов о подобных ему.- Будущее – вот что важно. Тебе нужно будет учить столько, сколько станут слушать. Трое эдиремов, с которых ты начал, должны быть призваны первыми, хотя они и не вспомнят того, что было. Эта ноша возложена целиком на тебя.

Мы сможем продолжить говорить об этом, когда он успокоится и будет готов,- внезапно сказал Траг'Оул.

Ратма слегка поморщился.

-В таком случае, раз ты так нетерпелив, извечный, было бы лучше, если бы ты перенёс нас туда как можно быстрее,- сказал Древний и добавил, обращаясь к сыну Диомеда.- Твои пожитки тоже переместятся. Животные вернутся в стойла твоих друзей, никто не заметит перемены.

-Им не привыкать не замечать.

Закутанная фигура хмыкнула.

-В тот раз ничего нельзя было поделаться... Но будущее будет другим. Уж мы за этим приглядим.

Но прошлое не могло быть забыто. Мендельн – нет, Калан – был нацелен проследить за этим. В его планах уже было запечатлеть в пергаменте и на камне всё, что он помнил, хотя бы уже ради тех, кто следовал его путём. Мир не имел права забывать урока Ульдиссиана и надежды, которую даровала ему его жертва.

-Отправляемся,- внезапно потребовал он от дракона.- Чем скорее я начну, тем лучше.

Ратма наградил его редкой ухмылкой. Траг'Оул – чувством надежды.

Приготовься,- предупредил Траг'Оул.

Калан крепче стиснул кинжал, но его мысли были не с заклинанием, при помощи которого Траг'Оул должен был перенести их на сотни миль. Они были с Ульдиссианом.

«Ты дал нам шанс на будущее, брат... И приди Высшее Небо и Пылающий Ад, мы должны позаботиться о том, чтобы мы были его кузнецом, а не кто другой».

И как только подумал это, как только окружающий его лес исчез, Калану показалось, что он мельком увидел фигуру – человека, который выглядел, как фермер, но в действительности был куда большим. Фигура продержалась не больше мгновения ока и, скорее всего, была всего лишь плодом воображения Калана, но всё равно при виде её у брата возросла надежда.

Эдиремы восстанут вновь – и, благодаря жертве Ульдиссиана, на этот раз – как сами себе хозяева.

Конец

Об авторе

Ричард Кнаак родился 28 мая 1961 года в Чикаго, в настоящее время часть времени проводит в Чикаго, часть – в Арканзасе. Учился на факультете химии в университете штата Иллинойс, но перевёлся на риторику и закончил со степенью бакалавра. Публикуется с 1987 года, его работы переведены на немецкий, итальянский, французский, датский, японский, испанский, польский, финский, чешский, венгерский, турецкий и русский языки.

Впервые начал интересоваться и читать фэнтези и научную фантастику, когда ему попала в руки книжка «Буря над чародеем» Андре Нортон. Прочитав её запоем, он перешёл к «Созданиям света, созданиям тьмы» и «Хроникам Амбера» Роджера Желязны, а потом к рассказам о Марсе Эдгара Райса Берроуза. Наряду с Эдгаром Аланом По Кнаак считает этих авторов наиболее повлиявшими на его творчество. Его другие любимые писатели: Глен Кук, **Лайон Спрэг де Камп**, **Лоуренс Уотт-Эванс**, **Гарри Тартлдав**, **Дженнифер Робертсон**, **Лорел Гамильтон**, **Гарри Гаррисон** и **Роберт Сойер**.

Ричард Кнаак – самый продаваемый автор по версии New York Times, написавший несколько десятков романов, в том числе трилогию «Война Древних» по вселенной Warcraft и «Легенду о Хуме» по вселенной Dragonlance. Не новичок в мире Diablo, помимо саги «Война Греха» он написал три отдельных романа по миру, включая «Луну Паука». Другие его работы включают его собственную серию Dragonrealm, «Войны минотавров» по Dragonlance, трилогию «Век Конана» и «Трилогию солнечного родника» - первую мангу по Warcraft.

Связаться с Ричардом можно через его веб-сайт: <http://www.richardaknaak.com>. Хотя он и не может ответить на каждое электронное письмо, он читает их. Подпишитесь на его рассылку уведомлений о выходящих книгах и появлениях на публике.

Только для ознакомительного чтения. Все права на книгу принадлежат её автору и компании Blizzard Entertainment.

Подготовил ExileLiNk(exilejude), специально для сайта:

<http://indiablo.ru/>

Автор перевода: D@mmу

2012